

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2024 Том 29, №4

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2024

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО
«Алтайский государственный университет»

Главный редактор: П. К. Дашковский, доктор
исторических наук (Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук,
академик АН Азербайджана (Азербайджан, Баку)

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

С. Д. Атдаев, кандидат исторических наук
(Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук
(Кыргызстан, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук
(Болгария, София)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

З. С. Самашев, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

М. Гантуяа, Ph. D. (Монголия, Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук (Япония,
Токио)

Е. Смоларц, Ph. D. (Германия, Бонн)

Х. Омархали, доктор философских наук
(Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

Н. Н. Крадин, доктор исторических наук,
академик РАН (Россия, Владивосток)

С. А. Васютин, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук
(Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия,
Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия,
Барнаул)

А. В. Поляков, доктор исторических наук
(Россия, Санкт-Петербург)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук
(Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук
(Россия, Санкт-Петербург)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 312,
Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России,
национальных и государственно-конфессиональных отношений.

О. М. Хомушку, доктор философских наук
(Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук
(Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук (Россия,
Москва)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук
(Россия, Томск)

А. Г. Ситдииков, доктор исторических наук
(Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, доктор исторических наук
(Россия, Улан-Удэ)

К. А. Колобова, доктор исторических наук
(Россия, Новосибирск)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат
исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия,
Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор
культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия,
Казань)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия,
Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия,
Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических
наук (Россия, Оренбург)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук (Россия,
Челябинск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук
(Россия, Новосибирск)

А. В. Бауло, доктор исторических наук (Россия,
Новосибирск)

И. И. Юганова, доктор исторических наук
(Россия, Москва)

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2024 Vol. 29, №4

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2024

The journal was founded in 2007
by the Altay State University

Executive Editor:

P.K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

International Council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences,
academician of the Academy of Sciences of
Azerbaijan (Azerbaijan, Baku),
A. S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)
S. D. Atdaev, candidate of historical sciences
(Turkmenistan, Ashgabat)
N. I. Osmonova, doctor of philosophical sciences
(Kyrgyzstan, Bishkek)
Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bulgariy,
Sofiy)
Z. S. Samashev, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)
A. M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)
M. Gantuya, Ph. D. (Mongolia, Ulaanbaatar)
Y. Ikeda, doctor of Humanities (Tokyo, Japan)
E. Smolarts, Ph. D. (Germany, Bonn)
Kh. Omarkhali, doctor of philosophy (Germany,
Berlin)

Editorial Team:

N. N. Kradin, doctor of historical sciences,
Academician of the RAS (Russia, Vladivostok)
S. A. Vasyutin, doctor of historical sciences (Russia,
Kemerovo)
N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)
A. P. Zabiyaiko, doctor of philosophical sciences
(Russia, Blagoveshchensk)
A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia,
Barnaul)
N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia,
Omsk)
A. V. Poyakov, doctor of historical sciences (Russia,
Saint-Petersburg)
T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences
(Russia, St. Petersburg)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. The magazine is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications. Registration certificate PI No ФC 77-78911. Registration date 07.08.2020.

Editorial Office Address: 656049, Altai Region, Barnaul, Dimitrova St, 66, Office 312, Altai State University, Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations.

O. M. Khomushku, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical
sciences (Russia, St. Petersburg)

E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences
(Russia, Moscow)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia,
Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences (Russia,
Kazan)

M. M. Sodnompilova, doctor of historical sciences
(Russia, Ulan-Ude)

K. A. Kolobova, doctor of historical sciences (Russia,
Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), candidate
of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

L. N. Ermolenko, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)

Yu. A. Lysenko, doctor of historical sciences (Russia,
Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia,
St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor
of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. V. Gorbatov, doctor of historical sciences (Russia,
Kemerovo)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia,
Kazan)

A. K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia,
Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, doctor of historical sciences
(Russia, Orenburg)

A. D. Tairov, doctor of historical sciences (Russia,
Chelyabinsk)

D. V. Papin, candidate of historical sciences (Russia,
Novosibirsk)

A. V. Baulo, doctor of historical sciences (Russia,
Novosibirsk)

I. I. Yurganova, doctor of historical sciences (Russia,
Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2024 Том 29, № 4

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Дьякова О. В.</i> Классификация и хронология северо-западной группы мохэских памятников бассейна Раздольной в Южном Приморье.....	7
<i>Кожевникова Д. В.</i> Проблема функционального назначения костяных «игольников» на примере трубчатых костей лебеда из погребения № 12 Серовского могильника (неолит, Прибайкалье, раскопки А. П. Окладникова)	24
<i>Колобова К. А., Харевич А. В. Бочарова Е. Н., Павленок Г. Д., Жданов Р. К., Кривошапкин А. И., Мухтаров Г. А., Худжагелдиев Т. У.</i> Кареноидная технология в верхнем палеолите запада Центральной Азии: конвергентное развитие или трансфер культурных традиций.....	41
<i>Григорьев С. А.</i> Природные катастрофы как маркеры хронологии китайских династий и возможности для связи с хронологией Евразии в бронзовом веке	58
<i>Цыбиктаров А. В.</i> Плиточные могилы и херексуры могильника Старая Капчеранка I в свете относительной и абсолютной хронологии памятников культуры плиточных могил и культуры херексуров	79

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Курбанова З. И.</i> Текстильные традиции каракалпаков: курақ и жыртгыс в семейных обрядах.....	107
<i>Зинченко А. В.</i> Формирование чайного комплекса «Семь ритуалов» и система наставничества в японской чайной школе Омотэ-сэнкэ	125
<i>Ожередов Ю. И.</i> Палеоселькупы шиешгула и селькупы шёшкуп. Аспекты погребальных церемоний по данным археологии и этнографии	141
<i>Щеглова Т. К.</i> Коммуникация депортированных немцев и власти в поисках гражданского согласия и этнической идентичности в 1950–1970-е гг.	164

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Забяко А. П., Ван Цзюньчжэн.</i> Буддизм в государстве Цзинь: границы распространения буддизма на территориях чжурчжэней (в бассейне Амура).....	188
<i>Дашковский П. К., Бичелдей У. П., Монгуш А. В.</i> Положение буддийских общин в Туве в системе государственно-конфессиональных отношений СССР в середине 1950-х гг.	211
<i>Долин В. А.</i> Критика экономических привилегий Грузинской православной церкви в дискурсе либерализации государственно-конфессиональных отношений в Грузии	234

ДЛЯ АВТОРОВ	251
--------------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2024 Vol. 29, № 4

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

- Dyakova O.V.* Classification and chronology of the northwestern group of Mohei monuments of the Razdolnaya basin in Southern Primorye 7
- Kozhevnikova D.V.* The problem of functional determination of bone “needle cases” — case of swan long bones from the grave no. 12 in the Serovsky burial (Neolithic, Cis-baikal, excavations by A. P. Okladnikov)..... 24
- Kolobova K.A., Kharevich A.V., Bocharova E.N., Pavlenok G.D., Zhdanov R.K., Krivoshapkin A.I., Muhtorov G.A., Khudzhageldiev T.U.* Carinated technology in the upper palaeolithic of west Central Asia: convergent evolution or cultural transfer 41
- Grigoriev S.A.* Natural disasters as benchmarks of the chinese dynasties chronology and opportunities for connection with the chronology of Eurasia in the bronze age 58
- Tsibiktarov A.D.* Slab graves and khereksures of the staraya kapcheranka i burial ground in light of the relative and absolute chronology of the monuments of the slab grave culture and khereksur culture..... 79

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

- Kurbanova Z.I.* Textile traditions of Karakalpaks: quraq and zhyrtys in family rites..... 107
- Zinchenko A.V.* The formation of the “Seven Rituals” tea complex and the mentorship system in the Japanese tea school Omotesenke 125
- Ozheredov Yu.I.* Paleoselkupy “shieshgula” and selkup shoshkup. Aspects of funeral ceremonies according to archeology and ethnography..... 141
- Shcheglova T.K.* Communication of german deportees and authorities in pursuit of civil consent and ethnic identity in the years 1950–70-ths 164

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS FOR AUTHORS

- Zabiyako A.P., Wang Junzheng.* Buddhism in the Jin Empire: the boundaries of the spread of Buddhism in the jurchen territories (in the Amur River basin) 188
- Dashkovskiy P.K., Bicheldey U.P., Mongush A.V.* The position of Buddhist communities in Tuva in the system of state-confessional relations of the USSR in the mid-1950s. 211
- Dolin V.A.* Criticism of the economic privileges of the Georgian orthodox church in the discourse of liberalization of state-confessional relations in Georgia..... 234
- FOR AUTHORS**..... 251

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК:930.26:008 (571.63)

DOI 10.14258/10.14258/nneur(2024)4-01

О. В. Дьякова

---

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток (Россия)*

КЛАССИФИКАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ГРУППЫ МОХЭСКИХ ПАМЯТНИКОВ БАССЕЙНА РАЗДОЛЬНОЙ В ЮЖНОМ ПРИМОРЬЕ

В статье на основе полевых и архивных источников предлагается картирование, классификация и датировка памятников северо-западной группы мохэских памятников бассейна Раздольной, являющейся связующей водной артерией Маньчжурии и Приморья. Мохэские памятники представлены тремя типами: селища (поселение), городища и могильники. Появление на мохэских памятниках керамики польцевско-го типа железных ножей с прямой спинкой, плоских наконечников стрел указывают на контакт польцевцев и мохэсцев, в результате которого сформировался синкретичный и самый ранний в мохэской культуре благословеннинский локальный вариант. Выявлены датирующие артефакты: чернёные круговые сосуды династий Восточной Цзинь (317–371 гг.), Суй (589–618 гг.), встреченные на могильнике Чернятино 5, городище Синельниково-1, а также сосуды с косым устьем (со сливом), зафиксированные на мохэских памятниках, согласно ^{14}C в V в. н. э. В Китае сосуд с косым устьем использовался в культуре тунжэнь для вычерпывания воды из лодки. В Приморье и Приамурье сосуды с косым устьем впервые появляются с приходом мохэсцев. Они являются индикаторами изменения формы хозяйства мохэсцев и фиксируют начало перехода от кочевнической формы хозяйства к охоте, собирательству и рыболовству с использованием лодки. Неизбежность данного перехода обусловлена новыми геофизическими условиями — горно-таёжная зона и магистральные реки, по которым осуществлялось освоение территорий. Новая форма хозяйства появилась у мохэсцев, хозяйство которых базируется на рыболовстве, охоте и собирательстве, в V в. и сохраняется у тунгусо-маньчжуров вплоть до современности.

Ключевые слова: Приморье, Раздольная, поселения, укрепления, некрополь, датировка, мохэская культура, польцевская, Чернятино 5, Синельниково 1, благословеннинский, найфельский вариант

Для цитирования:

Дьякова О. В. Классификация и хронология северо-западной группы мохэских памятников бассейна Раздольной в Южном Приморье // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 4. С. 7–23. DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–01.

O. V. Dyakova

---

*Institute of History, Archaeology and Ethnology Far-Eastern Branch of the RAS,
Vladivostok (Russia)*

CLASSIFICATION AND CHRONOLOGY OF THE NORTHWESTERN GROUP OF MOHE MONUMENTS OF THE RAZDOLNAYA BASIN IN SOUTHERN PRIMORYE

Based on field and archival sources, the article proposes mapping, classification, and dating of monuments of the northwestern group of Mohe settlements of the Razdolnaya basin, which is the connecting waterway of Manchuria and Primorye. Mohe settlements are represented by three types: villages (settlements), hillforts, and burial grounds. The appearance of Polzevska-type ceramics, straight-backed iron knives, and flat arrowheads in Mohe settlements indicate contact between the Polzevska and Mohe culture, as a result of which a syncretic earliest blessed local variant in the Mohe culture was formed.

Dating artifacts have been identified: black pottery vessels of the Eastern Jin dynasties (317–371), Sui (589–618), found at Chernyatino 5, Sinelnikovo-1, as well as vessels with an oblique mouth (with a drain), fixed on Mohe monuments, according to ^{14}C , in the fifth century AD. A vessel with an oblique mouth (with a drain) in China in the Tunschen culture was used to rescue water from a boat. In Primorye and the Amur region, vessels with an oblique mouth first appeared with the arrival of the Mohe. They are indicators of a change in the form of farming among the Mohe and record the beginning of the transition from a nomadic form of farming to fishing using a boat. The inevitability of this transition is due to new geophysical conditions — the mountain taiga zone and the main rivers through which the territories were developed. A new form of economy appeared among the Mohe in the fifth century and persists among the Tunguso-Manchus until modern times, whose economy is based on fishing, hunting, and gathering.

Keywords: Primorye, Razdolnaya, settlements, fortifications, necropolis, dating, Mohe culture, Poltsevskaia, Chernyatino 5, Sinelnikovo 1, blagoslovenninskii, Naifelskii variant

---

For citation:

Dyakova O. V. Classification and chronology of the northwestern group of Mohei monuments of the Razdolnaya basin in Southern Primorye. *Nations and religions of Eurasia*. 2024. Vol. 29, No4. P. 7–23 (in Russian). DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–01

Дьякова Ольга Васильевна, доктор исторических наук, заведующая лабораторией археологии Приамурья, профессор, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток (Россия). **Адрес для контактов:** emelianova49@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5306-2390>

Dyakova Olga Vasilievna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department Laboratory of Archeology of the Amur Region at the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East. Far Eastern Division, Vladivostok, (Russia). **Contact address:** emelianova49@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5306-2390>

Введение

Появление на Дальнем Востоке мохэской культуры, являющейся праmaterью тунгусо-маньчжурских этносов, связано с эпохой великого переселения народов. Будучи вытолкнутыми из недр Азии — Внутренней Монголии — её носители, потомки одной из ветвей племён ранних сяньби, распространились по обширной территории — Северо-Востоку Китая (Дунбэй), Приамурью, Приморью России с выплесками на о. Сахалин, Северо-Восток Корейского полуострова, о. Хоккайдо Японии. Культура датирована I тыс. н. э. [Окладников, 1959: 184; Деревянко, 1975: 87; Дьякова, 1984: 72–76; Дьякова, 1993:60–88].

При очевидной исторической значимости мохэской культуры в Приморье она изучена слабо. Причины вскрывает логика истории исследования культуры. В 1953 г. А. П. Окладников обнаруживает многослойный памятник Осиновка, верхний слой которого определяет как мохэский, впервые употребив такое название для Приморья [Окладников, 1959: 184]. Но идею мохэской культуры как базы, на которой в регионе вызревает дальнейшая этнокультурная и политическая ситуация, разделяли ученые в Новосибирске, но прохладно встретили во Владивостоке. Не была воспринята суть культуры, а в качестве альтернативы «мохэской и польцевской культурам Амура» для Приморья предложены суйфунская и ольгинская [Андреева, 1970: 142]. Однако обе эти культуры не прошли проверку временем. Оказалось, что суйфунская и ольгинская культуры содержат польцевские материалы, что выявила позднее Ж. В. Андреева [Андреева, Пискарева, 2020: 55].

Внимание владивостокских медиевистов было приковано к памятникам государств Бохай (698–926) и Восточное Ся (1215–1234). В результате этнокультурная ниша, предназначенная для аборигенных народов средневекового догосударственного периода, оставалась в Приморье длительное время незаполненной. С точки зрения теории археологии проблема сложившейся ситуации заключается в методологическом подходе.

Произошло смещение понятий «археологическая», «государственная», «этническая» культуры. В Приморье они используются как синонимы. Примером тому служат бохайская и чжурчжэньская (приморская) культуры. Если это археологические единицы, то время их существования не может ограничиваться рамками функционирования государств — культуры существовали до их создания и после их гибели. Следовательно, археологам логичнее вести речь о мохэской культуре в эпоху Бохай, Цзинь, Юань, тогда исчезли бы лакуны, образовавшиеся в результате изучения культур по государственному принципу. Промежуток между Бохаем (698–926 гг.) и Цзинь (1115–1234 гг.) составляет 189 лет, и, как свидетельствуют письменные источники, аборигенные племена продолжали существовать в это время на той же территории. В настоящее же время связь этих периодов по археологическому материалу не установлена.

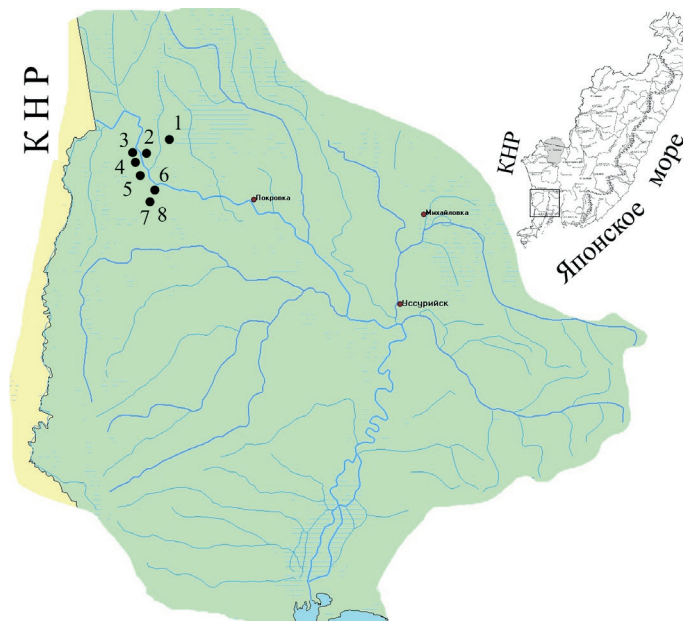

Рис. 1. Карта мохэских памятников северо-западной группы мохэских памятников бассейна Раздольной в Южном Приморье: 1 — Укрепление Новогоргиевка 3; 2 — укрепление Таловское (Новогордеевка-2); 3 — поселение Константиновское-1; 4 — селище Константиновское; 5 — селище Константиновское-2; 6 — городище Синельниково-1; 7 — могильник Чернятино-5; 8 — Чернятино-2

Fig. 1. Map of the Mohe monuments of the northwestern group of Mohe monuments of the Razdolnaya basin in Southern Primorye: 1 — Novogeorgievka fortification 3; 2 — Talovskoye fortification (Novogordecka-2); 3 — Konstantinovskoye-1 settlement; 4 — Konstantinovskoye settlement; 5 — Konstantinovskoye-2 settlement; 6 — Sinelnikovo settlement-1; 7 — Chernyatino burial ground-5; 8 — Chernyatino-2

Для решения данной проблемы автором статьи разработан код мохэской культуры и трехчленная структура признаков (аборигенные, государственные и эпохальные), по-

зволяющие выявлять этническую основу, определять момент вхождения культуры в государство, время функционирования и политико-торгово-военные контакты [Дьякова, 1993: 31–32; 1998: 317; 2014: 31–35]. Без разработки внутренней и внешней хронология мохэских памятников, определения времени их появления на территории, путей расселения (или переселения), выявления первых контактов мохэцев с носителями польцевской культуры невозможно установить формирование нового этнокультурного ландшафта [Дьякова, 1998: 45–190]. Ответ на эти вопросы способны дать только стационарно раскопанные памятники. В настоящее время на юге Приморья этим требованиям отвечают три памятника: поселение Константиновское-1, могильник Чернятино 5, городище Синельниково-1. Они расположены в северо-западной части бассейна Раздольной, истоки которой находятся в провинции Хэйлунцзян на северо-востоке КНР, где эта река образуется от слияния рек Сяосуйфыньхэ (169 км) и Дасуйфыньхэ (148 км) и служит естественной и самой удобной транспортной артерией из Маньчжурии к берегам Японского моря (рис. 1, 2).

Рис. 2. Река Раздольная (фото из свободных ресурсов интернета)

Fig. 2. Photo of the Razdolnaya (photos from free Internet resources)

Анализ выявленных мохэских памятников осуществлялся методами картирования, классификации, перекрестной датировки по радиоуглеродному анализу (^{14}C), аналогиям, монетам. Этнокультурный код средневековых тунгусо-маньчжуров (мохэская, бохайская, чжурчжэньская (амурская) культуры) включает: лепные сосуды мохэского типа (вазы, горшки, банки с наклепным валиком под венчиком), комбинированные серьги, пояса амурского типа, железные ножи с выделенной рукоятью, каркасно-столбовые подпрямоугольные полуземлянки с квадратным очагом в центре (рис. 3). Локально-хронологические варианты культуры различаются по набору форм сосудов, орнаментации и технологическим характеристикам.

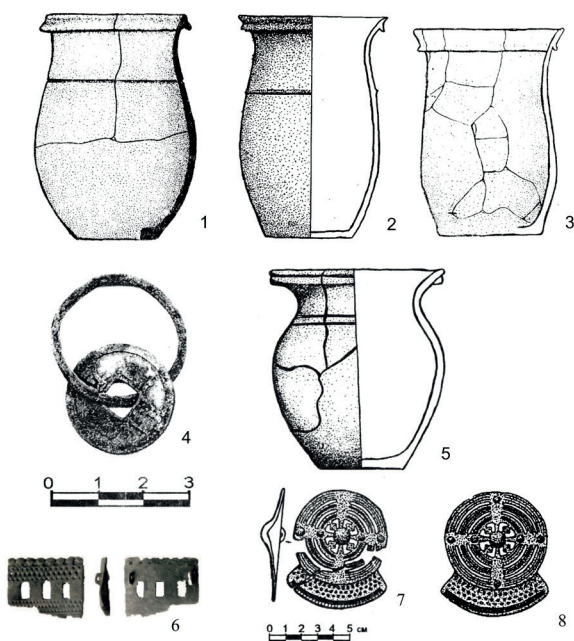

Рис. 3. Индикаторы мохэской культуры: 1–3, 5 – сосуды мохэского типа; 4 – комбинированная серьга; 6–8 – бронзовые бляхи амурского типа
 Fig. 3. Indicators of the Mohe culture: 1–3, 5 – vessels of the Mohe type; 4 – a combined earring; 6–8 – bronze plaques of the Amur type

В декоре и технологии изготовления посуды благословеннинского и найфельдского вариантов фиксируются керамические традиции польцевской культуры, проявляющиеся в композициях из прочерченных мотивов и оттисков гребенчатого штампа, нанесённые с использованием круга, появлением чаш-пиал, не встречавшихся ранее у мохэсцев (табл. 1).

Таблица 1

Индикаторы польцевской культуры*

Tabl. 1

Indicators of the Polzevska culture

Индикаторы польцевской культуры	Амфоровидные сосуды	Сосуд с косым устьем	Пиалы	Треугольные наконечники стрел	Ножи с прямой спинкой
Чернятино 5	+	+	+	+	+
Синельниково 1	+	+	+	+	+

*Составлена О. В. Дьяковой, публикуется впервые

Мохэская культура имела торговые связи с китайскими династиями Восточная Цзинь (317–371 гг.), Суй (589–618 гг.), что отмечается в появлении в мохэских комплексах ремесленной сероглиняной керамики с чернёной внешней поверхностью [Дьякова, 1993:186, 319–321, 407]. Поэтому основной задачей данной статьи является выявление на мохэских памятниках северо-западной группы бассейна Раздольной маркирующих артефактов, свидетельствующих о первых контактах мохэсцев с носителями польцевской культуры и процессе формирования нового этнокультурного ландшафта.

Северо-западная группа мохэских памятников

В бассейне Раздольной обнаружено 35 мохэских памятников, из которых восемь зафиксировано в северо-западной части бассейна поселение: Константиновское-1; селище Константиновское-2; селище Константиновское; укрепление Таловское (Новогеоргиевка 2); городище Синельниково-1; укрепление Новогеоргиевка 3; могильник Чернятино 5; укрепление Чернятино 2 (см. рис. 1).

Константиновское селище (рис. 1.-4) расположено на правом берегу Раздольной, на первой надпойменной террасе в 500 м ниже Константиновского укрепления. Поселение занимает площадь 5 тыс. м². Сделано предварительное заключение о двух разновременных комплексах в культурном слое: мохэского VIII–IX вв., бохайского X–XI вв. [Никитин, 1989: 140–146; Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего Средневековья Приморья (по материалам исследования 2006 г.), 2006: 219–220]. На памятнике найдены монеты, определённые А. Л. Ивлиевым как «Кай-юань тунбао» (нижний строительный горизонт жилища № 1) и северосунские «Чун-нин тунбао» и «Чжэн-хэ тунбао» (верхняя часть культурного слоя). Основанием для отнесения памятника к мохэской культуре (нижнего строительного горизонта, жилища № 1) служит керамика мохэского типа. Датированным материалом является монета «Кай-юань тунбао», отлитая в период от 621 года до середины X в.

Константиновское-2 селище (рис. 1.-5) расположено на высокой пойме правого берега Раздольной. Площадь памятника около 25 тыс. м². Мощност культурного слоя — один метр. Памятник двухслойный: нижний слой кроуновский — светильники на высоких поддонах, верхний — мохэ-бохайский — сосуды мохэского типа и лощеная круговая сероглиняная керамика со следами затертого вафельного орнамента, ленточные ручки [Прокопец, 2016: 75; Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего средневековья Приморья..., 2006: 219–220]. Основанием для отнесения верхнего слоя памятника к мохэской культуре служит керамика мохэского типа.

Константиновское-1 поселение (рис. 1.-3) расположено на правом берегу Раздольной [Болдин, Ивлиев, Никитин, 1994: 36]. Памятник многослойный, исследован стационарно. В раскопе II зафиксировано три строительных горизонта: к раннему горизонту относится жилище № 5. Керамика в нём представлена лепными сосудами: типично мохэским банкой и туловом горшка с вертикальными насечками в районе плечиков. Круговая керамика не встречена. Датировано по ¹⁴C (уголь): ГИН-5975; 1700±80; 140–530 cal AD [Дьякова, 1993: 124].

Средний строительный горизонт представлен жилищем № 4, содержащим мохэские, доработанные на круге сосуды с прочерченным орнаментом; круговую сероглиняную посуду — тазик с наклепным валиком, оформленным в виде карнизика; корчажки (3 шт.), одна

из которых с ручками по плечикам; грубый горшковидный сосуд с большим количеством песка в тесте; донышко с отверстиями (пароварка); чаша; фрагменты боковых стенок с горизонтальным и волнообразным орнаментом; фрагменты с тамгообразными знаками в виде креста, лапки, звезды. Датирован по ^{14}C (уголь): ГИН- 5971; 1500 ± 150 ; 220–870; cal AD.

К *позднему* строительному горизонту относятся жилища № 2 и 3. В них обнаружена доработанная на круге мохэская посуда, фрагменты круговой керамики. Жилище № 2 датировано по углю: ГИН-5973; 1490 ± 120 ; 250–780 cal AD. Жилище № 3 датировано по ^{14}C (уголь): ГИН-6961; 1480 ± 230 ; 60–1010 cal AD [Дьякова, 1993: 124].

Стратиграфия поселения Константиновского-1 выявляет последовательное заселение средневековыми тунгусо-маньчжурами Приморья. Мохэское жилище № 5 датируется по ^{14}C не позднее 530 г., средний слой (жилище № 4) — бохайский, функционировал вплоть до 870 г., а поздний слой (жилище № 2) существовал до 1010 г.

Таловское укрепление (Новогеоргиевка-2) (рис. 1.-6) расположено на левом берегу Раздольной, на мысовидной сопке в 300 м от места впадения реки Таловки в 5 км к югу от с. Новогеоргиевка. Северная сторона мыса круто обрывается к долине, юго-восточная и западная части отгорожены земляным валом высотой 3–3.5 м и рвом шириной по основанию 6–10 м. Длина вала около 45 м. Площадь памятника 650 м^2 . На памятнике заложен шурф (11 м^2). Мощность культурного слоя 50 см. Находки представлены фрагментами двух типично мохэских сосудов. Один с левосторонними насечками по валику, другой с гладким валиком. Памятник предварительно датирован VI–IX вв. [Фёдоров, 1916: 24; Никитин, 1989: 140–146; Дьякова, 1993:124; Дьякова, 1998: 22–23; Болдин, Ивлиев, Никитин, 1994: 27; Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего средневековья Приморья (по материалам исследования 2006 г.). 2006: 219–220]. По геоморфологической характеристике городище относится к мысовому типу, по наличию в слое лепных мохэских сосудов с прочерченным орнаментом соответствует найфельдской группе мохэской культуры.

Укрепление Новогеоргиевка 3 (рис. 1.-1) расположено на высокой цокольной террасе левого берега реки Раздольной, на мысу, в 5,3 км к юго-востоку от села Новогеоргиевка. Памятник содержит переотложенные слои эпохи неолита, палеометалла и раннего Средневековья (мохэ). С запада и юго-запада мыс обрывается к реке отвесными скалами, на севере ограничен крутым склоном. На востоке и северо-востоке поверхность мыса медленно повышается и выходит на обширное плато, простирающееся вдоль левого берега Раздольной. На юге мыс ограничен небольшой глубокой ложиной. Западная оконечность мыса отделена рвом глубиной 0.5–1 м, шириной 4–5.5 м и валом высотой 1.6 м, шириной в верхней части 0.5 м, у основания 5 м. Размеры укрепления 66 x 25 м, площадь около 1650 м. С памятника видна вся окрестность, в том числе поселения Чернятино 2 и Чернятино 3 [Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2005а: 188; Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего средневековья Приморья..., 2006: 219–220]. По геоморфологической характеристике укрепление относится к мысовому типу. Лепные мохэские сосуды соответствуют найфельдской группе мохэской культуры. Памятник предварительно датирован VI–IX вв.

Городище Синельниково-1 (рис. 1.-6) расположено на правом берегу Раздольной, на уплощенной вершине 108-метровой оконечности Борисовского (Шуфанского — ста-

рое название) базальтового плато, в 2,5 км к западу от с. Синельниково и в 2 км к югу от с. Чернятино. Площадь памятника 13000 м². Протяженность с севера на юг — 78 м, с востока на запад — 260 м. По стратиграфической и планиграфической характеристике памятник многослойный: неолит (зайсановская культура), палеометалл, мохэ-ская, бохайская культуры [Прокопец, 2016: 75; Болдин, 1996:122–131; 2001: с. 122–131; Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего средневековья Приморья (по материалам исследования 2006 г.), 2006: 219–220; Итоги исследований на городище Синельниково-1, 2018: 392].

При стационарных исследованиях в 1990 г. на памятнике впервые для юго-западного Приморья стратиграфически зафиксирована последовательная смена мохэ-ской и бохайской культур [Болдин, 2001: 122–131]. Работами 2015–2016 гг. выявлено, что в мохэский период городище служило укрепленным военным пунктом (гарнизон). По типу городище мысовое. Южная и западная стороны защищены каменными стенами, северная сторона имела естественную защиту в виде крутого обрыва к реке. Каменные стены высотой до 3 м с внешней стороны и одного метра с внутренней сложены без цементной связки по когурёской технологии (подквадратные камни 20х25–30 см, трапециевидные 30х50 см, уплощенные). Ворота располагались в западной стене [Прокопец, 2016: 75].

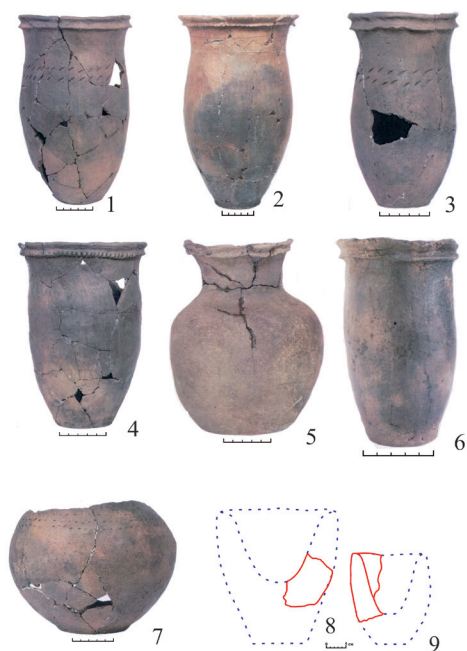

Рис. 4. Керамика городища Синельниково-1: 1–4, 6 – вазы мохэского типа; 5, 7 – амфоровидные сосуды; 8, 9 – сосуды с косым устьем [Археологические памятники: 219–220; Итоги исследований на городище Синельниково-1, 2018: 392]

Fig. 4. Ceramics of the Sinelnikovo settlement - 1: 1–4, 6 – vases of the Mohe type; 5, 7 – amphoroid vessels; 8, 9 – vessels with an oblique mouth [Archaeological sites: 219–220; Results of research at the Sinelnikovo settlement-1, 2018: 392]

Коллекция артефактов представлена: лепными сосудами мохэского типа с прочерченным и гребенчатым орнаментом (вазы, горшки, амфоровидные), круговым сероглиняным сосудом с черной внешней поверхностью, сосудом с косым устьем (со сливом), железными ножами с прямой спинкой, плоскими наконечниками стрел треуголь-

ной формы, фрагментом монеты «Кай-юань тунбао» из дернового слоя, относящегося, по мнению А. Л. Ивлиева, к частным или периферийным выпускам раннего периода династии Тан, т. е. к VII — первой трети VIII в. (табл. 1; рис. 4; 5). По ^{14}C мохэский слой датирован не ранее 430 г. н. э. (табл. 2) [Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего Средневековья Приморья (по материалам исследования 2006 г.), 2006: 219–220].

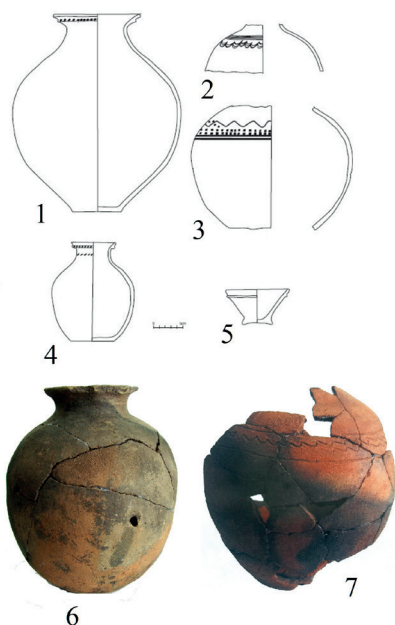

Рис. 5. Керамика городища Синельниково-1: 1–4, 6, 7 – амфоровидные сосуды; 5 – пиала [Археологические памятники: 219–220; Итоги исследований на городище Синельниково-1, 2018: 392].

Fig. 5. Ceramics of the Sinelnikovo settlement-1: 1–4, 6, 7 – amphoroid vessels; 5 – bowls [Archaeological sites: 219–220; Results of research at the Sinelnikovo settlement-1, 2018: 392]

Таблица 2

Радиоуглеродные даты городища Синельниково-1*

Tabl. 2

Radiocarbon dates of the settlement Sinelnikovo-1**

Синельниково 1	1530±35	AA-37478	уголь	430–620 cal AD
Синельниково 1	1520±30	AA-36958	уголь	430–620 cal AD
Синельниково 1	1515±30	AA-36957	уголь	440–640 cal AD
Синельниково 1	1360±20	NUTA2-713	уголь	650–690 cal AD
Синельниково 1	1335±20	NUTA2-714	уголь	660–760 cal AD

*Составлено по: [Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего Средневековья Приморья (по материалам исследования 2006 г.), 2006: 219–220].

** [Archaeological sites of the Paleometallic epoch and the Early Middle Ages of Primorye (based on the materials of the 2006 study), 2006: 219–220].

Таким образом, мохэский слой представлен военным объектом — укреплением мысового типа с каменными стенами без цементной связки, возведёнными по когурёской технологии. Керамика мохэского типа с прочерченным и гребенчатым декором (вазы, горшки), железные ножи с прямой спинкой, плоские наконечники стрел треугольной формы позволяют отнести памятник к благословеннинско-найфельдскому варианту мохэской культуры. Перекрёстная датировка по сосудам с косым устьем (со сливом), встречающимся в культуре тунжэнь, амфоровидным формам, заимствованным из Восточной Цзинь (317–371 гг.), Суй (589–618 гг.), керамике с чёрной поверхностью, характерной для династии Северная Вэй (386–534), радиоуглеродным датам по ^{14}C позволяет считать городище Синельниково-1 одним из ранних памятников мохэской культуры в Приморье, сооружённым не ранее 430 г. и функционировавшим длительное время [Дьяков, Дьякова, 2023: 136–145].

Укрепленное поселение Чернятино-3 (рис. 1) расположено на плоской вершине высокого скалистого мыса у оконечности юго-восточного отрога горы Орлиха. По разведочным материалам предварительно отнесено Ю. Г. Никитиным к горным городищам мохэской культуры и датировано VI–VIII вв. н. э.

Могильник Чернятино-5 (рис. 1-7) находится на невысокой террасе Орловского ключа. На площади 500 м² вскрыто 160 погребений и два жилища. Могилы расположены рядами. Большая часть могил ямные, с деревянными гробами, рамами с галечным дном. Встречены каменные склепы, могилы на каменной платформе, с каменной оградкой. Среди погребального инвентаря сосуды мохэского типа (вазы, амфоры) без орнамента или с прочерченным и гребенчатым декором, сосуды с косым устьем (со сливом), пиалы, фрагменты квадратных бронзовых поясов амурского типа, железные ножи с прямой спинкой, железные ножи с выделенной рукоятью, железные плоские наконечники стрел подтреугольной формы, пряжки, сердоликовые бусы, железный меч (табл. 1; рис. 6–8).

Рис. 6. Могильник Чернятино 5. Сосуды мохэского типа: 1 — вазы; 2 — горшки; 3 — амфоры [Никитин, Чжун Сук-Бэ 2005: 15, 17, 62; 2009: Т. 3: 63, 69, 133] Fig. 6. Chernyatino burial ground 5. Vessels of the Mohegan type: 1 — vases; 2 — pots; 3 — amphorae. [Nikitin, Jung Suk-Bae 2005: 15, 17, 62 2009: Vol. 3: 63, 69, 133]

Памятник Чернятино-5 датирован I тыс. н. э. [Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2005а: 188; 2006а: 372; 2006б: 202; 2007а: 399; 2007б: 270; 2009а: 163, 2009б: 125]. По составу инвентаря памятник синкретичный, содержит польцевские и мохэские традиции, позволяющие отнести его к благословеннинско-найфельдскому варианту мохэской культуры. Время формирования могильника довольно длительное: 430–770 г. (табл. 3).

Таблица 3

Радиоуглеродные даты могильника Чернятино-5

Tabl. 3

Radiocarbon dates of Chernyatino-5

Чернятинский могильник	1515±50	AA-37479	уголь	430–650 cal AD
Чернятинский могильник	1340±20	NUTA2-715	уголь	660–760 cal AD
Чернятинский могильник	1300±20	NUTA2-718	уголь	660–770 cal AD

*Составлено по: [Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего Средневековья Приморья (по материалам исследования 2006 г.), 2006: 219–220].

[Archaeological sites of the Paleometallic epoch and the Early Middle Ages of Primorye (based on the materials of the 2006 study)]

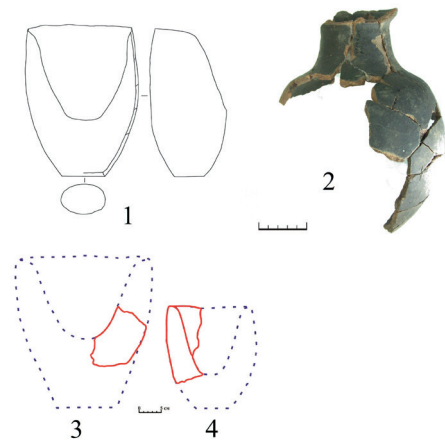

Рис. 7. Могильник Чернятино 5:

1, 3, 4 – сосуды с косым устьем;

2 – круговая ваза с чернением

[Никитин, Чжун Сук-Бэ 2009: Т. 3:163, 166]

Fig. 7. Chernyatino burial ground 5:

1, 3, 4 – vessels with an oblique mouth;

2 – circular vase with blackening [Nikitin,

Jung Suk-Bae, 2009: Vol. 3: 163, 166]

Рис. 8. Могильник Чернятино 5: 1 – железный плоский

наконечник стрелы; 2–3 – железные ножи с прямой спинкой;

4 – бронзовая поясная бляха амурского типа [Никитин,

Чжун Сук-Бэ, 2007, Т. 3: 270]

Fig. 8. Chernyatino burial ground 5: 1 – iron flat arrowhead;

2–3 – iron knives with a straight back; 4 – bronze belt badge

of the Amur type [Nikitin, Jung Suk-Bae, 2007, Vol. 3: 270]

Интерпретация материалов и заключение

1. Северо-западная группа мохэских памятников бассейна Раздольной представлена тремя типами памятников: селища (поселение), укрепления (городища); могильники. Селища (поселение) по площади крупные, по характеру постоянные, по геофизике долинны, приречные.

2. Стратиграфически прослеженная многослойность памятников подтверждает периодизационное положение мохэского слоя между кроуновским и бохайским.

3. Синкретизм польцевских и мохэских традиций (керамика, ножи с прямой спинкой, плоские наконечники стрел треугольной формы) свидетельствует, что контакт этих культур произошёл ещё до прихода мохэсцев в бассейн Раздольной, т. е. благословеннинский вариант мохэской культуры появился в Приморье уже в готовом виде и продолжал своё развитие здесь в виде найфельдской группы памятников.

4. Перекрёстная датировка материалов северо-западной группы мохэских памятников показывает, что она входит в число наиболее ранних и датируется не позднее середины V в. Об этом свидетельствуют: а) наличие на памятниках вазовидных сосудов мохэского типа; б) даты по ^{14}C трёх памятников: мохэского жилища №5 Константиновского-1 поселения не ранее 460 г. н. э., городища Синельниково-1 — не ранее 440 г., могильника Чернятино-5 — не ранее 430 г.

5. Амфоровидные сосуды, происхождение которых связано не только с мохэской и польцевской традициями, но и с керамикой Восточной Цзинь (317–371 гг.), Суй (589–618 гг.) подтверждают даты по ^{14}C .

6. Чернёные круговые сероглиняные сосуды, являвшиеся особой категорией при династии Северная Вэй (386–534), также подтверждают даты по ^{14}C . Чернёная круговая сероглиняная посуда зафиксирована на всех памятниках средневековых тунгусо-маньчжурских культур Российского Дальнего Востока (мохэской, бохайской, амурских и приморских чжурчжэней) и требует специального анализа роли династии тобгачей в перемещении мохэсцев на приамурско-приморские земли.

7. Сосуды с косым устьем (со сливом) появляются в Приморье и Приамурье на памятниках благословеннинского и найфельдского вариантов мохэской культуры. В Китае они функционируют с неолита до Средневековья включительно (культура тунжэнь аналогичная мохэской). Сосуды с косым устьем (со сливом) являются, по мнению автора, индикатором, указывающим на смену у мохэсцев формы хозяйства, обусловленного новыми геофизическими условиями — горно-таёжная территория, где кочевое (скотоводческое) хозяйство начали заменять на охоту, рыболовство и собирательство, хотя какие-то мохэские племена продолжали разводить лошадей и поставлять их в Китай. Для рыболовства и передвижения в горно-таёжной зоне лодка являлась средством передвижения, а сосуд со сливом использовался, по свидетельству китайских исследователей, для вычерпывания воды. Новая форма хозяйства появилась у мохэсцев не позднее V в. У современных тунгусо-маньчжуров (нанайцев, удэгейцев, ульчей, орочей) она традиционно базируется на рыболовстве, охоте и собирательстве.

8. Поселения, городища и могильники представляли собой анклав, где каждому объекту отводилась конкретная роль. Территория защищалась и контролировалась укреплениями, преимущественно мысовыми, связанными между собой сигнальными систе-

мами, сухопутными и водными путями. Следовательно, приграничная с Китаем северо-западная часть бассейна Раздольной была заселена мохэскими благословеннинско-найфельдского вариантов не позднее первой половины V в.

Благодарности и финансирование:

Работа выполнена при финансировании гранта РНФ № 23–28–00232 «Мохэская культура Приморья: ареалы расселения и хронология».

Acknowledgement and funding

The work was carried out with the financing of the RNF grant No. 23–28–00232 “Mohe culture of Primorye: areas of settlement and chronology”.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Андреева Ж. В. Древнее Приморье. М. : Наука, 1970. 146 с.
- Андреева Ж. В., Пискарева Я. Е. Синие Скалы — археологический комплекс: опыт описания многослойного памятника. Часть III. Южный склон поселения Синие Скалы. Владивосток : Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2020. 250 с.
- Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего средневековья Приморья (по материалам исследования 2006 г.). Таджон, 2007. 220 с.
- Болдин В. И., Ивлиев А. Л., Никитин Ю. Г. Разведка бохайских памятников в Приморском крае в 1994 году // Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 385. 85 л.
- Болдин В. И. Городище Синельниково-1 — раннесредневековый памятник Приморья // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск, 2001. Вып. 3. С. 122–131.
- Деревянко Е. И. Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск : Наука, 1975. 245 с.
- Дьяков В. И., Дьякова О. В. Гончарная печь памятника Петровка-5 в контексте археологии Дальнего Востока // Уральский исторический вестник. 2023. № 2 (79). С. 136–145.
- Дьякова О. В. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник (IV–X вв.). М. : Наука, 1984. 223 с.
- Дьякова О. В. Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока. Владивосток : Дальнаука, 1993. Ч. 1–3. 408 с.
- Дьякова О. В. Мохэские памятники Приморья. Владивосток : Дальнаука, 1998. 318 с.
- Итоги исследований на городище Синельниково-1 в Российском Приморье. Таджон, 2018. 392 с.
- Никитин Ю. Г. Результаты археологических исследований в окрестностях села Константиновки в Приморском крае // Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток : Дальнаука, 1989. С. 140–146.
- Никитин Ю. Г., Чжун Сук Бэ. Археологические исследования на могильнике Чернятино 5 в Приморье в 2003–2004 годах. Чуннамвүёкун : Дальневосточный государственный технический университет; Корейский государственный университет культурного наследия, 2005а. Т. 1 186 с.
- Никитин Ю. Г., Чжун Сук Бэ. Археологические исследования на могильнике Чернятино 5 в Приморье в 2003–2004 годах. Чуннамвүёкун : Дальневосточный государственный

ный технический университет; Корейский государственный университет культурного наследия, 2005б. Т. 3. 98 с.

Никитин Ю. Г., Чжун Сук Бэ. Археологические исследования на могильнике Чернятино 5 в Приморье в 2005 году. Чуннамвуджун : Дальневосточный государственный технический университет; Корейский государственный университет культурного наследия, 2006а. Т. 1. 372 с.

Никитин Ю. Г., Чжун Сук Бэ. Археологические исследования на могильнике Чернятино 5 в Приморье в 2005 году. Чуннамвуджун : Дальневосточный государственный технический университет; Корейский государственный университет культурного наследия, 2006б. Т. 3. 202 с.

Никитин Ю. Г., Чжун Сук Бэ. Археологические исследования на могильнике Чернятино-2 в Приморье в 2008 году. Пуё-гун: Корейский государственный университет культурного наследия, 2009а. Т. 1. 163 с.

Никитин Ю. Г., Чжун Сук Бэ. Археологические исследования на могильнике Чернятино-2 в Приморье в 2008 году. Пуё-гун : Корейский государственный университет культурного наследия, 2009б. Т. 3. 125 с.

Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья. Владивосток : Приморское кн. изд-во, 1959. 286 с.

Прокопец С. Д. Отчет о раскопках археологического памятника Синельниково-1 в 2016 г. // Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 857. 285 л.

Фёдоров А. З. Памятники старины в Никольск-Уссурийске и его окрестностях. Никольск-Уссурийск, 1916. 24 с.

REFERENCES

Andreeva J. V. *Drevnee Primor'e* [Ancient Primorye], M. : Nauka, 1970. 146 p. (in Russian).

Andreeva Zh. V., Piskareva Ya. E. *Sinie Skaly — arheologicheskij kompleks: opyt opisaniya mnogoslojnogo pamyatnika. Chast' III. Yuzhnyj sklon poseleniya Sinie Skaly* [Sinie Skaly — an archaeological complex: the experience of describing a multi-layered monument. Part III. The southern slope of the settlement is Sinie Skaly]. Vladivostok: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, 2020. 250 p. (in Russian).

Arheologicheskie pamyatniki epohi paleometalla i rannego srednevekov'ya Primor'ya (po materialam issledovaniya 2006 g.) [Archaeological sites of the Paleometallic epoch and the Early Middle Ages of Primorye (based on the materials of the 2006 study)]. Tadzhon, 2007, 220 p. (in Russian).

Boldin V. I. Gorodishche Sinel'nikovo-1 — rannesrednevekovyj pamyatnik Primorya [Sinelnikovo-1 settlement is an early medieval monument of Primorye] *Tradicionnaya kultura Vostoka Azii*. Blagoveshchensk, 2001, vol. 3. P. 122–131 (in Russian).

Boldin V. I., Ivliev A. L., Nikitin Yu. G. Razvedka bohajskih pamyatnikov v Primorskom krae v 1994 godu [Exploration of Bohai monuments in Primorsky Krai in 1994] // *Archive of the IIAE FEB RAS*. F. 1, op. 2, 385. 85p. (in Russian).

Derevyanko E. I. *Moheskie pamyatniki Srednego Amyra* [Mohe monuments of the Middle Amur]. Novosibirsk: Nauka, 1975, 245 p. (in Russian).

Dyakov V. I., Dyakova O. V. Goncharnaya pech' pamyatnika Petrovka-5 v kontekste arheologii Dal'nego Vostoka [Pottery kiln of the Petrovka-5 monument in the context of the archeology of the Far East]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2023, no. 2 (79). P. 136–145 (in Russian).

Dyakova O. V. *Rannesrednevekovaya keramika Dal'nego Vostoka SSSR kak istoricheskij istochnik (IV–Xvv.)* [Early Medieval ceramics of the Far East of the USSR as a historical source (IV–Xdd)]. Moscow: Nauka, 1984, 223 p. (in Russian).

Dyakova O. V. *Proiskhozhdenie, formirovanie i razvitie srednevekovykh kul'tur Dal'nego Vostoka* [The origin, formation and development of medieval cultures of the Far East]. Vladivostok: Dal'nauka, 1993, vol. 1–3, 408 p. (in Russian).

Dyakova O. V. *Moheskie pamyatniki Primor'ya* [Mohe monuments of Primorye]. Vladivostok: Dal'nauka. 1998, 318 p. (in Russian).

Fyodorov A. Z. *Pamyatniki stariny v Nikol'sk-Ussurijske i ego okrestnostyah* [Ancient monuments in Nikol'sk-Ussuriysk and its surroundings]. Nikol'sk-Ussuriysk: 1916, 24 p. (in Russian).

Itogi issledovaniy na gorodishche Sinel'nikovo-1 v Rossijskom Primor'e [The results of research at the Sinel'nikovo-1 settlement in the Russian Primorye Region 2018]. Tadzhon, 2018, 392 p. (in Russian).

Nikitin Yu. G. Rezul'taty arheologicheskikh issledovaniy v okrestnostyah sela Konstantinovki v Primorskom krae [The results of archaeological research in the vicinity of the village of Konstantinovka in the Primorsky Territory]. *Novye materialy po srednevekovoj arheologii Dal'nego Vostoka SSSR*. Vladivostok: Dal'nauka, 1989. P. 140–146 (in Russian).

Nikitin Yu. G., Jung Suk Bae. *Archaeological research at the Chernyatino 5 burial ground in Primorye in 2003–2004 godah* [Archaeological research at the Chernyatino 5 burial ground in Primorye in 2003–2004]. Chunnamvuyekun: Far Eastern State Technical University; Korean State University of Cultural Heritage, 2005a, vol. 1, 186 p. (in Russian).

Nikitin Yu. G., Jung Suk Bae. *Archaeological research at the Chernyatino 5 burial ground in Primorye in 2003–2004 godah* [Archaeological research at the Chernyatino 5 burial ground in Primorye in 2003–2004]. Chunnamvuyekun: Far Eastern State Technical University; Korean State University of Cultural Heritage, 2005b, vol. 1, 98 p. (in Russian).

Nikitin Yu. G., Jung Suk Bae. *Archaeological research at the Chernyatino 5 burial ground in Primorye in 2005 godu* [Archaeological research at the Chernyatino 5 burial ground in Primorye in 2005]. Chunnamvuyekun: Far Eastern State Technical University; Korean State University of Cultural Heritage, 2006a, vol. 1, 372 p. Vol. 3. 202 p. (in Russian).

Nikitin Yu. G., Jung Suk Bae. *Archaeological research at the Chernyatino 5 burial ground in Primorye in 2005 godu* [Archaeological research at the Chernyatino 5 burial ground in Primorye in 2005]. Chunnamvuyekun: Far Eastern State Technical University; Korean State University of Cultural Heritage, 2006b, vol. 3, 202 p. (in Russian).

Nikitin Yu. G., Chzhun Suk-Be. *Arheologicheskie issledovaniya na mogil'nike Chernyatino-2 v Primor'e v 2008 godu* [Archaeological research at the Chernyatino 5 burial ground in Primorye in 2008]. Puyo-gun: Korejskij gosudarstvennyj universitet kul'turnogo naslediya, 2009a, vol. 1, 163 p. (in Russian).

Nikitin Yu. G., Chzhun Suk-Be. *Arheologicheskie issledovaniya na mogil'nike Chernyatino-2 v Primor'e v 2008 godu* [Archaeological research at the Chernyatino 5 burial ground in Primorye in 2008]. Puyo-gun: Korejskij gosudarstvennyj universitet kul'turnogo naslediya, 2009b, vol. 3, 125 p. (in Russian).

Okladnikov A. P. *Dalekoe proshloe Primor'ya* [The distant past of Primorye]. Vladivostok: Primorskoe kn. izd-vo. 1959, 285 p. (in Russian).

Прокопец S. D. *Otchet o raskopkah arheologicheskogo pamyatnika Sinel'nikovo-1 v 2016* [Report on the excavations of the Sinelnikovo-1 archaeological site in 2016] // Archive of the IIAE FEB RAS. F. 1, op. 2, d. 857. 285 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 26.03.2024

Принята к публикации: 10.09.2024

Дата публикации: 24.12.2024

УДК 903.21

DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–02

Д. В. Кожевникова*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия)*

ПРОБЛЕМА ФУНКЦИОНАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ КОСТЯНЫХ «ИГОЛЬНИКОВ» НА ПРИМЕРЕ ТРУБЧАТЫХ КОСТЕЙ ЛЕБЕДЯ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ № 12 СЕРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА (НЕОЛИТ, ПРИБАЙКАЛЬЕ, РАСКОПКИ А. П. ОКЛАДНИКОВА)

Обработанные полые трубчатые кости птиц являются распространенными археологическим находками начиная с эпохи верхнего палеолита вплоть до этнографической современности. Поскольку иногда в таких изделиях встречаются иглы, то по умолчанию принято идентифицировать все аналогичные находки как игольники — футляры для хранения швейного инвентаря. Однако существует как минимум три возможных варианта их использования, причем не взаимоисключающих друг друга: футляры (в том числе игольники), фоноинструменты (флейты, охотничьи манки) и персональные украшения. Цель работы заключается в постановке проблемы определения функционального назначения изделий из полых трубчатых костей птиц, идентифицируемых в качестве игольников. В работе рассматриваются артефакты из обработанных трубчатых костей лебедя, скопление которых было обнаружено в погребении № 12 Серовского могильника эпохи неолита в Прибайкалье. В результате исследования 3D-моделей находок получены метрические данные и их количественные соотношения, на основании которых проведен сравнительный статистический анализ, показавший существенные метрические различия внутри одной исследуемой группы так называемых игольников. Первый кластер находит близкие аналогии непосредственно с игольниками — полыми трубчатыми костями птиц с иглами внутри, в то время как вопрос о функциональном назначении артефактов из второго кластера на данном этапе исследования остается открытым. Предварительно их можно отнести к костяным канальным фоноинструментам без пальцевых отверстий.

Ключевые слова: неолит, Сибирь, трубчатые кости лебедя, игольники, иглы, фоноинструменты

Для цитирования

Кожевникова Д. В. Проблема функционального назначения костяных «игольников» на примере трубчатых костей лебедя из погребения № 12 Серовского могильника (неолит, Прибайкалье, раскопки А. П. Окладникова) // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 4. С. 24–40. DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–02.

D. V. Kozhevnikova

Institute of archaeology and ethnography Siberian branch Russian academy of sciences, Novosibirsk (Russia)

THE PROBLEM OF FUNCTIONAL DETERMINATION OF BONE “NEEDLE CASES” — CASE OF SWAN LONG BONES FROM GRAVE NO. 12 IN THE SEROVSKY BURIAL (NEOLITHIC, CIS-BAIKAL, EXCAVATIONS BY A. P. OKLADNIKOV)

Modified hollow-necked bird bones are common archaeological finds from the Upper Paleolithic to ethnographic modern times. Since needles are sometimes found in such artifacts, it is default to identify all similar finds as needle holders — cases for storing sewing implements. They can be used in at least three ways, not mutually exclusive: as cases (including needle cases), as sounding artifacts (flutes, hunting mallets), and as personal ornaments. The aim of the paper is to establish the problem of determining the function of artifacts from hollow long bones of birds identified as needle cases. The paper examines artifacts from processed swan long bones, a group of which was found in burial no. 12 of the Serovsky burial, Neolithic period in the Baikal region. By studying the 3D models, metric and quantitative data were obtained, based on which a comparative statistical analysis was carried out, showing significant metric differences within a group of so-called needle cases. The first cluster has close analogies to needle cases, hollow, long bird bones with needles inside, while the functions of the artifacts in the second cluster are still unresolved at this stage of the study. For the time being, it can be attributed to channeled sounding artifacts without finger holes.

Keywords: Neolithic, Siberia, long bones of swan, bone needle cases, eyed needle, sounding artifacts

---

For citation:

Kozhevnikova D. V. The problem of functional determination of bone “needle cases” — case of swan long bones from the grave no. 12 in the Serovsky burial (Neolithic, Cis-baikal, excavations by A. P. Okladnikov). *Nations and religions of Eurasia*. 2024. Т. 29, № 4. P. 24–40 (in Russian). DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–02I.

Кожевникова Дарья Валерьевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории «Цифра» Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** kozhevnikovadarya@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4655-7977>

Kozhevnikova Darya Valerievna — Ph. D. of historical Sciences, researcher of the laboratory of digital archaeology of the Institute of archaeology and ethnography Siberian branch Russian academy of sciences, Novosibirsk (Russia). **Contact address:** kozhevnikovadarya@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4655-7977>

Введение

Целью статьи является постановка проблемы определения функционального назначения так называемых костяных игольников на примере изучения изделий из полых трубчатых костей лебедея, скопление которых было обнаружено в погребении № 12 Серовского могильника эпохи неолита в Прибайкалье, и определение их морфометрической variability.

Игольники — это категория находок, широко распространённая на территории Евразии начиная с верхнего палеолита вплоть до этнографической современности. Они используются для хранения и ношения тонких костяных игл и проколов, причисляются к швейному инвентарю и являются значимым элементом технологии пошива верхней одежды [Averbough, 1993: 99]. Традиционно игольники изготавливаются из полых трубчатых костей птиц и имеют на концах либо пробки для закрытия контейнера, либо сквозь них протянут кожаный шнурок, в который вдеваются иглы [Окладников, 1950: 134].

В период появления в обиходе человека металлов наряду с костяными появились металлические игольники тех же форм и размеров. Такие игольники изготавливали многие народы: лопари, тунгусы, гиляки, айну, нивхи. Чукчи, например, использовали металлические игольники до начала XX в.: полые трубочки, в которых хранили иглы, находились в куске тюленьей кожи. Через футляр продевали специальный ремешок с шариком на конце. На одном конце закрепляли иглы, а на другом — крючок из моржового клыка, который цепляли за пояс одежды [Игольник. Подробное описание экспоната, аудиогид, интересные факты. Официальный сайт Artefact (culture.ru)].

Игольник — распространённая, типологическая и одновременно функциональная стандартная интерпретация любых обработанных археологических полых трубчатых костей с отверстиями, орнаментом или без них. Такая интерпретация обычно предлагается без какой-либо доказательной базы, даже в тех случаях, когда внутри таких артефактов проколки или иглы не были обнаружены [Mannermaa, Rainio, 2020: 35]. Принимая во внимание значительное морфометрическое разнообразие этой категории находок, можно предложить и другие интерпретации — украшения, трубочки для жидкости, дротики, фоноинструменты (флейты без пальцевых отверстий, охотничьи манки, детские погремушки) [Averbough, 1993; Кожевникова, Лбова, Волков, 2011; Лбова, Кожевникова, 2016]. В статье предлагается определение морфометрической variability обработанных полых трубчатых костей из одного погребения неолитического Серовского могильника на основе анализа их трехмерных моделей. Мы предполагаем, что различная форма этих артефактов может свидетельствовать о разном функциональном назначении.

Материалы и методы исследования

В ходе предварительного исследования были изучены описи археологических коллекций фондов Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН для наличия в них костяных игольников эпохи неолита. В нашем распоряжении оказалось 7 полых трубчатых костей птиц из погребения № 12 Серовского могильника (раскопки 1957 г.), пять из которых первоначально были определены как игольники, две — с отверстием на одном конце и скошенным краем на другом — как возможные стержни составного рыболовного крючка, и костяная игла (рис. 1).

Рис. 1. Трубчатые кости лебедя и костяная игла из погребения № 12 Серовского могильника (неолит, Прибайкалье): 1–7 – трубчатые кости, 8 – костяная игла с обломанным ушком; 1 – Сер-57299, 2 – Сер-57300, 3 – Сер-57301, 4 – Сер-57333, 5 – Сер-57341, 6 – Сер-57338, 7 – Сер-57295 (фото Д. В. Кожевниковой)

Fig. 1. Tubular bone artifacts made of the ulna and tibia of swan and broken eyed needle from the grave no. 12 in the Serovsky burial ground (Neolithic, Cis-Baikal): 1–7 – tubular bone artifacts, 8 – broken eyed needle; 1 – Ser-57299, 2 – Ser-57300, 3 – Ser-57301, 4 – Ser-57333, 5 – Ser-57341, 6 – Ser-57338, 7 – Ser-57295 (photo by D. V. Kozhevnikova)

В результате раскопок Серовского могильника в 1933, 1936, 1955 и 1957 гг. под руководством А. П. Окладникова было вскрыто и описано 18 погребений и 4 кладки. Серовская погребальная традиция характеризуется наличием надмогильных кладок, могильные ямы заполнены камнями; характерно труположение на спине перпендикулярно течению реки. Географический разброс и отсутствие крупных могильников, вероятно, свидетельствуют о подвижном образе жизни населения. В составе сопроводительного погребального инвентаря большое разнообразие предметов из камня, кости и керамики. Керамические сосуды, расположенные в ногах или у головы погребенного, имеют широкое шаровидное днище и сужающееся к горловине тулово, декорированы гребенчатым штампом, оттисками узкой лопаточки и т.д. В мужских погребениях зафиксированы сложные луки с костяной обкладкой, которые являются отличительной чертой серовских погребений. Именно для серовской традиции погребений характерны массивные плоские остроконечники-бифасы из камня [Базалийский, 2012: 92, 93]. Полученная дата по кости — 5230 ± 270 лет (СОАН-808) свидетельствует о принадлежности могильника к позднему неолиту Прибайкалья [Неолит Северной Евразии, 1996: 280; Базалийский, 2012: 84, 97].

Поверхность всех исследуемых артефактов не орнаментирована, однако имеет следы заполировки. Помимо упомянутых выше артефактов, в могильной яме был обна-

ружен лук усиленного типа с костяной обкладкой, два отшлифованных теса из кремнистой серой породы, костяные большие и малые острия, гарпун, наконечники стрел, в том числе тупоконечные, украшения из клыков изюбра и кабана, антропоморфная и «многоликая» скульптуры и др. Автор раскопок сделал предположение, что погребение принадлежало шаману [Окладников, 1974: 9, 57]. Могильная кладка состояла из плиток красного и желтого песчаника и имела форму каменной лодки с пологими бортами. Длина ее с севера на юг составляла 3,25 м, а с запада на восток — 1,25 м. В центре кладки лежало плашмя несколько крупных камней; почти все другие камни, расположенные по краям сооружения, были поставлены в два ряда на ребро с наклоном верхних концов наружу в 45° [Окладников, 1974: 51].

Аналогичные трубчатые кости, идентифицируемые в качестве игольников, а также костяные иглы встречаются и в других погребениях Серовского могильника: в погребении № 4 справа от черепа были найдены шесть игольников из трубчатых костей птиц (размеры неизвестны); в погребении № 5 слева от черепа был обнаружен один игольник длиной 20,5 см и диаметром 1,3 см с двумя костяными иглами внутри длиной 5 и 5,2 см; в погребении № 7 — один игольник из трубчатой кости животного (размеры неизвестны); в детском погребении с кремацией № 13 — два фрагмента лучевых костей лебеда (размеры неизвестны); в погребении № 14 — костяная игла с ушком длиной 4,9 см [Окладников, 1974: 13–86].

В ходе исследования анализировались пять лучевых и две берцовые кости лебеда (по определению А. П. Окладникова [1974: 52]) из погребения № 12 Серовского могильника, которые располагались под голенью правой ноги погребенного среди многочисленного инвентаря, и одна костяная игла с обломанным ушком, найденная около правой бедренной кости (см. табл.):

- трубчатая лучевая кость лебеда (Сер-57 341) имеет продольные трещины вдоль всей поверхности кости, отсутствует фрагмент кости в основании скошенного края. Срез начинается на расстоянии 69,37 мм от края (на расстоянии 54,61 мм от края обнажает полость кости). На расстоянии 9,50 мм от края вырезано отверстие подпрямоугольной формы размером 16,20×4,68 мм. На противоположной стороне эпифиз, предположительно, удален путем пиления и дальнейшего слома; механизм и степень сглаженности этого участка в дальнейшем будут изучены с помощью трасологического анализа (рис. 1.-1);
- трубчатая лучевая кость лебеда (Сер-57 333) со скошенным на одном конце и подпрямоугольным отверстием на другом, имеет продольную трещину, эпифизы удалены. Форма, поперечное сечение и характер обработки орудия в целом аналогичны предыдущему. Срез начинается на расстоянии 73,50 мм от края (на расстоянии 52,09 мм от края обнажает полость кости); на расстоянии 4,99 мм от края на противоположном конце вырезано отверстие подпрямоугольной формы размером 17,79 × 5,84 мм (рис. 1.-2);
- трубчатая лучевая кость лебеда (Сер-57 300), эпифизы удалены плоским продольным срезом с противоположных сторон (рис. 1.-3);
- трубчатая лучевая кость лебеда (Сер-57 299) имеет продольную трещину вдоль выпуклой стороны, эпифизы обломаны (рис. 1.-4);

- трубчатая лучевая кость лебеда (Сер-57 301) имеет продольную трещину вдоль выпуклой стороны, обломаны оба эпифиза (рис. 1.-5);
- трубчатая берцовая кость лебеда (Сер-57 295) имеет продольную трещину шириной ≈ 2 мм, эпифизы удалены, отмечены следы кругового резания (рис. 1.-6);
- трубчатая берцовая кость лебеда (Сер-57 338) имеет две продольных трещины шириной $\approx 1,74$ и $1,93$ мм соответственно, эпифизы удалены путем пиления (рис. 1.-7);
- костяная игла (Сер-57 345) с обломанным ушком, в сечении уплощена; толщина в средней части — $2,20 \times 1,63$ мм (окружность $\approx 6,08$ мм), толщина у основания ушка — $2,33 \times 1,10$ мм (окружность $\approx 5,72$ мм) (рис. 1.-8).

Метрические характеристики трубчатых костей лебеда и костяной иглы из погребения № 12 Серовского могильника (неолит, Прибайкалье)

Metrical characteristics of tubular bone artifacts made of the ulna and tibia of swan and broken eyed needle from the grave no. 12 in the Serovsky burial (Neolithic, Cis-Baikal)

Порядковый номер на рис. 1	Инвентарный номер	Длина кости, мм	Соотношение минимального периметра внутренней окружности к длине	Соотношение минимального внутреннего диаметра к длине	Изгиб кости, °	Минимальный внутренний диаметр, мм	Минимальный периметр внутренней окружности, мм	Внешние оси дистальной части, мм	Внутренние оси дистальной части, мм	Минимальный периметр внешней окружности, мм	Внешние оси проксимальной части, мм	Внутренние оси проксимальной части, мм
1	Сер-57 341	203,1	1/10,5	1/41	173,8	4,87	$\approx 19,23$	8,36–7,22	7,02–4,87	$\approx 24,53$ –26,89	9,62–7,35	7,15–4,88
2	Сер-57 333	204,3	1/12,1	1/45	173,7	4,49	$\approx 16,91$	9,05–8,51	6,23–5,89	$\approx 27,59$ –26,00	8,87–7,64	6,15–4,49
3	Сер-57 300	209,9	1/14,2	1/45	173,9	4,66	$\approx 14,81$	6,71	4,77	$\approx 20,70$	6,47	4,66
4	Сер-57 299	229,4	1/13,6	1/50	171,6	4,5	$\approx 16,82$	7,99–6,37	5,86–4,80	$\approx 22,69$	10,82–7,24	8,13–4,50
5	Сер-57 301	231,6	1/15,3	1/70	172,1	3,3	$\approx 15,09$	8,46–6,15	5,94–3,30	$\approx 23,23$	9,03–6,82	7,63–4,67
6	Сер-57 295	101	1/4	1/13	176,1	7,22	$\approx 24,94$	11,43–9,69	8,60–7,22	$\approx 33,28$	11,16–11,03	9,02–7,97
7	Сер-57 338	126,2	1/5,4	1/19	178,2	6,56	$\approx 23,37$	10,93–8,88	8,23–6,56	$\approx 31,28$	10,95–8,90	9,28–7,11
8	Сер-57 345	51,43										

Предварительный спектральный анализ почвы на наличие следов органики в одной из трубчатых костей проводился на рамановском портативном экспресс-анализаторе «ИнСпектр» R532 в программе EnSpectr_Professional версия 14.1 для ОС Windows.

Измерения метрических параметров производились по 3D-моделям артефактов. Сканирование осуществлялось сканером структурированного подсвета Range Vision Spectrum, который позволяет создавать текстурные и бестектурные модели предметов с высоким разрешением; использовался базовый протокол для сканирования артефактов сканерами структурированного подсвета [Kolobova, Fedorchenko, Basova, Postnov, Kovalev, Chistyakov, Molodin, 2019; Чистяков, Ковалев, Колобова, Шалагина, Кривошапкин, 2019]. Постобработка трехмерных моделей происходила по опубликованному алгоритму [Чистяков, Бочарова, Колобова, 2021]. Все измерения, приведенные в тексте, осуществлялись в программах Geomagic Design X Application, версия 6.1.1.267 и Geomagic Wrap, версия 2017.0.0.1111 для ОС Windows.

С целью сравнения двух полученных кластеров артефактов был применен тест PERMANOVA — перестановочный многомерный дисперсионный анализ (непараметрический аналог многомерного дисперсионного анализа) в программе статистического анализа PAST версия 4.06b для ОС Windows.

Результаты

В результате исследования 3D-моделей артефактов получены метрические данные и их количественные соотношения (табл.). Данные по длине и минимальному внутреннему диаметру представлены на рисунке 2.

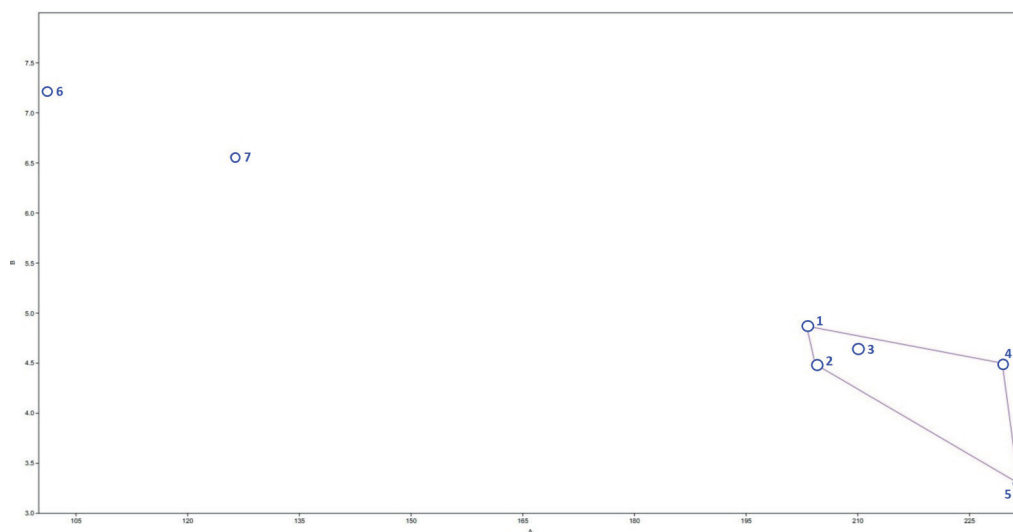

Рис. 2. Распределение параметров измерений по длине и минимальному внутреннему диаметру трубчатых костей лебедя из погребения № 12 Серовского могильника (неолит, Прибайкалье): А — длина кости, мм, В — минимальный внутренний диаметр кости, мм.

Номера соответствуют нумерации предметов на рисунке 1.

Fig. 2. Distribution of measurement parameters by length and minimum internal diameter of long bone artifacts made of the ulna and tibia of swan from the grave no. 12 in the Serovsky burial (Neolithic, Cis-Baikal). A — bone length, mm B — minimum internal bone diameter, mm.

The numbers correspond to Fig. 1

Как видно по распределению артефактов, наиболее близки по метрическим параметрам полые трубчатые кости под № 1–3. По длине и по внутреннему диаметру вся коллекция разделяется на два кластера: № 1–5 и № 6–7, где №№ 1–5 — лучевые кости лебедя, а № 6–7 — берцовые. Для того, чтобы выяснить, действительно ли два выделенных кластера являются обособленными друг от друга, был применен непараметрический многофакторный дисперсионный анализ *PERMANOVA*. Два кластера сравнивались по тем же метрическим параметрам, и в результате перестановочного теста был получен результат о наличии значительной статистической разницы ($F = 68.8$; $p = 0.04$).

Спектральный анализ внутреннего заполнения кости (Сер-57, 333; рис. 1.-2), проведенный с помощью рамановского портативного экспресс-анализатора «ИнСпектр» R532 с длиной волны 532 нм, мощностью 50 мВт, увеличением 20х, показал наличие полевых шпатов и сульфидных минералов (почва из заполнения могильной ямы с характерным для данной местности химическим составом) и отсутствие следов органики и древесины.

Дискуссия и заключение

Исследование метрических параметров полых трубчатых костей птиц из погребения № 12 Серовского могильника показало наличие двух статистически различных кластеров. Предполагается, что различные метрические параметры могут быть свидетельством различной функциональной принадлежности данной группы артефактов.

По метрическим показателям трубчатые кости лебедя под № 6–7 находят близкие аналогии с полыми трубчатыми костями, в которых обнаружены иглы. В качестве примера можно привести находки игольников из погребений Верхоленского могильника (Прибайкалье), относимых А. П. Окладниковым к неолиту серовского этапа [Окладников, 1978: 69–71]. Так, в 8 могильных ямах было найдено 10 трубчатых костей птиц длиной от 8 до 12,5 см, в пяти из которых были костяные иглы длиной от 3,5 до 8 см [Окладников, 1978: 7–68]. На неолитической стоянке Владимировка III (Центральная Якутия) был найден костяной игольник из диафиза трубчатой кости крупной птицы с двумя костяными иглами внутри длиной 5,2 и 5,5 см; поверхность изделия отшлифована, отсутствует орнамент. Длина игольника 14,3 см, размеры одного конца 1,9×1,25 см, другого — 1,85×1,1 см.

В инвентаре поздненеолитического погребения Бугачан (нижняя Лена, Якутия) был обнаружен костяной игольник из трубчатой кости птицы с бронзовой иглой внутри. Длина игольника составляла 12,1 см [Окладников, 1946: 72]. В культурном горизонте 4 пещеры Хайыргас (устье реки Малый Патом, Средняя Лена, южная Якутия) наряду с другими орнаментированными трубчатыми костями был найден игольник длиной 12,4 см из трубчатой кости крупной птицы с шильцем внутри [Дьяконов, 2014: 92]. Кроме того, среди находок в культурных слоях пещеры отмечено большое количество (несколько десятков) костяных игл [Дьяконов, 2014: 92]. На верхнепалеолитической Янской стоянке (Яно-Индигирская низменность; 32 000 calBP) среди многочисленных находок игл, включая заготовки и их фрагменты (188 единиц), было обнаружено 4 обработанных трубчатых кости птиц [Питулько, Павлова, 2019: 166, 168]. Известно, что длина одной из них составляет приблизительно 13 см, в то время как длина 46% целых игл (28 штук) составляет 4,8–6,8 см при толщине — 0,26–0,34 см [Питулько,

Павлова, 2019: 181, 182]. Если рассматривать трубчатые кости с иглами внутри, функциональное назначение которых в качестве игольника не вызывает сомнений, то соотношение длины иглы к длине игольника будет равно примерно 1:2. Аналогичное соотношение выявлено между костяной иглой и обработанными трубчатыми костями лебедя под № 6–7 из исследуемого нами погребения № 12.

Существенную роль в определении функционального назначения играет диаметр внутреннего отверстия предполагаемого игольника, поскольку он должен соотноситься с наибольшей толщиной самой иглы, а также с шириной возможного кожного ремешка, проходившего через внутренне пространство игольника, в который втыкали иглы [Окладников, 1950: 134]. Соответственно минимальный внутренний диаметр игольника при средней толщине костяной иглы — 2,5–3,5 мм не может быть меньше этого значения, к тому же должно быть пространство для свободного прохождения иглы внутри футляра.

Обнаружение в едином пространственно-временном контексте игольников и костяных игл также является косвенным аргументом для их интерпретации в качестве швейного инструментария [Ефремов, 2006; Федорченко, Белоусова, Козликин, Шуньков, 2022]. Однако, несмотря на это, обнаруженные в непосредственной близости от игл обработанные трубчатые кости могут принадлежать к разным функциональным группам артефактов и не являться игольниками. И наоборот, отсутствие игл не указывает прямо на тот факт, что трубчатые кости не выполняли роли игольников. Например, при исследовании археологической коллекции верхнепалеолитической стоянки Авдеево (Русская равнина, 23–22 тыс. л. н.) в одном культурном слое среди многочисленного костяного инвентаря было выявлено 56 «игольников» из трубчатых костей птиц (вероятно, лебедя), 14 из которых целые [Булочникова, 2011: 59, 60], однако относительно наличия и распределения игл информация отсутствует.

Методология исследования полых трубчатых костей, которые интерпретируют в качестве игольников, не разработана, вероятно, по причине удобства такой предварительной унификации, поскольку альтернативных вариантов достаточно много и не все они верифицируются. В первую очередь целесообразно выделить игольниками из всей массы обработанных трубчатых костей, а лишь затем рассматривать остальные артефакты, не вошедшие в эту группу, на принадлежность к другим категориям: пронизки, костяные наконечники, острия, части составного рыболовного крючка, фоноинструменты (охотничьи манки, флейты, кларнеты), трубочки для питья или выдувания краски. Для точного определения функционального назначения каждой отдельной находки полый трубчатый кость необходимо проводить комплексные исследования, включая трапезологические, статистический и планиграфический анализы и т. д.

Обработанные трубчатые кости цилиндрической формы часто интерпретируются исследователями как предметы персональной орнаментации — бусины (пронизки), которые использовались для декорирования элементов одежды и как личные украшения [Деревянко, Рыбин, 2003; Сеницын, 2005]. Орнаментированные кольцевыми нарезками костяные пронизки из трубчатых костей птиц были обнаружены на стоянке Костенки XIV (Маркина Гора, 33–38 тыс. л. н.) и в Денисовой пещере (37 тыс. л. н.) [Деревянко, Шуньков, 2005: 292; Сеницын, 2005: 175]. Имеются подобные находки на палеоли-

тическом поселении Кокорево II (13 тыс. л. н.) и на памятнике Афонтова гора в Красноярском крае (13 тыс. л. н.) [Абрамова, 1962: 52; 1979: 86]. Близкие по морфологии изделия отмечены в пещерах Ложери-Бас, Гордон, Эсплутес, Брюникель, Лортет, гроте Сукет (Франция) [Ausselet-Lambrechts, 1930: 473]. Изготовлены пронизки из трубчатых костей птиц, зайца, песца и др.; длина изделий варьируется в среднем от 10 до 40 мм. Если исходить из средней длины костяной иглы, равной ≈ 50 мм, то определение трубчатых костей длиной 10–40 мм в качестве предметов персональной орнаментации представляется обоснованным.

Анализ на наличие следов органики на поверхности и в полости костяных трубочек позволит определить возможную принадлежность рассматриваемых артефактов к группе таких предметов, как ёмкости для краски или трубочки для питья [Окладников, 1950].

С распространением музыковедческих исследований в рамках знаковой деятельности человека современного физического типа выявление среди полых трубчатых костей птиц музыкальных инструментов дает толчок для исследований игольников в качестве фоноинструментов. Исходя из данных этнографии и изучения музыкальных инструментов современных народов, лучевые кости птиц с большим размахом крыльев (лебеди, журавли, стервятники/сипы) являются, наряду с тростником и деревом, одним из наиболее предпочтительных материалов для изготовления духовых музыкальных инструментов. Они длинные, полые, тонкие и легкие, и при удалении проксимального и дистального концов (эпифизов) остается длинная полая трубочка, через которую можно продуть воздух и производить необходимые вокализации. Многие этнографические флейты или свистки во всем мире представляют собой простые открытые трубки с одним или двумя отверстиями или без отверстий [Morley, 2013: 17, 29].

Если предположить, что описанные в статье лучевые кости лебедя из серовского погребения под № 1–5 выполняли роль духовых фоноинструментов по типу флейт или кларнетов, то аналогии прослеживаются во многих географических и хронологических контекстах. Например, верхнепалеолитическая флейта из пещеры Холле Фельс (Германия) из лучевой кости белоголового сипа (*Ulna of griffon vulture*); длина сохранившейся части флейты — 218 мм, диаметр — 8 мм [Conard, Malina, Münzel, 2009]; флейты из пещер Фогельхерд и Гайсенклёстерле (Германия) из лучевых костей лебедя (*Sygnus* sp.) (37–30 тыс. л. н.) [Hahn, Munzel, 1995; Conard, Malina, 2008]; коллекция флейт из лучевых костей белоголового сипа (*Ulna of griffon vulture*) из пещеры Истюритц (Франция) [Buisson, 1990].

Крупная коллекция костяных флейт (30 штук) была обнаружена в погребениях раннеолитического памятника Цзяху (9 тыс. л. н., Китай); все флейты были изготовлены из лучевых или плечевых трубчатых костей японского журавля (*Grus japonensis*), который высоко ценится в китайской традиционной культуре по сей день [Zhang, Xiao, Lee, 2004: 771–773].

В пещере Лор (Испания) обнаружена коллекция диафизов лучевых костей грифа и орла, датированных неолитом (7 тыс. л. н.) и интерпретируемая авторами раскопок как флейты Пана [Oliver, Molino, Valle, Juan-Cabanilles, 2001: 41–67]. В Китае из крыльев стервятника до сих пор изготавливают не только музыкальные инструменты, но и та-

лисмань, что ставит этот вид птиц под угрозу исчезновения [MaMing, Jiang, Li, Chen, Lei, 2020: 20–30]. Эти находки показывают, что уже в самом начале верхнего палеолита игра на музыкальных инструментах была обычной, широко распространенной практикой. В этнографической современности на территории Сибири и Дальнего Востока костяные флейты с пальцевыми отверстиями и без них встречаются, например, у найцев и нивхов [Благодатов, 1958: 200, 206; Иванов, 1963: 345; Шейкин, 2002: 100].

Экспериментальные исследования «музыкальных возможностей» древнейших костяных флейт с музыковедческой позиции четко указывают на тот факт, что мелодичность напрямую зависит от соотношения длины исследуемого артефакта к ширине внутреннего канала кости [Praxmarer, 2023: 40]. Так, при изучении флейты из пещеры Холе Фельс был сделан вывод, что оптимальная её «мелодичность» достигается только при наличии дополнительной трости, которая, во-первых, обеспечивает дополнительную длину для воздушного канала, и, во-вторых, оснащена вибрирующим язычком (инструмент по типу кларнета) [Praxmarer, 2023: 50].

Первым этапом на пути решения проблемы определения функционального назначения изделий из обработанных полых трубчатых костей является накопление базы данных по имеющимся материалам и морфометрический анализ артефактов. Поскольку в рассмотренных в работе предметах прослеживается взаимосвязь между их размерами и вероятной функциональной принадлежностью, то определение внутренней вариативности внутри одной группы является первым шагом к решению этого вопроса.

Благодарности и финансирование

Работа выполнена в рамках проекта научно-исследовательской работы Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук № FWZG-2022–0009 «Цифровизация процессов изучения древнейшей и древней истории Евразии».

Автор выражает благодарность Гнездиловой Ирине Сергеевне, заведующей Музеем истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН, кандидату исторических наук, за плодотворные дискуссии.

Acknowledgments and funding

The work was carried out within the framework of the scientific program of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Russian Federation, project No. FWZG-2022–0009 “Digitalization of the Study on the Eurasian Prehistory”.

The author is grateful to Irina S. Gnezdilova, Head of Museum of History and Culture of Peoples of Siberia and Russian Far East, Ph. D. of historical Sciences for fruitful discussions.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абрамова З.А. Палеолитическое искусство на территории СССР. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. 86 с.

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск : Наука, 1979. 157 с.

Базалийский В. И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита — неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Известия лаборатории древних технологий. 2012. № 1 (9). С. 43–101.

Благодатов Г. И. Музыкальные инструменты народов Сибири // Сборник Музея антропологии и этнографии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. Т. 18. С. 187–207.

Булочникова Е. В. Пространственное распределение обработанной кости и кости со следами использования стоянки Авдеево // Предметы вооружения и искусства из кости в древних культурах Северной Евразии. СПб. : Наука, 2011. С. 48–68.

Деревянко А. П., Рыбин Е. П. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 3. С. 27–50.

Деревянко А. П., Шуньков М. В. Становление верхнепалеолитической традиции на Алтае // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты : сб. науч. тр. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 283–311.

Дьяконов В. М. Находка костяного игольника с иглами на неолитической стоянке Владимировка III (Центральная Якутия): вопросы аналогий и феномен персистентности в культурном развитии // Вестник СВНЦ ДВО РАН. Серия: История, археология, этнография. 2014. № 1. С. 89–96.

Ефремов С. А. Предметы из кости эпохи неолита — энеолита пещеры Каминная (Северо-Западный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. 11. Ч. 1. С. 137–140.

Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. 500 с.

Игольник. Подробное описание экспоната, аудиогид, интересные факты // Официальный сайт Artefact (culture.ru). URL: <https://ar.culture.ru/en/subject/igolnik> (дата обращения: 05.03.2024).

Кожевникова Д. В., Лбова Л. В., Волков П. В. Простейшие аэрофоны в комплексах раннего верхнего палеолита (материалы Забайкалья) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. № 5: Археология и этнография. С. 155–161.

Лбова Л. В., Кожевникова Д. В. Формы знакового поведения в палеолите: музыкальная деятельность и фоноинструменты. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2016. 244 с.

Неолит Северной Евразии / отв. ред. С. В. Ошибкина. М. : Наука, 1996. 380 с.

Окладников А. П. Верховенский могильник — памятник древней культуры народов Сибири. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1978. 287 с.

Окладников А. П. Ленские древности. Якутск: Гос. типография, 1946. Вып. 2. 186 с.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование // МИА. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. № 18. 411 с.

Окладников А. П. Неолитические памятники Ангары: (от Щукино до Бурети). Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1974. 319 с.

Питулько В. В., Павлова Е. Ю. Верхнепалеолитическое швейное производство на Янской стоянке, Арктическая Сибирь // Stratum Plus. 2019. № 1. С. 157–224.

Синицын А. А. Стилистический аспект анализа. Кремневый инвентарь, орнаменты, нательные украшения // Актуальные вопросы евразийского палеолитоведения: материалы докладов Международного симпозиума «Заселение первобытным человеком Центральной, Северной и Восточной Азии: археологический и палеоэкологический аспекты». Новосибирск, 2005. С. 179–184.

Федорченко А. Ю., Белоусова Н. Е., Козликин М. Б., Шуньков М. В. Костяные игольники верхнего палеолита Сибири: обзор данных // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21. № 3: Археология и этнография. С. 44–59.

Чистяков П. В., Бочарова Е. Н., Колобова К. А. Обработка трехмерных моделей археологических артефактов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 7. С. 48–61.

Чистяков П. В., Ковалев В. С., Колобова К. А., Шалагина А. В., Кривошапкин А. И. 3D-моделирование археологических артефактов при помощи сканеров структурированного подсвета // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 3 (27). С. 102–112.

Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири: сравнительно-историческое исследование. М. : Восточная литература, 2002. 718 с.

Ausselet — Lambrechts C. L'Art et la Parure en Belgique pendant la Paléolithique supérieur // Bulletin de la Société préhistorique de France. 1930. Т. 27. P. 468–482 (in French).

Averbouh A. Fiches tubes et étuis. In: Fiches typologiques de l'industrie osseuse préhistorique. Cahier VI: Éléments récepteurs. Treignes, CEDARC. 1993. P. 99–113 (in French).

Buisson D. Les flûtes paléolithiques d'Isturitz (Pyrénées-Atlantiques) // Bulletin de la Société préhistorique française. 1990. Vol. 87 (10–12). P. 420–433 (in French).

Conard N. J., Malina M., Münzel S. C. New flutes document the earliest musical tradition in southwestern Germany // Nature. 2009. Vol. 460. P. 737–740 (in English).

Davis S., Moreno-García M. Of metapodials, measurements and music — eight years of miscellaneous zooarchaeological discoveries at the IPA, Lisbon // Arqueólogo Português. 2007. Vol. IV (25). P. 9–165 (in English).

Kolobova K. A., Fedorchenko A. Y., Basova N. V., Postnov A. V., Kovalev V. S., Chistyakov P. V., Molodin V. I. The Use of 3D-Modeling for Reconstructing the Appearance and Function of Non-Utilitarian Items (the Case of Anthropomorphic Figurines from Tourist-2) // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2019. No. 4 (47). P. 66–76 (in English).

MaMing, K. Jiang, J. Li, L. Chen, G. Lei. Use of vulture bone flutes and other products in China Roller // Vulture News. 2020. Vol. 78. P. 20–30 (in English).

Mannermaa K., Rainio R. Needle case, sound instrument or something else? A worked and ornamented swan (*Cygnus* sp.) ulna from a Late Mesolithic male burial, Yuzhniy Oleniy Ostrov, Northwest Russia // Quaternary International. 2020. Vol. 543. P. 34–42 (in English).

Morley I. The prehistory of music: human evolution, archaeology, and the origins of musicality. Oxford: University Press (OUP), 2013. 464 p (in English).

Oliver B. M., del Molino A. A.-G., Valle R. M., Juan-C: banilles J. Los tubos de hueso de la Cova de l'Or (Beniarrés, Alicante). Instrumentos musicales en el Neolítico Antiguo de la Península Ibérica // Trabajos de Prehistoria. 2001. Vol. 58 (2). P. 41–67 (in Spanish).

Praxmarer M. Different blowing techniques for palaeolithic aerophones: animal calls, clarinets and flutes // *Journal of music archaeology*. 2023. Vol. 1. P. 39–57 (in English).

Zhang J., Xiao X., Lee Y.K. The early development of music. Analysis of the Jiahu bone flutes // *Antiquity*. 2004. Vol. 78. P. 769–778 (in English).

REFERENCES

Abramova Z.A. *Paleolit Eniseia. Afontovskaia kul'tura* [Palaeolithic of the Yenisei River. The Afontovo Culture]. Novosibirsk: Nauka, 1979, 157 p. (in Russian).

Abramova Z.A. *Paleoliticheskoye iskusstvo na territorii SSSR* [Palaeolithic Art in the USSR]. Moscow, Leningrad: AS USSR Publ., 1962, 86 p. (in Russian).

Bazaliiskii V.I. Pogrebal'nye komplekсы epokhi pozdnego mezolita — neolita Baikalskoi Sibiri: traditsii pogrebenii, absoliutnyi vozrast [Burial Complexes of the Late Mesolithic Age — the Neolithic of Baikal Siberia: Traditions of Burial, Absolute Age]. *Izvestiia laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of ancient technologies], 2012, № 1 (9). P. 43–101 (in Russian).

Blagodatov G. I. Muzykal'nye instrumenty narodov Sibiri [Musical Instruments of the Peoples of Siberia]. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. M.; L.: IAN SSSR Publ., 1958, vol. 18. P. 187–207 (in Russian).

Bulochnikova E. V. Prostranstvennoe raspredelenie obrabotanykh kosti i kosti so sledami ispol'zovaniya stoyanki Avdeevo [Spatial Distribution of the Processed bone and Bone with Traces of the Use of the Avdeevo site]. *Predmety vooruzheniya i iskusstva iz kosti v drevnikh kul'turakh Severnoy Evrazi* [Weapons and Art Made from Bone in the Prehistoric Cultures of Northern Eurasia]. St. Petersburg, Nauka, 2011. P. 48–68 (in Russian).

Chistiakov P. V., Bocharova E. N., Kolobova K. A. Obrabotka trekhmernykh modelei arkheologicheskikh artefaktov [Processing Three-Dimensional Models of Archaeological Artifacts]. *Vestnik NGU. Seriya: Istorii, filologiya: Arkheologiya i etnografiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology: Archaeology and Ethnography], 2021, vol. 20, no. 7, p. 48–61 (in Russian).

Chistiakov P. V., Kovalev V. S., Kolobova K. A., Shalagina A. V., Krivoshepin A. I. 3D modelirovanie arkheologicheskikh artefaktov pri pomoshchi skanerov strukturirovannogo podsveta [3D Modeling of Archaeological Artifacts by Structured Light Scanner]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research], 2019, vol. 27, no. 3. P. 102–112 (in Russian).

Derevianko A. P., Rybin E. P. Drevneishee proiavlenie simvolicheskoi deiatel'nosti paleoliticheskogo cheloveka na Gornom Altae [The earliest representations of symbolic behavior by Paleolithic humans in the Altai Mountains]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], 2003, no. 3. P. 27–50 (in Russian).

Derevianko A. P., Shunkov M. V. Stanovlenie verkhnepaleoliticheskoi traditsii na Altae [Formation of the Upper Paleolithic Traditions in Altai]. *Perekhod ot srednego k pozdnemu paleolitu v Evrazii: gipotezy i fakty: Sb. nauch. tr.* [The Middle to upper paleolithic transition

in Eurasia: hypotheses and facts: coll. of sci. papers]. Novosibirsk: IAET SO RAN press, 2005. P. 283–311 (in Russian).

D'iakonov V. M. Nakhodka kostianogo igol'nika s iglami na neoliticheskoj stoinke Vladimirovka III (Tsentral'naja Iakutiia): voprosy analogii i fenomen persistentnosti v kul'turnom razvitii [The find of a bone needle case with bone needles at the neolithic site of Vladimirovka III (central Yakutia): issues of analogies and the phenomenon of persistence in cultural development]. *Vestnik SVNTs DVO RAN. Seriya: Istoriiia, arkheologiia, etnografiia* [Bulletin of the North-East Scientific Center of FEB RAS. Series: History, Archaeology, Ethnography], 2014, № 1. P. 89–96 (in Russian).

Efremov S. A. Predmety iz kosti epokhi neolita — eneolita peshchery Kaminnaja (Severo-Zapadnyi Altai) [Bone items from the Neolithic — Eneolithic Age of the Kaminnaya cave (NorthWestern Altai)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighbouring Territories]. Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2006, vol. 11, pt. 1. P. 137–140 (in Russian).

Fedorchenko A. Iu., Belousova N. E., Kozlikin M. B., Shun'kov M. V. Kostiane igol'niki verkhnego paleolita Sibiri: obzor dannykh [The Upper Palaeolithic Bone Needle Cases of Siberia: An Overview]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriiia, filologiia: Arkheologiia i etnografiia* [Vestnik NSU. Series: History and Philology: Archaeology and Ethnography], 2022, vol. 21, no 3. P. 44–59 (in Russian).

Igol'nik. Podrobnoe opisaniie eksponata, audiogid, interesnye fakty [Needlecase. Artefact description, audio guide, interesting facts]. URL: <https://ar.culture.ru/en/subject/igolnik> (accessed March 5, 2024) (in Russian).

Ivanov S. V. *Ornament narodov Sibiri kak istoricheskii istochnik* [The ornament of the peoples of Siberia as a historical source]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1963, 494 p. (in Russian).

Kozhevnikova D. V., Lbova L. V., Volkov P. V. Prosteishie aerofony v kompleksakh rannego verkhnego paleolita (materialy Zabaikal'ia) [The Simplest Aerophones in the Complexes of the Early Upper Palaeolithic (materials of Transbaikalia)]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriiia, filologiia* [Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2011, vol. 10, no. 5: Archaeology and Ethnography]. pp. 155–161 (in Russian).

Lbova L. V., Kozhevnikova D. V. *Formy znakovogo povedeniia v paleolite: muzykal'naja deiatel'nost' i fonoinstrumenty* [Forms of Musical Behavior in the Palaeolithic: Musical activity and Phono Instruments]. Novosibirsk: NGU Publ., 2016, 244 p. (in Russian).

Neolit Severnoi Evrazii [Neolithic of Northern Eurasia]. Moscow: Nauka Publ., 1996, 380 p. (in Russian).

Okladnikov A. P. *Lenskie drevnosti* [Lena antiquities]. Iakutsk: Gos. Tipografiia, 1946, no. 2, 186 p. (in Russian).

Okladnikov A. P. *Neolit i bronzovyi vek Pribaikal'ia. Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie* [Neolithic and Bronze Age of the Baikal Region: Historical and Archaeological Research]. Moscow, Leningrad: AN SSSR Publ., 1950, no. 18, 411 p. (in Russian).

Okladnikov A. P. *Neoliticheskie pamiatniki Angary: (ot Shchukino do Bureti)* [Neolithic monuments of Angara (from Shchukino to Buret)]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie Publ., 1974, 319 p. (in Russian).

Okladnikov A. P. *Verkholskii mogil'nik — pamiatnik drevnei kul'tury narodov Sibiri* [Verkholsky burial ground — a monument to the ancient culture of the peoples of Siberia]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie Publ., 1978, 287 p. (in Russian).

Pitulko V. V., Pavlova E. Yu. *Verkhnepaleoliticheskoye shveynoye proizvodstvo na Yanskoy stoyanke, Arkticheskaya Sibir'* [Upper Palaeolithic Sewing Kit from the Yana Site, Arctic Siberia]. Stratum Plus, 2019, no. 1. P. 157–224 (in Russian).

Sheikin Iu. I. *Istoriia muzykal'noi kul'tury narodov Sibiri: sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie* [History of the musical culture of the people of Siberia: A comparative historical study]. Moscow: Vost. Lit. Publ., 2002, 718 p. (in Russian).

Sinitsyn A. A. *Stilisticheskii aspekt analiza. Kremnevyy inventar', ornamenti, natel'nye ukrasheniia* [Stylistic aspect of analysis. Flint implements, ornaments, body jewelry]. *Aktual'nye voprosy evraziiskogo paleolitovedeniia: Materialy dokladov Mezhdunarodnogo simpoziuma «Zaselenie pervobytnym chelovekom Tsentral'noi, Severnoi i Vostochnoi Azii: arkhologicheskii i paleoekologicheskii aspekty»* [The current issues of Paleolithic studies in Eurasia: proceedings of the international symposium «Early Human Habitation of Central, Northern, and Eastern Asia: Archaeological and Paleoecological Aspects»]. Novosibirsk, 2005. P. 179–184 (in Russian).

Ausset-Lambrechts C. Art and Adornment in Belgium during the Upper Paleolithic [L'Art et la Parure en Belgique pendant la Paléolithique supérieur]. *Newsletter of the Prehistoric Society of France* [Bulletin de la Société préhistorique de France]. 1930, vol. 27. P. 468–482 (in French).

Averbouh A. Tube Sheets and Cases [Fiches tubes et étuis]. *Typological Sheets of the Prehistoric Bone Industry. Vol. VI: Receiving elements* [Fiches typologiques de l'industrie osseuse préhistorique. Cahier VI: Éléments récepteurs]. 1993. P. 99–113 (in French).

Buisson D. The Paleolithic Flutes of Isturitz (Pyrénées-Atlantiques) [Les flûtes paléolithiques d'Isturitz (Pyrénées-Atlantiques)]. *Newsletter of the French Prehistoric Society* [Bulletin de la Société préhistorique française]. 1990, vol. 87 (10–12). P. 420–433 (in French).

Conard N. J., Malina M., Münzel S. C. New Flutes Document the Earliest Musical Tradition in Southwestern Germany. *Nature*. 2009, vol. 460. P. 737–740 (in English).

Davis S., Moreno-García M. Of Metapodials, Measurements and Music — Eight Years of Miscellaneous Zooarchaeological Discoveries at the IPA, Lisbon. *Archaeology of Portugal* [Arqueólogo Português]. 2007, vol. IV (25). P. 9–165 (in English).

Kolobova K. A., Fedorchenko A. Y., Basova N. V., Postnov A. V., Kovalev V. S., Chistyakov P. V., Molodin V. I. The Use of 3D-Modeling for Reconstructing the Appearance and Function of Non-Utilitarian Items (the Case of Anthropomorphic Figurines from Tourist-2). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2019, no. 4 (47). P. 66–76 (in English).

MaMing, K. Jiang, J. Li, L. Chen, G. Lei. Use of Vulture Bone Flutes and Other Products in China Roller. *Vulture News*. 2020, vol. 78. P. 20–30 (in English).

Mannermaa K., Rainio R. Needle Case, Sound Instrument or Something Else? A Worked and Ornamented Swan (*Cygnus* sp.) Ulna from a Late Mesolithic Male Burial, Yuzhniy Oleniy Ostrov, Northwest Russia. *Quaternary International*. 2020. vol. 543. P. 34–42 (in English).

Morley I. *The Prehistory of Music: Human Evolution, Archaeology and the Origins of Musicality*. Oxford: University Press (OUP), 2013, 464 p (in English).

Oliver B. M., del Molino A.A.-G., Valle R. M, Juan-Cabanilles J. The Bone Tubes from the Cova de l'Or (Beniarres, Alicante). *Musical Instruments in the Early Neolithic of the Iberian Peninsula* [Los tubos de hueso de la Cova de l'Or (Beniarrés, Alicante). Instrumentos musicales en el Neolítico Antiguo de la Península Ibérica]. *Works of the Prehistoric* [Trabajos de Prehistoria]. 2001, vol. 58 (2). P. 41–67 (in Spanish).

Praxmarer M. Different Blowing Techniques for Palaeolithic Aerophones: Animal Calls, Clarinets and Flutes. *Journal of Music Archaeology*. 2023, vol. 1. P. 39–57 (in English).

Zhang J., Xiao X., Lee Y.K. The Early Development of Music. Analysis of the Jiahu Bone Flutes. *Antiquity*. 2004, vol. 78. P. 769–778 (in English).

Статья поступила в редакцию: 29.04.2024

Принята к публикации: 17.10.2024

Дата публикации: 24.12.2024

УДК 903.2

DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–03

**К. А. Колобова, А. В. Харевич, Е. Н. Бочарова, Г. Д. Павленок,
Р. К. Жданов, А. И. Кривошапкин**

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия)

Г. А. Мухтаров

Национальный центр археологии Республики Узбекистан, Ташкент (Узбекистан)

Т. У. Худжагелдиев

*Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ, Душанбе
(Таджикистан)*

КАРЕНОИДНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ЗАПАДА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: КОНВЕРГЕНТНОЕ РАЗВИТИЕ ИЛИ ТРАНСФЕР КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

Статья посвящена изучению генезиса кареноидной технологии верхнепалеолитической кульбулакской культуры запада Центральной Азии. Ранние проявления кареноидной технологии в Центральной Азии фиксируются в среднепалеолитических комплексах обирахматского варианта. Ранее предполагалось формирование кульбулакской культуры на основе постепенного развития среднепалеолитических обирахматских индустрий. Проведенные в последние годы исследования продемонстрировали, что в кульбулакской культуре кареноидная технология фиксируется в сформированном устойчивом виде, и это заставило пересмотреть вопрос ее происхождения. Было проведено детальное сопоставление кареноидной технологии из кульбулакских и обирахматских комплексов. Для реконструкции технологии утилизации кареноидных нуклеусов использовался анализ последовательности сколов. Для оценки взаимосвязи в коллекциях пластинок разных типов и кареноидных нуклеусов были применены корреляционные тесты Пирсона и Спирмена. Сопоставление кульбулакских и обирахматских комплексов производилось посредством анализа главных координат.

Проведенный анализ кареноидных нуклеусов из среднепалеолитических и верхнепалеолитических комплексов западной части Центральной Азии показал, что кульбулакская верхнепалеолитическая технология утилизации кареноидных нуклеусов появляется в регионе в сформированном высоко стандартизированном виде. Выделяется две основных схемы получения пластинок с изогнутым профилем, обусловленные морфологией используемых заготовок. Обе реконструированные схемы соответствуют общей концепции, при которой создавалась или выбиралась площадка на заготовке, оформлялась характерная кареноидная выпуклость фронта, а с этого фронта реализовывались целевые пластинки с изогнутым или закрученным профилем. В зависи-

мости от заготовки некоторые нуклеусы требовали более интенсивного оформления фронта и площадки. В соответствии с этим выделяются длинная и короткая последовательности утилизации нуклеусов. Кареноидные нуклеусы из хронологически и стратиграфически более ранних комплексов обирахматской культурной традиции демонстрируют широкую вариабельность и были одним из способов получения заготовок в рамках становления мелкопластинчатого расщепления.

Ключевые слова: Центральная Азия, верхний палеолит, кульбулакская культура, кареноидные изделия, технология, орудия-маркеры

Для цитирования

Колобова К. А., Харевиц А. В., Бочарова Е. Н., Павленок Г. Д., Жданов Р. К., Кривошапкин А. И., Мухтаров Г. А., Худжагелдиев Т. У. Кареноидная технология в верхнем палеолите запада Центральной Азии: конвергентное развитие или трансфер культурных традиций // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 4. С. 42–57. DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–03.

**K. A. Kolobova, A. V. Kharevich, E. N. Bocharova, G. D. Pavlenok,
R. K. Zhdanov, A. I. Krivoshapkin**

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

G. A. Muhtorov

National Center of Archaeology, Republic of Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan)

T. U. Khudzhageldiev

A. Doniya Institute of History, Archeology and Ethnography of NANT, Republic of Tajikistan (Dushanbe, Tajikistan)

CARINATED TECHNOLOGY IN THE UPPER PALAEOLITHIC OF WEST CENTRAL ASIA: CONVERGENT EVOLUTION OR CULTURAL TRANSFER

The article presents a study on the genesis of the Upper Paleolithic carinated technology in the Kulbulakian from western Central Asia. The initial manifestations of carinated technology in Central Asia are documented in the Middle Paleolithic Obirahmatian period. The formation of the Kulbulakian on the basis of the gradual development of Middle Paleolithic local complexes has previously been proposed (Kolobova et al., 2013). The studies conducted in recent years have demonstrated that in Kulbulakian, the carinated technology has reached a developed and stable form. This has prompted a re-evaluation of the question of its origin. A comprehensive comparative analysis of crenoid technology was conducted in the

---

Kulbulakian and Obirahmatian. Scar pattern analysis was employed in order to reconstruct the carinated technology. Pearson and Spearman correlation tests were used to evaluate the interrelationship between bladelet collections of bladelets of disparate types and carinated cores. A principal coordinate analysis (PCoA) was employed to facilitate a comparative analysis of the Kulbulakian and Obirakhmatian complexes. Analysis of carinated cores from the Middle and Upper Paleolithic in western Central Asia has shown that the Kulbulakian Upper Paleolithic carinated technology manifested itself in the region in a highly standardized form. Two principal schemes for the production of curved bladelets are distinguished by the morphology of the core blanks used. The two reconstructed schemes adhere to a common concept, whereby a striking platform on the pre-core was either created or selected, a distinctive carinated convex front was designed, and target bladelets with a curved or twisted profile were produced from this front. The need for more intensive front and striking platform treatment was dependent on the core blank in question. In consequence, long and short sequences of carinated core reduction sequence are distinguished. The carinated cores of the Obirahmatian, both in terms of chronology and stratigraphy, display considerable variability. They represent one of the methods of obtaining blanks as part of the bladelet technological sequence.

Keywords: Central Asia, Upper Paleolithic, Kulbulakian, carinated, technology, tool-markers

---

For citation:

Kolobova K. A., Kharevich A. V., Bocharova E. N., Pavlenok G. D., Zhdanov R. K., Krivoshapkin A. I., Muhtorov G. A., Khudzhageldiev T. U. Carinated technology in the upper palaeolithic of west Central Asia: convergent evolution or cultural transfer. *Nations and religions of Eurasia*. 2024. T. 29, № 4. P. 42–57 (in Russian). DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–03.

Колобова Ксения Анатольевна, доктор исторических наук, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** kolobovak@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5757-3251>

Харевич Алена Владимировна, кандидат исторических наук, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** aliona.shalagina@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2267-2452>

Бочарова Екатерина Николаевна, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** bocharova.e@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-7961-0818>

Павленок Галина Дмитриевна, кандидат исторических наук, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** lukianovagalina@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3727-776X>

Жданов Равиль Камильевич, кандидат физико-технических наук, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** rav@xargr.org; <https://orcid.org/0000-0002-0464-9435>

Кривошапкин Андрей Иннокентьевич, доктор исторических наук, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** krivoshapkin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5327-3438>

Мухтаров Гайратхон Арсалонович, Национальный центр археологии, Ташкент, Узбекистан. **Адрес для контактов:** gayratxon75@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5405-0041>

Худжагелдиев Тура Урунович, кандидат сельскохозяйственных наук, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ, Душанбе (Таджикистан). Адрес для контактов: tura959@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5405>

Kolobova Ksenia Anatolyevna, Dr. Habil (History), Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS, Novosibirsk (Russia) **Contact address:** kolobovak@yandex.ru; ORCID 0000-0002-5757-3251

Kharevich Alyona Vladimirovna, PhD (History), Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS, Novosibirsk (Russia). **Contact address:** aliona.shalagina@yandex.ru; ORCID 0000-0002-2267-2452

Bocharova Ekaterina Nikolaevna, Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS, Novosibirsk (Russia). **Contact address:** bocharova.e@gmail.com; ORCID 0000-0002-7961-0818

Pavlenok Galina Dmitrievna, PhD (History), Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS, Novosibirsk (Russia). **Contact address:** lukianovagalina@yandex.ru; ORCID 0000-0003-3727-776X

Zhdanov Ravil Kamilevich, PhD (physics and math), Institute of Archaeology and Ethnography of SB, Novosibirsk (Russia). **Contact address:** rav@xargr.org; ORCID 0000-0002-0464-9435

Krivoshapkin Andrey Innokentievich, Dr. Habil (History), Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS, Novosibirsk (Russia). **Contact address:** krivoshapkin@mail.ru; ORCID 0000-0002-5327-3438

Muhtarov Gayrathon A., National Center of Archeology AS RUz, Tashkent (Uzbekistan). **Contact address:** gayratxon75@mail.ru; ORCID 0000-0002-5405-0041

Khudzhageldiev Tura Urunovich, PhD (Agricultural), A. Donish Institute of history, archeology and ethnography, Dushanbe (Tajikistan). **Contact address:** tura959@mail.ru; ORCID 0000-0002-5405-0041

Введение

Долгое время кареноидные изделия считались орудиями-маркерами ориньякских комплексов [Vonilauri et al., 2021; Falcucci et al., 2017]. Современные исследования показали, что этот тип орудий встречается в более широком хронологическом и культурном контексте. Так, например, кареноидные изделия были найдены в среднепалеолитических комплексах [Кривошапкин и др., 2012] и индустриях раннего верхнего палеолита (шательперронийан, богунисьен, улуциан) Европы, Ближнего Востока, Северной и Центральной Азии, а также Сибири [Pelegrin, Soressi, 2007; Škrdla, 2017; Aleo et al., 2021]. Первоначально изделия кареноидной морфологии рассматривались ис-

---

ключительно как орудия [Sonneville-Bordes, Perrot, 1954; Movius, Brooks, 1971], но более детальное изучение мелких пластинчатых заготовок и применение аппликативного метода показали, что пластинки с изогнутым и закрученным профилем чаще всего получали с кареноидных нуклеусов [Le Brun-Ricalens, 2005]. В современной историографии признается, что часть кареноидных изделий, безусловно, использовалась как орудия, но большинство из них служило нуклеусами для мелких пластин с изогнутым и закрученным профилем [Haas, Lucas, 2000].

В западной части Центральной Азии развитая кареноидная технология фиксируется в комплексах кульбулакской культуры, которая демонстрирует некоторые из ориньякских характеристик [Kolobova et al., 2013]. При этом ранние проявления кареноидной технологии фиксируются еще в обирахматском варианте среднего палеолита (грот Оби-Рахмат, Кульбулак сл. 23, Худжи) [Кривошапкин и др., 2012]. Ранее предполагалось [Kolobova et al., 2013] формирование кульбулакской культуры на основе постепенного развития среднепалеолитических пластинчатых индустрий, которые образуют обирахматский вариант среднего палеолита региона. Проведенные в последние годы исследования [Колобова и др., 2022] продемонстрировали, что в кульбулакской культуре кареноидная технология фиксируется в сформированном устойчивом виде, и это заставляет пересмотреть вопрос ее происхождения.

В данной работе предлагается сравнение кареноидной технологии кульбулакской культуры с кареноидными изделиями обирахматской традиции с целью определения ее генезиса.

Материалы и методы

Кульбулакская культура была выделена на материалах ряда верхнепалеолитических памятников Памиро-Тянь-Шаня, демонстрирующих единые технологические традиции: слои 2.2 и 2.1 стоянки Кульбулак; слои 5–2 стоянки Додекатым; стоянка Кызыл-Алма-2 (Узбекистан); слои 4–1 стоянки Шугноу (Таджикистан). Перечисленные комплексы демонстрируют развитую мелкопластинчатую технологию, а также выраженный микролитический комплекс, включающий изделия с притупленной спинкой и треугольные микролиты [Kolobova et al., 2013]. Ярким компонентом кульбулакской культуры является наличие кареноидной технологии, которая была направлена на получение пластинок с изогнутым и закрученным профилем [Kolobova et al., 2014]. Хронологические рамки кульбулакского варианта верхнего палеолита определяются в пределах 35–23 кал. тыс. л. н.

В данной статье рассматривается следующая коллекция кареноидных изделий (112 экз.): Кульбулак, слой 2.1 — 62 экз.; Шугноу, слои 2–3 — 7 экз., Шугноу, слой 1 — 28 экз.; Додекатым-2, слой 5 — 7 экз.; Додекатым-2, слой 4 — 4 экз., Додекатым-2, слой 2 — 4 экз., а также пластинки, которые, судя по негативам на фронте, были продуктами их расщепления [Kolobova et al., 2011; Kolobova, Krivoschapkin, Shnaider, 2019; Ranov, Kolobova, Krivoschapkin, 2012].

Обирахматский индустриальный вариант среднего палеолита характеризуется сочетанием развитой леваллуазской технологии и пластинчатых методов утилизации подпризматических нуклеусов [Кривошапкин, 2012]. К обирахматскому варианту относятся стоянки Кульбулак, слой 23 (Узбекистан), Худжи и Хонако-3 пк 2 (Таджики-

стан). Важной особенностью обирахматских индустрий является разнообразное мелкопластинчатое расщепление, которое проявляется в том числе в наличии кареноидных нуклеусов и пластинок с изогнутым профилем. Для технологического и типологического сопоставления кульбулакской и обирахматской кареноидной технологии было привлечено 27 экз. кареноидных изделий из грота Оби-Рахмат из слоев 3–5, 7, датирующихся в хронологическом диапазоне от 45 до 40 тыс. л. н. А также изделия из наиболее древних слоев (19–21) грота, которые датируются 80–60 тыс. л. н.

Для реконструкции технологии утилизации кареноидных нуклеусов использовался анализ последовательности сколов, который заключается в восстановлении последовательности оформления каменного изделия посредством изучения всех имеющихся на его поверхности негативов. В результате анализа для каждого изделия составляется блок-схема, которая представляет собой реконструкцию последовательной цепочки отдельных этапов оформления орудия. Под каждым блоком в схеме понимается группа негативов со схожими морфологическими характеристиками (сняты с одной ударной площадки, в одном направлении и т.д.) и направленных на решение одной технологической задачи.

Для изучения взаимосвязи в коллекциях пластинок разных типов и кареноидных нуклеусов были применены методы математической статистики. В тех случаях, когда выборки демонстрировали нормальное распределение по тесту Шапиро-Уилки, то нами применялся корреляционный тест Пирсона, в тех случаях, когда нормальное распределение не фиксировалось, — корреляционный тест Спирмена. Для широкого сопоставления верхнепалеолитических и среднепалеолитических комплексов использовался анализ главных координат. Все вычисления осуществлялись в программе Past [Hammer, Harper, 2001].

Результаты

Кареноидная технология в кульбулакской верхнепалеолитической культуре

В результате анализа последовательности сколов кареноидных нуклеусов были выделены две основные схемы получения пластинок с изогнутым профилем, которые обусловлены морфологией используемых заготовок.

Первая схема (латеральные кареноидные нуклеусы) реализовывалась на отдельных сырьях и массивных сколах (рис. 1, а). В случае использования скола в качестве латералей нуклеуса выступали дорсальная и вентральная плоскости. Данная схема предусматривала несколько этапов. На первом этапе создавалась ударная площадка, с которой впоследствии снимался инициальный реберчатый или полуреберчатый скол. Снятие этого скола, как правило, предшествовало дополнительному созданию ребра в случае, если подходящее ребро отсутствовало на заготовке (рис. 1.–1, негативы В). Затем производилось формирование выпуклости фронта с помощью латеральных снятий и снятий, формирующих киль нуклеуса (рис. 1.–1, негативы D, E). Следующий этап утилизации нуклеуса предусматривал получение серии целевых сколов с участка фронта, ограниченного негативами латеральных снятий (рис. 1.–1, негативы F). Получение целевых сколов могло сопровождаться редуцией зоны расщепления. После получения целевых сколов снова реализовывался этап создания выпуклости фронта и дополнительной подправки нуклеуса. В рамках этого этапа могла производиться подправка

площадки путем снятия скола — «таблетки», а также новая серия латеральных сколов и сколов с кия (рис. 1.-1, негативы J, H). После этого снова реализовывался этап получения целевых сколов (рис. 1.-1, негативы K).

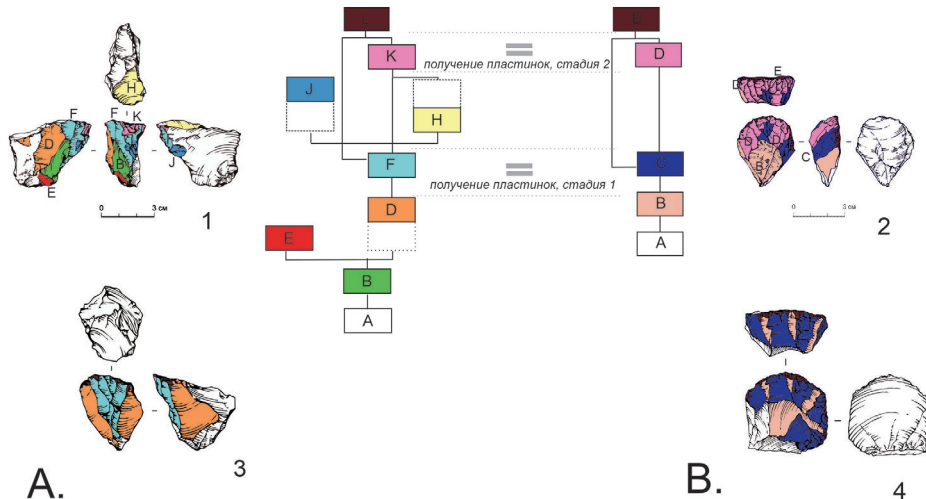

Рис. 1. Реконструированные последовательности утилизации кареноидных нуклеусов в комплексах кульбулакской верхнепалеолитической культуры: А – кареноидные латеральные нуклеусы: 1, 3 – Шугноу, слой 1; В – кареноидные скребки: 2 – Додекато-2, слой 5, 4 – Шугноу, слой 1

Fig. 1. Reconstructed sequences of utilization of karenoid nuclei in the complexes of the Kulbulak Upper Paleolithic culture: A – karenoid lateral nuclei: 1, 3 – Shugnou, sl. 1; B – karenoid scrapers: 2 – Dodecato-2, sl. 5, 4 – Shugnou, sl. 1

Таким образом, данная редукционная последовательность предусматривала рекуррентное получение пластинок с изогнутым или закрученным профилем, которому предшествовало дополнительное оформление выпуклости фронта и подправка площадки (рис. 1.-1, 3). Максимально нам удалось зафиксировать три этапа реализации пластинок с одного нуклеуса. Латеральные технические сколы отличались от целевых большей шириной и меньшей стандартизацией метрических параметров. Данная технологическая схема наиболее близка технологической схеме расщепления скребков *Вашон* [Pesesse, Michel, 2006].

Вторая реконструированная схема (кареноидные нуклеусы-скребки) представляет собой более короткий вариант последовательности утилизации нуклеуса (рис. 1.-b). В качестве заготовки использовался массивный в поперечном сечении отщеп либо другая массивная заготовка. Первый этап последовательности заключался в выборе плоскости ударной площадки (в случае вентральной поверхности) либо ее создании. Затем следовал этап подготовки фронта расщепления путем снятия отщепов, создающих выпуклость фронта (рис. 1.-2, негативы В). После этого реализовывался этап получения целевых заготовок — миниатюрных пластинок с изогнутым профилем (рис. 1.-2,

негативы С). Затем производилась следующая серия заготовок (рис. 1.–2, негативы D). Получение целевых пластинок часто сопровождалось редукцией зоны расщепления.

Описываемая редукционная последовательность предполагала несколько циклов получения целевых сколов без реализации дополнительных технических снятий между ними (рис. 1.–2, 4). Целевые сколы, полученные в рамках этой последовательности, отличаются стандартизированными размерами и менее удлинены по сравнению с целевыми заготовками, полученными в рамках первой последовательности.

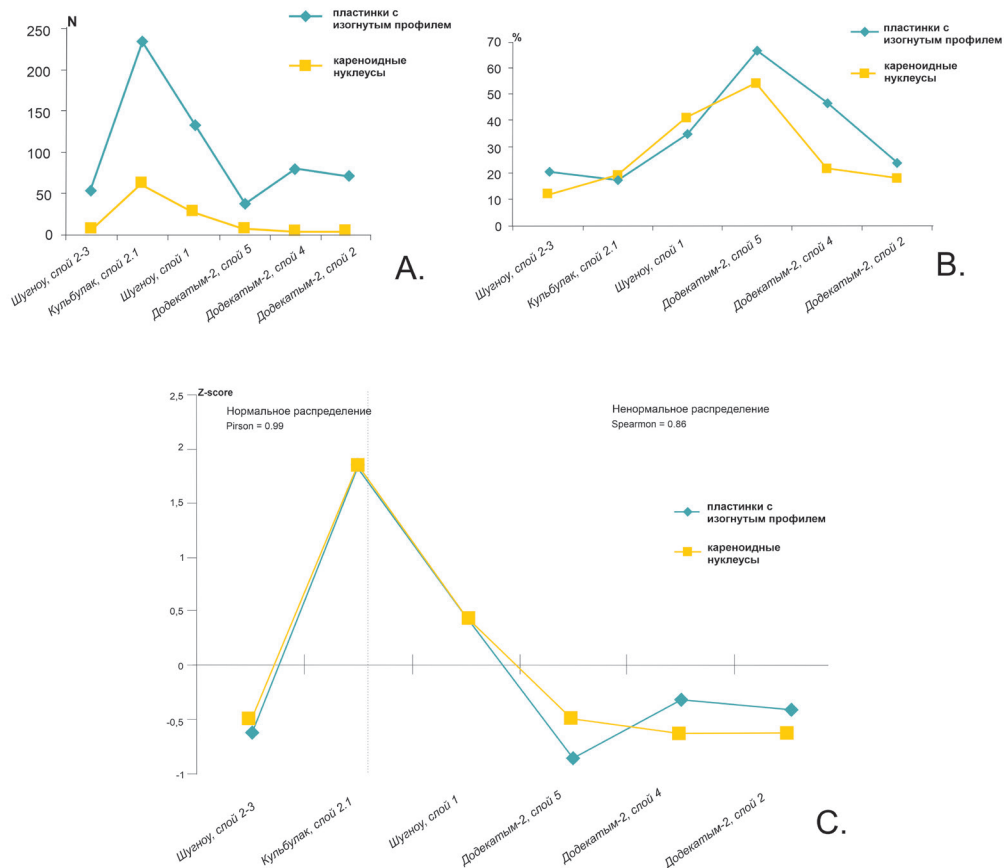

Рис. 2. Соотношение кареноидных нуклеусов и пластинок с изогнутым профилем на стоянках кульбулакской верхнепалеолитической культуры: А – количество; В – процент (%);

С – Z-score стандартизация

Fig. 2. Ratio karenoid nuclei and plates with a curved profile at the sites of the Kulbulak Upper Paleolithic culture: A – quantity; B – %; C – Z-score standardization

В целом, обе реконструированные схемы соответствуют общей концепции реализации кареноидных нуклеусов, при которой создавалась или выбиралась площадка на заготовке, оформлялась характерная кареноидная выпуклость фронта, а с этого

фронта реализовывались целевые пластинки с изогнутым или закрученным профилем. Как правило, реализация целевых сколов производилась в несколько рекуррентных циклов. В зависимости от заготовки некоторые нуклеусы требовали более интенсивного оформления фронта и площадки. В соответствии с этим выделяются длинная (схема А) и короткая (схема В) последовательности утилизации нуклеусов. На финальных этапах расщепления короткой схемы (кареноидные скребки) часто применяются такие же технические приемы, как и в процессе реализации длинной схемы (латеральные нуклеусы). Фактически две схемы объединяются (рис. 1).

Изучение взаимосвязи профиля пластинок и кареноидных нуклеусов показало, что в комплексах кульбулакской верхнепалеолитической культуры фиксируется корреляция между кареноидными нуклеусами и пластинками с изогнутым профилем (рис. 2). Из графиков следует, что две этих переменных значительно коррелируют между собой (рис. 2). Также прямая корреляция была отмечена между количеством призматических нуклеусов и пластинками с прямым профилем, с которых их получали.

Кареноидные нуклеусы в обирахматском индустриальном варианте

В обирахматской индустрии конвергентная технология носила более ситуативный и разнообразный характер по сравнению с кульбулакскими комплексами. Здесь выделяются нуклеусы различной типологии: кареноидные скребки (рис. 3.-1, 3, 10), резцы типа *вашон* (рис. 3.-4–5,8, 13–14), резцы типа бюске (рис. 3.-6), резцы типа *навиланд* [Dinnis, 2008] (рис. 3.-2, 7, 9, 11–12). Площадки и фронты нуклеусов оформлялись очень разнообразно.

В качестве заготовок для кареноидных изделий использовались сколы и массивности сырья. В тех случаях, когда в качестве заготовки использовался скол, предпочтение отдавалось массивным в поперечном сечении крупным сколам, преимущественно крутолатеральным. В тех случаях, когда в качестве заготовки выбирались отдельные куски сырья, то предпочтение отдавалось треугольным в плане заготовкам.

Для ударной площадки использовали как неподготовленную плоскость (чаще всего вентральную поверхность скола), так и предварительно оформленные площадки. Оформление площадки производилось серией сколов, проведенных с фронта или латералей ядрища. В последнем случае для подправки ударных площадок по ходу расщепления часто применялось снятие «таблеток» [Кривошапкин и др., 2012].

Расщепление начиналось с удаления ребра. Ребро могло быть естественным, т. е. в качестве первичного направляющего ребра мог выступать один из краев скола, либо ребро специально подготавливалось чередующимися сколами. После удачной реализации реберчатого снятия следовало серийное снятие заготовок. На некоторых изделиях фиксируется только одна серия снятий.

На ряде изделий необходимая ширина фронта контролировалась латеральными сколами, которые могли реализовываться как до расщепления, так и в его процессе. Кили нуклеусов подрабатывались, либо ретушью по краю, либо продольными сколами с фронта расщепления. В единичном случае отмечено применение встречного скалывания для поддержания выпуклости фронта [Кривошапкин и др., 2012].

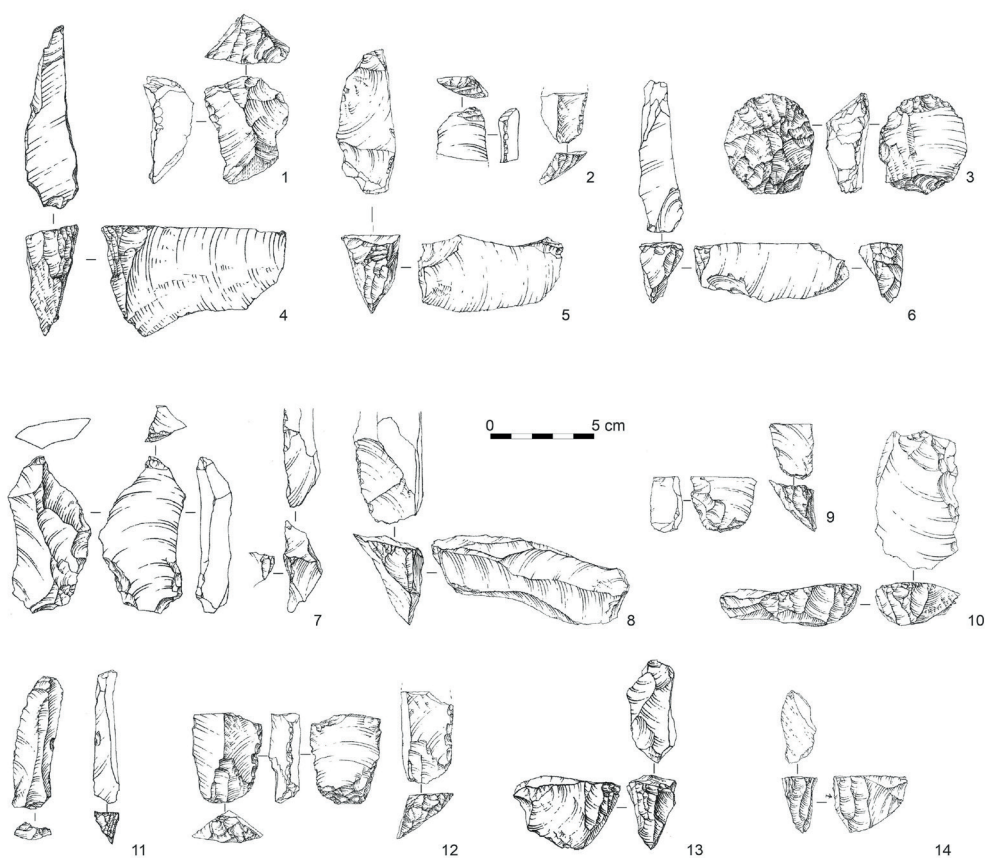

Рис. 3. Кареноидные изделия со стоянки Оби-Рахмат

Fig. 3. Kareoid products from the Obi-Rahmat site

Основным отличием мелкопластинчатого производства в обирахматской традиции и кульбулакской верхнепалеолитической является значительное разнообразие в использовании способов и принципов расщепления, что, вероятно, свидетельствует о поиске оптимальной стратегии получения мелкопластинчатых заготовок (в том числе и с изогнутыми и закрученными профилями). В комплексах кульбулакской традиции уже использовалось ограниченное количество отработанных приемов для получения заготовок необходимого морфологического облика, что свидетельствует о гораздо большей степени стандартизации и отработанности технологий. В том числе есть ряд технических приемов, которые фиксируются только в обирахматской традиции и не находят своего отражения в верхнепалеолитической кульбулакской культуре. Это образование выемок для ограничения длины фронта, использование конвергентных дистальных окончаний в качестве фронтов для расщепления (в результате ядрища по своей морфологии приближаются к резцам типа бюске), формирование ударных площадок, оформленных в продольно-поперечном направлении.

Дискуссия и выводы

В западной части Центральной Азии кареноидные изделия известны с финального среднего палеолита. Самое раннее их появление фиксируется в нижних слоях грота Оби-Рахмат, которые датируются 80 тыс. л. н., затем они стабильно присутствуют на протяжении всего разреза до 40 тыс. л. н. в верхних слоях грота. Наиболее широкое распространение кареноидные изделия получают в хронологический промежуток от 40 до 35 тыс. л. н. в комплексах кульбулакской верхнепалеолитической культуры. А также серии кареноидных нуклеусов фиксируются в синхронных верхнепалеолитических комплексах Южного Казахстана, которые демонстрируют схожие с кульбулакскими технико-типологические характеристики: стоянка Майбулак (слой 6) [Ожерельев, Успенская, Таймагамбетов, 2023] и Буйруокбастау-Булак-1 [Kunitake, Taimagambetov, 2021].

Как показали технологический и типологический анализы, обирахматские кареноидные нуклеусы демонстрируют большое разнообразие. В свою очередь, в верхнепалеолитических кульбулакских комплексах расщепление кареноидных нуклеусов происходило в рамках двух вариантов одной технологической схемы, выбор которых зависел от типа заготовки. Процессы их расщепления, начиная с этапа получения целевых сколов, практически идентичны. Варианты обработки ударных площадок и фронтов немногочисленны.

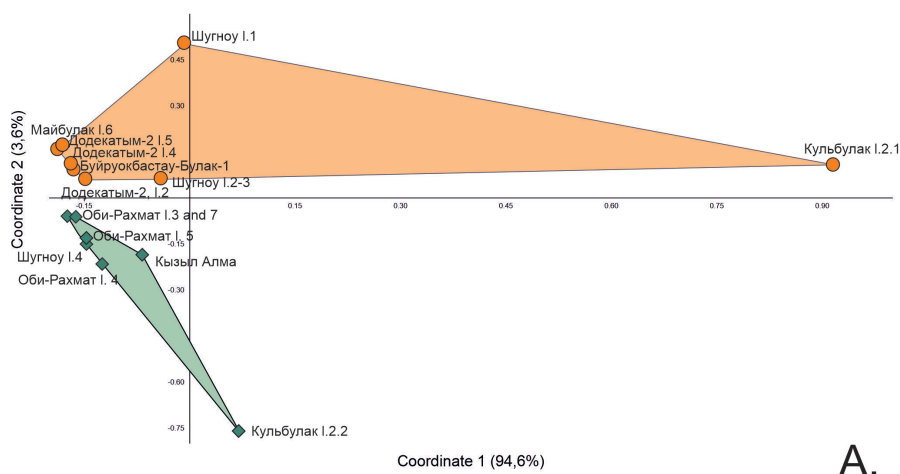
Для определения генезиса верхнепалеолитической кареноидной технологии в западной части Центральной Азии и выявления вариабельности между верхнепалеолитическими индустриями региона мы провели анализ главных координат. В группы выборок вошли стратиграфически и хронологически ранние комплексы грота Оби-Рахмат, верхние слои (слои 3–5, 7) и верхнепалеолитические комплексы региона: Шугноу, слой 1–4; Кульбулак, слои 2.2 и 2.1; Додекатым, слои 5–2; Кызыл-Алма-2; Майбулак, слой 6 [Ожерельев, Успенская, Таймагамбетов, 2023], Буйруокбастау-Булак-1 [Kunitake, Taimagambetov, 2021]. В качестве переменных были выбраны следующие виды нуклеусов: призматические плоскостные, кареноидные и торцовые.

Результаты анализа (рис. 4) показали, что первые две главные координаты покрывают 98,2% вариабельности, т. е. анализ был проведен успешно. На плоте явно фиксируются два кластера — кульбулакские памятники с кареноидными нуклеусами и более ранние памятники региона. Коллекция слоя 2.1 стоянки Кульбулак оказалась в отдалении от основной группы памятников, по всей видимости, из-за относительно многочисленной коллекции, в которой, наряду с кареноидными, фиксируется много призматических и торцовых нуклеусов (рис. 4.-1). Также наш анализ показал, что кареноидные нуклеусы в данном разделении на кластеры имеют значительную, но не решающую роль, потому что при их удалении из анализа, разделение на два кластера сохраняется (рис. 4.-2).

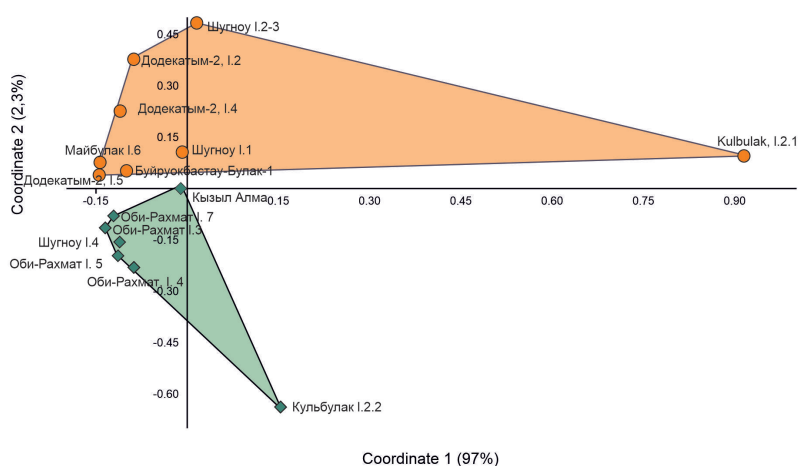
В целом, два полученных кластера отличаются друг от друга принципиально разными пропорциями плоскостных и призматических нуклеусов, а также наличием либо отсутствием кареноидных нуклеусов.

Применив непараметрический тест PERMANOVA к счетам главных компонент, мы получили статистически значимую разницу между кульбулакским кластером и более ранним: $F = 2.53$, $p = 0.004$. Это означает, что индустрии в разных кластерах действи-

тельно статистически значительно отличаются по набору нуклеусов, следовательно, по структуре первичного расщепления.

A.

B.

Рис. 4. Результаты анализа главных координат, распределение кульбулакских и обирахматских комплексов: А – с учетом кареноидных нуклеусов;

В – без учета кареноидных нуклеусов

Fig. 4. The results of the analysis of the main coordinates, the distribution of Kulbulak and Obirahmat complexes: A – taking into account the karenoid nuclei;

B – without taking into account the karenoid nuclei

Учитывая хронологический промежуток между обирахматскими и кульбулакскими комплексами, а также значительную типологическую и технологическую разницу между кареноидными изделиями, сложно рассуждать о какой-либо преемственности.

Разнообразная морфология кареноидных нуклеусов Оби-Рахмата демонстрирует поиск оптимальных последовательностей расщепления мелкопластинчатых нуклеусов, следствием чего было типологическое и технологическое разнообразие. В свою очередь кульбулакские кареноидные нуклеусы, наоборот, появляются в рамках одной технологической схемы и не претерпевают изменений в хронологически поздних комплексах. Кареноидная технология кульбулакской культуры высоко стандартизирована и применялась для получения довольно унифицированных заготовок.

Появление такого элемента в ассамбляжах может означать два варианта — либо обмен технологиями и идеями [Richter et al., 2011], как предполагалось ранее [Kolobova et al., 2013], либо миграция нового населения на данную территорию. В случае обмена технологиями мы должны наблюдать появление нового элемента в ассамбляжах на фоне не изменившихся других характеристик — например, нуклеусов. Проведенный анализ главных координат, основанный на типологии нуклеусов, показал, что в регионе выделяются два отдельных кластера индустрий:

1. Кульбулакские комплексы с кареноидными, призматическими и торцовыми нуклеусами;

2. Хронологически/стратиграфически более ранние комплексы с доминированием плоскостного пластинчатого расщепления и присутствием призматических нуклеусов.

Статистический тест доказал существование и значительное отличие этих кластеров друг от друга. Можно было бы ожидать, что наличие одних только кареноидных нуклеусов оказало влияние на распределение ассамбляжей в кластерах. Однако при удалении переменной кареноидных нуклеусов из анализа оба кластера сохраняются. Это означает значительную разницу в первичном расщеплении комплексов из кластеров даже при отсутствии кареноидных нуклеусов (рис. 4).

Таким образом, проведенный в рамках данной статьи анализ кареноидных нуклеусов из среднепалеолитических и верхнепалеолитических комплексов западной части Центральной Азии показал, что кульбулакская верхнепалеолитическая технология утилизации кареноидных нуклеусов появляется в регионе в сформированном высокостандартизированном виде. Кареноидные нуклеусы из хронологически и стратиграфически более ранних комплексов обирахматской культурной традиции, по всей видимости, не имеют к ней отношения и были одним из способов получения заготовок в рамках становления мелкопластинчатого расщепления.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при поддержке РНФ в рамках проекта «Заселение западной части Центральной Азии человеком современного анатомического облика в период среднего-верхнего палеолита: хронология миграционных процессов», проект № 22–18–00649, руководитель А. И. Кривошапкин.

Acknowledgements and funding

The work was supported by the RSF within the framework of scientific research “The Population of Western Central Asia by Anatomically Modern Human in the Middle-Upper Paleolithic: a Chronology of Migration Processes”, project no. 22–18–00649, head A. I. Krivoshapkin.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Колобова К. А., Харевич А. В., Бочарова Е. Н., Мухтаров Г. А., Кривошапкин А. И. Новые данные о кареноидных нуклеусах-скребках в западной части Центральной Азии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2022. Т. 28. С. 136–142.

Кривошапкин А. И. Оби-Рахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту в Центральной Азии : дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2012. 256 с.

Кривошапкин А. И., Колобова К. А., Белоусова Н. Е., Исламов У. И. Ранние технологические инновации в палеолите Средней Азии: кареноидная технология в переходных индустриях Узбекистана // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, № 3. С. 211–221.

Ожерельев Д. В., Успенская О. И., Таймагамбетов Ж. К. Начальные этапы раннего верхнего палеолита в предгорьях северного Тянь-Шаня, Казахстан (по материалам многослойной стоянки Майбулак) // Stratum Plus. 2023. № 1. С. 129–152.

Aleo A., Duches R., Falcucci A., Rots V., Peresani M. Scraping hide in the early Upper Paleolithic: Insights into the life and function of the Protoaurignacian endscrapers at Fumane Cave // Archaeological and Anthropological Sciences. 2021. Vol. 13. Iss. 8. DOI:10.1007/s12520-021-01367-4

Bonilauri S., Chevrier B., Asgari Khaneghah A., Abolfathi M., Ejlalipour R., Sadeghinegad R., Berillon G. Garm Roud 2, Iran: bladelet production and cultural features of a key Upper Palaeolithic site south of the Caspian Sea // Comptes Rendus Palevol. 2021. № 40 (20). P. 823–837. DOI:10.5852/cr-palevol2021v20a40

Dinnis R. On the technology of late Aurignacian burin and scraper production, and the importance of the Paviland lithic assemblage and the Paviland burin // Lithics: The Journal of the Lithic Studies Society. 2008. Vol. 29. P. 18–35.

Falcucci A., Conard N. J., Peresani M. A critical assessment of the Protoaurignacian lithic technology at Fumane Cave and its implications for the definition of the earliest Aurignacian // PLoS ONE. 2017. Vol. 12 (12). e0189241. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0189241> (in French)

Hammer Ø., Harper D. A. T., Ryan P. D. Past: Paleontological Statistics Software Package for Education and Data Analysis // Palaeontologia Electronica. 2001. Vol. 4. P. 1–9.

Hays M. A., Lucas G. A Technological and Functional Analysis of Carinates from Le Flageolet I, Dordogne, France // Journal of Field Archaeology. 2000. Vol. 27 (4). P. 1–11.

Kolobova K., Krivoshapkin A. I., Derevianko A. P., Islamov U. I. The Upper Paleolithic site of Dodekatym-2 in Uzbekistan // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2011. Vol. 39. Iss. 4. P. 2–21.

Kolobova K., Flas D., Derevianko A. P., Pavlenok K., Islamov U. I., Krivoshapkin A. I. The Kulbulak Bladelet Tradition in The Upper Paleolithic of Central Asia // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2013. Vol. 41. Iss. 2. P. 2–25. <https://doi.org/10.1016/j.aeae.2013.11.002>

Kolobova K. A., Krivoshapkin A. I., Pavlenok K. K. Carinated pieces in paleolithic assemblages of Central Asia // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2014. Vol. 42. Iss. 4. P. 13–29.

Kolobova K., Krivoschapkin A., Shnaider S. Early geometric microlith technology in Central Asia // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2019. Vol. 11. P. 1407–1419. <https://doi.org/10.1007/s12520-018-0613-y>.

Kunitake S., Taimagambetov Z.K. Bladelet industries of the Early Upper Palaeolithic in southern Kazakhstan: A detailed analysis of carinated bladelet cores excavated from the newly discovered Buiryokbastau-Bulak-1 site in the Karatau mountains // *Quaternary International*. 2021. Vol. 596 (4). P. 38–53. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2021.03.016>.

Le Brun-Ricalens F. Chronique d'une reconnaissance attendue. Outils “carénés”, outils “nucléiformes”: nukléus à lamelles. Bilan après un siècle de recherches typologiques, technologies et tracéologies // *Productons lamellaires attribuées à l'Aurignacien*. Luxembourg: Musée national d'histoire d'art. 2005. P. 19–75 (in French).

Movius H. L. Jr., Brooks A. S. The Analysis of Certain Major Classes of Upper Palaeolithic Tools: Aurignacian Scrapers // *Proceedings of the Prehistoric Society*. 1971. Vol. 37. P. 253–273.

Pelegrin J., Soressi M. Le Châtelperronien et ses rapports avec le Moustérien // *Les Néandertaliens. Biologie et cultures*. Paris: CTHS, 2007. P. 297–309 (in French).

Pesesse D., Michel A. Burin des Vachons: a technological reconstruction approach to understanding the recent Aurignacian in Northern Aquitaine and Charente // *PALEO*. 2006. Vol. 18. P. 143–160.

Ranov V.A., Kolobova K., Krivoschapkin A. I. The Upper Paleolithic Assemblages of Shugnou, Tajikistan // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2012. Vol. 40. Iss. 2 P. 2–24. <https://doi.org/10.1016/j.aeae.2012.08.002>.

Richter T., Garrard A. N., Allock S., Maher L. A. Interaction before Agriculture: Exchanging Material and Sharing Knowledge in the Final Pleistocene Levant // *Cambridge Archaeological Journal*. 2011. Vol. 21. P. 95–114. <https://doi.org/10.1017/S0959774311000060>.

Škrdla P. Moravia at the onset of the Upper Paleolithic // *The Dolní Věstonice Studies*. 2017. Vol. 23. 159 p.

Sonneville-Bordes D., Perrot J. Lexique typologique du Paléolithique supérieur. Outillage lithique: I Grattoirs-II Outils solutréens // *Bulletin de la Société Préhistorique Française*. 1954. Vol. 51. P. 327–335 (in French).

REFERENCES

Kolobova K.A., Kharevich A. V., Bocharova E. N., Mukhtarov G.A., Krivoschapkin A. I. Novye dannye o karenoidnykh nukleusakh-skrebkakh v zapadnoi chasti Tsentral'noi Azii [New data on carinated cores/end-scrapers in west central Asia]. *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. 2022, no. 28. P. 136–142 (in Russian).

Krivoschapkin A. I., Kolobova K.A., Belousova N. E., Islamov U. I. Rannie tekhnologicheskie innovatsii v paleolite Crednei Azii: karenoidnaia tekhnologiya v perekhodnykh industriiakh Uzbekistana [Early technological innovations in the Palaeolithic of Central Asia: Carinated technology in the transitional industries of Uzbekistan]. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Seriya: Istoriya, Filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. History and Philology] 2012, vol. 11, no. 3. P. 211–221 (in Russian).

Krivoshapkin A. I. *Obirakhmatskii variant perekhoda ot srednego k verkhnemu paleolitu v Tsentral'noi Azii Diss. dokt. ist. nauk* [Obi-Rahmatian variant of the transition from Middle to Upper Palaeolithic in Central Asia. Habilitation Thesis in History]. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2012, 256 p. (in Russian).

Ozherelev D. V., Uspenskaya O. I., Taimagambetov Zh. K. Nachal'nye etapy rannego verkhnego paleolita v predgor'iakh severnogo Tian' — Shania, Kazakhstan (po materialam mnogoslainoi stoinki Maibulak [Initial stages of the Early Upper Palaeolithic in the Northern Tien Shan piedmonts, Kazakhstan (based on the materials of the Maibulak multilayer site)]. *Stratum Plus*. 2023. no. 1. P. 129–152 (in Russian).

Aleo A., Duches R., Falcucci A., Rots V., Peresani M. Scraping hide in the early Upper Palaeolithic: Insights into the life and function of the Protoaurignacian endscrapers at Fumane Cave. *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2021. vol. 13, iss. 8, 27 p. <https://doi.org/10.1007/s12520-021-01367-4> (in English).

Belfer-Cohen A., Grosman L. Tools or Cores? Carinated Artifacts in Levantine Late Upper Palaeolithic Assemblages and Why Does It Matter. *Tools or Cores? The Identification and Study of Alternative Core Technology in Lithic Assemblages*. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum Press, 2007. P. 96–123 (in English).

Bonilauri S., Chevrier B., Asgari Khaneghah A., Abolfathi M., Ejlalipour R., Sadeghinegad R., Berillon G. Garm Roud 2, Iran: bladelet production and cultural features of a key Upper Palaeolithic site south of the Caspian Sea. *Comptes Rendus Palevol*. 2021, no. 40 (20). P. 823–837. (in English). <https://doi.org/10.5852/cr-palevol2021v20a40>.

Dinnis R. On the technology of late Aurignacian burin and scraper production, and the importance of the Paviland lithic assemblage and the Paviland burin. *Lithics: The Journal of the Lithic Studies Society*. 2008, no. 29. P. 18–35 (in English).

Falcucci A., Conard N. J., Peresani M. A critical assessment of the Protoaurignacian lithic technology at Fumane Cave and its implications for the definition of the earliest Aurignacian. *PLoS ONE*. 2017, no. 12 (12), e0189241 (in English). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0189241>.

Hammer Ø., Harper D. A. T., Ryan P. D. Past: Paleontological Statistics Software Package for Education and Data Analysis. *Palaeontologia Electronica*. 2001, no. 4. P. 1–9 (in English).

Hays M. A., Lucas G. A Technological and Functional Analysis of Carinated from Le Flageolet I, Dordogne, France. *Journal of Field Archaeology*. 2000, no. 27 (4). P. 1–11 (in English).

Kolobova K. A., Krivoshapkin A. I., Pavlenok K. K. Carinated pieces in paleolithic assemblages of Central Asia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2014, vol. 42, iss. 4. P. 13–29 (in English).

Kolobova K., Krivoshapkin A., Shnaider S. Early geometric microlith technology in Central Asia. *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2019, vol. 11. P. 1407–1419. (in English). <https://doi.org/10.1007/s12520-018-0613-y>.

Kolobova K., Krivoshapkin A. I., Derevianko A. P., Islamov U. I. The Upper Palaeolithic site of Dodekatym-2 in Uzbekistan. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2011, vol. 39, iss. 4. P. 2–21 (in English).

Kolobova K., Flas D., Derevianko A. P., Pavlenok K., Islamov U. I., Krivoschapkin A. I. The Kulbulak Bladelet Tradition in The Upper Paleolithic of Central Asia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2013, vol. 41, iss. 2. P. 2–25 (in English). <https://doi.org/10.1016/j.aeae.2013.11.002>.

Kunitake S., Taimagambetov Z. K. Bladelet industries of the Early Upper Palaeolithic in southern Kazakhstan: A detailed analysis of carinated bladelet cores excavated from the newly discovered Buiryokbastau-Bulak-1 site in the Karatau mountains. *Quaternary International*. 2021, vol. 596 (4). P. 38–53 (in English). <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2021.03.016>.

Le Brun-Ricalens F. The history of a long-awaited recognition. Carinated' tools, «core-like» tools: cores on flakes [Chronique d'une reconnaissance attendue. Outils «carénés», outils «nucléiformes»: nucléus à lamelles]. *An overview after a century of typological, technological and traceological research. Bladelets production attributed to the Aurignacian period* [Bilan après un siècle de recherches typologiques, technologies et tracéologies. Productons lamellaires attribuées à l'Aurignacien]. Luxembourg: Musée national d'histoire d'art, 2005. P. 19–75 (in French).

Movius H. L. Jr., Brooks A. S. *The Analysis of Certain Major Classes of Upper Palaeolithic Tools: Aurignacian Scrapers. Proceedings of the Prehistoric Society*. 1971, no. 37. P. 253–273. (in English).

Pelegrin J., Soressi M. *The Chatelperronian and its relationship with the Mousterian. Neanderthals. Biology and cultures* [Le Châtelperronien et ses rapports avec le Moustérien. Les Néandertaliens. Biologie et cultures]. Paris: CTHS, 2007. P. 297–309 (in French).

Pesesse D., Michel A. Burin des Vachons: a technological reconstruction approach to understanding the recent Aurignacian in Northern Aquitaine and Charente. *PALEO*, 2006, no. 18. P. 143–160 (in English).

Ranov V. A., Kolobova K., Krivoschapkin A. I. The Upper Paleolithic Assemblages of Shugnou, Tajikistan. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2012, vol. 40, iss. 2. P. 2–24 (in English). <https://doi.org/10.1016/j.aeae.2012.08.002>

Richter T., Garrard A. N., Allock S., Maher L. A. Interaction before Agriculture: Exchanging Material and Sharing Knowledge in the Final Pleistocene Levant. *Cambridge Archaeological Journal*. 2011, no. 21. P. 95–114. (in English). <https://doi.org/10.1017/S0959774311000060>.

Škrdla P. Moravia at the onset of the Upper Paleolithic. *The Dolní Věstonice Studies*. 2017, no. 23, 159 p. (in English).

Sonneville-Bordes D., Perrot J. Typological glossary of the Upper Palaeolithic. Lithic tools: I Scrapers-II Solutrean tools [Lexique typologique du Paléolithique supérieur. Outillage lithique: I Grattoirs-II Outils solutréens]. *Bulletin of the French Prehistoric Society* [Bulletin de la Société Préhistorique Française]. 1954, no. 51. P. 327–335 (in French).

Статья поступила в редакцию: 12.08.2024

Принята к публикации: 14.11.2024

Дата публикации: 24.12.2024

УДК 902/904

DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–04

С. А. Григорьев*Институт истории и археологии УрО РАН, Челябинск (Россия)*

ПРИРОДНЫЕ КАТАСТРОФЫ КАК МАРКЕРЫ ХРОНОЛОГИИ КИТАЙСКИХ ДИНАСТИЙ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ СВЯЗИ С ХРОНОЛОГИЕЙ ЕВРАЗИИ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

Археологическая хронология преимущественно базируется на радиоуглеродных датах. Однако диапазоны их вероятности широки, а результат отличается от исторической хронологии Китая, Ближнего Востока и дендрохронологии. Историческая хронология и дендрохронология показывают сходные результаты, они корректны, но применить их в большинстве районов сложно. Типологические привязки дают широкие вероятностные интервалы. Для создания единой хронологии Евразии в качестве маркеров предлагается использование следов глобальных катастроф, что позволяет связать события в отдаленных регионах. Применение этого подхода к хронологии Китая позволило сделать вывод об историчности династии Ся, которая датируется с 1909 г. до н. э., а предшествующий этому событию Великий Потоп произошел на 10–20 лет раньше. Шанская династия появляется в 1558 г. до н. э. после извержения Санторина в 1560 г. до н. э. Не исключено, что начало Чжоу в 1027 г. до н. э. связано с событием 1031 г. до н. э. Последнее позволяет также датировать начало каменноложского этапа карасукской культуры и ирменского этапа ирменской.

Ключевые слова: абсолютная хронология, династии Китая, Ся, Шан, Чжоу, природные катастрофы, хронологические маркеры

Для цитирования

Григорьев С. А. Природные катастрофы как маркер хронологии китайских династий и возможности для связи с хронологией Евразии в бронзовом веке // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 4. С. 58–78. DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–04.

S. A. Grigoriev

Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk (Russia)

NATURAL DISASTERS AS BENCHMARKS OF THE CHINESE DYNASTIES CHRONOLOGY AND OPPORTUNITIES FOR CONNECTION WITH THE CHRONOLOGY OF EURASIA IN THE BRONZE AGE

Archaeological chronology is based primarily on radiocarbon dating. However, the probability intervals of radiocarbon dates are wide, and the result differs from the historical chronologies of China, the Near East, and dendrochronology. But historical chronology and dendrochronology show similar results, they are correct, but them is difficult to apply it in most areas. Typological similarities provide wide probability intervals. To create a unified chronology of Eurasia, it is proposed to use traces of global disasters as benchmarks, making it possible to connect events in remote regions. The application of this approach to Chinese chronology made it possible to draw a conclusion about the historicity of Xia Dynasty, which is dated since 1909 BC, and the Great Flood preceded this event, occurring 10–20 years earlier. The Shang Dynasty started in 1558 BC after the eruption of Santorini in 1560 BC. It is possible that the Zhou beginning in 1027 BC is related to the volcanic event of 1031 BC. The last event also allows us to date the beginning of the Kamennolozhsk stage of the Karasuk culture and the Irmen stage of the Irmen culture.

Key words: absolute chronology, dynasties of China, Xia, Shang, Zhou, natural disasters, chronological benchmarks.

For citation:

Grigoriev S. A. Natural disasters as benchmarks of the chinese dynasties chronology and opportunities for connection with the chronology of Eurasia in the bronze age. *Nations and religions of Eurasia*. 2024. Т. 29. № 4. P. 58–78 (in Russian). DOI 10.14258/10.14258/nneur(2024)4–04.

Григорьев Станислав Аркадиевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Южноуральского археологического центра Института истории и археологии УрО РАН, Челябинск (Россия). **Адрес для контактов:** stgrig@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6633-8686>

Grigoriev Stanislav Arkadievich, PhD of Historical Sciences, leading researcher at the South Ural Archaeological Center of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk (Russia). **Contact address:** stgrig@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6633-8686>

Введение

Археологическая хронология опирается на радиоуглеродный метод, но его результаты, если их применять с интервалами, рассчитанными с вероятностью 95,4%, полезны мало, так как слишком широки. К тому же процедура формирования интервалов суммированием вероятностей направлена не на получение точных абсолютных дат, а на сравнение двух интервалов. Как правило, мы получаем результат, отличный от исторической хронологии. Лишь с байесовской статистикой серии AMS дат можно получить результат, приближающийся к ней. Последние работы показали, что существует возможность синхронизировать исторические хронологии Китая и Восточного Средиземноморья с дендрохронологией [Grigoriev, 2023a], и это дает основания для привязки материалов Северной Евразии к регионам, где эти хронологии существуют. Они так удалены от нас, что добиться синхронизации можно лишь в случае большого количества сопоставимых типов, но и тогда мы получаем вероятностный интервал. Поэтому в основу работы было положено наблюдение, что есть периоды, когда на огромных пространствах происходили изменения, вызванные миграциями. Причиной могли быть глобальные извержения вулканов, поскольку изменения, обусловленные солнечной активностью, имеют плавный характер. Это позволило выявить серию хронологических реперов для XVII–XVI вв. до н. э. [Grigoriev, 2024]. Но факт миграции, совпадающий с угнетением древесных колец, не указывает на то, что катастрофа была глобальной. Поэтому эти реперы надо подкреплять альтернативными данными. Таковыми могут быть источники Ближнего Востока. На востоке мы можем опереться на китайскую хронологию. Такая возможность появляется с XIII в. до н. э., но не исключено, что отдельные реперы можно предложить для раннего времени.

Источники по хронологии раннего Китая

Основополагающим трудом по ранней китайской истории являются «Исторические записки» (*Ши цзи*) Сыма Цяня, жившего в эпоху Хань между 140 г. до н. э. и 86 г. н. э. Он, описывая последовательность династий и продолжительность власти правителей, при этом не был уверен в возможности создания точной хронологии для периодов, предшествующих Чжоу [Nienhauser, 1994: XXVII]. Вторым источником являются «Бамбуковые Анналы» (*Чжушу Цзинянь*) IV в. до н. э., написанные на связанных дощечках, которые переписывали и перевязывали, но их корректность подтверждается тем, что установленная по гадательным костям Аньянского периода последовательность правителей совпадает с их последовательностью в *Чжушу Цзинянь* и *Ши цзи*. Проблема в том, что длительность правления невозможно проверить параллельными источниками, поскольку существовала практика смены календаря и трехлетнего траура после смерти правителя, прежде чем его последователь взойдет на трон. Нам не известно, насколько далеко вглубь веков эту практику можно распространять, хотя традиция распространяет ее даже на мифический период Пяти Императоров [Nivison, 1999: 2, 4–6, 12, 14; Shaughnessy, 2011: 271, 272, 289]. Кроме того, передача в устной традиции точных данных невозможна, а правление отдельных персон нереально долгое, поэтому хронология, основанная на этом, мифологична [Liu, Xu, 2007: 897–899].

Самым ранним трудом, содержащим историческую информацию, являются свитки, оставленные философом V в. до н. э. Мо Цзы [Chang, 1986]. Сыма Цянь опирался

на архивы императорского двора, что означает, что историографическая традиция существовала, но источники не сохранились. В книге литургических канонів Шу-цзин, приписываемых Конфуцию, есть информация о правителях, идентичная изложенной Сыма Цянем, и последний явно пользовался ими [Шу-цзин, 2022: 161–165; Попова, 2018: 209]. Какие-то записи могли существовать при Шанской династии, иначе сложно понять, как историографы Чжоу передали детальные описания событий при переходе от эпохи Пяти Императоров к Ся. Сыма Цянь считал реальностью всю эпоху Пяти Императоров, но лишь к последним из них, Яо и Шуню, он относился как к историческим персонажам [Сыма Цянь, 2001: 148].

Для шанского времени нам известны надписи на сосудах и гадательных костях. Но в них упоминаются и книги на деревянных и бамбуковых дощечках, на которых могли писать кистью, которые не сохранились, и самые ранние относятся к династиям Цинь и Хань [Chang, 1986: 296, 297; Bagley, 1999: 182]. Не исключено, что архивы были уничтожены в эпоху «Воюющих Царств». Целенаправленно хроники других царств уничтожались во время экспансии Цинь. Поэтому допускается, что письменность на бамбуковых дощечках существовала до поздней Шан [Campbell, 2018: 112]. На такую возможность указывают знаки на керамике культуры Яншао в пятом тысячелетии до н. э. Они концентрируются в бассейне Хуанхэ, и некоторые имеют параллели в шанских надписях [Cheung, 1983: 324, 325, 364]. Другие считают, что даже знаки культуры Таосы несопоставимы с шанскими, и лишь в среднешанское время появляются прототипы этой письменности [Li M., 2018: 277, 278]. В любом случае, вряд ли неолитические знаки были письменностью в полном смысле, но не исключено, что к шанскому времени эта традиция получила развитие.

Самыми ранними текстами являются гадательные кости, обнаруженные в Аньяне. Они появляются при У Дине, правившем ок. 1250–1192 гг. до н. э., и представляют собой лопатки крупного рогатого скота или фрагменты панцирей черепах, на которых нацарапаны тексты. Общее количество фрагментов достигает 200 тысяч. Этот источник не нацелен на описание исторических событий. Надписи состоят из предисловия с датой и именем прорицателя, вопроса, предсказания и последующей верификации с информацией о сбывшемся или несбывшемся предсказании. Таблички нагревались, и гадание производилось по образовавшимся трещинам. При этом задача была не только в предсказании, но и в магическом воздействии. Царь, задающий вопрос, не указывается, но поскольку он обращается к предкам и называет имя отца, дяди или деда, то можно восстановить генеалогию [Chang, 1980: 34; Thorp, 2005: 176–179, 208; Bagley, 2018: 64]. Но шанские правители были сконцентрированы на себе, в надписях нет информации о прошлом [Li M., 2018: 363]. Вероятно, это ранняя традиция, поскольку в слое периода Эрлиган в Чжэнчжоу найдено три фрагмента кости с надписями, одна из которых содержала 10 знаков, и один читается как *чень* (вопрос) [Chang, 1980: 269]. Гадание на лопатках было распространено в северо-восточном Китае с четвертого тысячелетия до н. э. [Thorp, 2005: 173]. Поэтому, вероятно, в раннешанское время происходит слияние двух традиций, восходящих к неолиту, — гадания на лопатках и письменности. Эти данные, а также гипотетические тексты Чжоу позволяют реконструировать последовательность китайской истории.

Легендарные и исторические династии и их хронология

Культура Китая основана на традиции Трех Династий (*Саньдай*) — Ся, Шан и Чжоу. Существуют идеи о том, что в основе они имели разный этнос, но коренным районом формирования китайской нации было Среднее Хуанхэ, ареал Ся. Впоследствии с востока пришли шанцы, которые, возможно, были народом И, относящимся к австроазиатской языковой семье, или были лишь подвержены влиянию этого народа. Впоследствии они восприняли китайский язык, хотя не ясно, как много людей говорило на китайском языке в шанское время. Но в бассейне Янцзы еще долго проживали представители народов Мяо-Яо [Pulleyblank, 1983: 412, 413, 459, 460]. Правда, в шанское время встречаются иероглифические знаки на бытовой посуде, что указывает на то, что элита и народ говорили на одном языке [Chang, 1980: 329]. Это представление о том, что шанцы пришли из ареала народа И, разделяют иные исследователи, и есть данные, что Ся конфликтовали с И на востоке [Chang, 1983: 498; Yan, 2004]. Но мы ничего не знаем об их языке.

Карта северо-восточного Китая с обозначением провинций (черный цвет с подчеркиванием) и бассейнов рек (черный курсив). Красным шрифтом обозначены исторические места, археологические культуры (пунктирные ареалы) и ареалы формирования Ся, Шан и Чжоу (подчеркивание)

Map of northeastern China showing provinces (black with underlining) and river basins (black italics). Red font indicates historical sites, archaeological cultures (dotted areas), Xia, Shang and Zhou formation areas (underlined)

Другие исследователи обращают внимание на близость культур Трех Династий, и разница названий обусловлена тем, что доминирования добивались кланы с локализацией, отраженной традицией Чжоу: Ся на Центральной Равнине в бассейнах Цзиньнань и Лохэ, где возникли центры Эрлитоу; Шан — на северо-востоке в Хэбэе, и Чжоу на северо-западе в регионе Гуаньчжун с центром у реки Вэй в Шэньси, хотя позже они правили из ареала Ся (рис. 1). При этом все места, упомянутые в сагах, можно приписать к Центральной Равнине, по рекам Хуанхэ и Лохэ [Chang, 1983: 500, 501, 503; Chang, 1999: 55; Li M., 2018: 330, 333, 336, 351–353]. Из скурых сведений можно предположить, что первичным ареалом Ся была юго-западная часть Шаньси, но затем они пересекли Хуанхэ, расселившись между восточной Шэньси, Хэнанью и Шаньдуном [Chang, 1983: 500].

Ареалы, соотносимые с периодом Пяти Императоров, сконцентрированы в центре и на западе Шаньси, которую можно рассматривать как ареал прото-Ся. Эти «императоры» ассоциируются с пятью элементами: Хуан-ди (Желтый Император — земля), Чжуань-суй (дерево), Ку (металл), Яо (огонь) и Шунь (вода). Их правление определяют XXV–XXIII вв. до н. э., поэтому они отражают не конкретных лиц, а кланы. Но в этой легенде есть ряд деталей. Хуан-ди был родом из Хэнани, и его жизнь была связана с этим регионом, который был центром культуры Луншань во второй половине третьего тысячелетия до н. э. Более интересна история о последних императорах, Яо и Шуне. При Яо произошла великая засуха, которая сменилась наводнением. Затем Яо отошел от власти и назначил преемником Шуня, женив его на своих дочерях. Шунь был из западной или центральной части Шаньси. Его имя ассоциируется с водой. Великий Потоп, начавшийся при Яо, продолжался, и Шунь предпринимал безуспешные попытки решить проблему, пока не призвал праправнука Желтого Императора, Юя, который справился с наводнением и стал основателем династии Ся. Юй перенес столицу куда-то в северную или северо-восточную часть Хэнани [Nienhauser, 1994: 1, 3, 4–13, 18, 21, 27].

Эта идиллическая история является результатом конфуцианской переработки, поскольку в действительности «когда [сила] дэ Яо ослабла, [он] был заточен Шунем». Для нашего обсуждения важно и то, что «Стольный центр Юя [располагался] в Янчэн», на крайнем юге Шаньси, напротив Лаояна, и лишь третий правитель династии Тай-кан стал жить в Чжэньсюнь на севере Хэнани, где находится Эрлитоу [Бамбуковые анналы, 2005: 103].

Для китайских историков существование Ся не вызывает сомнений, хотя многие не разделяют эту точку зрения из-за отсутствия упоминаний Ся в шанское время [Thorp, 2005: 61], но шанские тексты не были нацелены на описание истории. В соответствии с традицией, династия Ся представлена 17 царями, которые правили 471 год. Ее сменяет Шан с 29 царями, правившими 496 лет. Первый правитель Чжоу, У Ван, взошел на престол в 1122 г. до н. э., и до 256 г. до н. э. династия насчитывала 37 царей. Тем самым период Саньдай длился ок. 1800 лет [Chang, 1999: 70, 71].

В результате проекта по установлению хронологии Ся, Шан и Чжоу, сочетавшего исторические сведения с радиоуглеродным анализом и палеоастрономией, в который было вовлечено 200 специалистов, начало Ся отнесено к 2070 г. до н. э., Шан — к 1600 г. до н. э., а Чжоу — к 1046 г. до н. э. [Li X., 2002; Lee, 2002], и последняя дата близка об-

щепринятым 1050 или 1045 г. до н. э. [Shaughnessy, 1999: 23]. В российской историографии для начала Чжоу предлагался 1027 г. до н. э., что было основано на хронологии Чэнь Мэн-цзя [Васильев, 1995: 219, 223]. AMS-анализы гадательных костей с байесовской статистикой позволили получить дату конца Шан ок. 1041 г. до н. э., но интервал рассчитан с вероятностью 68% [Liu et al., 2020]. В интервал с вероятностью 95,4% попадут обе даты.

На основании «Бамбуковых Анналов» первый год Шан относили к 1558/1554 гг. до н. э., а на основании хронологии Инь Ли (IV в. до н. э.) — к 1579 г. до н. э. [Keightley, 1999: 232, 248; Nivison, 1999: 10, 12, 15]. Существует также хронология Нивисона, построенная на «Бамбуковых Анналах», но с использованием астрономических данных, по которой первым годом Юя, основателя Ся, был 1914 г. до н. э., а первый год Чэн Тана, основателя Шан, — 1558 г. до н. э. [Nivison, 1999: 12, 14].

Но опора на археоастрономические данные ненадежна. Поскольку источники содержат описания затмений и Парадов Планет при династических изменениях, были предложены иные даты начала династий: Ся — 1953 г. до н. э., Шан — с 1576 г. до н. э. и Чжоу — с 1059 г. до н. э. [Pankenier, 1981/1982: 24]. Но необходимо помнить, что Чжоу стремились легитимировать власть, при них появилась историческая традиция, они развили идею Мандата Неба [Li M., 2018: 363, 364]. Поэтому совпадение начала династий с небесными явлениями наводит на мысль, что это фикция эпохи Чжоу. Кроме того, описание небесных явлений смутное, документы неоднократно переписывались. В поздних источниках Ханской династии могут быть описаны неполные затмения или Парады Планет, но отсутствовать полные [Keenan, 2002; Nivison, 1999: iv, 11].

Есть трудности и при опоре на археологию. Идентифицировать культуру письменного периода не составляет труда, но связать с культурными комплексами время Ся и ранней Шан сложнее. На Средней Хуанхэ поздний Луншань сменяется культурой Эрлитоу, а та — культурой Эрлиган. Поскольку даты Эрлитоу соответствовали хронологии Ся, была принята их идентификация. Культура Эрлиган была объявлена шанской, что тоже соответствовало хронологии. Появление в фазе II Эрлитоу дворцовой архитектуры и ее исчезновение в фазе IV было связано с появлением и концом Ся. Но эта культура датировалась лишь с 1900 г. до н. э., что позже традиционной хронологии Ся, в фазе III появляются бронзовые котлы, связываемые с Шан, а новые раскопки показали, что в фазе IV традиция дворцовой архитектуры не пресекается. В итоге возникло несколько гипотез, связывающих начало Ся с 1) поздним неолитом; 2) началом Эрлитоу; 3) переходным между ними периодом Синьчжай. Начало Шан связывали с 1) началом фазы III Эрлитоу; 2) началом фазы IV; 3) началом Эрлиган. Иногда нижний слой Эрлигана синхронизировали с фазой IV Эрлитоу [Chun, Xin, 2018].

Эта идентификация сложна. Даже если мы допускаем реальность правителей Ся и раннего Шан, трудно сказать, каков был статус людей, называемых императорами. Дворцовые комплексы могли быть храмовыми постройками, а когда шанцы захватили Ся, там могла сохраняться прежняя культура. Источники даже по периоду Пяти Императоров описывают знать, сановников и подати, но это может быть поздняя интерпретация. Присутствие элиты очевидно с Эрлитоу II, однако ранее такие данные есть в комплексах Таосы [Li M., 2018: 117–137]. В итоге, мы имеем ситуацию, не позволяющую

щую соотнести археологию с текстами. Идентификация, построенная на хронологии, вовсе немыслима, так как легендарная, радиоуглеродная и астрономическая хронологии основаны на разных принципах, и каждая из них ненадежна. Тем не менее, эти легенды могут быть проиллюстрированы археологией, так как она показывает тенденции.

Формирование китайской цивилизации в неолите бассейна Хуанхэ

Культура Луншань формируется на базе Яншао на Средней Хуанхэ, но распространяется на запад и восток (см. рис.). В ней можно обнаружить будущие черты шанской традиции: знаки поклонения мужским предкам, обожженные лопатки оленей с трещинами, жертвоприношения людей, техника *хан-ту* при строительстве, керамические триподы и нефрит [Chang, 1986: 256, 261, 271–273, 287; Li M., 2018: 108, 109]. Культура датируется 2600–2000 гг. до н. э., известно около 50 укрепленных поселений, кластеры поселений, слабые признаки административной архитектуры, что предполагает определенную стратификацию [Yang, 2004: 107]. Сходство культуры позволяет допустить, что в бассейне Хуанхэ проживало родственное население, а первичные ареалы Ся, Шан и Чжоу соответствуют ареалам вариантов Луншань [Chang, 1983: 513]. Это соответствует современным генетическим данным, по которым сино-тибетские народы формировались в бассейне Хуанхэ, но около конца третьего тысячелетия до н. э. носители тибето-бирманских языков сместились на юго-запад и запад, в то время как предки китайцев остались на месте [Guo et al., 2021].

Большинство черт традиции Саньдай относится к периоду поздней Луншань, когда появляются крупные центры, в том числе Таосы на юго-западе Шаньси в бассейне Цзиньнань (см. рис.). Его можно рассматривать как прото-город: есть элитные постройки, дворцовый ареал, могильник с крупными гробницами. Выявлены новые черты, характерные для Саньдай: диски и иные изделия из нефрита, бирюзовые вставки, используемые в ритуалах музыкальные инструменты (каменные колокола *цин* и барабаны *гу* из дерева и крокодиловой кожи), керамическая и деревянная посуда, маски с изображением животных, признаки гадания на костях, два сосуда со знаками, боевые топоры, лакированные гробы, слои киновари в гробницах. Это был не единственный подобный центр. Яркие памятники выявлены в Ордосе (Шимао) и ниже по Хуанхэ до Шаньдуна. В итоге в разных районах Хуанхэ появляются признаки возникновения прото-государств [Yang, 2004: 115, 126, 127; Li M., 2018: 117–121, 124–130, 136–145, 153, 154, 173, 413, 419].

Ранняя фаза Таосы датируется 2300–2100 гг. до н. э., а средняя (когда его площадь достигает 300 га) — 2100–2000 гг. до н. э. В конце ее многие гробницы и дворцы были разрушены, что совпало с холодным и сухим климатом в конце третьего — начале второго тысячелетия до н. э., но депопуляция происходит лишь в XIX в. до н. э., когда в бассейне Цзиньнань и Ордосе политическое развитие увядает, а его центр смещается в бассейн Лохэ, где возникает Эрлитоу [Li M., 2018: 83–85, 117, 132, 174–177]. Южнее, в Хэнане на Хуанхэ, поздний Луншань начинается в диапазоне 2170–2040 гг. до н. э., а заканчивается в диапазоне 1850–1780 гг. до н. э. [Liu et al., 2005: 23], но здесь развитие более скромное.

Многим бросалось в глаза соответствие этих культур легендам о периодах *Вань Го* (Тысяча Государств) и Пяти Императоров, последний из них завершился воцарением

Юя и основанием Ся [Chang, 1999: 64, 70, 71]. Многие луншаньские центры можно ассоциировать с легендарным ландшафтом: *Яо Ван Чэн* (царский город Яо) в Шаньдуне или *Юй Хуэй* (Собрание Юя) в Аньхое, и описание пути Юя соответствует этому ареалу и культуре. Поэтому предполагалось, что легенду о Потопе Юя можно связать с экологическим кризисом конца третьего тысячелетия до н. э. [Li M., 2018: 173, 396–401]. Начало кризиса попадает в интервал «события 2200», когда понижение температур вызвало ослабление Азиатского муссона, что привело к сухим и холодным условиям [Weiss et al., 1993]. Но это был плавный процесс, резкие изменения на Ближнем Востоке и затем в Европе были спровоцированы локальным извержением вулкана в Восточной Анатолии или в Закавказье, и это не могло воздействовать на всю планету [Grigoriev, 2023b]. Тем не менее, версия о связи периода Таосы с эпохой Пяти Императоров правдоподобна. Локализация родины Юя и первичного ареала Ся в юго-западной Шаньси соответствует району Таосы. Но время Яо и Шуня, когда имел место потоп, с этим сухим периодом связать нельзя.

Дата Великого Потопа Юя

Недавно китайские коллеги обнаружили следы Великого Потопа. В результате землетрясения в ущелье Циши в провинции Цинхай на Хуанхэ образовались дамба высотой до 240 м по бортам и 185–210 м в середине, и резервуар, содержащий 12–17 км³ воды, что после прорыва через 6–9 месяцев привело к затоплению огромной территории (см. рис.). Ниже по течению наносы затопления перекрыли пос. Лацзя культуры Цицзя, который прежде был уничтожен тем же землетрясением. Это маркируется включениями обломков зеленого сланца, который найден лишь в ущелье Циши, и они присутствуют на поселении в сейсмических трещинах, которые не успели заполниться грунтом, спускающимся со склонов в результате осадков. Это произошло в диапазоне 1976–1882 гг. до н. э. (95% вероятности) с медианным значением 1922±28 г. до н. э., и дата Нивисона для начала династии Ся в 1914 г. до н. э. попадает в этот диапазон. Дата разрушения поселения относится к интервалу 2129–1770 гг. до н. э., а даты седиментов в образовавшемся резервуаре формируют несколько более поздний диапазон — 2020–1506 гг. до н. э. Показательно, что в конце третьего — начале второго тысячелетия до н. э. осадков в бассейне Хуанхэ было мало, и данное событие соответствует поздней части этого периода. С этой катастрофой и были связаны деяния Юя и начало Ся [Wu et al., 2016: 580–582].

Данная работа подвергалась критике, но часть ее была неправомерна. Например, доказывалась гибель поселения в результате землетрясения, а не затопления, чего авторы и не писали. Неправомерны и упреки в том, что уровень отложений резервуара намного ниже уровня дамбы, и они имеют более позднюю дату, хотя так и должно быть. Были и справедливые упреки в использовании медианного значения для определения даты события, критиковалось моделирование объемов и интенсивности водосброса и предполагалось быстрое затухание волнового воздействия. Кроме того, по пути на Центральную равнину вода растечется по равнинам в излучине Хуанхэ, поэтому данное событие не может быть источником легенды о Потопе. Указывалось, что в этом ущелье дамба существовала и прежде. Она образовалась в седьмом тысячелетии до н. э. и была постепенно размыта к 3650 г. до н. э. [Huang et al., 2017; Han, 2017; Wu W. et al., 2017].

Авторы публикации затем ответили на все претензии, в том числе указав, что они выбрали наиболее консервативную оценку при моделировании события [Wu et al., 2017]. Забавно то, что даже в публикации критиков присутствует илистый слой внезапного паводка, перекрывающий остатки этой дамбы. Следует обратить внимание еще на одно замечание, что около 1950 г. до н. э. катастрофы с сильными дождями, землетрясениями и оползнями случались во всем регионе (см. [Huang et al., 2017: 1, fig. 3G] и сопроводительный текст). Последнее напоминает описание извержения Санториана в египетских источниках, поскольку ливни сопровождают извержения глобально-массштаба [Foster et al., 1996].

Я думаю, что авторы даже недооценили масштаб события, так как рассчитали накопление воды исходя из стандартной ситуации, а ливни и сейсмический сход снега с гор могли увеличить ее объем. Часть воды по пути на Центральные равнины должна была уйти в грунт, но она не могла растечься по долинам в пределах Внутренней Монголии и Шаньси, так как долина там имеет глубину до 100–200 м. Лишь выйдя за пределы Лёссового плато на юго-западе Шаньси, долина Хуанхэ по восточному берегу становятся мельче (варьируя в пределах 10–150 м), и там вода может затопить большие участки, лежащие в низинах вдоль реки, и образовав серию стариц в других местах. Наносы лёсса должны были кое-где блокировать Хуанхэ, что усугубляло ситуацию. Поскольку плотина даже после прорыва продолжала размываться, поступление воды могло быть долговременным. Ликвидация последствий (строительство дамб и каналов) требовала усилий, но была реальной задачей для той эпохи.

Если обратиться к «Историческим Запискам», мы увидим именно это. Затопленными оказались низины, однако глобального потопа не было. Есть единственное упоминание о наводнении в правление Яо. Шунь эпизодически уделяет внимание этому, наряду с регулированием вопросов музыки и решением иных неотложных проблем. Юй занимался устройством каналов и дамб, но одновременно и более важными проблемами налогообложения, борьбы с соседями и др. [Сыма Цянь, 2001: 138–162]. Следовательно, данная археологическая ситуация точно соответствует источникам. Менее ясны представления о Великой Засухе, которые соответствуют ослаблению муссона. Но длительные процессы в сознании не рефлексированы, они воспринимаются как норма. Поэтому не исключено, что представления о Великой Засухе связаны с тем годом, когда Хуанхэ была заблокирована.

Все это объясняется с точки зрения связи климата и воздействия солнца. Существуют циклы солнечной активности, и при ее снижении происходит блокировка Азиатского муссона [Weiss et al., 1993]. В 2065 г. до н. э. имел место солярный максимум, после которого началось снижение с серией колебаний, с наиболее резким спадом, начавшимся около 1900 г. до н. э., и затем подъемом после 1880 г. до н. э. [Usoskin, 2017: fig. 20, tab. 2]. Это совпадает с засушливым периодом в финальной части китайского неолита.

Наблюдается корреляция между фазами солнечной, вулканической и сейсмической активности: крупные извержения и землетрясения происходят при снижении активности солнца, особенно при переходе к новой фазе [Белов и др., 2009]. Поэтому глобальные катастрофы в конце XX — начале XIX в. до н. э. вероятны. По отложениям льдов в Гренландии и Антарктиде для этого времени реконструируется рост стратосферных

вулканических аэрозолей, но не такой мощный, как для второй половины XVII–XVI вв. до н. э., когда имели место три крупных извержения, включая Санторин [Sigl, 2022: fig. 9; Pearson et al., 2022]. Изучение древесных колец на юго-западе США выявило похолодания в 1996, 1962, 1921, 1909, 1908, 1907 гг. до н. э. [Salzer, Hughes, 2006]. Но три первых сигнала могут иметь локальный характер, а три последних — отражать одно событие в виде глобального извержения, когда выбросы достигают стратосферы и долго не оседают, что вызвало эффект вулканической зимы на три года.

«Бамбуковые Анналы» (1.4.3) дают описание этого события: «Когда *сань мяо* должны были погибнуть, с неба дождем полилась кровь, летом был лед, земля потрескалась и забил родник, зеленый дракон родился в храме, солнце взошло ночью, днем солнце не выходило». Но в предыдущей записи (1.4.2) сказано: «Император [Шунь] похоронен на [горе] Цанъу» [Бамбуковые Анналы, 2005: 104]. После этих записей следует запись 2.1.1 о столице Юя в Янчэне. Если последовательность записей корректна, то это вулканическое событие произошло сразу после смерти Шуня или в год его смерти, в самом начале царствования Юя, и дата 1909 г. до н. э. как начальная точка династии Ся оптимальна.

Дату Великого Потопа определить невозможно. Сигнал заморозков на юго-западе США в 1921 г. до н. э. соответствует медианной дате образования дамбы в Цзиши ок. 1922 г. до н. э., и остающийся для правления Шуня 10–12-летний отрезок вполне достоверен. Но, во-первых, это медианная дата вероятностного интервала, а во-вторых, в период повышенной сейсмической и вулканической активности локальные события могут не совпадать. Тем самым мы имеем дело с периодом интенсивных катастроф после длительного засушливого периода, что привело к кризису существовавшую социально-экономическую систему. Если строго следовать письменным источникам, ее агония выглядела так: наступил период вулканической и сейсмической нестабильности, крупное землетрясение уничтожило пос. Лацзя и сформировало дамбу в Цзиши. Это почти на год перекрыло поступление воды в Хуанхэ и вызвало Великую Засуху Яо. Затем дамбу прорвало, началось наводнение с долгими последствиями, что вынудило проводить ирригационные работы. Эти бедствия негативно сказались на обществе юго-запада Шаньси, где они были самыми существенными. Не исключены и иные проблемы.

В 1909 г. до н. э. происходит извержение вулкана глобального характера, и в этот год к власти приходит Юй, который переносит столицу на самый юг Шаньси — в Янчэн. Этому соответствует упадок Таосы и предполагаемое переселение в Эрлитоу, куда смещается политический центр после потопа [Li M., 2018: 175–177]. Фаза I Эрлитоу датируется 1880–1640 гг. до н. э. [Zhang et al., 2008: 200], что соответствует записи о проживании третьего правителя Тай-кана в Чжэньсюне.

Таким образом, легенда о Пяти Императорах корректно отражает китайскую историю третьего тысячелетия до н. э. Поскольку речь идет о глобальных катастрофах, не исключено, что это можно использовать для синхронизации хронологий отдаленных регионов. В этом хронологическом интервале трансформации происходят в Европе [Grigoriev, 2023b: 33, 34], но в Лапландии не отмечены события, соответствующие угнетенным годичным кольцам в США [Helama et al., 2002: tabl. 5]. Возможно, там этот

кризис был мягче, что затрудняет точную синхронизацию, хотя не исключает ее в будущем. Вероятно, с этими событиями можно будет связать какие-то трансформации в Южной Сибири, но взаимодействие этих регионов с бассейном Хуанхэ в это время отсутствовало.

Развитие в бронзовом веке: Эрлитоу и Шанская династия

После Луншань основное развитие смещается к югу. Крупные центры размером 90–100 га появляются в Синьчжае на Хуайхэ и в Хаудицзуй на Лохэ, содержащие тот же набор традиции Саньдай [Li M., 2018: 182, 183, 187]. Переход от позднего Луншань к Синьчжай датируется в пределах 1850–1780 гг. до н. э., а конец этого периода — в пределах 1730–1675 гг. до н. э. Начало культуры Эрлитоу датируется ок. 1780–1730 гг. до н. э. [Liu et al., 2005: 23]. Великий Потоп в той же системе дат отнесен к 1976–1882 гг. до н. э., т. е. он предшествует периоду Синьчжай, который можно связать со временем Шуня и Юя. В основе этой культуры и последующей Эрлитоу лежат традиции местной хэнаньской Луншань, но сюда начинают проникать традиции из Гуанчжуна на юго-востоке Шэньси и Цзиньнани на юго-западе Шаньси. Затем, в начале Эрлитоу, из бассейна Цзиньнани приходят новые керамические формы, например, триподы *ли* с мешкообразными ножками. В итоге, исследователи идентифицировали Эрлитоу со столицей Ся Чжэньсюнь [Yan, 2004: 70; Li M., 2018: 199, 201]. Все это указывает на связь с Шаньси. Можно допустить, что отток населения, начавшийся на стадии поздней Луншань, связан с потопом, а последующие связи указывают на смещение сюда центра Ся, так как Тай-кан перенес столицу именно в этот регион.

В результате, в Хэнани, Хэбэе, Шаньси и Шэньси сформировалась культура Эрлитоу, главный памятник которой расположен на слиянии Лохэ и Ихэ (см. рис.). Это раннегосударственное образование с дворцовыми сооружениями и монументальными погребальными комплексами. Уже на ранней стадии площадь поселения составляла 100 га, а на следующей достигла 300 га. Дворцовые конструкции обнаружены в фазе II, но более основательные в фазе III [Thorp, 2005: 21, 26–30, 33; Li M., 2018: 189–198]. Памятник представлен 4-мя фазами, первая из которых содержит поздние луншаньские материалы и материалы Синьчжай, а в четвертой появляются материалы Эрлиган, и по керамике наблюдается преемственность между фазами [Chang, 1986: 315; Thorp, 2005: 36]. Есть отличия в погребениях Эрлитоу от Таосы: ориентация погребенных на север, а не на высокую гору, а также отличия от последующей Шанской династии в ориентации престижных построек. В Эрлитоу II и III они имеют отклонение от севера к западу в 4–6°, а в Эрлигане 10–20° к востоку. Позже ориентация меняется с началом Чжоу, что является признаком разных династических традиций [Campbell, 2018: 63; Li M., 2018: 190, 193, figs. 5.6, 6.5].

С фазы III в Эрлитоу происходят изменения, начинается экспансия на запад и юг, происходит скачок в металлургии, распространяются бронзы, литье и первые изделия сейминско-турбинской (СТ) традиции, проникающей с северо-востока. Одновременно появляются иные северо-восточные элементы, например, сосуды стиля Сяциуань из Хэбэя [Li M., 2018: 215–219, 238; Григорьев, 2021a]. Эту фазу можно синхронизировать с событиями на западе, вызванными извержением вулкана в 1628 г. до н. э.: формирование террамар в Италии, переход к А2с в Центральной Европе, карпатские влияния

в Грецию, Подонье и Зауралье, федоровские миграции с Прииртышья на запад и Енисей, вытеснившие СТ группы в Китай [Grigoriev, 2024]¹.

Это дает основания для построения хронологии. По легендарной хронологии династия Ся датировалась 2070–1600 гг. до н. э. Но реальной датой является, вероятно, 1909 г. до н. э., а перенос столицы в Эрлитоу произошел через два поколения (30–40 лет). Это соответствует интервалам, построенным на байесовской статистике серии дат из Эрлитоу, где первые три фазы сопоставлены с Ся, а четвертая — с ранней Шан: фаза I — ок. 1880–1640 гг. до н. э., II — 1740–1590 гг. до н. э., III — 1610–1555 гг. до н. э., IV — 1560–1520 гг. до н. э. [Zhang et al., 2008: 197–210]². Существует разница между началом фазы III и катастрофой 1628 г. до н. э., и это обусловлено тем, что в Китае она не столь ощущалась, а для перемещений федоровских и СТ племен требовалось время.

В итоге, мы имеем последовательность событий, соответствующую легендам о Яо, Шуне и Юе: сейсмическое формирование плотины ок. 1922 г. до н. э. и засуха, которая сменилась Великим Потопом на юго-западе Шаньси. Это вызвало частичное переселение на север Хэнани. Затем происходит утверждение Ся в 1909 г. до н. э. при Юе, а позже смещение политического центра на север Хэнани при Тай-кане, что соответствует появлению Эрлитоу.

Последующее начало Шан в 1558 г. до н. э. совпадает с извержением Санторина в 1560 г. до н. э., что коррелирует с интервалом 1560–1520 гг. до н. э. для слоя IV Эрлитоу. Этому предшествовали летние заморозки (см. подробнее [Grigoriev, 2023a]). Поскольку традиция помещает корни Шан на востоке Хэнани, западе Шаньдуна и северо-западе Аньхоя, показательно проникновение в начале фазы IV Эрлитоу с востока традиций, которые стали типичны в период Эрлиган: триподы *гуй* и *цзюэ*, маски животных, маски монстров *таоте*, ряд орнаментальных мотивов и т. д. [Chang, 1983: 500, 501, 509, 510; Guo, 1995; Li M., 2018: 232, 237, 238, 242].

Не исключено, что конец Шанской династии тоже был спровоцирован вулканическим событием. Есть упоминания о климатических проблемах при последнем ее правителе: «Во времена Ди-синь Шоу небо было очень хмурым» и имели место иные природные явления, например, восход двух солнц [Бамбуковые Анналы, 2005: 112; Васильев, 1995: 207]. Последнее называется «эффектом паргелия», происходящим за счет преломления света в кристаллах льда, насыщающих облака. Во второй половине XI в. до н. э. имел место пик вулканических аэрозолей в стратосфере, а для 1031 г. до н. э. в древесных кольцах на юго-западе США зафиксированы сигналы заморозка [Sigl, 2022: fig. 9; Salzer, Hughes, 2006: tab. 2].

Выше мы обсуждали, что для начала Чжоу предлагается две даты: 1046/1045 и 1027 г. до н. э. Поэтому вероятно, что проблемы Шан были вызваны неурожаем, спровоцированными климатическим кризисом, начавшимся в 1031 г. до н. э., и дата начала Чжоу

¹ Первоначально я ошибочно синхронизировал эту фазу и проникновение СТ бронз с извержением Санторина и началом Шан [Григорьев, 2022б: 195], позже вывод был скорректирован [Grigoriev, 2023а: 579; 2024: 84].

² Выше мы обсуждали начало периода Синьчай ок. 1850–1780 гг. до н. э., а начало Эрлитоу в пределах 1780–1730 гг. до н. э. [Liu et al., 2005: 23]. Но фаза I Эрлитоу содержит как раз более ранний материал.

в 1027 г. кажется предпочтительней, хотя и требует проверки. Но в противном случае мы вынуждены следовать конфуцианской традиции и полагать, что проблемы Ди Синя были связаны с его аморальным обликом. Не исключено, что это дает основание для датировки начала III (каменноложского) этапа карасукской культуры, который синхронизируется с началом Чжоу, где происходят существенные изменения, вызванные миграциями. Показательно, что влияния распространяются на запад и ощущаются на ирменском этапе ирменской культуры [Поляков, 2017: 195].

Выводы

Сопоставление источников показывает, что взгляды китайских археологов на историчность Ся правомерны. Даже описания двух последних из Пяти Императоров, Яо и Шуня, отражают исторические реалии. Легендарная хронология Ся безосновательна, в то время, как хронологии Шан и Чжоу, основанные на «Бамбуковых Анналах», корректны. Очень сомнительна опора на астрономическую хронологию и на радиоуглеродные интервалы, полученные суммированием вероятностей. Только серии AMS дат, обработанные методами байесовского моделирования, дают адекватный результат. Точные маркеры, устанавливающие границы трех династий, могут быть получены на основе изучения глобальных катастроф, которые вызывали ослабление прежней системы и способствовали появлению новой политической силы. Они были связаны с циклами солнечной активности, но непосредственным триггером были землетрясения и глобальные извержения, вызывавшие неурожай в течение 2–3 лет. Триггером для появления Ся стал период сейсмической и вулканической активности, который сначала привел к колоссальной засухе, сменившейся длительным наводнением, а потом глобальным извержением 1909 г. до н. э. В итоге к власти пришел Юй. Ближе к концу второй половины XIX в. до н. э. при Тай-кане политический центр из Шаньси сместился в Эрлитоу. Извержение Санторина в 1560 г. до н. э., вызвавшее вулканическую зиму на три года, привело к ослаблению Ся и приходу к власти в 1558 г. до н. э. Чэн Тана, первого правителя Шан. Извержение 1031 г. до н. э. ослабило Шан, что позволило в 1027 г. первому чжоускому правителю У Вану разгромить шанцев при Муе. Поскольку следы этих событий отражены в древесных кольцах юго-запада США, речь идет о явлениях, которые могли проявляться и в других регионах, в частности, в Северной Евразии. Поэтому предложенные даты могут служить хронологическими реперами, но необходима огромная работа по сопоставлению дендрологических и гляциологических данных разных регионов. Вулканические события 1654 и 1628 гг. до н. э. на китайскую историю, кажется, не оказали прямого влияния, если не считать появления сейминско-турбинских бронз в фазе III Эрлитоу, что позволяет ее датировать после 1628 г. до н. э.

Благодарности и финансирование

Материалы для статьи собраны в 2019 г. в результате 6-месячной работы на Тайване и в Китае в рамках гранта, предоставленного Центром Китайских исследований (Тайбэй, Тайвань). Я благодарен также анонимному рецензенту, чьи вопросы заставили взглянуть на проблему несколько иначе и выстроить иную логику событий.

Acknowledgements and funding

Materials for this article were collected in 2019 as a result of 6-month work in Taiwan and China supported by a grant provided by the Center for Chinese Studies (Taipei, Taiwan). I am

also grateful to the anonymous reviewer, whose questions made me look at the problem a little differently and build a different logic of events.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бамбуковые анналы: древний текст (Гу бэнь чжу шу цзи нянь) / изд. текста, пер. с кит., вступ. ст., коммент. и прилож. М. Ю. Ульянова при участии Д. В. Деопика и А. И. Таркиной. М. : Восточная литература, 2005. 311 с.

Белов С. В., Шестопалов И. П., Харин Е. П. О взаимосвязях эндогенной активности Земли с солнечной и геомагнитной активностью // Доклады Академии наук. 2009. Т. 428, № 1. С. 1–4.

Васильев Л. С. Древний Китай. М. : Восточная литература, 1995. Т. 1. 379 с.

Григорьев С. А. Проникновение сейминско-турбинской традиции в Китай и развитие технологии оловянного легирования // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2021а. № 1. С. 3–21.

Григорьев С. А. Хронология сейминско-турбинских бронз на основании ближневосточных и китайских источников и датировки извержения Санторина // Археология евразийских степей. 2022б. № 6. С. 186–200.

Поляков А. В. Современная хронология памятников энеолита и эпохи бронзы Минусинских котловин // Орос, монгол, хятадын хил залгаа бүс нутгийн эртний нийгмүүдийн соёлын хувьсал ба харилцан нөлөөлөл: төв ази ба умард хятадын хадны зураг. Эрдэм шинжилгээний хурлын эмхэтгэл / Редактор: Ц. Төрбат, Н. Батболд. Улан-Батор : ШУА-ийн Түүх, Археологийн хүрээлэн, 2017. С. 187–211.

Попова Г. С. Шу-цзин («Канон записей») на рубеже II–I вв. до н. э. (по материалам «Исторических записок» Сыма Цяня) // Общество и государство в Китае. 2018. № 1. С. 183–214.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи) / пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина; под общ. ред. Р. В. Вяткина. М. : Восточная литература, 2001. Т. I. 415 с.

Шу-цзин («Канон записей») / пер. Г. С. Поповой. М. ; СПб. : Нестор-История, 2022. 410 с.

Bagley R. Shang archaeology // The Cambridge History of ancient China. From the origins of civilization to 221 B. C. Cambridge: University press, 1999. P. 124–231.

Campbell R. V. Violence, Kinship and the Early Chinese State. Cambridge: University Publishing House, 2018. 358 p.

Chang K. C. Shang Civilization. New Heaven, London: Yale University Press, 1980. 417 p.

Chang K. C. Sandai archaeology and the formation of states in ancient China: processual aspects of the origins of Chinese civilization // The origins of Chinese civilization. Berkley, Los Angeles, London: University of California Press, 1983. P. 495–582.

Chang K. C. The archaeology of ancient China. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1986. 483 p. (in English).

Chang K. C. China on the eve of the Historical period // The Cambridge History of ancient China. From the origins of civilization to 221 B. C. Cambridge: University press, 1999. P. 37–73 (in English).

Cheung Kwong-Yue. Recent archaeological evidence relating to the origin of Chinese characters // *The origins of Chinese civilization*. Berkley, Los Angeles, London: University of California Press, 1983. P. 323–391 (in English).

Chun Chen, Xin Gong. Erlitou and Xia: A Dispute between Chinese and Overseas Scholars // *Social Evolution & History*. 2018. № 17 (2). P. 235–257.

Foster K. P., Ritner R. K., Foster B. R. Texts, Storms, and the Thera Eruption // *Journal of Near Eastern Studies*. 1996. No 55 (1). P. 1–14.

Grigoriev S. Chronology of the Seima-Turbino bronzes, early Shang Dynasty and Santorini eruption // *Prähistorische Zeitschrift*. 2023a. No 98 (2). P. 569–588 (in English).

Grigoriev S. A. Absolute chronology of the Early Bronze Age in Central Europe, Middle Bronze Age in Eastern Europe, and the «2200 event» // *Journal of ancient history and archaeology*. 2023b. 10.1. P. 22–46 (in English).

Grigoriev S. A. Absolute chronology of the transitions to the Northern Eurasian Late Bronze Age and European Middle Bronze Age // *Kazakhstan archeology*. 2024. № 1. P. 79–95 (in English).

Guo Da-shun. Northern-type bronze artifacts unearthed in the Liaoning region, and related issues // *The archaeology of Northeast China*. London: Routledge, 1995. P. 182–205 (in English).

Guo Jianxin, Wang Weitao, Zhao Kai, Li Guangxing, He Guanglin, Zhao Jing, Yang Xiaomin, Chen Jinwen, Zhu Kongyang, Wang Rui, Ma Hao, Xu Bingying, Wang Chuan-Chao. Genomic insights into Neolithic farming-related migrations in the junction of east and southeast Asia // *American Journal of Biological Anthropology*. 2021. Vol. 177 (2). P. 1–15 (in English).

Han Jian-Chiu. Comment on «Outburst flood at 1920 BCE supports historicity of China's Great Flood and the Xia dynasty» // *Science*. 2017. 355, 1382 c. (in English).

Helama S., Lindholm M., Timonen M., Meriläinen J., Eronen M. The supra-long Scots pine tree-ring record for Finnish Lapland: Part 2, interannual to centennial variability in summer temperatures for 7500 years // *The Holocene*. 2002. No 12, 6. P. 681–687 (in English).

Huang Chun Chang, Zhou Yali, Zhang Yuzhu, Guo Yongqiang, Pang Jiangli, Zhou Qiang, Liu Tao, Zha Xiaochun. Comment on “Outburst flood at 1920 BCE supports historicity of China's Great Flood and the Xia dynasty” // *Science*. 2017. 355, 1382d (in English).

Keenan D. J. Astro-historiographic chronologies of early China are unfounded // *East Asian History*. 2002. No 23. P. 61–68 (in English).

Keightley D. N. The Shang: China's first historical dynasty // *The Cambridge History of ancient China. From the origins of civilization to 221 B. C.* Cambridge: University press, 1999. P. 232–291 (in English).

Lee Y. K. Building the Chronology of Early Chinese History // *Asian Perspectives*. 2002. 41 (1). P. 15–42 (in English).

Li Xueqin. “The Xia-Shang-Zhou Chronology Project” // *Journal of East Asian Archaeology*. 2002. 4. P. 321–333 (in English).

Liu K., Han B., Guo Zh., Wu X., Yuan S., Kutschera W., Ma H., Priller A., Steier P., Wild E. M., Zhao Ch. AMS radiocarbon dating of bone samples from the Xinzhai site in China // *Radiocarbon*. 2005. Vol. 47. No 1. P. 21–25 (in English).

Liu K., Wu X., Guo Zh., Yuan S., Ding X., Fu D., Pan Y. Radiocarbon dating of oracle bones of late Shang period in Ancient China // *Radiocarbon*. 2020. 00/00. P. 1–21, <https://doi.org/10.1017/RDC.2020.90> (in English).

Liu Li, Xu Hong. Rethinking Erlitou: legend, history and Chinese archaeology // *Antiquity*. 2007. 81. P. 886–901 (in English).

Nienhauser W.H. (ed.). *The Grand Scribe's Records. Vol. I. The Basic Annals of Pre-Han China*. Bloomington: Indiana University Press, 1994. 416 p. (in English).

Nivison D.S. The Key to the Chronology of the Three Dynasties: The “Modern Text” Bamboo Annals // *Sino-Platonic Papers*. 1999. No 93. P. 1–68 (in English).

Pankenier D.W. Astronomical dates in Shang and Western Zhou // *Early China*. 1981/1982. No 7. P. 2–37 (in English).

Pearson Ch., Sigl M., Burke A., Davies S., Kurbatov A., Severi M., Cole-Dai J., Innes H., Albert P.G., Helmick M. Geochemical ice-core constraints on the timing and climatic impact of Aniakchak II (1628 BCE) and Thera (Minoan) volcanic eruptions // *PNAS Nexus*. 2022. No 1 (2), pgac048, <https://doi.org/10.1093/pnasnexus/pgac048>

Pulleyblank E.G. *The Chinese and their neighbors in prehistoric and early historic times // The origins of Chinese civilization*. Berkley, Los Angeles, London: University of California Press, 1983. P. 411–466 (in English).

Salzer M. W., Hughes M. K. Bristlecone pine tree rings and volcanic eruptions over the last 5000 yr // *Quaternary Research*. 2006. No 67 (1). P. 57–68 (in English).

Shaughnessy E.D. *Calendar and chronology // The Cambridge History of ancient China. From the origins of civilization to 221 B.C.* Cambridge: University press, 1999. P. 19–29 (in English).

Sigl M., Toohey M., McConnell J. R., Cole-Dai J., Severi M. Volcanic stratospheric sulfur injections and aerosol optical depth during the Holocene (past 11,500 years) from a bipolar ice core array // *Earth System Science Data*. 2022. No 14. P. 3167–3196 (in English).

Thorp R.L. *China in the Early Bronze Age: Shang Civilization (Encounters with Asia)*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2005. 320 p. (in English).

Usoskin I.G. A History of Solar Activity over Millennia // *Living Reviews in Solar Physics*. 2017. No 14:3. <https://doi.org/10.1007/s41116-017-0006-9>.

Weiss H., Courty M.-A., Wetterstrom W., Guichard F., Senior L., Meadow R., Curnow A. Genesis and Collapse of Third Millennium North Mesopotamian Civilization // *Science, New Series*. 1993. Vol. 261. No 5124. P. 995–1004 (in English).

Wu Qinglong, Zhao Zhijun, Liu Li, Granger D. E., Wang Hui, Cohen D. J., Wu Xiaohong, Ye Maolin, Bar-Yosef O., Lu Bin, Zhang Jin, Zhang Peizhen, Yuan Daoyang, Qi Wuyun, Cai Linhai, Bai Shibiao. Outburst flood at 1920 BCE supports historicity of China's Great Flood and the Xia dynasty // *Science*. 2016. No 353 (6299). P. 579–582.

Wu Qinglong, Zhao Zhijun, Liu Li, Granger D. E., Wang Hui, Cohen D. J., Wu Xiaohong, Ye Maolin, Bar-Yosef Ofer, Lu Bin, Zhang Jin, Zhang Peizhen, Yuan Daoyang, Qi Wuyun, Cai Linhai, Bai Shibiao. Response to Comments on “Outburst flood at 1920 BCE supports historicity of China's Great Flood and the Xia dynasty” // *Science*. 2017. 355, 1382.

Wu Wenxiang, Dai Junhu, Zhou Yang, Ge Quansheng. Comment on “Outburst flood at 1920 BCE supports historicity of China's Great Flood and the Xia dynasty” // *Science*. 2017. 355, 1382.

Yan Wenming. *The cradle of Eastern Civilization // New perspectives on China's past. Chinese archaeology in the twentieth century.* New Haven, London: Yale university press, 2004. P. 48–75 (in English).

Yang Xiaomeng. *Urban revolution in late prehistoric China // New perspectives on China's past. Chinese archaeology in the twentieth century.* New Haven, London: Yale university press, 2004. P. 98–143 (in English).

Zhang X., Qiu Sh., Cai L., Bo G., Wang J., Zhong J. *Establishing and Refining the Archaeological Chronologies of Xinzhai, Erlitou and Erligang Cultures // Chinese Archaeology.* 2008. No 8. P. 197–210

REFERENCES

Bamboo Annals: Ancient Text (Gu ben zhū shu ji nyan) [Bambukovye annaly: drevnij tekst (Gu ben zhu shu ji nyan)] / (eds. and comments) M. Yu. Ulyanova, D. V. Deopik, A. I. Tarkina. Moscow: Vostochnaya literatura, 2005, 311 p. (in Russian).

Belov S. V., Shestopalov I. P., Kharin E. P. On the relationship of the endogenous activity of the Earth with solar and geomagnetic activity [O vzaimosvyazyah endogennoj aktivnosti Zemli s solnechnoj i geomagnitnoj aktivnost'yu]. *Reports of the Academy of Sciences [Doklady Akademii Nauk]*. 2009, vol. 428, no. 1. P. 1–4 (in Russian).

Vasiliev L. S. *Drevnij Kitaj* [Ancient China]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1995, vol. 1, 379 p. (in Russian).

Grigoriev S. A. Penetration of Seima-Turbino tradition in China and development of tin alloying technology [Proniknovenie sejminko-turbinskoj tradicii v Kitaj i razvitie tehnologii olovjannogo legirovaniya]. *Multidisciplinary Research in Archaeology [Mul'tidisciplinarnye issledovaniya v arheologii]*. 2021a, no. 1. P. 3–21 (in Russian).

Grigoriev S. A. Chronology of the Seima-Turbino bronzes based on Near Eastern and Chinese sources and the dating of the Santorini eruption [Hronologiya sejminko-turbinskih bronz na osnovanii blizhnjevostochnyh i kitajskih istochnikov i datirovki izverzheniya Santorina]. *Archaeology of the Eurasian Steppes* [Археология евразийских степей]. 2022b, no. 6. P. 186–200 (in Russian).

Polyakov A. V. Modern chronology of Chalcolithic and Bronze Age sites of the Minusinsk basins [Sovremennaya hronologiya pamyatnikov eneolita i epohi bronzy Minusinskih kotlovin]. *Cultural evolution and mutual influence of ancient societies in the border regions of Russia, Mongolia and China: Rock paintings of Central Asia and North China. Proceedings of the scientific conference* [Oros, mongol, hyatadyn hil zalgaa bys nutgijn ertnij nijgmүүдийн союлын хув'сал ба харилцан ноллол: тов ази ба умард hyatadyn hadny zurag. Erdem шинzhilgeenij hurlyn emhetgel]. Shua-ijn Түүх: Arheologijn hyreelen [Institute of History and Archeology of MAS], 2017. P. 187–211 (in Russian).

Popova G. S. Shūjīng (“Canon of Records”) at the turn of the 2nd-1st centuries BC (based on materials from “Records of the Grand Historian” of Sima Qian) [Shu-czin (“Kanon zapisov”) na rubezhe II–I vv. do n. e. (po materialam “Istoricheskikh zapisok” Syma Tsyanya)]. *Society and State in China* [Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae]. 2018, no. 1. P. 183–214 (in Russian).

Sima Qian. *Records of the Grand Historian (Shi Ji)* [Istoricheskiye zapiski]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2001. 415 p. (in Russian).

Bagley R. Shang archaeology. *The Cambridge History of ancient China. From the origins of civilization to 221 B. C.* Cambridge: University press, 1999. P. 124–231.

Campbell R. B. *Violence, Kinship and the Early Chinese State.* Cambridge: University Publishing House, 2018, 358 p. (in English).

Chang K. C. *Shang Civilization.* New Heaven, London: Yale University Press, 1980, 417 p. (in English).

Chang K. C. Sandai archaeology and the formation of states in ancient China: processual aspects of the origins of Chinese civilization. *The origins of Chinese civilization.* Berkley, Los Angeles, London: University of California Press, 1983. P. 495–582 (in English).

Chang K. C. *The archaeology of ancient China.* New Haven, Conn.: Yale University Press, 1986, 483 p. (in English).

Chang K. C. China on the eve of the Historical period. *The Cambridge History of ancient China. From the origins of civilization to 221 B. C.* Cambridge: University press, 1999. P. 37–73 (in English).

Cheung Kwong-Yue. Recent archaeological evidence relating to the origin of Chinese characters. *The origins of Chinese civilization.* Berkley, Los Angeles, London: University of California Press, 1983. P. 323–391 (in English).

Chun Chen, Xin Gong, Erlitou and Xia: A Dispute between Chinese and Overseas Scholars. *Social Evolution & History.* 2018, no. 17 (2). P. 235–257 (in English).

Foster K. P., Ritner R. K., Foster B. R. Texts, Storms, and the Thera Eruption. *Journal of Near Eastern Studies.* 1996, no. 55 (1). P. 1–14 (in English).

Grigoriev S. Chronology of the Seima-Turbino bronzes, early Shang Dynasty and Santorini eruption. *Prähistorische Zeitschrift.* 2023a, no. 98 (2). P. 569–588 (in English).

Grigoriev S. A. Absolute chronology of the Early Bronze Age in Central Europe, Middle Bronze Age in Eastern Europe, and the “2200 event”. *Journal of ancient history and archaeology.* 2023b, no. 10.1. P. 22–46 (in English).

Grigoriev S. A. Absolute chronology of the transitions to the Northern Eurasian Late Bronze Age and European Middle Bronze Age. *Kazakhstan archeology.* 2024, no. 1. P. 79–95 (in English).

Guo Da-shun. Northern-type bronze artifacts unearthed in the Liaoning region, and related issues. *The archaeology of Northeast China.* London: Routledge, 1995. P. 182–205 (in English).

Guo Jianxin, Wang Weitao, Zhao Kai, Li Guangxing, He Guanglin, Zhao Jing, Yang Xiaomin, Chen Jinwen, Zhu Kongyang, Wang Rui, Ma Hao, Xu Bingying, Wang Chuan-Chao. Genomic insights into Neolithic farming-related migrations in the junction of east and southeast Asia. *American Journal of Biological Anthropology.* 2021, vol. 177 (2). P. 1–15 (in English).

Han Jian-Chiu. Comment on “Outburst flood at 1920 BCE supports historicity of China's Great Flood and the Xia dynasty”. *Science.* 2017, 355, 1382c (in English).

Helama S., Lindholm M., Timonen M., Meriläinen J., Eronen M. The supra-long Scots pine tree-ring record for Finnish Lapland: Part 2, interannual to centennial variability in summer temperatures for 7500 years. *The Holocene.* 2002, no. 12,6. P. 681–687 (in English).

Huang Chun Chang, Zhou Yali, Zhang Yuzhu, Guo Yongqiang, Pang Jiangli, Zhou Qiang, Liu Tao, Zha Xiaochun. Comment on “Outburst flood at 1920 BCE supports historicity of China's Great Flood and the Xia dynasty”. *Science*. 2017, 355, 1382d (in English).

Keenan D. J. Astro-historiographic chronologies of early China are unfounded. *East Asian History*. 2002, no. 23. P. 61–68 (in English).

Keightley D. N. The Shang: China's first historical dynasty. *The Cambridge History of ancient China. From the origins of civilization to 221 B. C.* Cambridge: University press, 1999. P. 232–291 (in English).

Lee Y. K. Building the Chronology of Early Chinese History. *Asian Perspectives*. 2002, no. 41 (1). P. 15–42 (in English).

Li Min. *Social memory and state formation in Early China*. Cambridge: University press, 2018, 582 p. (in English).

Li Xueqin. The Xia-Shang-Zhou Chronology Project. *Journal of East Asian Archaeology*. 2002, no. 4. P. 321–333 (in English).

Liu K., Han B., Guo Zh., Wu X., Yuan S., Kutschera W., Ma H., Priller A., Steier P., Wild E. M., Zhao Ch. AMS radiocarbon dating of bone samples from the Xinzhai site in China. *Radiocarbon*. 2005, vol. 47, no. 1. P. 21–25 (in English).

Liu K., Wu X., Guo Zh., Yuan S., Ding X., Fu D., Pan Y. Radiocarbon dating of oracle bones of late Shang period in Ancient China. *Radiocarbon*. 2020. 00/00. P. 1–21, <https://doi.org/10.1017/RDC.2020.90> (in English).

Liu Li, Xu Hong. Rethinking Erlitou: legend, history and Chinese archaeology. *Antiquity*. 2007, no. 81. P. 886–901 (in English).

Nienhauser W. H. (ed.). *The Grand Scribe's Records. Vol. I. The Basic Annals of Pre-Han China*. Bloomington: Indiana University Press, 1994, 416 p. (in English).

Nivison D. S. The Key to the Chronology of the Three Dynasties: The “Modern Text” Bamboo Annals. *Sino-Platonic Papers*. 1999, no. 93. P. 1–68 (in English).

Pankenier D. W. Astronomical dates in Shang and Western Zhou. *Early China*. 1981/1982, no. 7. P. 2–37 (in English).

Pearson Ch., Sigl M., Burke A., Davies S., Kurbatov A., Severi M., Cole-Dai J., Innes H., Albert P. G., Helmick M. Geochemical ice-core constraints on the timing and climatic impact of Aniakchak II (1628 BCE) and Thera (Minoan) volcanic eruptions. *PNAS Nexus*. 2022, no. 1 (2), pgac048, <https://doi.org/10.1093/pnasnexus/pgac048> (in English).

Pulleyblank E. G. The Chinese and their neighbors in prehistoric and early historic times. *The origins of Chinese civilization*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1983. P. 411–466 (in English).

Salzer M. W., Hughes M. K. Bristlecone pine tree rings and volcanic eruptions over the last 5000 yr. *Quaternary Research*. 2006, no. 67 (1). P. 57–68 (in English).

Shaughnessy E. D. Calendar and chronology. *The Cambridge History of ancient China. From the origins of civilization to 221 B. C.* Cambridge: University press, 1999. P. 19–29 (in English).

Sigl M., Toohey M., McConnell J. R., Cole-Dai J., Severi M. Volcanic stratospheric sulfur injections and aerosol optical depth during the Holocene (past 11,500 years) from a bipolar ice core array. *Earth System Science Data*. 2022, no. 14. P. 3167–3196 (in English).

Thorp R. L. *China in the Early Bronze Age: Shang Civilization (Encounters with Asia)*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2005, 320 p. (in English).

Usoskin I. G. A History of Solar Activity over Millennia. *Living Reviews in Solar Physics*. 2017, no. 14:3. <https://doi.org/10.1007/s41116-017-0006-9> (in English).

Weiss H., Courty M.-A., Wetterstrom W., Guichard F., Senior L., Meadow R., Curnow A. Genesis and Collapse of Third Millennium North Mesopotamian Civilization. *Science, New Series*. 1993, vol. 261, no. 5124. P. 995–1004 (in English).

Wu Qinglong, Zhao Zhijun, Liu Li, Granger D. E., Wang Hui, Cohen D. J., Wu Xiaohong, Ye Maolin, Bar-Yosef O., Lu Bin, Zhang Jin, Zhang Peizhen, Yuan Daoyang, Qi Wuyun, Cai Linhai, Bai Shibiao. Outburst flood at 1920 BCE supports historicity of China's Great Flood and the Xia dynasty. *Science*. 2016, no. 353 (6299). P. 579–582 (in English).

Wu Qinglong, Zhao Zhijun, Liu Li, Granger D. E., Wang Hui, Cohen D. J., Wu Xiaohong, Ye Maolin, Bar-Yosef Ofer, Lu Bin, Zhang Jin, Zhang Peizhen, Yuan Daoyang, Qi Wuyun, Cai Linhai, Bai Shibiao. Response to Comments on “Outburst flood at 1920 BCE supports historicity of China's Great Flood and the Xia dynasty”. *Science*. 2017, no. 355, 1382 (in English).

Wu Wenxiang, Dai Junhu, Zhou Yang, Ge Quansheng. Comment on “Outburst flood at 1920 BCE supports historicity of China's Great Flood and the Xia dynasty”. *Science*. 2017, no. 355, 1382 (in English).

Yan Wenming. The cradle of Eastern Civilization. *New perspectives on China's past. Chinese archaeology in the twentieth century*. New Haven, London: Yale university press, 2004. P. 48–75 (in English).

Yang Xiaomeng. Urban revolution in late prehistoric China. *New perspectives on China's past. Chinese archaeology in the twentieth century*. New Haven, London: Yale university press, 2004. P. 98–143 (in English).

Zhang X., Qiu Sh., Cai L., Bo G., Wang J., Zhong J. Establishing and Refining the Archaeological Chronologies of Xinzhai, Erlitou and Erligang Cultures. *Chinese Archaeology*. 2008, no. 8. P. 197–210 (in English).

Статья поступила в редакцию: 21.03.2024

Принята к публикации: 21.08.2024

Дата публикации: 24.12.2024

УДК 902: (571.54 + 571.55 + 517.3)
DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–05

А. Д. Цыбиктаров

Бурятский государственный университет (Улан-Удэ, Россия)

ПЛИТОЧНЫЕ МОГИЛЫ И ХЕРЕКСУРЫ МОГИЛЬНИКА СТАРАЯ КАПЧЕРАНКА I В СВЕТЕ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ И АБСОЛЮТНОЙ ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ ПЛИТОЧНЫХ МОГИЛ И КУЛЬТУРЫ ХЕРЕКСУРОВ

Статья посвящена публикации материалов раскопок могильника Старая Капчеранка I на юге Республики Бурятия (Российская Федерация) и историко-культурной оценке полученных источниковедческих сведений. На памятнике были раскопаны объекты двух археологических культур Центральной Азии: культуры плиточных могил и культуры херексуров. Они включали херексур с прямоугольной оградой, два его жертвенника и две плиточные могилы. Источниковедческая ценность памятника заключается в том, что раскопки на нём выявили: 1) факт перекрытия конструкциями двух плиточных могил ограды херексура; 2) акт осквернения херексура носителями культуры плиточных могил и сооружения двух плиточных могил, которые перекрыли ограду херексура; 3) фиксация ответного осквернения обеих плиточных могил носителями культуры херексуров. Эти факты имеют большое значение для установления относительной хронологии появления погребальных сооружений на данном могильнике. Они показывают возведение сначала херексура, а после этого — плиточных могил. Осквернение носителями культуры плиточных могил и культуры херексуров могил друг друга показало одновременность их существования на территории Южной Бурятии и соседних районов Монголии. Радиоуглеродная дата плиточной могилы № 2 поместилась в пределах 3020 ± 100 л. т. н., от конца XII до конца X в. до н. э. Она соотносится с эпохой поздней бронзы. Обосновывается причина появления населения культуры херексуров в регионе Южной Бурятии и сопредельных районов Центральной Монголии в результате его миграции из Западной Монголии вследствие ухудшения экологических условий и давления избытка населения на пастбищные ресурсы в условиях кочевого и полукочевого скотоводства на территории его проживания. Результаты раскопок выявили такие особенности погребального обряда населения культуры плиточных могил и культуры херексуры, как совершение захоронений на уровне древней дневной поверхности или в ямах небольшой глубины, сооружение кладок могильных сооружений на почвенном горизонте, наличие варианта обряда захоронения без помещения в могилы инвентаря, использование огня для очищения места совершения погребения, использования мяса домашних животных и шкур лошадей с неотделёнными от них головами при исполнении обряда захоронения. Характер нарушения целостно-

сти конструкций плиточных могил и херексуров позволил выявить сакральность восточной стороны для населения культуры плиточных могил и западной стороны горизонта для носителей культуры херексуров.

Ключевые слова: культура плиточных могил, культура херексуров, обряд захоронения, конструкция, миграции, осквернение, палеогеография, палеоэкономика, кочевое скотоводство, относительная, абсолютная хронология, сакральный мир

Для цитирования:

Цыбиктаров А. В. Плиточные могилы и херексуры могильника Старая Капчеранка I в свете относительной и абсолютной хронологии памятников культуры плиточных могил и культуры херексуров // Народы и религии Евразии. Т. 29. № 4. С. 79–106. DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–05.

A. D Tsibiktarov

Buryat State University (Ulan-Ude, Russia)

**SLAB GRAVES AND KHEREKSURES OF THE STARAYA
KAPCHERANKA I BURIAL GROUND IN LIGHT OF THE RELATIVE
AND ABSOLUTE CHRONOLOGY OF THE MONUMENTS OF THE
SLAB GRAVE CULTURE AND KHEREKSUR CULTURE**

The article is devoted to the publication of the excavation materials of the Staraya Kapcheranka I burial site in the south of the Republic of Buryatia (Russian Federation) and the historical and cultural evaluation of the obtained source studies information. At the site, objects of two archaeological cultures from Central Asia were excavated: the Slab Grave culture and the Khereksur culture. They included a khereksur with a rectangular fence, its two altars, and two slab graves. The value of the source study of the site lies in the fact that excavations on it revealed: 1. The fact of overlapping the fence of the khereksur with the structures of two slab graves. 2. An act of desecration of the khereksur by the bearers of the Slab Grave culture and the construction of two slab graves that overlapped the fence of the khereksur were established. 3. An act of retaliatory desecration of both slab graves was recorded by Khereksur culture bearers was recorded. These facts are of great importance for establishing the relative chronology of the construction of burial structures on this burial ground. They show the construction of Khereksur first and then the slab graves. The desecration of each other's graves by the bearers of the slab grave culture and the Khereksur culture showed the simultaneity of their existence in the territory of Southern Buryatia and neighboring regions of Mongolia. The radiocarbon date of slab grave No. 2 fits within 3020±100 BP, from the end of the 12th to the end of the 10th century BC. It is associated with the Late Bronze Age. The reason for

---

the appearance of the Kherek-sur culture population in the region of Southern Buryatia and adjacent areas of Central Mongolia as a result of its migration from Western Mongolia due to the deterioration of environmental conditions and the pressure of excess population on pasture resources under the conditions of nomadic and seminomadic cattle breeding in the territory of its residence is substantiated. The results of excavations revealed such features of the burial rite of the population of the Slab Grave Culture and Kherek-sur culture as: burials at the level of the ancient daylight surface or in shallow pits, construction of masonry of grave structures on the soil horizon, the presence of a burial rite option without placing inventory in the graves, the use of fire to cleanse the burial site, the use of meat of domestic animals and horse skins with their heads intact when performing the burial rite. The nature of the violation of the integrity of the structures of slab graves and kherek-surs allowed us to identify the sacredness of the eastern side for the population of the slab grave culture and the western side of the horizon for the bearers of the kherek-sur culture.

Keywords: slab graves culture, kherek-sur culture, burial rite, construction, migrations, desecration, paleogeography, paleoeconomics, nomadic cattle breeding, relative, absolute chronology, sacred world

---

For citation:

Tsibiktarov A. V. Slab graves and kherek-sures of the Staraya Kapcheranka I burial ground in light of the relative and absolute chronology of the monuments of the slab grave culture and kherek-sur culture. Nations and religions of Eurasia. Т. 29. № 4. P. 79–106 (in Russian). DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–05.

Цыбиктаров Александр Дондопович, доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета, Улан-Удэ (Россия). **Адрес для контактов:** a.d.tsibiktarov@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0004-8121-8147>

Tsibiktarov Alexander Dondopovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General and National History of the Buryat State University, Ulan-Ude (Russia). **Contact address:** a.d.tsibiktarov@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0004-8121-8147>

Введение

Одной из культурно-исторических областей на археологической карте бронзового и раннего железного веков великого пояса степей Евразии является Центральная Азия³. Изучение этих эпох в регионе сложилось весьма неоднозначно. На протя-

---

³ Под регионом Центральная Азия автор понимает обширные территории в пределах Монголии, Южных районов Забайкалья, Тувы, юго-восточных районов Горного Алтая, Ордоса и Тибетского нагорья, которые еще со второй половины XIX в. представители отечественной географической науки именовали Центральной Азией [Обручев, 1948: 91–92; Обручев, Фрадкин, 1947: 52; Мурзаев, 1952: 15; 1956: 191–193; Сеницын, 1959: 5–11; 1978: 49; Кузнецов, 1968: 5].

жении длительного времени до 1980-х гг. представления о них на территории Монголии и Южного Забайкалья в основном базировались на материалах плиточных могил (далее ПМ), оленных камнях (далее ОК) и случайных находках различных предметов этих эпох. При этом культура плиточных могил (далее КПМ) восточной части региона и оленные камни обычно датировались скифским временем, VII–III вв. до н. э., а предшествующие периоды бронзового века, по мнению исследователей, были представлены случайными находками (см. [Боровка, 1927; Сосновский, 1941; Диков, 1958; Волков, 1967; Сэр-Оджав, 1971; Гришин, 1975] и др.). Широко распространенные в Западной Монголии каменных курганы, в том числе заключенные в ограды разных форм (херексуры) считались близкими к саяно-алтайским курганам Южной Сибири, однако вопрос об их культурной принадлежности не рассматривался, а датировка определялась в пределах I тыс. до н. э. [Волков, 1967: 46–47]. Вместе с тем благодаря сведениям Г. Ф. Дебеца стало известно, что Г. П. Сосновский датировал херексуры скифским временем в пределах IV–III вв. до н. э. [Дебец, 1948: 118]. В. В. Волков также относил сложноорганизованные херексуры, в комплекс которых входили ОК, скифским временем [Волков, 1967: 48]. Однако Г. И. Боровка, А. П. Окладников с 1920–1940-х гг. и их последователи относили херексуры к тюркскому времени [Боровко, 1927: 72–76; Окладников, 1951: 449; Кириллов, 1979: 67; Хамзина, 1984, 84–85].

Из числа памятников наскального искусства Монголии и Южного Забайкалья были выделены рисунки бронзового и раннего железного веков, нанесенные в разной технике исполнения на скальную поверхность — краской, выбивки и шлифовки. Но лишь первые из них — петроглифы селенгинского типа — получили привязку к КПМ. Относительно остальных констатировалась близость к петроглифам Южной Сибири и Средней Азии скифского времени, однако вопрос об их культурной принадлежности оставался открытым [Окладников, Запорожская, 1970: 64–89, 133–159, 167; Диков, 1958: 46–49; Волков, 1967: 80–87].

С начала 1980-х гг. источниковедение рассматриваемых эпох было уточнено и пополнено автором данной статьи и Ю. С. Худяковым в результате новых исследований херексуров на территории Монголии и Южной Бурятии. В 1983 и 1986 гг. автором на могильниках Улзыт III и VI в Южной Бурятии были раскопаны херексуры и ПМ, материалы которых позволили датировать херексуры сначала раннескифским, VIII–VI вв. до н. э., а затем и позднебронзовым, конец II — начало I тыс. до н. э., временем. Безынвентарный обряд захоронения и установка валунной камеры погребения херексура на могильнике Улзыт III на уровне древнего горизонта находили полные аналогии в памятниках Тувы указанных эпох [Цыбиктаров, 1985: 249].

На могильнике Улзыт VI было выявлено перекрытие ограды херексура кладкой двоянных ПМ, под которой полностью сохранились камни ограды херексура. Полученные стратиграфические данные не оставляли сомнения в синхронности или более ранней, по сравнению с ПМ, датировке херексура, могильная камера которой была сооружена на уровне древней поверхности. Полученная информация подтверждалась и сводкой сведений о раскопках около 40 херексуров на территории Монголии и Южной Бурятии [Цыбиктаров, 1988]. Аргументация Ю. С. Худякова основывалась на планиграфической привязке херексуров к ОК монголо-зabayкальского типа, которые он в своем типоло-

гическом ряде эволюции ОК отнес к периоду развитой бронзы, но не дав при этом абсолютного определения этого времени [Худяков, 1986, 1987].

В последующие годы в Южной Бурятии на памятниках Старая Капчеранка I, Тэмэ-хад II, Баин-Улан II были выявлены новые случаи не только наложения ПМ на ограды херексуров, но и перекрытия кладкой кургана-жертвенника культуры херексуров (далее КХ) конструкций ПМ на могильнике Тэмэ-хад II. Они дали информацию по разным аспектам изучения эпохи поздней бронзы и раннего железа в регионе не только Южного Забайкалья, но и Монголии. Настоящая статья посвящена публикации материалов раскопок одного из памятников на могильнике Старая Капчеранка I на границе указанных выше регионов.

Рис. 1. Местонахождение могильника Старая Капчеранка I
Fig. 1. Location of the Staraya Kapcheranka burial ground I

Памятник и его местонахождение

Могильник Старая Капчеранка I относится к памятникам смешанного типа. В его состав входят ПМ, херексуры, курган монгун-тайгинского типа, кладки хуннского и средневекового времени. Памятник находится в одноименной пади в местности Бурдуны Кяхтинского района Республики Бурятия в 15 км к северо-востоку от города Кяхты (рис. 1) в междуречье Селенги и ее правого притока Чикоя. В 2–2,5 км к югу от могильника проходит государственная граница между Российской Федерацией и Монголией. Местность прорезает овраг, по дну которого протекает ручей. Данная падь разделяет две горы — Сывгы-Дырсыг и Тэмэ-хад. Описываемый могильник располагает-

ся на восточном склоне гривы, спускающейся от вершины первой горы по направлению север-северо-восток — юг-юго-запад (рис. 2).

Рис. 2. Могильник Старая Капчеранка I. Вид с юго-востока — востока (120°)

Fig. 2. The burial ground of Staraya Kapcheranka I. View from the SE (120°).

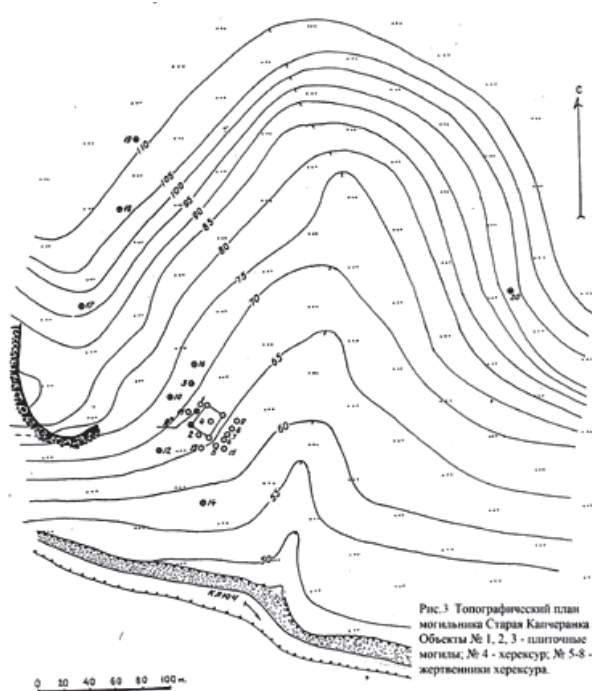

Рис. 3. План могильника
Старая Капчеранка I

Fig. 3. Fig. 3 Plan of the Staraya
Kapcheranka burial ground I.

На юго-юго-западном конце грива круто обрывается к ложбине ручья отвесной скалой. По отношению к гриве памятник расположен на восточном склоне, а от скалы, если брать его юго-юго-западный край, — к востоку. Через его территорию проходила линия кабельной связи. При её прокладке были вывернуты камни ограды херексура у южного угла. Склоны гривы покрыты травянистой растительностью. В состав могильника входили 23 объекта: херексур, пять жертвенников, курган монгунтайгинского типа, шесть ПМ, курган хуннского типа, шесть хуннских детских могил, три кургана монгольского времени (рис. 3). При этом кладки двух ПМ № 1, 2 и херексура № 4 располагались компактно с наложением насыпей ПМ и двух сторон ограды херексура друг на друга.

Материалы раскопок

Вокруг херексура № 4 и ПМ № 1, 2 был разбит раскоп прямоугольной формы с прирезками вокруг ПМ, площадью около 700 кв. м (рис. 4, 5). Два жертвенника херексура № 2 и 5 были выкопаны отдельно. Все объекты раскапывались «на снос», т. е. кладки изучались с полной их разборкой до уровня погребенной почвы.

Рис. 4. Кладки херексура № 4, плиточных могил № 1, 2 после расчистки. Вид с востока (90°).

В верхнем правом углу — наложение кладки плиточной могилы № 1 на северо-западную сторону ограды херексура № 4. В левой части фотографии видна кладка плиточной могилы № 2, установленной на линии юго-западной стороны ограды херексура № 4

Fig. 4. Masonry of kereksur No. 4, tile graves No. 1, 2 after clearing. View from E (90°). In the upper right corner there is an overlay of the masonry of the tiled grave No. 1 on the north-western side of the fence of kereksur No. 4. In the left part of the photo, the laying of the tile grave No. 2 is visible, installed on the line of the southwestern side of the fence of Kereksur No. 4

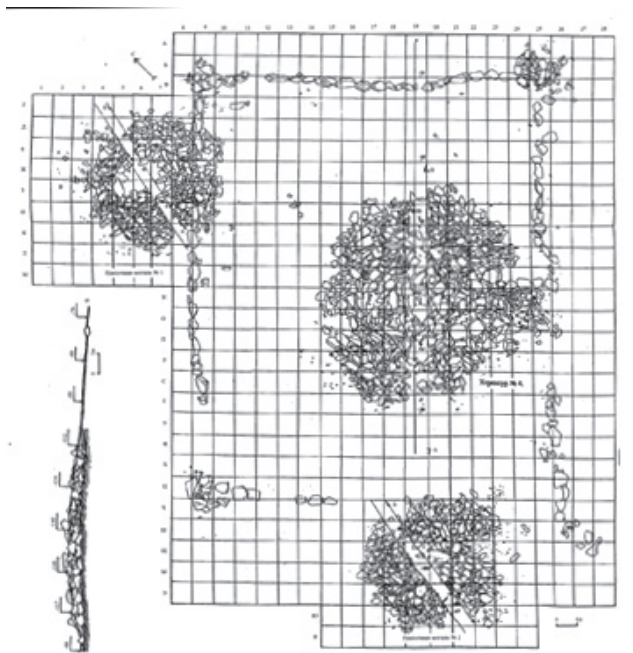

Рис. 5. План раскопа с кладками херексура № 4, плиточных могил № 1, 2
 Fig. 5. The excavation plan with the masonry of kereksur No. 4, tile graves No. 1, 2

Херексур № 4 представлял собой насыпь курганного типа, заключенную в ограду прямоугольной формы, дополненную разного рода сопроводительными кладками. Херексур не сохранился в первоначальном состоянии. Его насыпь диаметром около 9,5 м была частично разобрана. Но, несмотря на это, поверхность насыпи была сильно задернована и во многих местах поросла кустами дикой акации. По краям насыпи были видны крупные камни основания-крепиды. В центре располагались камни очень крупных размеров, длина которых достигала одного метра, ширина 0,6–0,75 м., толщина 0,3–0,4 м и даже более. Насыпь по отношению к сторонам ограды была смещена к юго-востоку, т. е. располагалась не строго по центру. В юго-восточной части она соединялась с юго-восточной стенкой ограды полосой каменной вымостки.

Углы ограды были ориентированы почти строго по сторонам света. По ним располагались небольшие круглые выкладки-наугольники диаметром 1,5–2 м. Хорошо прослеживались камни северо-восточной, северо-западной юго-восточной сторон ограды. Но они очень сильно запылились землёй из-за расположения херексура на относительно сильно наклоненном склоне горы. Однако было отчетливо видно, что ближе к северному углу ограды происходило наложение кладки ПМ № 1 и северо-западной стенки ограды херексура друг на друга. Юго-западная стенка ограды прослеживалась очень слабо. От неё виднелись лишь отдельные камни с большими разрывами между ними. Но по ним можно было проследить линию расположения стен-

ки ограды, которая, возможно, пересекалась с кладкой другой ПМ № 2 ближе к южному углу ограды херексура. Вдоль юго-восточной стенки ограды по линии юго-запад — северо-восток располагались пять жертвенно-поминальных кладок в виде небольших сильно задернованных плоских курганчиков (выкладок круглой формы) диаметром 3–4 м (см. рис. 3).

От северо-восточной стенки ограды херексура через центр насыпи до юго-западной стенки по линии северо-восто — юго-запад была оставлена бровка. В процессе расчистки насыпи встречались обломки костей животных. Вещественных находок обнаружено не было. После расчистки херексур принял следующий вид (см. рис. 4, 5).

Насыпь обрела форму почти правильного круга. Диаметр по линии юго-запад — северо-восток составлял 9,2 м, по линии юго-восток — северо-запад — 8,8 м. По краям располагались крупные камни, образующие крепиду насыпи. Сама же она была частично разобрана. При этом северо-западная её половина была разобрана сильнее по сравнению с юго-восточной. В северо-западной части сохранились один, местами два слоя камней, лежавших в основании насыпи. Практически все камни были очень крупных размеров. Располагались они не беспорядочно, а по кругу, что очень хорошо прослеживалось визуально. Пространство между крупными камнями было заполнено более мелкими. В лучше сохранившейся юго-восточной половине камни насыпи постепенно поднимались от краев к центру. По ним было видно, что крупные камни укладывались по кругу слоями. Размеры камней нарастают к центру. В центре были уложены камни очень крупных размеров.

С северо-восточной, северо-западной и юго-западной сторон насыпь отстояла от ограды практически на равном расстоянии, соответственно в 5,3, 5,55 и 5,5 м. К юго-западной стенке ограды насыпь располагалась ближе, чем к остальным стенкам — на расстоянии 2,8 м. Здесь она соединялась с оградой сплошной вымосткой шириной 2,45 м и длиной 2,8 м из плоских камней в один слой. Её края были обрамлены более крупными камнями (см. рис. 4, 5). Там, где вымостка соединялась с насыпью херексура, с обеих сторон по бокам находились небольшие округлые кольцевидные выкладки диаметром 80 и 95 см, состоявшие из пяти камней. Одна из них с северо-восточной стороны была перерыта большой плоской плитой размерами 64 x 55 см (см. рис. 5). Такие вымостки-дорожки между насыпью и оградой херексуров, пусть и не часто, но встречаются на территории как Бурятии, так и Монголии. Возможно, по ним можно было проникать в сакральное пространство мира мертвых для исполнения каких-то обрядов, совершаемых после окончания процесса захоронения в соответствии с полным циклом погребальной обрядности.

Ограда херексура после расчистки приняла следующий вид. Её северо-восточная сторона длиной 16 м и ориентированная по линии юго-восток–северо-запад (135–315°) сохранилась почти полностью, за исключением одного камня. Северо-западная сторона ограды длиной 19,5 м также сохранилась почти полностью, отсутствовали камни лишь на юго-западном конце на протяжении около 3,5 м. Ориентация по линии юго-запад — северо-восток (45–225°). На северо-восточном крае эта сторона ограды пересекалась с кладкой ПМ № 1 (рис. 4–7).

Рис. 6. Наложение кладки плиточной могилы № 1 на северо-западную сторону ограды херексура № 4. Вид с юго-востока (135°)

Fig. 6. Laying of the tile grave No. 1 on the north-western side of the fence of kereksur No. 4. View from the South (135°)

Рис. 7. Наложение кладки плиточной могилы № 1 на северо-западную сторону ограды херексура № 4. Вид с юго-запада (225°)

Fig. 7. The laying of the tile grave No. 1 on the north-western side of the fence of kereksur No. 4. View from the South (225°)

После расчистки четко выяснилось, что здесь крепиды ПМ № 1 перекрывала ограду херексура от кв. 9 Д до кв. 8, 9 К на протяжении примерно 5 м (см. рис. 5). Камни ограды херексура были видны от северного угла ограды до отметки 2,65 м. Далее они полностью перекрывались камнями крепиды ПМ № 1. Затем они снова начинали четко прослеживаться с отметки 5,85 м между камнями крепиды ПМ № 1 (отметки 2,65 м и 5,85 м брали от точки пересечения северо-восточной и северо-западной сторон ограды херексура). Весь участок пересечения ограды херексура и кладки ПМ № 1 занимал пространство от отметки 2 м до отметки 7 м по линии северо-запад стороны ограды херексура. После участка перекрытия крепиды юго-восточной части ограды ПМ № 1 выходила за линию ограды херексура в сторону насыпи херексура от 0,9 до 1,3 м (рис. 6, 7).

Юго-западная сторона ограды херексура была практически полностью разобрана. От неё сохранились лишь отдельные камни: два камня у западного угла, примерно через 1,75 м. лежали еще три камня (рис. 5). Ориентация, судя по их расположению и камней южного и западного углов ограды херексура, шла по линии северо-запад — юго-восток (135–315°). Восстанавливаемая длина этой стороны ограды — 16,5 м. Расчистка также показала, что северо-восточный край крепиды ПМ № 2 накладывался на линию юго-западной стенки ограды херексура, которая не сохранилась. Её, по нашему мнению, разобрали носители культуры плиточных могил во время осквернения херексура. Юго-восточная сторона ограды длиной 21,25 м сохранилась на большем своем протяжении. Камни ограды отсутствовали от отметки 6,55 м (замеры от южного угла ограды) до отметки 11 м в том месте, где вымостка от насыпи соприкасалась с оградой херексура, и к юго-западу от нее. Таким образом, ограда херексура имела прямоугольную форму со сторонами в 16, 19,5, 16,5 и 21,25 м.

При расчистке выкладок по углам ограды находки отсутствовали. Диаметр выкладки восточного угла составил 1,7 м, северного угла — 1,55 м, западного угла — 1,7–1,8 м. Выкладка южного угла оказалась сильно разваленной вследствие большей крутизны склона, чем в местах расположения других наугольников. Развал вниз по склону достигал 2,9 м (рис. 5).

При разборке насыпи херексура под камнями нижнего слоя в кв. 15 Н были обнаружены фрагменты черепа и зуба лошади. Другая кость была похожа на копыто коровы. В юго-восточной половине насыпи на уровне древнего горизонта встречались редкие угольки. За пределами насыпи в пространстве между ней и оградой херексура, а также за оградой (полоса расчистки имела ширину от 1 до 5 м — см. рис. 5) находки угольков отсутствовали. Однако они присутствовали в кв. 10 И на уровне основания камней ограды херексура и крепиды ПМ № 1 в месте наложения кладки ПМ на ограду херексура. Эти находки углей могут свидетельствовать об обряде очищения места расположения будящей насыпи херексура огнем, который символизировали разбираемые по уровню древней поверхности угли. После удаления насыпи разрез кладки херексура был снят по юго-восточной стенке бровки (см. рис. 5). Описание разреза: в нижней по склону части разреза бровки располагались крупные, массивные камни больших размеров; в центральной части бровки располагались также очень крупные камни; в верхней (по склону) части разреза бровки камни были меньших размеров, чем внизу и по центру. В основании насыпи крупные камни лежали в два слоя. В цен-

тральной части крупные массивные камни лежали в три и даже в четыре слоя. Здесь толщина насыпи была наибольшей. Под крупными камнями основания насыпи практически сразу же начинался материковый суглинок светло-желтого цвета. Между материком и камнями насыпи залегала тоненькая прослойка так называемого аккумулятивного переходного слоя от древнего горизонта к матерiku. Погребенная почва толщиной 8–12 см лучше просматривалась за пределами насыпи вверх и вниз по склону гривы.

В центральной части насыпи в кв. 18 М, Н, О, П; 19 М, Н, О, П; 20 Л, М, Н, О; 21 М, Н располагалась валунная камера, установленная на уровне древней дневной поверхности (рис. 8, 9). Длинной осью она была ориентирована по линии запад — восток. Сохранность западной части валунной камеры по сравнению с восточной половиной была значительно хуже, часть камней здесь отсутствовала. Поэтому высота ее в этой части была меньше, чем в восточной. При разборке валунной камеры находок сделано не было, в том числе остатков захоронения.

Рис. 8. Валунная камера херексура № 4. Вид с севера-северо-запада (330°)

Fig. 8. Boulder chamber of kereksura No. 4. View from the CVD (330°)

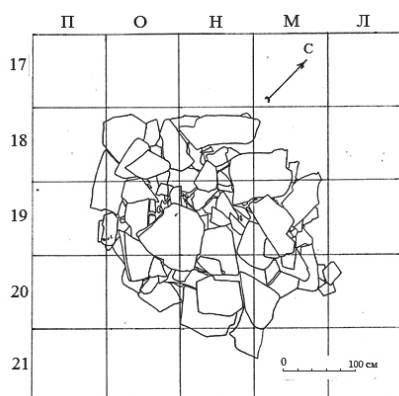

Рис. 9. Валунная камера херексура № 4

Fig. 9. Boulder chamber of kereksura No. 4

Жертвенники херексура. Из пяти жертвенно-поминальных кладок (рис. 3.-5-9) в виде небольших курганчиков для раскопок были взяты лучше сохранившиеся № 2 и 5. Диаметр обеих составлял примерно 3 м. Задернованные камни хорошо просматривались по периметру и внутри, но возвышались они над уровнем современной дневной поверхности незначительно — до 15 см. У жертвенника № 2 бровка была оставлена по линии юго-восток — северо-запад (135–315°), у жертвенника № 5 — по линии северо-восток — юго-запад (45–225°). В процессе расчистки жертвенников находок сделано не было.

Жертвенник № 5 после расчистки принял правильную круглую форму диаметром 2,40 м. Края обрамлялись большими крупными камнями высотой 20–30 см, пространство внутри было заполнено камнями средних размеров в один слой (рис. 9). С северной, восточной и южной сторон кольцо с внешней стороны было обложено более мелкими камнями. Разрез показал установку жертвенника на древней дневной поверхности (рис. 11.-1).

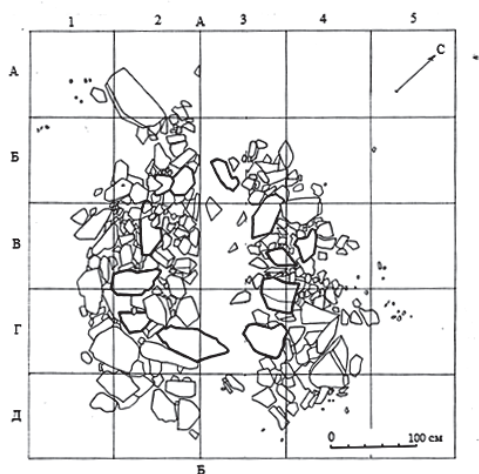

Рис. 10. Херексур № 4. Жертвенник № 5
Fig. 10. Hereksur No. 4. Altar No. 5

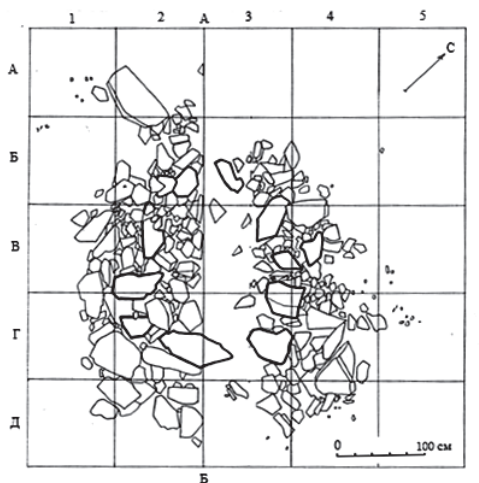

Рис. 11. Херексур № 4. Жертвенник № 2
Fig. 11. Hereksur No. 4. Altar No. 2

После удаления камней кладки в центре под ними на уровне древней поверхности залежали кости черепа лошади плохой сохранности, что не позволило их зафиксировать.

Жертвенник № 2. Развал его камней после расчистки был больше, чем у жертвенника № 5. Также хорошо просматривалась кольцевидная основа диаметром 2,40 м из камней высотой 20–30 см. Она с внешней стороны также была обложена более мелкими камнями (рис. 10). Снизу, с подгорной стороны, имелся значительный развал камней. Наиболее крупные из них могли входить в состав кольцевидного обрамления. Пространство внутри было заполнено камнями меньших размеров. Разрез показал установку жертвенника на уровне древней поверхности (рис. 11.-2). После удаления камней в центре на уровне древней поверхности были обнаружены кости черепа лошади плохой сохранности, что не позволило их зафиксировать.

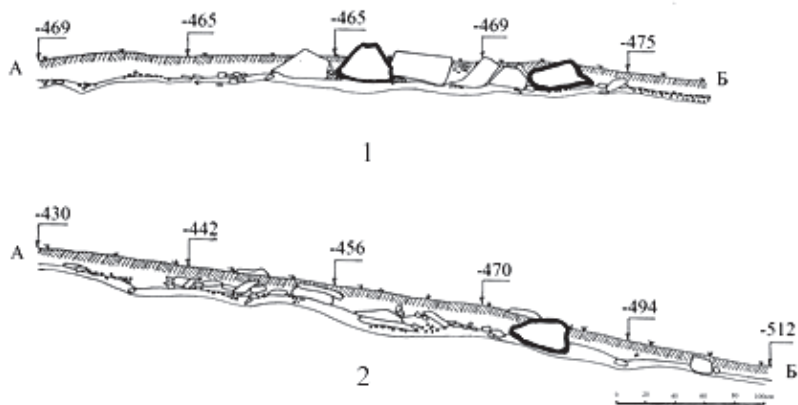

Рис. 12. Херексур № 4. Разрезы жертвенников № 5, 2
Fig. 12. Hereksur No. 4. Sections of the altars № 5 (1), 2 (2)

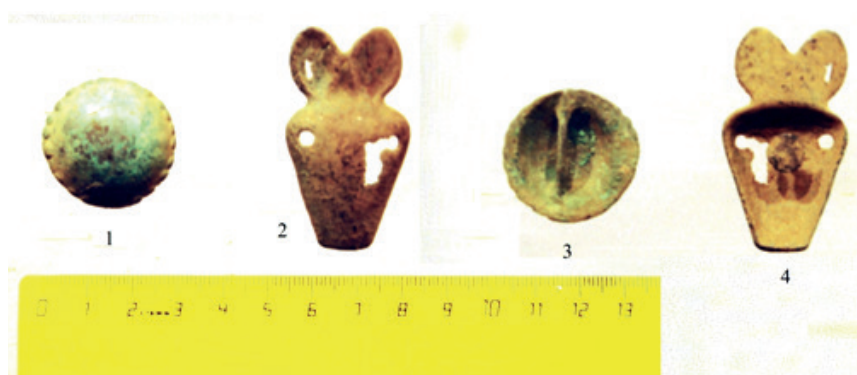

Рис. 13. Плиточная могила № 1. 1-Бляшка-пуговица. Бронза;
2 – Бляшка в виде головы животного (кулана?). Бронза
Fig. 13. Tile grave No. 1. 1 – Button plaque. Bronze;
2 – Plaque in the form of an animal's head (kulan?). Bronze

Плиточная могила № 1. До раскопок ограда прямоугольной формы имела размеры 3,7 x 2,5 м. Ориентация длинной осью по линии восток — запад. Ограда хорошо прослеживалась по всем четырем сторонам, но высота ее была незначительной — 10–15 см, лишь отдельные плиты возвышались на 25–35 см. В юго-восточном углу стоял камень, возвышавшийся на 40 см над поверхностью кладки. Внутри ограды находилась яма глубиной 39 см — след грабительского лаза или кем-то предпринятых «раскопок». Выкид из него располагался с северной стороны и полностью перекрыл крепиду стенки ограды. Камни крепиды хорошо прослеживались по всем сторонам ограды. С восточной и южной подгорных сторон крепида прослеживалась лучше, чем с нагорных северной и западной сторон. Размеры размещения видимых камней крепиды: с северной стороны — на 1,75 м от ограды; с восточной стороны — до двух метров; с южной стороны — 1,75 м; с западной стороны — 0,75 м.

В процессе расчистки у восточной стенки ограды в кв. 8 Е между камнями крепиды в дерновом слое найдена человеческая фаланга, на границе кв. 8 З и 9 З — еще один человеческий сустав. У юго-восточного угла ограды в кв. 8 З между камнями крепиды в дерновом слое была обнаружена бронзовая бляшка-пуговица с петелькой на обороте. Диаметр 3 см, по краю орнаментирована небольшими выпуклинами-горошинами (рис. 12.–1, 3). В кв. 8, 9 Ж, на границах кв. 8 Ж и 3, 9 Ж и 3 были найдены фрагменты так называемой текстильной (штрихованной) керамики. В кв. 9 И также между камнями крепиды — фрагменты венчика и придонной части того же сосуда. Закраину (срез) венчика украшали оттиски гребенчатого штампа, ниже закраины располагался ряд ямок, еще ниже — налепной валик, рассеченный оттисками того же штампа (рис. 13.–1, 2).

В кв. 4 Д между камнями крепиды северной стенки ограды найдено два фрагмента гладкостенной керамики. В кв. 9 И был найден фрагмент трубчатой кости животного. В кв. 10 И на уровне основания камней крепиды ПМ и ограды херексура лежали мелкие угольки. На этом же уровне между кладкой ПМ и наугольником северного угла ограды херексура в кв. 8 В был найден фрагмент керамики.

После расчистки ПМ № 1 приняла следующий вид (рис. 15).

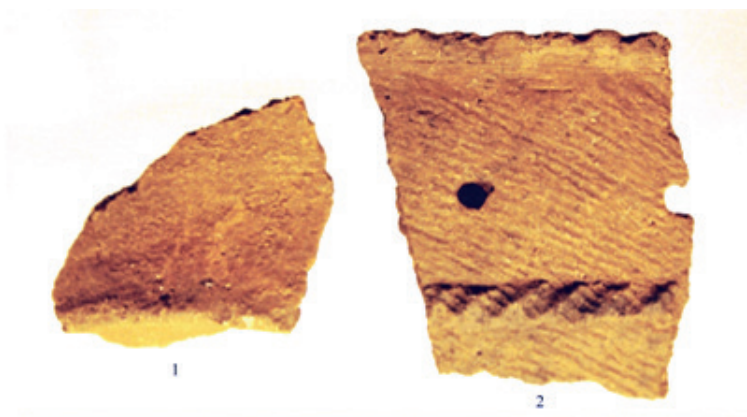

Рис. 14 Плиточная могила № 1. Керамика из кв. 8, 9 Ж

Fig. 14 Tile grave No. 1. Ceramics from sq. 8, 9 J

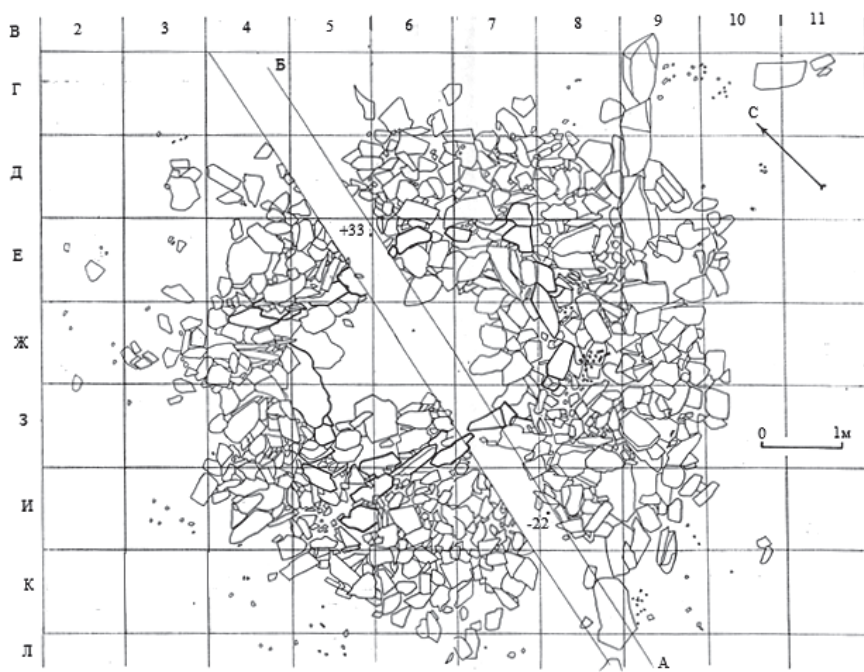

Рис. 15. Расчищенная кладка плиточной могилы № 1

Fig. 15. The cleared masonry of the tile grave No. 1

Ограда стала прослеживаться более четко. Угловой юго-восточный камень стал вышаряться на 55 см, плиты ограды — в среднем на 20–25 см. Одна плита южной стенки и большая плита западной стенки имели высоту 35 см, одна из плит восточной стенки — 30 см. Некоторые плиты ограды отломались и упали. Плита западной стенки завалилась (наклонилась) вовнутрь; плиты северной стенки — также вовнутрь; восточной стенки — наружу, т. е. во всех трех случаях вниз по склону. Плиты южной подгорной стенки ограды были хорошо укреплены крепидой и стояли с небольшим наклоном вовнутрь. Внутри ограды камни надмогильной выкладки почти по всей площади отсутствовали. До раскопок здесь прослеживалась западина. Сохранились лишь отдельные плиты и камни по краям возле ограды.

Ширина крепиды северной и западной стенок ограды (нагорных) составила по 1,20 м. Их камни в основном стали видны после расчистки. До неё они находились «под землёй» в дёрновом слое. Ширина крепиды подгорной южной стенки составила 1,90 м., подгорной восточной стенки — 2,20 м. Здесь крепида была наиболее широкой и мощной. Объясняется это не только тем, что эти стороны стенок ограды занимали подгорную позицию. По этой причине их необходимо было укрепить более основательно, чем нагорные стороны стенок ограды, но и также тем, что именно этой своей частью кладка ПМ накладывалась на северо-западную стенку ограды херексура (рис. 4.–7). Наложение крепиды ПМ № 1 на ограду херексура зафиксировалось в кв. 9 Д, Е, Ж, З, И, К и 8 З, И, К (рис. 5). В кв. 9 Д, Е камни ограды херексура хорошо просматрива-

лись между камнями крепиды ПМ, но они в то же время перекрывались камнями крепиды ПМ. В западном углу кв. 9 Е и далее в кв. 8 Ж, 3; 9 Ж, 3 камни ограды херексура уже не прослеживались. Они полностью «уходили» под кладку ПМ. Здесь на поверхности видны были лишь камни крепиды восточной стенки ограды ПМ. В кв. 8, 9 И; 8, 9К камни ограды херексура вновь стали хорошо прослеживаться. Однако в то же время они здесь были перекрыты камнями крепиды южной стенки ограды ПМ. В кв. 9 Д; 9, 10 Е; 9, 10 Ж; 9, 10 З; 9, 10 И; 9 К камни крепиды ПМ выходили за линию ограды херексура от 50–60 см до 100 см. Крепида ПМ № 1 выходила за линию ограды херексура на 1,2–1,3 м с юго-западной стороны участка пересечения и на 0,9–0,95 м — с юго-восточной стороны. Центральный участок полного перекрытия ограды херексура крепидой ПМ приходился на участок, расположенный напротив юго-восточного угла ограды ПМ, т. е. на юго-восток от угла ПМ.

При разборке кладки ПМ № 1 (крепиды, надмогильной выкладки и ограды) были сделаны следующие находки. С северной стороны ограды между камнями крепиды в кв. 6 Д и 7 Д встречались мелкие угольки. В центре кв. 7 Е между камнями кладки найдена бронзовая бляшка в виде головы животного с длинными ушами (рис. 13.–2, 4; кулана?). На бляшке обозначены ноздри, глаза и уши. На обратной стороне располагается заклепка для крепления. В кв. 7 Ж между камнями кладки ПМ найдены фрагменты керамики и кости копыта лошади. В кв. 9 Ж, 3 между камнями крепиды было обнаружено большое количество фрагментов керамики от того же сосуда (рис. 17.–1, 3–5), фрагменты которого были выявлены при расчистке крепиды у юго-восточного угла. Но здесь присутствовали и фрагменты придонной части сосуда, они имели невысокий поддон. Между камнями крепиды у восточной стенки ограды обнаружены кости лошади — сустав между копытом и бабкой, эпифиз, а также два маленьких уголька. В верхнем слое камней крепиды восточной стенки ограды находился фрагмент локтевой кости человека. При разборке кладки к западу от бровки внутри ограды ПМ была найдена пяточная кость ноги человека.

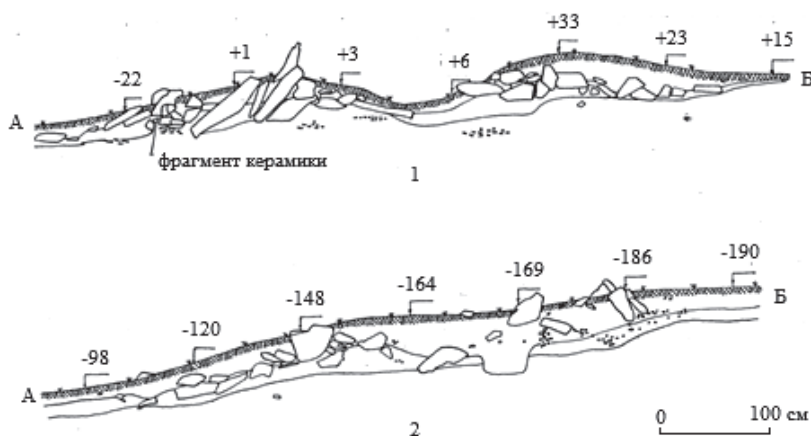

Рис. 16. Разрезы плиточных могил № 1, 2

Fig. 16 Sections of tile graves No. 1, 2

После удаления камней кладки ПМ к востоку от стенки бровки стало хорошо видно, что нижние камни восточной, южной, северной стенок ограды, а также крепиды южной и северной стенок ограды залежали на одном уровне, а именно на уровне древней дневной поверхности.

В процессе зачистки восточной стенки бровки между камнями крепиды южной стенки ограды ПМ на глубине 20–25 см от современной дневной поверхности был найден фрагмент венчика сосуда, к которому принадлежали и многочисленные фрагменты, найденные у юго-восточного угла ограды. Обнаруженный фрагмент венчика был перекрыт камнем крепиды (рис. 15.-1), т. е. он попал туда в процессе сооружения конструкции данной могилы и исполнения погребального обряда.

Разрез ПМ был снят по восточной стенке бровки (рис. 16.-1). Стратиграфия разреза: дерновый слой, толщина от 5 до 20 см, в северной части на месте «грабительского» выкида значительно мощнее; ниже — так называемый аккумулятивный, т. е. переходный, слой от дернового к материковой щебенке толщиной от 4–5 до 15–20 см; ниже — материковая щебенка светло-жёлтого цвета. По разрезу было видно, что основания камней кладки ПМ (крепиды, ограды, надмогильной выкладки) залежали либо на аккумулятивном слое, либо «опустились» до материкового слоя, где толщина переходного слоя была небольшой. В целом, эти наблюдения вместе с таковыми в восточной половине ПМ о взаимном расположении камней крепиды, надмогильной выкладки и плит ограды по отношению друг друга показали, что вся кладка ПМ № 1 в свое время (в древности) сооружалась на уровне древней дневной поверхности.

Ни в разрезе бровки, ни после её удаления и при последовавшей после этого зачистке пространства внутри ограды ПМ следов могильной ямы обнаружено не было, как и следов захоронения.

Плиточная могила № 2 располагалась на реконструируемой линии юго-западной стенки ограды херексура № 4, от которой сохранились лишь отдельные камни. Однако до раскопок ограда херексура и кладка ПМ были очень сильно задернованы. Поэтому характер возможного их пересечения, т. е. наложения друг на друга, без раскопок был не совсем ясен.

Кладка ПМ была хорошо задернована. Ограда имела прямоугольную форму, размеры — 3,8 x 2,3 м, по длине ориентирована по линии восток — запад. Плиты ограды возвышались до 20 см над современной дневной поверхностью. Угловые камни были выше ограды. Высота юго-восточного камня над кладкой составляла 45 см, юго-западного — 20 см, северо-западного — 40 см. Внутри ограды хорошо прослеживались камни надмогильной выкладки. В юго-западном секторе внутри и за пределами ограды отчетливо прослеживался бугор выброса. Площадь внутри ограды в пределах выемки от выброса слегка западала вниз. Камни крепиды вдоль стенок ограды ПМ прослеживались вдоль всех ее четырех сторон. Но их было заметно меньше у северной и западной стенок, которые являлись нагорными и поэтому сильнее запылились землей. Ширина видимой на современной поверхности крепиды вдоль восточной стенки ограды составляла около двух метров, южной — 2,20 м, северной и западной — около одного метра. В процессе расчистки кладки ПМ в дерновом слое между камнями были сделаны следующие находки: в кв. 18 Б1 у северо-западной ограды — фрагмент ребра чело-

века; в кв. 19 Э у юго-западного угла ограды — фаланга человека; на границе кв. 17 Ш и 18 Ш между камнями крепиды северной стенки ограды — зуб человека. Других находок сделано не было.

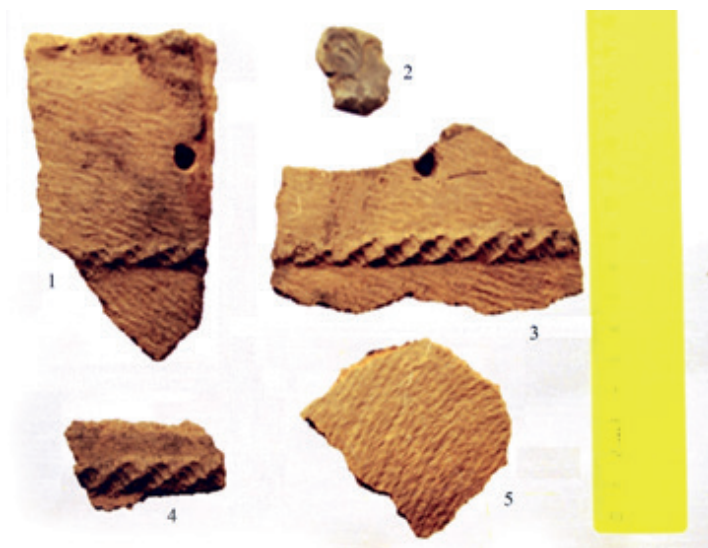

Рис. 17. Плиточная могила № 1. Керамика, обнаруженная при разборке крепиды ограды
Fig. 17. Tile grave No. 1. Ceramics found during the dismantling of the fortress fence

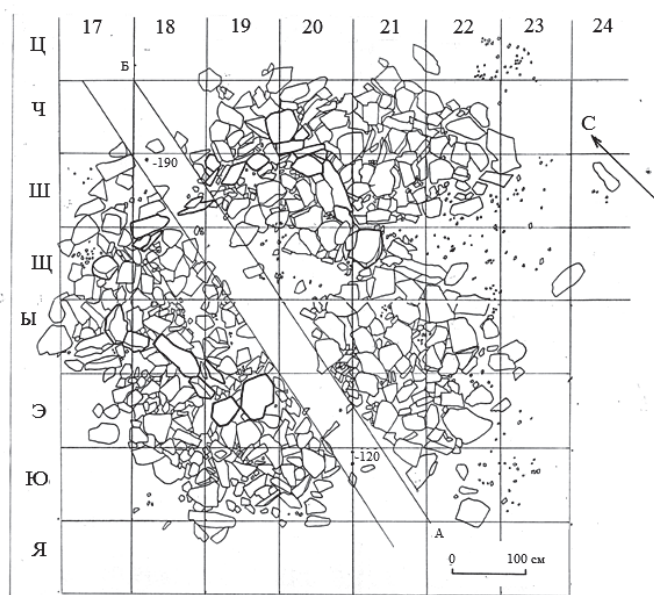

Рис. 18. Расчищенная кладка плиточной могилы № 2
Fig. 18. The cleared masonry of the tile grave No. 2

После расчистки ПМ приняла следующий вид (рис. 18). Оградка стала проследиться четче. Ее размеры составили 3,6 x 2,3 м. По трем углам: северо-западному, юго-западному и северо-восточному стояли более высокие камни. Высота северо-западного камня — 40–45 см, юго-западного — 40–45 см, юго-восточного — 50 см над крепидой ограды. Эти камни по всем трем углам завалились во внешнюю сторону: северо-западный и юго-западный камни — на запад, — юго-восточный — на юго-восток. Плиты ограды в среднем возвышались над крепидой и надмогильной выкладкой на 15–20 см, отдельные из них — на 25–30 см. Плиты восточной и западной стенок завалились во внешнюю сторону, северной стенки — во внутреннюю сторону, т. е. во всех случаях вниз по склону. Южная стенка ограды ПМ не сохранилась, за исключением одного камня у юго-западного углового камня. Вместе с тем камни крепиды, поставленные в свое время у плит южной стенки ограды, оставались на своем первоначальном месте. Внутри ограды по всему центру и особенно в юго-восточной части камни надмогильной выкладки отсутствовали — следы ограбления или осквернения.

Крепида вдоль северной стенки ограды имела наименьшую ширину (80–90 см) и была разреженной, камни лежали неплотно. У северо-западного угла их было меньше всего. Крепида западной стенки имела ширину 90–120 см и была плотнее, чем у северной, но менее плотной, чем вдоль подгорных южной (120–240 см) и восточной (145–240 см) стенок ограды. У юго-восточного угла ограды крепида отсутствовала, здесь камни были выбраны.

В процессе разборки кладки ПМ № 2 «на снос» никаких вещественных находок сделано не было. Попадались лишь отдельные человеческие кости — фаланги, малая берцовая, фрагменты бедренной, лопаток, позвонки. Разрез кладки ПМ был снят по восточной стенке бровки (рис. 18.-2). Но, как уже указывалось выше, в центральной части ПМ многие камни кладки отсутствовали, её сохранность здесь была плохой. Поэтому в разрезе многие камни конструкции ПМ отсутствовали. Стратиграфия разреза: дерновый гумусовый слой, толщина от 15 до 20 см, в северной нагорной части ее толщина была несколько больше. Ниже залегал так называемый аккумулятивный переходный к материковой щебенке слой толщиной от 10 до 15–20 см, за ним — материковая щебенка светло-жёлтого цвета.

В разрезе достаточно четко проследилась могильная яма. Она имела темный цвет «мешанины» на фоне светло желтой материковой щебенки. Глубина стенок была несколько большей в северной нагорной части и несколько меньшей в южной подгорной части. Средняя глубина составляла около 30 см. Наблюдения о взаимном расположении камней в разрезе и по ходу разборки камней надмогильной выкладки, ограды и крепиды ПМ по отношению друг к другу показали, что ее конструкция была сооружена на уровне древней дневной поверхности.

После удаления бровки к западу от нее в кв. 18 Щ, Ы и 19 Щ, Ы выявились берцовые кости обеих ног, лежащие в положении *in situ* (рис. 19). Кроме них, сохранились одна коленная чашечка левой ноги и ее же сустав, располагающийся между берцовой и пяточной костью. Берцовые кости были ориентированы по линии северо-восток-восток — юго-запад — запад (75–255°) и указывали на ориентацию костяка головой на северо-восток — восток.

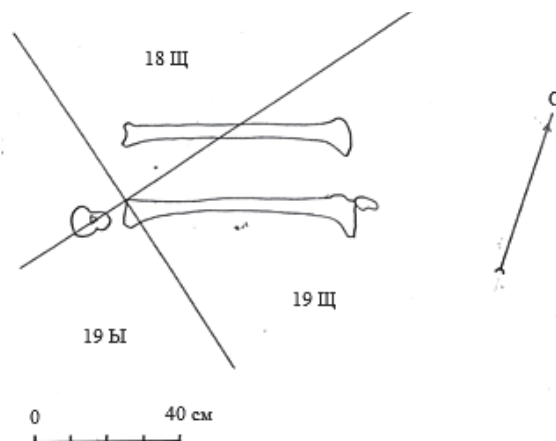

Рис. 19. Плиточная могила № 2. Остатки захоронения
 Fig. 19. Tile grave No. 2. The remains of the burial

В лаборатории радиоуглеродного анализа Института истории материальной культуры РАН (зав. лабораторией — Г. И. Зайцева⁴) по костному образцу из ПМ № 2 была получена абсолютная дата 3020 ± 100 л. т. н. Интервалы калиброванного календарного возраста: 1390–1120 cal BC, л. до н. э. (1 σ , 68% вероятности); 1500–940 cal BC, л. до н. э. (1 σ , 95% вероятности). По археологической периодизации время сооружения ПМ № 2 соотносится с эпохой поздней бронзы в пределах XI в. до н. э. (± 100 лет), если шире — от конца XII до конца X в. до н. э. В целом же полученные радиоуглеродные даты хорошо согласуются с данными палеогеографии бронзового века на территории Монголии, о чем будет сказано ниже.

Обсуждение материалов раскопок

Выше были представлены материалы раскопок херексура № 4 и ПМ № 1, 2 на памятнике. Сама по себе их сопряженность в пределах одних и тех же могильников уже давно, еще с 1920-х гг. [Боровка, 1927: 69], была подмечена исследователями археологии Монголии и Южного Забайкалья. Неординарность такой ситуации на памятнике Старая Капчеранка I заключается в том, что на нем кладки ПМ перекрыли ограду херексура. При этом кладки и ПМ, и херексура оказались потревоженными. Соответственно, возникает вопрос о причинах: было ли это последствием банального ограбления или преднамеренного обоюдного осквернения совершенных захоронений носителями КХ и КПМ Центральной Азии. В материалах раскопок сохранилась информация, которая позволяет аргументированно решить поднятый вопрос. Этому посвящена уже подготовленная для печати статья. Она будет опубликована в ближайшее время. Забегая вперед, отметим, что потревоженность обоих типов памятников объясняется, по нашему мнению, фактами взаимного осквернения погребальных памятников людьми обеих культур.

⁴ Приношу глубокую благодарность зав. лабораторией Г. И. Зайцевой и сотруднику Государственного Эрмитажа К. В. Чугунову за безвозмездное определение радиоуглеродной даты ПМ № 2.

В данной статье рассмотрены материалы и информация, полученные в результате раскопок в Старой Капчеранке, относительно конструктивного устройства плиточных могил и херексуров, некоторых особенностей погребального обряда носителей обеих степных культур Центральной Азии бронзового и раннего железного веков, а также их датировки и причины сосуществования их населения на одной территории, когда их жизненно важные хозяйственные интересы при полном сходстве базовой основы палеоэкономики (кочевого — полукошевого скотоводства) вступали в непримиримый конфликт.

Раскопки ПМ № 1 и 2 методом полной расчистки кладок и за пределами прямоугольных оградок с последующей их разборкой «на снос» подтвердили ранее установленный сотрудником Бурятского республиканского краеведческого музея Г.П. Сергеевым еще в середине 1930-х гг. [Сергеев, АрхМ, 1936: 6, 37–38, 45–48] и автором статьи в начале 1980-х гг. [Цыбиктаров, 1985, 1988] принцип устройства ПМ в виде неглубокой могильной ямы, обложенной сверху каменной кладкой прямоугольной формы в несколько десятков сантиметров толщиной (надмогильная выкладка), которую затем обкладывали более высокими плитами по периметру. Они образовывали прямоугольную ограду, по углам которой, но не всегда, устанавливались высокие камни. Для предотвращения развала прямоугольной ограды с внешней стороны её укрепляли каменной выкладкой-крепидой. В некоторых случаях на некотором отдалении от оград устанавливались псевдоантропоморфные камни, наиболее многочисленной разновидностью которых являлись «сторожевые камни». Однако у ПМ Старой Капчеранки I эти памятники отсутствовали.

Фрагменты костей домашних животных, мелкие угольки, зафиксированные в разных частях конструкций кладок ПМ и херексуров при их расчистке, а также в процессе разборки их кладок «на снос», также засвидетельствовали ранее установленные обряды очищения огнём погребального пространства на месте сооружения надмогильных сооружений, использования мясных кусков туш домашних животных в процессе совершения погребального обряда [Гришин, 1973; Цыбиктаров, 1998: 48–52, 71–72, 82]. Сакральная значимость восточной стороны горизонта для населения КПМ и западной стороны горизонта для носителей КХ, ранее установленная по материалам погребального обряда (ориентации умерших головами относительно сторон света), получила дополнительное подтверждение фактом разборки кладки насыпи херексура людьми КПМ в ее западном секторе, а представителями КХ — надмогильной выкладки и крепида ограды ПМ в восточном секторе.

Обращает на себя внимание полное отсутствие в материалах раскопок ПМ № 2 каких-либо вещественных находок, кроме отдельных фрагментов человеческого костяка. При этом отметим, что кладка этой ПМ копалась «на снос», т. е. с полным удалением камней всех составных частей ее конструкции: надмогильной выкладки, ограды и её крепида до уровня древней поверхности. Однако в ходе полной разборки конструкции ПМ не было найдено никаких находок, даже фрагмента керамики, хотя эта категория инвентаря чаще всего встречается в ПМ, поскольку не представляла никакой ценности для грабителей. Эти особенности подтверждают ранее высказанное мнение о существовании так называемого безынвентарного варианта в погребальной практике населения КПМ [Цыбиктаров, 1998: 80–81, 83–84].

Обращает на себя внимание отсутствие каких-либо вещественных находок в херексуре, хотя его кладка достаточно больших размеров была раскопана полностью по принципу «на снос». Этот факт подтвердил ранее установленную многими исследователями, в том числе и нами, такую особенность погребального обряда носителей КХ, как его безынвертарность. В отношении конструктивного устройства насыпей херексуров раскопки на Старой Капчеранке I выявили последовательность ее сооружения от погребальной камеры в центре в сторону краев путем укладки в основании насыпи очень крупных камней, располагавшихся по кругу в несколько рядов с заполнением пустот между ними камнями средних и небольших размеров. На интерпретации материалов жертвенников № 2 и 5 херексура № 4 останавливаться не станем, отошлем к их анализу в одной из наших статей [Цыбиктаров, 2020]. Отметим лишь, что они подчеркивают исключительное большое значение лошади в жизнедеятельности древних кочевников Центральной Азии эпохи поздней бронзы.

Для погребальных сооружений обеих культур — плиточных могил и херексуров — характерна такая особенность, как возведение кладок погребальных сооружений на древней дневной поверхности и погребение умерших людей на древнем горизонте (внутри погребальной камеры херексура не были выявлены следы могильной ямы) или в яме небольшой глубины (в плиточных могилах).

Очень ценную информацию относительно датировки культуры херексуров содержит в себе факт перекрытия ограды херексура № 4 кладками плиточных могил № 1 и 2. Что касается относительной хронологии этих памятников бронзового и раннего железного веков Центральной Азии, то однозначно известно, что на данном могильнике херексур был сооружен раньше кладок плиточных могил № 1 и 2. Полученная радиоуглеродная дата ПМ № 2 в пределах XI в. до н. э. (± 100 л.), если шире — от конца XII до конца X в. до н. э. — соотносится с эпохой поздней бронзы. Эта дата хорошо согласуется с наличием керамики валикового типа в составе находок ПМ № 1 (рис. 14.-2; 17.-1, 3, 4). Как известно в археологии степной полосы Евразии, в том числе в памятниках КПМ, появление и существование керамики валикового типа приходится на эпоху поздней бронзы и раннескифское время, XIII–VIII вв. до н. э. [Черных, 1983; Цыбиктаров, 1998: 93]. Это еще раз подтверждает эпохальное соотношение культуры херексуров и оленных камней монголо-забайкальского типа со временем позднего бронзового века.

Факты же взаимного осквернения погребальных сооружений носителями обеих культур плиточных могил и херексуров свидетельствуют о том, что в границах Южной Бурятии и сопредельных районов Монголии в конце II тыс. до н. э. происходило сосуществование групп населения этих культурных образований. Такая датировка плиточных могил и херексура на могильнике Старая Капчеранка I, как упоминалось выше, хорошо согласуется с данными палеогеографии бронзового века на территории Монголии и Южной Бурятии.

По данным палеогеографии, в последней четверти II тыс. до н. э. на территории Монголии после кратковременного периода повышения увлажненности климата приблизительно с 3500 до 3300 лет назад [Виппер и др., 1989: 165–166; Динесман и др., 1989: 200, рис. 1.-7] началась очередная фаза аридизации климата [Дорофеев, 2008: 34–35, 36–37, табл. 2, 43–45]. Изучение почв, погребенных под кладками плиточных могил и херексуров

могильников Старая Капчеранка I и Баин-Улан I в Кяхтинском районе Бурятии, показало, что природные условия в эпоху поздней бронзы были близки в целом к современным [Дергачева и др., 1999: 81]. Климат Южного Забайкалья и Монголии в настоящее время характеризуется как резко континентальный. Расположение плиточных могил и херексуров в долинах Онона, Селенги и Чикоя в Южном Забайкалье в ряде мест, ныне затопляемых в период больших подъемов воды, вызываемых дождями, позволяет предположить, что в этот период климат стал, видимо, засушливей, чем в предшествующее время увлажнения в XV–XIV вв. до н. э. Последовавшие сильные засухи должны были вызвать прежде всего падение продуктивности пастбищ, ограничение источников для водопоя скота, а эти факторы сразу же отражались на его численности и продуктивности. Ухудшились возможности для занятий земледелием. Таким образом, наступившая в конце II тыс. до н. э. аридизация климата была губительна в целом для обеих отраслей производящего хозяйства. Неблагоприятна она была и для присваивающих отраслей. Следовательно, с наступлением особенно засушливой фазы ухудшались вообще условия для жизни населения указанных выше кочевнических культур в открытых степях.

В такой кризисной ситуации неизбежно возникала необходимость ухода части населения КПП и КХ, которым не хватало выпасов, с ранее обжитых территорий на другие земли в поисках пастбищ для домашних животных, являвшихся основным источником для получения как продуктов питания, так и производственного сырья для изготовления многих орудий труда, предметов быта и другой необходимой продукции. В результате на обширных пространствах степей Монголии и Южного Забайкалья начались миграции носителей обоих культурных образований ПМ и херексуров на территорию друг друга (см. более подробно [Цыбиктаров, 2012: 284–288]). Миграционные пути их встречных движений происходили по долинам Селенги и ее притоков, являвшихся в условиях того времени естественными путями перемещений, обеспеченных в первую очередь источниками воды, столь необходимой как людям, так и стадам животных. В результате носители КХ по долине этой крупнейшей водной артерии Центральной Азии вышли в степи Западного Забайкалья на территории современной Бурятии и расселились по долине Селенги и её притоков Чикоя, Джиды, Уды. Везде в бассейнах этих рек стали проживать по соседству группы населения обоих культурных образований. Кратко охарактеризованными выше природно-климатическими процессами и их последствиями для скотоводческого хозяйства носителей культур ПМ и херексуров и объясняется соседство на памятниках степной и лесостепной зон Монголии и Южной Бурятии погребальных памятников этих кочевнических культур.

Заключение

Результаты раскопок херексура и плиточных могил на могильнике Старая Капчеранка I, несмотря на оскверненность обоих типов памятников, дали очень интересную информацию по разным аспектам изучения кочевнических культур Центральной Азии бронзового и раннего железного веков. Они подтвердили ранее известные, но вместе с тем еще недостаточно полно изученные стороны погребального обряда носителей культур плиточных могил и херексуров, конструктивных особенностей надмогильных сооружений. Особо следует отметить исключительно важное значение факта наложения кладок плиточных могил на ограду херексура для установления относительной

и абсолютной хронологии этих памятников в свете их хронологического места в хроностратиграфии бронзового века Центральной Азии в связи с датировкой в недавнем прошлом плиточных могил в основном ранним железным веком в пределах скифского времени, а херексуров — тюркским временем.

Раскопки на Старой Капчеранке I при корреляции полученной информации с данными по палеогеографии Монголии и Южного Забайкалья дали очень интересную информацию о причинах появления носителей КХ на территории населения КПМ и о характеристике разных сторон жизнедеятельности носителей КПМ и КХ в одном из периодов их развития в эпоху поздней бронзы на рубеже 2–1-го тыс. до н. э. Данный аспект потребовал своей углубленной разработки и дал очень интересные результаты. Они будут освещены в следующей публикации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Боровка Г. И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Л. : Изд-во АН СССР, 1927. Вып. II. С. 43–88.

Виппер П. Б., Дорофеев Н. И., Метельцева Е. П., Соколовская В. Т. Ландшафтно-климатические изменения в Центральной Монголии в голоцене // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. М. : Наука, 1989. С. 160–167.

Волков В. В. Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. Улан-Батор : Изд-во АН Монголии, 1967. 148 с.

Гришин Ю. С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. М. : Наука, 1975. 136 с.

Гришин Ю. С. О культе огня у ранних кочевников Забайкалья // Вопросы краеведения Забайкалья. Чита : Типография Статистического управления Читинской области, 1973. Вып. 2. С. 59–61.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. Труды института этнографии. Новая серия. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. Т. IV. 392 с.

Дергачева М. И., Феденева И. К., Вашукевич Н. В., Гранина Н. И. Природные условия в эпоху поздней бронзы по педологическим данным // Палеоэкология человека Байкальской Азии. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. С. 77–81.

Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ : Бурятское кн. изд-во, 1958. 108 с.

Динесман Л. Г., Киселева Н. К., Князев А. В. История степных экосистем Монгольской народной республики // Биологические ресурсы и природные условия Монгольской народной республики. Т. XXXII. М. : Наука, 1989. 215 с.

Дорофеев Н. И. Реконструкция природных условий Внутренней Азии в позднеледниковье и голоцене (по материалам диатомового и палинологического анализов озерных осадков Монголии) : автореф. дис. ... д-ра биол. наук. М., 2008. 49 с.

Кириллов И. И. Восточное Забайкалье в древности и средневековье. Иркутск : Типография Читинского управления издательств, полиграфии и книжной торговли, 1979. 96 с.

Окладников А. П. Археологические исследования в Бурят-Монголии // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1951. Т. 8. № 5. С. 440–450.

Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Л. : Наука, Ленинград. отд., 1970. Ч. 2. 264 с.

Сергеев Г. П. Селенгинская археологическая экспедиция 1935–1936 гг. Отчет. Хранится в фондах Музея истории Бурятии. Улан-Удэ. Ч. 1. Инвентарный № 2969.

Сосновский Г. П. Плиточные могилы Забайкалья // Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Л. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 1941. Т. I. С. 273–309.

Сэр-Оджав Н. Древняя история Монголии (XIV в. до н. э. — XII в. н. э.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1971. 28 с.

Хамзина Е. А. Археологические памятники Бурятии. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1982. 153 с.

Худяков Ю. С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1987. С. 136–162.

Худяков Ю. С. Херексуры и оленные камни // Скифская эпоха Алтая: тез. докладов. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1986. С. 40–43.

Цыбиктаров А. Д. Древние миграции в Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железа: причины и последствия // Монгол болон Байгал нуур орчмын Сибирийн эртний соёл. Олон улсын эрдэм шинжилгээний 3-р хурлын илтгэлийн эмхтгэл. Тэргун дэвтэр. — Удаанбаатар, МУИС-ийн Хэвлэх уйлдвэр, 2012. С. 283–292.

Цыбиктаров А. Д. Жертвенники-поминальники культуры херексуров могильника Старая Капчеранка // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 6. Тюмень : Изд-во Тюменского ун-та, 2020. С. 228–232.

Цыбиктаров А. Д. Исследования на юге Бурятии // Археологические открытия 1983 г. М. : Наука, 1985. С. 248–249.

Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского гос. ун-та, 1998. 288 с.

Цыбиктаров А. Д. О датировке херексуров в Южной Бурятии, Северной и Центральной Монголии // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Тезисы докладов. Барнаул : Изд-во Института истории, филологии и философии: Алт. ун-та, 1988. С. 130–132.

Черных Е. Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья / отв. ред. Г. Б. Зданович. Челябинск : Изд-во Башкир. ун-та, 1983. С. 81–99.

REFERENCE

Borovka G. I. Arkheologicheskoye obsledovaniye srednego techeniya r. Toly [Archaeological survey of the middle reaches of the river Toly]. *Severnaya Mongoliya*. [Northern Mongolia]. Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR, 1927, iss. 2. P. 43–88 (in Russian).

Chernyh E. N. Problema obshnosti kultur valikovoj keramiki v stepyah Evrazii [The problem of common cultures of roller ceramics in the steppes of Eurasia]. *Bronzovyy vek stepnoj polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurechya* [The Bronze Age of the steppe strip of the Ural-Irtysh interfluve]. Chelyabinsk: Izd-vo Bashkir. universiteta, 1983. P. 81–99 (in Russian).

Debets G. F. Paleoantropologiya SSSR [Paleoanthropology of the USSR]. *Trudy instituta etnografii. Nov. ser.* [Proceedings of the Institute of Ethnography. New ser.]. Moscow-Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR, 1948, vol. 2, 392 p. (in Russian).

Dergacheva M. I., Fedeneva I. K., Vashukevich N. V., Granina N. I. Prirodnye usloviya v epohu pozdnej bronzy po pedologicheskim dannym [Natural conditions in the Late Bronze Age according to pedological data]. *Paleoekologiya cheloveka Bajkalskoj Azii* [Human Paleoeecology of Baikal Asia]. Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 1999. P. 77–81 (in Russian).

Dikov N. N. *Bronzovyy vek Zabaykalia* [Bronze Age of Transbaikalia]. Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izdatelstvo, 1958, 108 p. (in Russian).

Dinesman L. G. Kiseleva N. K., Knyazev A. V. Istoriya stepnykh ekosistem Mongolskoy narodnoy respubliki [History of steppe ecosystems of the Mongolian People's Republic]. *Biologicheskiye resursy i prirodnyye usloviya Mongolskoy narodnoy respubliki*. [Biological resources and natural conditions of the Mongolian People's Republic]. Moscow: Nauka, 1989, vol. XXXII, 215 p. (in Russian).

Dorofeyuk N. I. *Rekonstruktsiya prirodnykh usloviy Vnutrenney Azii v pozdnelednikovye i golotsene (po materialam diatomovogo i palinologicheskogo analizov ozernykh osadkov Mongolii)*. Avtoref. dis. ... dokt. biol. nauk [Reconstruction of the natural conditions of Inner Asia in the Late Glacial and Holocene (based on diatom and palynological analyzes of lake sediments in Mongolia). Ph. d. Thesis in biology]. Moscow, 2008. 49 p. (in Russian).

Grishin Yu. P. *Bronzovyy i ranniy zheleznyy veka Vostochnogo Zabaykalia*. [Bronze and early Iron Ages of Eastern Transbaikalia]. Moscow: Nauka, 1975. 136 p. (in Russian).

Grishin Yu. P. O kulte ognya u rannikh kochevnikov Zabaykalia [About the cult of fire among the early nomads of Transbaikalia]. *Voprosy krayevedeniya Zabaykalia*. [Questions of local history of Transbaikalia]. Chita: Tipografiya Statisticheskogo upravleniya Chitinskoy oblasti, 1973, iss. 2. P. 59–61 (in Russian).

Khamzina E. A. *Arkheologicheskie pamyatniki Buryatii* [Archaeological monuments of Buryatia]. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoye otdeleniye. 1982. 153 p. (in Russian).

Khudyakov Yu. P. Khereksury i olenyye kamni [Hereksurs and deer stones]. *Skifskaya epokha Altaya. Tez. dokladov* [Skifians epoch of Altai. Abstract. reports]. Barnaul: Izdatelstvo Altay. universiteta, 1986. P. 40–43 (in Russian).

Khudyakov Yu. P. Khereksury i olenyye kamni [Hereksurs and deer stones]. *Arkheologiya. etnografiya i antropologiya Mongolii* [Archeology, ethnography and anthropology of Mongolia]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoye otdeleniye., 1987. P. 136–162 (in Russian).

Kirillov I. I. *Vostochnoye Zabaykalye v drevnosti i srednevekovye* [Eastern Transbaikalia in antiquity and the Middle Ages]. Irkutsk: Tipografiya Chitinskogo upravleniya izdatelstv. poligrafii i knizhnoy trgovli, 1979, 96 p. (in Russian).

Okladnikov A. P. *Arkheologicheskiye issledovaniya v Buryat-Mongolii* [Archaeological research in Buryat-Mongolia]. *Izvestiya AN SSSR. seriya istorii i filosofii* [News of the USSR Academy of Sciences, series of history and philosophy]. 1951, vol. 8, no. 5. P. 440–450 (in Russian).

Okladnikov A. P. Zaporozhskaya V. D. *Petroglify Zabaykalia* [Petroglyphs of Transbaikalia]. Leningrad: Nauka. Leningrad. Otdeleniye, 1970, pt. 2, 264 p. (in Russian).

Sergeyev G. P. *Selenginskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya 1935–1936 gg. Otchet. Chast 1. Khranitsya v fondakh Muzeya istorii Buryatii. g. Ulan-Ude. Inventarnyy № 2969* [Selenga archaeological expedition 1935–1936. Report. Part 1. Stored in the funds of the Museum of the History of Buryatia. Ulan-Ude. Inventory No. 2969].

Ser-Odzhav N. *Drevnyaya istoriya Mongolii (XIV v. do n. e. — XII v. n. e.): Avtoref. diP. ... dokt. ist. nauk* [Ancient history of Mongolia (XIV century BC–XII century AD). Ph. D. Thesis in sociology]. Novosibirsk, 1971, 28 p. (in Russian).

Sosnovskiy G. P. *Plitochnyye mogily Zabaykalia* [Slab graves of Transbaikalia]. *Trudy otdela istorii pervobytnoy kultury Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the Department of History of Primitive Culture of the State Hermitage]. Leningrad: Izdatelstvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 1941, vol. 1. P. 273–309 (in Russian).

Tsybiktarov A. D. *Drevniye migratsii v Tsentralnoy Azii v epokhu bronzy i rannego zheleza: prichiny i posledstviya* [Ancient migrations in Central Asia in the Bronze and Early Iron Ages: causes and consequences]. *Mongol bolon Baygal nuur orchmyn Sibiriyn ertniy soyel. Olon ulsyn erdem shinzhilgeeny 3-r khurlyn itgeliyn emkhtgel. Tergun devter* [Mongol Bolon Baigal nuur Orchmyn Sibiriyn Ertniy Soel]. Udaanbaatar: MUIS-iyin Khevlekh uyldver, 2012. P. 283–292 (in Russian).

Tsybiktarov A. D. *Issledovaniya na yuge Buryatii* [Research in the south of Buryatia]. *Arkheologicheskiye otkrytiya 1983 g.* [Archaeological discoveries 1983]. Moscow: Nauka, 1985. P. 248–249 (in Russian).

Tsybiktarov A. D. *Kultura plitochnykh mogil Mongolii i Zabaykalia* [Culture of slab graves in Mongolia and Transbaikalia]. Ulan-Ude: Izdatelstvo Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 1998, 288 p. (in Russian).

Tsybiktarov A. D. *O datirovke kherekurov v Yuzhnoy Buryatii. Severnoy i Tsentralnoy Mongolii* [On the dating of Kherekurs in Southern Buryatia, Northern and Central Mongolia]. *Khronologiya i kulturnaya prinadlezhnost pamyatnikov kamennogo i bronzovogo vekov Yuzhnoy Sibiri. Tezisy dokladov* [Chronology and cultural affiliation of monuments of the Stone and Bronze Ages of Southern Siberia. Abstracts of reports]. Barnaul: Izdatelstvo Instituta istorii, filologii i filosofii i Altayskogo gosudarstvennogo universiteta, 1988. P. 130–132 (in Russian).

Tsybiktarov A. D. *Zhertvenniki-pominalniki kultury kherekurov mogilnika Staraya Kapcheranka* [Altars-memorials of the Kherekur culture of the Staraya Kapcheranka burial ground]. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv.* [Ecology of ancient and traditional societies]. Tyumen: Izdatelstvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2020, iss. 6. P. 228–232 (in Russian).

Vipper P. B., Dorofeyuk N. I., Meteltseva E. P., Sokolovskaya V. T. *Landshaftno-klimaticheskiye izmeneniya v Tsentralnoy Mongolii v golotsene* [Landscape and climatic changes in Central Mongolia in the Holocene]. *Paleoklimaty pozднеlednikovya i golotsena* [Paleoclimates of the Late Glacial and Holocene]. Moscow: Nauka, 1989. P. 160–167 (in Russian).

Volkov V. V. *Bronzovyy i ranniy zheleznyy veka Severnoy Mongolii* [Bronze and Early Iron Ages of Northern Mongolia]. Ulan-Bator: Izdatelstvo AN Mongolii, 1967. 148 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 03.04.2024

Принята к публикации: 19.11.2024

Дата публикации: 24.12.2024

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 392

DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4-06

З. И. Курбанова

Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук
Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан (Нукус,
Узбекистан)

ТЕКСТИЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ КАРАКАЛПАКОВ: КУРАҚ И ЖЫРТЫС В СЕМЕЙНЫХ ОБРЯДАХ

В статье рассматриваются лоскуты ткани *жыртыс* в обрядах семейного цикла каракалпаков, а также техника лоскутного шитья *курақ* в качестве одного из популярных видов традиционного ремесла. Ритуальные лоскуты, наделенные символической нагрузкой, традиционно применялись в обрядах переходного периода, маркируя собой рубежные состояния. Традиционная техника *курақ* использовалась каракалпаками для изготовления различных предметов, включая детскую одежду, куртки *курте*, детские халаты *бала шапаны*, шапочки *топпы* и тюбетейки *такья*. Лоскуты являлись неотъемлемым атрибутом свадебных ритуалов. Лоскутная техника применялась для создания свадебной занавеси *шымылдық*, постилочных предметов *курақ көрпеше*, постельных принадлежностей *көрпе-төсек*. Изделия с лоскутными узорами были широко распространены в быту каракалпаков, лоскутная мозаика покрывала скатерти *дәстурхан*, ухватки *тутқыш*, мешки для хранения продуктов *ун шанаиш*. Традиция раздачи лоскутов по сей день сопровождает похоронный обряд каракалпаков, где лоскут ткани приравнен раздаче имущества умершего. Исследование значения лоскутов в культуре каракалпаков позволяет утверждать, что предметы с лоскутной мозаикой наделались особой символикой, использовались при ключевых этапах жизни: рождение, свадьба и похороны. Помимо своей функциональной ценности, эти изделия содержали в себе мощный противовес злым силам и недобрым намерениям, а также способствовали долголетию и плодовитости.

Ключевые слова: каракалпаки, культура, традиционный *курақ*, *жырттыс*, оберег, семейная обрядность, искусство мозаичного шва

Для цитирования

Курбанова З. И. Текстильные традиции каракалпаков: курақ и жырттыс в семейных обрядах // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29. № 4. С. 107–124.
DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–06.

Z. I. Kurbanova

Karakalpak Scientific Research Institute of Humanities of the Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Nukus, Uzbekistan)

TEXTILE TRADITIONS OF KARAKALPAKS: QURAQ AND ZHYRTYS IN FAMILY RITES

The article discusses ritual Karakalpak fabric traditions, including the cloth patches — *zhyrtys* — in the rituals of the Karakalpak family cycle and the *quraq* patchwork technique, as one of the popular types of traditional craft. Ritual patches endowed with symbolism were traditionally used in rituals of the transitional period, marking the milestone state. *Quraq* was used to make various items, including children's clothing: jackets — *kurte*, children's robes — *bala shapany*, hats — *toppy* and *skullcaps* — *taqyya*. The patchwork technique was an essential attribute of wedding rituals and was used to create ritual wedding curtains — *shymyldyq* — bedding items — *quraq korpeshe* — and other bedding from *korpe-tosek*. Products with patchwork patterns were widespread on the daily life of the Karakalpaks: patchwork mosaics covered tablecloths *dastarkhan*, *tutqysh* grips, bags for storing food *un shanash*. The tradition of distributing patches to this day accompanies the funeral rite of the Karakalpaks, where it is equated with the distribution of the deceased's property. The study of the symbolic meaning of patches in the Karakalpak culture suggests that these items were most often used at key stages of life: birth, wedding, and funeral. In addition to their functional value, these products were endowed with the properties of a powerful counterweight to evil forces and evil intentions, and also contributed to longevity and fertility.

Keywords: Karakalpaks, culture, traditional *quraq*, *zhyrtys*, amulet, family ritual, mosaic seam art

---

For citation:

Kurbanova Z. I. Textile traditions of Karakalpaks: *quraq* and *zhyrtys* in family rites. *Nations and religions of Eurasia*. 2024. Т. 29. № 4. P. 107–124 (in Russian). DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–06.

Курбанова Земфира Ибрагимовна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, заведующая отделом этнографии Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан, Нукус, Узбекистан. **Адрес для контактов:** sapphire71@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3478-2042>

Kurbanova Zemfira Ibragimovna, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, Head of the Department of Ethnography of the Karakalpak Scientific Research Institute of Humanities of the Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Nukus, Uzbekistan. **Contact address:** sapphire71@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0002-3478-2042>

Введение

Традиционное лоскутное шитье имеет широкое бытование у многих народов. У каракалпаков техника лоскутного шва получила распространение под названием *курақ*. При всей ее широкой распространенности в быту народа техника *курақ*, ее место в обрядах каракалпаков до сих пор не привлекали внимание исследователей. Настоящая статья не претендует на всестороннее освещение данной проблемы, а скорее задает направление для более глубоких изысканий в этой области.

В переводе с каракалпакского языка термин «курақ» обозначает «соединение, сбор, накопление, обогащение». Несмотря на его общую положительную семантику, этот термин происходит от глагола «куруғу», который означает «усыхать, умирать, уничтожаться» [Каракалпакско-русский словарь, 1958]. В казахском языке слово «*курақ*», как и в каракалпакском, соединяет в себе взаимоисключающие значения — созидание и разрушение [Октябрьская, Сураганова, 2012: 400]. В кыргызском языке этим словом обозначают лоскуты, нитки, обрезки, а также время и возраст. Оно является производным от глагола *куре* — составлять из отдельных лоскутов, собирать, копить, богатеть, а также объединять [Юдахин, 1985: 447].

В культуре каракалпаков лоскуты представляют собой не только форму традиционного ремесла, но также являются важным компонентом ритуальных практик, глубоко интегрированных в обрядовую жизнь этноса. Значение лоскута выходит за рамки вещного мира, охватывая духовную сферу.

Продукция, созданная с применением лоскутной техники, продолжает оставаться востребованной и актуальной в современном каракалпакском обществе. В период возрождения народных промыслов женское рукоделие, связанное с лоскутной техникой, получило новый импульс развития. В технике *курақ* каракалпаки изготавливали различные виды изделий, включая детскую одежду (*курте, топты, шапан*), ритуальную занавесь для невесты (*шымалдық*), постилки для сидения на полу (*көрпеше*), подушки (*жастық*), мешки (*ун шанаиш, керги*) и скатерти (*дәстурхан*), покрывала для детской колыбели. В настоящее время пользуются популярностью предметы приданого невесты, включающие в себя изделия, выполненные в технике *курақ*, ритуальная свадебная занавесь, покрывала на детскую колыбель. Лоскут *жыртис* является неотъемлемой частью обрядов, связанных с похоронными практиками.

Традиционная технология формирования мозаичных узоров из разноцветных фрагментов ткани *курак* представляет собой распространенное среди каракалпакских женщин ремесло. Установить время возникновения техники лоскутного шитья у каракалпаков, как и других народов Центральной Азии, представляется сложной задачей. Отсутствие достаточных исследований в данной области не позволяет установить точную хронологию возникновения этой текстильной практики. Тем не менее, основываясь на имеющихся исторических данных, можно предположить, что данная техника имеет весьма древние корни и возникла в довольно ранний период истории региона. Согласно предположениям С. П. Толстова, хлопок в Хорезмском оазисе возделывался еще в античный период [Толстов, 1962: 95–96]. Археологические находки фрагментов хлопчатобумажных тканей подтверждают это предположение. Более того, обнаружение семян хлопчатника на раннесредневековых хорезмийских памятниках Каратепа (IV–VI вв.) и Тешиккала (VII–VIII вв.), расположенных в южных районах Республики Каракалпакстан, позволяет достоверно утверждать, что хлопчатник культивировался в Хорезмском оазисе уже в IV–VIII вв. н. э. [Baker Brite, Marston, 2013: 45–47; Неразик, 1966: 92–93].

Несмотря на отсутствие прямых источников, исследователи подтверждают, что кочевые и полукочевые народы Центральной Азии «освоили обработку и ткачество всех имеющихся в их распоряжении видов сырья: от шерсти — основного продукта их скотоводческого хозяйства и волокна дикорастущих растений до трудоемкой и технически более сложной, свойственной развитым оседлым земледельцам культуры хлопчатника» [Томина, 1989: 245].

У кыргызов ткачество представляло собой одно из давних занятий у женского населения, однако хлопчатобумажная ткань получила развитие в долинных районах юга Кыргызстана [Сулайманов и др., 2016: 196].

Что же касается казахов, то животноводческая направленность хозяйствования способствовала более интенсивному развитию домотканого сукна из верблюжьей и овечьей шерсти, хлопчатобумажную ткань, которая шла на одежду, в основном покупали [Маргулан, 1986: 235].

Из изложенного можно предположить, что развитие текстильного производства в Центральной Азии, вероятно, способствовало становлению и распространению техники лоскутного шитья в регионе. По мере совершенствования методов обработки различных волокон, таких как шерсть, хлопок и другие растительные волокна, а также освоения ткацких технологий, появлялось все больше возможностей для создания разнообразных текстильных изделий. Наличие широкого спектра тканевых материалов, в том числе небольших кусков и обрезков, могло стимулировать применение инновационных подходов к их повторному использованию и комбинированию.

В последующие периоды техника лоскутного шитья у народов Центральной Азии продолжала совершенствоваться и стала неотъемлемой частью их национальной культуры.

Развитие лоскутного шитья у кочевых народов Центральной Азии можно рассматривать в контексте двух взаимосвязанных факторов, обусловленных особенностями их традиционного образа жизни. С одной стороны, кочевой уклад характери-

зовался ограниченным доступом к материальным ресурсам, что стимулировало рациональное и эффективное использование имеющихся текстильных материалов. Лоскутное шитье позволяло утилизировать небольшие фрагменты ткани, минимизируя производственные отходы. Данная практика соответствовала потребностям кочевого быта, характеризующегося дефицитом ресурсов и необходимостью их бережного расходования.

С другой стороны, лоскутные изделия обладали рядом практических преимуществ, отвечающих специфике кочевого образа жизни. Они отличались легкостью, компактностью и удобством для транспортировки во время регулярных перекочевок. Лоскутные предметы можно было легко свернуть и перевезти, что было важно для кочевых сообществ, систематически меняющих места своего проживания. Таким образом, развитие лоскутного шитья в кочевнической среде было обусловлено как необходимостью рационального использования ограниченных ресурсов, так и практическими потребностями кочевого образа жизни.

Свидетельства мастериц подтверждали связь лоскутной техники с давними традициями, обусловленными сложными социально-экономическими условиями.

Основная концепция искусства заключается в идее «*жоқтан бар қылыу*» (букв. производить из ничего), создание продукта, обладающего более высокой ценностью. На первый взгляд его составной характер, нецелостность подтверждают эту концепцию и наводят на мысль о дефиците текстиля, где с каждым его кусочком обращались с особым вниманием и бережливостью. Однако данной практике противоречит традиция каракалпаков разрывать цельные куски ткани на лоскуты в рамках определенных обрядов. Так, например, в похоронном обряде каракалпаков куски ткани разрывают на мелкие квадратные лоскуты для раздачи присутствующим. Ранее существовала традиция разрывания цельного куска ткани на лоскуты во время свадьбы. Из лоскутов шилась детская рубашечка *ийт көйлек*.

Значение техники *қурақ* в культуре каракалпаков, отношение к нему народа наиболее ярко иллюстрируется в выражении *Қарақалпақлар қурақтай қуралған* («Каракалпаки сотканы между собой как лоскуты *қурақ*»). В данном контексте просматривается явная параллель между искусством объединения мелких фрагментов в целое и этнической структурой каракалпакского народа, состоящей из различных племен и родов. Каракалпаки и ныне сохраняют сложную родовую структуру: деление на два крупных объединения *арыс қоңырат* и *арыс он төрт урыу*. Внутри них различаются шесть крупных родов (племен) *үлкен урыу/қәўим: қоңырат, мүйтен, қытай, қыпшақ, кенегес, манғыт*. Каждое племя делится на *урыу* (род), а роды, в свою очередь, подразделяются на более мелкую структуру — *тийре*. Все эти роды и племена объединены в единый этнический массив.

По методике выполнения лоскутных изделий можно выделить две группы: в первой группе изделия создавались путем сшивания разноцветных лоскутков квадратной и треугольной формы, которые комбинировались в разнообразные узоры, часто образуя узорные полосы и медальоны. Эти элементы затем объединялись в более крупные композиции. Во второй группе изделия формировались из длинных узких полос ткани различных цветов.

Сложные геометрические узоры, составленные из треугольных и четырехугольных фрагментов ткани, включают в себя разнообразные мотивы, такие как *сегиз ақ* — композиция, где центральный квадрат из красной ткани окружен четырьмя квадратами, каждый из которых поделен на восемь черно-белых треугольников, формирующих восьмилучевые розетки. При использовании четырехугольных фрагментов ткани различных цветов формируется раппортная композиция ступенчатых прямоугольников *бауырасақ гүл*, которая может повторяться бесконечно.

Наиболее часто используемыми цветами в *курақ* являются черный, красный, желтый, синий и зеленый. Традиционно применяется контрастное сочетание цветов: черно-белое, черно-красное, красно-синее и другие комбинации.

Использование лоскутных изделий у каракалпаков изначально наделялось глубоким символическим значением. Функции оберега, заключенные в лоскуте ткани, несли в себе положительную энергию. Этот символизм наиболее ярко проявлялся в контексте свадебной обрядности.

Свадьба представляет собой важный этап в жизни человека, символизирующий один из переходных этапов в жизни молодых людей. Подобно другим рубежным состояниям, молодые люди, вступающие в брак, нуждаются в особой защите от негативного воздействия внешнего мира. Одним из таких атрибутов, призванных оградить их, является ритуальная занавесь *шымылдық*.

Ритуальная лоскутная занавесь *шымылдық*, изготовленная из цельного полотна ткани, в верхней части имеет широкую полосу, украшенную узорами в стиле *курақ*. Эта часть занавеси называется *шымылдық кас* (брови шымылдық). Узоры состоят из различных геометрических фигур, образующих композиции, которые несут в себе не только обережные функции, но также должны способствовать плодородию и процветанию молодых. Защитные свойства лоскутов усиливались благодаря преобладанию красного цвета. Середина занавеси и его нижняя часть состоят из блестящего либо красного куска ткани. Преобладание красного цвета в данном контексте является символом энергии и жизни [Васильцов, 2007: 106].

У каракалпаков обычай укрывания невесты от посторонних глаз за ритуальной занавеской *шымылдық* практикуется в доме жениха до исполнения ритуала *беташар* (открытие лица). За *шымылдық* невеста сидит с прикрытым лицом, принимает поздравления родственников жениха, отвечая поклоном — приветствием каждому. Рядом с ней обычно находятся молодые незамужние девушки со стороны жениха, а также ее подруги. Обычай укрывания невесты от взглядов связан с желанием обеспечить ей чувство безопасности и защиты в новой среде, пока она не станет частью новой семьи.

Аналогичная занавеска *кошого* с мозаичным узором существует у кыргызов [Кочкунов, 2016: 311]. У ногайцев занавесь шилась из разных кусков тканей на подкладке, вышивалась золотыми нитками, украшалась разноцветной аппликацией, галунами. В дни свадьбы и некоторое время после нее молодуха сидела при людях за этой занавеской, защищалась от любопытных взоров. За этой же занавеской находилась постель новобрачных [Гаджиева, 1979: 95–96].

Свадебный *шымылдық* у каракалпаков обычно хранился в доме и мог использоваться только в том же качестве на другой свадьбе.

Не потерял своей актуальность *шымылдық* и в наше время. По сей день ни одна каракалпакская свадьба не обходится без ритуальной занавеси. В современных *шымылдық* наметилась тенденция отхода от традиционного декорирования. Старинные узоры и мотивы, характерные для каракалпакской культуры, подверглись изменениям, проявляясь в урезании и укрупнении элементов узора. Эти трансформации отражают изменяющиеся потребности и приоритеты в современном обществе, где скорость и эффективность зачастую ставятся выше сохранения традиций и ручного труда. Использование машинного шва обеспечивает быстрое и более эффективное выполнение работы, но при этом приводит к потере уникальности и аутентичности традиционных лоскутных узоров, которые воплощали в себе не только мастерство, но и культурное наследие, а также имели символическое значение для сообщества.

В похоронном обряде каракалпаков имело место использование ритуальной занавеси *шымылдық*, отличавшейся от свадебной. Она изготавливалась из куска белой ткани без каких-либо украшений. Хотя этот обычай практически утрачен в современности, в первой половине XX в., когда каракалпаки еще активно использовали традиционную юрту в повседневной жизни, усопшего помещали в левую часть юрты, называемую *шеп жак*, считавшейся сакрально «нечистой», и отделяли от остального пространства с помощью *шымылдық*.

Обряд был обусловлен древними представлениями о священности и чистоте определенных пространств внутри юрты. Обычай размещения тела усопшего на левой стороне от входа или за занавеской, т. е. изоляция умершего от живых, явно связан с древними представлениями о «нечистоте» мертвого тела и необходимостью его изоляции от общества живых [Есбергенов, Атамуратов, 1975: 176]. С. С. Губаева, интерпретируя данный обряд, связывает его с необходимостью уберечь покойника от недобрых взглядов, злых духов [Губаева, 2001: 168]. Аналогичными функциями наделялся *кошого* (занавес) или циновка (*чий*) у кыргызов, выполнявший ту же роль, что и платок, закрывающий лицо покойника, а именно роль оберега от злых духов, дурного глаза [Фильструп, 2002: 105]. Таким образом, как в свадебной, так и в похоронной обрядности *шымылдық* выполнял роль оберега. Однако в контексте свадебной обрядности, помимо оберега, лоскутная мозаика должна была способствовать соединению молодоженов, а также их плодovitости.

Обеспечению плодородия и единения служили и лоскутные узоры на предметах из приданого невесты. Согласно представлениям каракалпакских женщин, использование мелких лоскутков ткани для постилочных тюфяков *көрпеше* и подушек молодоженов *жастық* символизировало их неразрывную связь и единство на всю жизнь. В этих изделиях с использованием *курақ* особое внимание уделялось цвету и количеству. Например, одеяла и *көрпеше* для молодоженов обычно были красного цвета и в четном количестве. Для молодоженов полагалась не пара подушек, а одна длинная прямоугольная подушка. Такая подушка имеет в основе своей семантический смысл, заключающийся в том, чтобы молодые не расставались и прожили вместе долгую жизнь [ПМА, 2023]. Подобные представления, связанные с *курақ*, существуют у таджиков, кыргызов, казахов и ряда других народов [Писарчик, Хамиджанова, 1970: 205; Губаева, 2001: 168].

В современной каракалпакской свадьбе постельные принадлежности *көрпе-төсек* с использованием *курақ* продолжают оставаться одним из главных предметов девичьего приданого *кыз жуги*. Постельные принадлежности в составе приданого состоят из 6 *курақ көрпеше*, 6 *көрпеше* с подкладкой из велюра, 4 или 6 одеял, 7 подушек, из которых 4 обычные и 2 меньшего от стандартного размера подушек, называемых *бала көпишик* / детская подушка, полагалась одна подушки для молодых, называемая *жастық*. Лоскутным узором *дастық көз*, представляющим собой крупные однорядные ромбы, составленные из мелких разноцветных лоскутков, украшаются *бала көпишик* и *жастық*. Кроме того, обязательной частью приданого является сундук, на который складываются постельные принадлежности, и покрывало, которое накидывается на сложенные постельные принадлежности. Оно тоже выполняется в технике лоскутных узоров.

Днем, когда постельные принадлежности сложены, на самый верх кладут подушки с лоскутным узором. По устоявшемуся представлению, взгляд вошедшего в комнату приковывает эта подушка, и если у него были недобрые намерения, то лоскутный узор нейтрализует их. *Көрпеше* из состава приданого, использовавшиеся в качестве постели для новобрачных, в современном быту служат постилками для сидения на полу. Они украшаются узором *ший курақ*, когда центр композиции составляет крест, от которого отходят ступенчатые ромбовидные фигуры.

Крест *атанак* — один из наиболее часто встречающихся элементов в декорировании не только лоскутной техникой, но также в других видах декоративного искусства. Фигуры в виде креста связаны с плодородием, жизненной энергией. Интересно, что именно посредством такой формы воспринимается солнечный диск и какой-либо другой локальный источник света. В представлениях древнего человека крест ассоциировался с солнцем и отходящими от него лучами, т. е. с Солнцем, дающим жизнь и ее плоды, что было тождественно культу плодородия [Карлыбаев, Курбанова, 2014: 55]. В культуре каракалпаков крест также может рассматриваться как символ защиты от злых духов и оберега от бед. Поэтому его использование в украшениях и декоре постельных принадлежностей молодоженов может иметь целью оберегать и приносить благополучие, способствовать плодородию и процветанию в браке.

В стиле *курақ*, каракалпаки создавали одежду для младенцев. Первая детская рубашка у каракалпаков называлась *ийт көйлек*. Шилась она вручную. В бока рубашки вшивались треугольные клинья *шабыў*. Ее старались шить просторной, чтобы во взрослой жизни он жил в достатке. В случае же, когда *ийт көйлек* шился узким, верили, что это станет причиной того, что он всю жизнь будет жить в нужде [Есбергенов, 1980: 101].

После сорокадневия проводился обряд *қырқынан шығарыў*, когда ребенка наряжали в *ийт көйлек*. Снятие распашонки сопровождалось обрядом, при котором в рубашку насыпали жареную пшеницу — *қуўырмаш*, пшено — *сөк*, плоды лоха — *жийде*, урюка, кусочки жареного теста — *байырсақ*, после чего завязывали собаке на шею. Дети, приглашенные на проведение обряда, принимали участие в состязании, во время которого, должны были догнать собаку и снять с шеи узел с угощениями. Угощение доставалось тому, кто первым догнал собаку. Обряд связывают с идеей плодородия, пожеланием матери большого потомства. Использование проса, жареной пшеницы, джиды, урюка и их раздача детям знаменуют собой окончание периода сорокадневия. Иногда

первую рубашку и шапочку для младенца шили из старых вещей родителей. Но чаще ее готовили из условных 40 лоскутов к 40-му дню со дня рождения. С этого момента ребенка показывали посторонним, «выводили» в мир людей. Считали, что лоскутные вещи отводили дурной глаз и обманывали злые силы. Они также несли энергию добрых пожеланий и потенциал долголетия всех тех родственников, которые дарили одежду и отрезки тканей. Ориентируясь на эти свойства, к лоскутным шапочкам маленьких детей пришивали кусочки одежды стариков, которые прожили долгую счастливую жизнь [Курбанова 2021: 161].

Подобные традиции были широко распространены у тюркских народов. Например, у казахов такая одежда для младенца изготавливалась из 100 лоскутов, а у ногайцев распашонка шилась из 40 кусков материи [Керейтов, 2009: 337]. По мнению Л.А. Чвырь, помимо защитной функции, таким лоскутным изделиям приписывалось свойство способствовать усилению плодovitости [Чвырь, 1983: 131].

С использованием лоскутной техники изготавливали детскую стеганую рубашку *курте*. Она характеризуется глухим кроем, круглым воротом и длинными рукавами. Нагрудная часть украшена аппликацией, выполненной в технике *курақ*. Формируют лоскутный узор разнообразные геометрические фигуры, состоящие из сочетания красных и черных, белых и красных, а также белых и черных фрагментов ткани. Такое сочетание не только придает изделию визуальный эффект, но и обладает мощным обережным эффектом. Эта концепция подкреплена исследованиями К.С. Васильцова, который отмечает, что основными магическими амулетами, связанными с событиями в жизни ребенка, у народов Центральной Азии являются цвета белый, черный и красный [Васильцов, 2007: 104].

Курте — один из старинных видов детской одежды. Архаичность этого элемента детского костюма выражается в том, что он шит из цельного куска ткани, перекинутого через плечи, без швов на плечах [Сухарева, 1979: 96]. Рукава сужаются книзу и вшиты в прямую пройму, а в бока вставлены трапециевидные клинья. Большинство рубашек дополнительно декорированы разными по величине квадратами, маркирующими переднее полотнище, спину и в одном случае подол изделия. Их цветовая гамма преимущественно яркая, много оттенков красного, зеленого и желтого. Основой орнаментальной системы служит квадрат. Чаще всего два или три квадрата контрастных цветов вписаны один в другой [Кубель, 2015: 183; Кубель, 2019: 112, 113]. Аналогичная детская одежда существовала у узбеков [Садыкова, 2011: 294], туркмен [Морозова, 1971: 203], таджиков [Широкова, 2002: 84] и др. Использование лоскутов на детской одежде не только маркировало рубежные этапы в жизни ребенка, но и имело важнейшие охранительные и благопожелательные функции, определяющие его дальнейшую судьбу.

Традиционным при проведении похорон был ритуал *жыртыс* (от *жыртыу* — рвать), когда семья покойного раздавала его одежду, куски ткани, продукты и деньги. В современности обряд представляет собой раздачу небольших кусков ткани либо носовых платков, который символизирует не только раздачу имущества умершего, но и завершение его земного пути.

Подобный обряд с одноименным названием существует у казахов, кыргызов, туркмен, некоторых групп узбеков и ряда других тюркских народов. Наиболее близка к ка-

ракалпакской казахская традиция раздачи *жыртис*. Однако в отличие от каракалпаков, у казахов его использование имело более широкий диапазон распространения. *Жыртис* раздавали на свадьбах, праздниках, связанных с рождением ребенка, а также при достижении им сорокадневного и годовалого возраста [Октябрьская, Сураганова, 2010: 436].

Происхождение традиции *жыртис* у народов Центральной Азии также представляет определенные трудности для исследования. Изучая обычай *жыртис* у каракалпаков, исследователь Х. Есбергенов связывает его с культом предков. Согласно его мнению, идея возрождения души умершего в потустороннем мире лежит в основе практики обмывания покойника только родственниками, а также раздачи одежды и имущества умершего *жыртис* преимущественно среди членов рода. Считалось, что дух умершего продолжает пребывать в этих вещах или переселяется в того, кто прикасается к ним [Есбергенов, 1964: 35].

Исследователь А. Диваев, ссылаясь на слова Сейд-Джафара Асфендиярова, высказывает сомнение относительно древности традиции *жыртис* у кыргызов. По его мнению, ткани и другие текстильные материалы с трудом проникали в глубь степи. Он считал, что обычай раздачи одежды умершего мог сформироваться в первой трети XIX в. [Диваев, 1897: 184].

Свидетельства о традиции *жыртис* встречаются и у казахов. Так, по данным И. Г. Георги, в XVIII в. после смерти мужчины его лучшую одежду разрезали на лоскуты и раздавали его друзьям на память [Георги, 1799: 139]. А. Левшин также отмечал, что у казахов почетные гости получали в качестве подарков куски одежды умершего [Левшин, 1832: 111–112].

Из приведенных материалов мы можем сделать предположение, что порядок раздачи *жыртис* у каракалпаков, казахов, кыргызов и других близких народов носил архаичный характер, сохраняя черты родового уклада. *Жыртис* рассматривался как способ распределения имущества умершего среди членов рода, а также средство поддержания связи с миром предков. Культ умерших был тесно связан с представлениями о том, что душа покойного продолжает пребывать в оставленных им вещах и материальных изображениях.

Раздача *жыртис* стойко сохраняется в похоронном обряде каракалпаков. Однако *жыртис* раздается лишь в тех случаях, когда усопший перешагнул 60-летний рубеж. При получении поминального лоскута каракалпаки прикладывают его к лбу или проводят им по лицу со словами «*жасын берсин*» (буквально: дать дожить до этих лет). Через этот обряд происходит приобщение к благодатной силе покойного. По словам Ю. А. Рапопорта, раздача *йиртиши* в Центральной Азии позволяет стать приемником благодатных качеств почитаемого предка путем «причащения» [Рапопорт, 1971: 32,33]. К аналогичным выводам пришла и Б. Х. Кармышева [1986: 165–166]. Исследователь Г. П. Снесарев видит в подобных обрядах реликты культа предков [1960: 140]. Подобный ритуал описан А. К. Писарчик у таджиков, где при похоронах человека, прожившего долгую жизнь и имевшего множественное потомство, наблюдались практики «стаскивания» с похоронных носилок покрывающих тканей с последующим дроблением их на мелкие куски, стремясь получить хотя бы небольшой кусочек в качестве

залога, обеспечивающего продолжительную и благополучную жизнь для его обладателя [Писарчик, 1976: 127].

«Причащение» к благодати покойного путем получения кусочков ткани во время похорон было известно многим тюркским народам Центральной Азии, и в некоторой степени сохраняется в современности [Кармышева, 1986: 165–166]. Исследователи рассматривают эту традицию в развитии, считая разрывание одежды почитаемого человека (правителя или старейшины) исходной формой ритуальной жертвы.

Подобный символизм тесно взаимосвязан с ритуалами, направленными на приобщение к магической энергии новобрачных. В своих исследованиях Н. А. Кисляков, описывая традиции свадебных обрядов таджиков, отмечает обычай разрывания и завладения куском ткани от «подножия» новобрачных, который он определяет как обряд причащения к магической силе молодоженов. Этот кусок материи укладывается при входе жениха в дом невесты или при входе молодой в дом мужа по пути к свадебной занавеси. В рамках этого обряда новобрачные, в силу своего положения, наделены особыми свойствами, равно как и соприкасающиеся к ним предметы. Данная ткань разрывается на части молодежью с целью приближения момента собственного бракосочетания [Кисляков, 1959: 186].

В рамках свадебных обрядов *жыртис* интерпретируется как символ присоединения к счастью молодоженов, в то время как в похоронно-поминальных обрядах предполагает приобщение к долголетию и социальному статусу ушедшего, поскольку раздача *жыртис* на похоронах и поминках заменяла раздачу одежды усопшего. Согласно традиционным представлениям, с помощью оторванного кусочка одежды благодатная сила умершего передавалась оставшимся в живых.

Лоскутный узор украшает ряд бытовых предметов: *керги* — мешки для хранения посуды, кухонные ухватки, скатерть *дэстурхан*. Скатерть часто наделялась особой семантикой, символизировала благополучие, достаток. *Дэстурхан* представлял собой прямоугольный кусок ткани с подкладкой, который расстилали таким образом, чтобы лоскутная сторона оставалась повернутой вниз. В повседневной жизни он использовался во время приема пищи. Кроме этой функции, у *дэстурхан* было еще одно назначение — его брали с собой на мероприятия или в гости к родственникам, завернув в него дары, например, лепешки или *баўырсақ*. Чтобы скатерть не пачкалась, подстилали оберточную бумагу.

В контексте народов Центральной Азии, включая каракалпаков, *дэстурхан* можно воспринимать как сакральное место. Скатерть, символизируя стол, является местом, где не только необходимо соблюдать определенные этикетные нормы, но и сакральное отношение к самому столу. *Дэстурхан* обладает множеством символов, вокруг которых существуют строгие табу. Например, запрещено произносить негативные слова рядом с ним, пересекать его, бегать вокруг него или поднимать ногу поверх стола и тому подобное. У сурхандарьинских узбеков *дэстурхан* считался настолько священным, что во время трапезы нельзя было сидеть вокруг него без головного убора.

За *дэстурхан* собиралась семья, чтобы не только разделить пищу, но и для общения. Лоскутный узор на скатерти должен был служить единству семьи и общества. Скатерть (*қурақ дэстурхан*), сшитую из лоскутков домашней ткани, расстилавшуюся несколь-

ко раз в день, могли не стирать даже в течение нескольких лет, объясняя это поверьем, что, если часто стирать скатерть, могут исчезнуть продукты, которые обычно на ней раскладывают. Недаром и ныне каждое благословение (*патия беруу*) аксакала содержит пожелания достатка на *дәстурхан*:

*Тубиң бир болсын,
Шақаң мың болсын,
Дәстурханыңнан наның кетпесин
Табысыңның берекетин берсин.*

Использование лоскутов в ритуалах и обрядах каракалпаков, связанных с рубежными этапами, имело обережные функции, способствовало плодovitости. В рамках свадебных церемоний, так же как появление новой жизни, соединение лоскутов сопровождало и маркировало появление новых семей. Они не только выполняли функцию оберега, но также рассматривались как средство, способствующее плодovitости. В обрядах, связанных с похоронами, акт разрывания цельной ткани на мелкие лоскуты символизировал завершение земной жизни человека и передачу его благоприятных качеств другим через эти фрагменты. В рамках детской обрядности одежда с аппликацией из лоскутов, собранных с *жыртыс*, должны была способствовать передаче части счастья своих владельцев, доживших до старости, а также других его положительных качеств.

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать следующие научные выводы.

Дата возникновения техники лоскутного шитья у народов Центральной Азии остается неустановленной ввиду недостаточности исследований в данной области. Тем не менее имеющиеся исторические данные позволяют предположить, что данная текстильная практика имеет весьма древние корни. Археологические находки фрагментов хлопчатобумажных тканей и семян хлопчатника на памятниках Хорезмского оазиса, датируемых III–VIII вв. н. э., свидетельствуют о развитии текстильного производства в регионе в указанный период. Это создавало предпосылки для становления и распространения техники лоскутного шитья.

Несмотря на развитие текстильного ремесла у различных народов региона, ткачество не стало для них преобладающим занятием ввиду особенностей хозяйственной деятельности. Это обусловило высокую ценность текстиля и способствовало распространению искусства лоскутного шитья как эффективного способа утилизации больших кусков ткани и минимизации производственных отходов.

Традиция *жыртыс*, связанная с раздачей одежды и личных вещей умершего, носила архаичный, родовой характер у каракалпаков, казахов и кыргызов. Она рассматривалась как способ распределения наследства и поддержания связи с миром предков, основываясь на представлениях о том, что душа покойного продолжает пребывать в оставленных им вещах.

Использование лоскутов в ритуалах и обрядах каракалпаков, связанных с важными жизненными рубежами, носило глубокий символический характер и выполняло обережные функции. Эта практика была тесно связана с представлениями о способности лоскутов оказывать благотворное влияние на плодovitость и жизненные силы человека.

В свадебных церемониях каракалпаков соединение лоскутов ткани символизировало и маркировало образование новой семьи, зарождение новой жизни. Лоскутные элементы не только выполняли функцию оберега, но и рассматривались как средство, способствующее плодovitости и продолжению рода.

В погребальных обрядах акт разрывания цельной ткани на мелкие лоскуты символизировал завершение земной жизни человека. Однако эти фрагменты ткани воспринимались как способ передачи благоприятных качеств умершего другим людям, что отражало представления о связи между миром живых и миром предков.

В рамках детской обрядности одежда с аппликацией из лоскутов, собранных с жыртыс, должна была способствовать передаче части счастья и других положительных качеств своих владельцев, доживших до старости, молодому поколению. Это демонстрирует глубокую веру в сакральную силу лоскутов и их способность транслировать жизненную энергию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

Васильцов К. С. Цвет в культуре народов Центральной Азии // Центральная Азия: Традиция в условиях перемен. СПб. : Наука, 2007. Вып. 1. С. 125–170.

Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX — начале XX в. М. : Наука, 1976. 229 с.

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Часть вторая о народах татарского племени. СПб. : При императорской Академии наук, 1799. 178 с.

Губаева С. С. Путь в зазеркалье (Похоронно-поминальный ритуал в обрядах жизненного цикла) // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. IV. 2001. С. 164–174.

Диваев А. А. Древнекиргизские похоронные обычаи // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. 1897. Т. XIV. Вып. 2. С. 181–187.

Есбергенов Х., Атамуратов Т. Традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков. Нукус : Каракалпакстан, 1975. 211 с.

Есбергенов Х. Одежда // Этнография каракалпаков XIX — начало XX века (материалы и исследования). Ташкент : ФАН, 1980. С. 57–111.

Каракалпакско-русский словарь / под ред. Н. А. Баскакова. М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. 892 с.

Карлыбаев М., Курбанова З. Каракалпакский костюм : фотоальбом. Нукус : Илим, 2014. 66 с.

Кармышева Б. Х. Архаическая символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М. : Наука, 1986. С. 139–181.

Керейтов Р. Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры. Ставрополь : Сервисшкола, 2009. 463 с.

Кисляков Н. А. Семья и брак у таджиков: по материалам конца XIX — нач. XX вв. Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1959. 269 с.

- Кочкунов А. С. Свадьба // Кыргызы. Народы и культуры. М. : Наука, 2016. С. 307–322.
- Кубель Е. Л. Каракалпакская детская одежда в собрании Российского этнографического музея // Лавровский сборник. Материалы XXXVIII и XXXIX Среднеазиатско-Кавказских чтений. 2014–2015 гг. СПб., 2015. С. 182–188.
- Кубель Е. Л. Каракалпакский текстиль в собрании Российского этнографического музея // Кунсткамера. 2019. № 2. С. 108–119.
- Курбанова З. Каракалпакский костюм: традиции и новации. Нукус : Илим, 2021. 224 с.
- Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 1. Известия географические. СПб. : Типография Карла Крайя, 1832. 264 с.
- Маргулан А. Х. Казахское народное прикладное искусство. Художественное кошмо-делие, ткачество, плетение, вышивка. Алма-Ата : Өнер, 1987. Т. 2. 288 с.
- Морозова А. С. Туркменская одежда второй половины XIX — нач. XX вв. // Труды института этнографии. Т. 97. Л. : Наука, 1971. С. 168–223.
- Неразик Е. Е. Сельские поселения афригидского Хорезма (по материалам Беркут-калинского оазиса). М. : Наука, 1966. 153 с.
- Октябрьская И. В., Сураганова З. К. Лоскуты на счастье. Вещный мир казахской культуры — живая традиция // Историко-культурное наследие и духовные ценности России: программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. М. : Политическая энциклопедия, 2012. С. 399–406.
- Октябрьская И. В., Сураганова З. К. Курак и жыртыс в традиционной казахской культуре // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2010. Т. 16. С. 435–438.
- Писарчик А. К., Хамиджанова М. А. Узорные изделия из кусочков материи (*курама* или *курок*) // Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе : Дониш, 1970. Вып II. С. 203–224.
- Писарчик А. К. Смерть. Похороны // Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе : Дониш, 1976. Вып. III. С. 118–164.
- Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М. : Наука, 1971. Т. VI. 126 с.
- Садыкова Н. С. Традиционная одежда // Узбеки. Народы и культуры. М. : Наука, 2011. С. 264–303.
- Снесарев Г. П. Материалы о первобытнообщинных пережитках в обычаях и обрядах узбеков Хорезма // Материалы Хорезмской экспедиции. М., 1960. Вып. 4. С. 134–145.
- Сулайманов Э. Ж., Сатыбалдиева Ч. Т., Султанадиева Н. И., Капалбаев О. Э. Художественные промыслы // Кыргызы. Народы и культуры. М. : Наука, 2016. С. 190–215.
- Сухарева О. А. Опыт анализа покровов традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии. М. : Наука, 1979. С. 77–102.
- Томина Т. Н. Ткани в одежде кочевых и полукочевых народов Средней Азии // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М. : Наука, 1989. С. 228–252.
- Фиельструп Ф. А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М. : Наука, 2002. 299 с.

Чвырь Л.А. Опыт анализа одного современного обряда в свете древневосточных представлений // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М. : Наука, 1983. С. 124–128.

Широкова З.А. Детская одежда таджиков и связанные с ней обряды // Этнографическое обозрение. 2002. № 4. С. 83–88.

Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. М. : Советская энциклопедия, 1985. Кн. 1. С. 447.

Baker Brite Elizabeth, Marston John M. Environmental change, agricultural innovation, and the spread of cotton agriculture in the Old World // *Journal of Anthropological Archaeology*, 2013, vol 32. P. 39–53 (на англ. яз.)

Давлатова С.Т. Қашқақдарё миллий кийимлари: анъанавийлик ва замонавийлик. Тошкент: Янги аср авлоди, 2006. 177 с. (на узбек. яз.).

Есбергенов Х. Қарақалпақлардың гейпара дәстурлери хақында. Нөкис: Қарақалпақстан, 1964. 64 с. (на каракалпак. яз.).

REFERENCES

Baskakov N. A. (Ed). *Karakalpaksko-russkiĭ slovar'* [Karakalpak-Russian Dictionary]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovareĭ Publ., 1958, 892 p. (in Russian).

Chvyr' L. A. Opyt analiza odnogo sovremennogo obriada v svete drevnevostochnykh predstavlenii [Experience in analyzing one modern rite in the light of ancient Eastern ideas. Central Asia, the Caucasus and the Foreign East in Antiquity]. *Sredniaia Aziia, Kavkaz i zarubezhnyi Vostok v drevnosti* [Central Asia, Caucasus and the foreign East in ancient times]. Moscow: Nauka Publ., 1983. P. 124–128 (in Russian).

Divaev A. A. Drevnekirgizskie pokhoronnye obychai [Ancient Kyrgyz funeral customs]. *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete* [Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography at the Imperial Kazan University]. 1897, vol. 14, iss. 2. P. 181–187 (in Russian).

Esbergenov Kh., Atamuratov T. *Traditsii i ikh preobrazovanie v gorodskom bytu karakalpakov* [Traditions and their transformation in urban life of the Karakalpaks]. Nukus: Karakalpakstan Publ., 1975, 211 p. (in Russian).

Esbergenov Kh. Odezhda [Clothing]. *Ėtnografiia karakalpakov XIX-nachalo XX veka (materialy i issledovaniia)* [Ethnography of the Karakalpaks of the 19-early 20 century (materials and research)]. Tashkent: FAN Publ., 1980. P. 57–111 (in Russian).

Fiel'strup F. A. *Iz obriadovoi zhizni kirgizov nachala XX veka* [From the ceremonial life of the Kyrgyz people of the early 20 century]. Moscow: Nauka Publ., 2002, 299 p. (in Russian).

Gadzhieva S. Sh. *Material'naia kul'tura nogaitsev v XIX — nachale XX v.* [The material culture of the Nogais in the 19 — early 20 century]. Moscow: Nauka Publ., 1976. 229 p. (in Russian).

Georgi I. G. *Opisanie vsekh obitaiushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov. Ikh zHITEISKIKH obriadov, obyknovenii, odezhd, zhilishch, uprazhnenii, zabav, veroispovedanii i drugikh dostopamiatnosti. CHast' vtoraiia o narodakh tatarskogo pelmeni* [A description of all

the peoples living in the Russian state. Their everyday rituals, customs, clothes, dwellings, exercises, amusements, creeds and other memorabilia. Part Two is about the peoples of the Tatar tribe]. Saint Petersburg: Imperatorskaia Akademii nauk, 1799. 178 p. (in Russian).

Gubaeva S. S. Put' v zazerkal'e (Pokhoronno-pominal'nyĭ ritual v obriadakh zhiznennogo tsikla) [The path through the looking glass (Funeral and memorial ritual in life cycle rites)]. *Sredneaziatskii ėtnograficheskiĭ sbornik* [Central Asian Ethnographic Collection]. 2001, vol. 4. P. 164–174 (in Russian).

Iudakhin K. K. *Kirgizsko-russkiĭ slovar'* [Kyrgyz-Russian dictionary]. Moscow: Sovetskaia ėntsiklopediia Publ., 1985, book 2, 447 p. (in Kyrgyz and Russian).

Karlybaev M., Kurbanova Z. *Karakalpakskii kostium. Fotoal'bom* [Karakalpak costume. Photo album]. Nukus: Ilim Publ., 2014, 66 p. (in Russian and Karakalpak).

Karmysheva B. Kh. Arkhaicheskaia simvolika v pogrebal'no-pominal'noi obriadnosti uzbekov Fergany [Archaic symbolism in the funeral and memorial rituals of the Uzbeks of Fergana]. *Drevnie obiady, verovaniia i kul'ty narodov Srednei Azii. Istoriko-ėtnograficheskie ocherki* [Ancient rituals, beliefs and cults of the peoples of Central Asia. Historical and ethnographic essays]. Moscow: Nauka Publ., 1986. P. 139–181 (in Russian).

Kereitov R. Kh. *Nogai'tsy. Osobennosti ėtnicheskoi istorii i bytovoĭ kul'tury* [Nogais. Features of ethnic history and everyday culture.]. Stavropol': Servisshkola Publ., 2009, 463 p. (in Russian).

Kisliakov N. A. *Sem'ia i brak u tadjikov: po materialam kontsa XIX-nach. XX vv.* [Family and marriage among Tajiks: based on materials from the late 19th — early 20 centuries]. Leningrad: Akademii nauk SSSR Publ., 1959. 269 p. (in Russian).

Kochkunov A. S. Svad'ba [Wedding]. *Kyrgyzy. Narody i kul'tury* [Kyrgyzs. Peoples and cultures]. Moscow: Nauka Publ., 2016. P. 307–322 (in Russian).

Kubel' E. L. Karakalpakskaa detskaia odezhda v sobranii Rossiiskogo ėtnograficheskogo muzeia [Karakalpak children's clothing in the collection of the Russian Ethnographic Museum]. *Lavrovskii sbornik. Materialy XXXVIII i XXXIX Sredneaziatsko-Kavkazskikh chteniĭ. 2014–2015 gg.* [The Lavrov's collection. Materials of the 38-th and 39-th Central Asian-Caucasian readings. 2014–2015]. Saint-Petersburg, 2015. P. 182–188 (in Russian).

Kubel' E. L. Karakalpakskii tekstil' v sobranii Rossiiskogo ėtnograficheskogo muzeia [Karakalpak textiles in the collection of the Russian Ethnographic Museum]. *Kunstkamera* [Cabinet of curiosities]. 2019. no 2. P. 108–119 (in Russian).

Kurbanova Z. *Karakalpakskii kostium: traditsii i novatsii* [Karakalpak costume: traditions and innovations]. Nukus: Ilim Publ., 2021. 224 p. (in Russian).

Morozova A. S. Turkmenskaia odezhda vtoroi poloviny XIX — nach. XX vv. [Turkmen clothing of the second half of the 19th — early 20th centuries.]. *Trudy instituta etnografii* [Proceedings of the Institute of Ethnography]. Leningrad: Nauka Publ., 1971, vol. 97, 1971. P. 168–223 (in Russian).

Levshin A. I. *Opisanie kirgiz-kazach'ikh ili kirgiz-kaisatskikh ord i stepei. Chast' 1. Izvestiia geograficheskie* [Description of the Kirghiz-Cossack or Kirghiz-Kaysak hordes and steppes. Part 1. Geographical intelligence]. Saint-Petersburg: Tipografiia Karla Kraiia, 1832, 264 p. (in Russian).

Margulan A. Kh. *Kazakhskoe narodnoe prikladnoe iskusstvo. Khudozhestvennoe koshmodelie, tkachestvo, pletenie, vyshivka* [Kazakh folk applied art. Artistic wool felting, weaving, wickerwork, embroidery]. Alma-ata: Æner, 1987, vol. 2. 288 p. (in Russian).

Nerazik E. E. *Sel'skie poseleniia afrigidskogo Khorezma (po materialam Berkut-kalinskogo oazisa)* [Rural settlements of Afrigid Khorezm (based on the materials of the Berkut-kala oasis)]. Moscow: Nauka Publ., 1966. 153 p. (in Russian).

Oktiabr'skaia I. V., Suraganova Z. K. Loskuty na schast'e. Veshchnyi mir kazakhskoi kul'tury — zhivaia traditsiia [Patches for good luck. The material world of Kazakh culture is a living tradition]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie i dukhovnye tsennosti Rossii: programma fundamental'nykh issledovanii Prezidiuma Rossiiskoi akademii nauk* [Historical and cultural heritage and spiritual values of Russia: the program of fundamental research of the Presidium of the Russian Academy of Sciences.]. Moscow: Politicheskaiia èntsiklopediia Publ., 2012. P. 399–406 (in Russian).

Oktiabr'skaia I. V., Suraganova Z. K. Kurak i zhyrtys v traditsionnoi kazakhskoi kul'ture [Kurak and zhyrtys in traditional Kazakh culture]. *Problemy arkheologii, ètnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk, 2010, vol. 16. P. 435–438 (in Russian).

Pisarchik A. K. Khamidzhanova M. A. Uzornye izdeliia iz kusochkov materii (qurama ili quroq) [Patterned products made of pieces of cloth (qurama or quroq)]. *Tadzhiki Karategina i Darvaza* [Tajiks of Karategin and Darvaz]. Dushanbe: Donish Publ., 1970, vol. 2. P. 203–224 (in Russian).

Pisarchik A. K. Smert'. Pokhorony [Death. Funeral]. *Tadzhiki Karategina i Darvaza* [Tajiks of Karategin and Darvaz]. Dushanbe: Donish Publ., 1976, vol. 3. P. 118–164 (in Russian).

Rapoport Yu. A. Iz istorii religii drevnego KHorezma (ossuarii) [From the history of religion of ancient Khorezm (ossuaries)]. *Trudy Khorezmskoi arkheologo-ètnograficheskoi ekspeditsii* [Proceedings of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition]. Moscow: Nauka Publ., 1971, vol. 6. 126 p. (in Russian).

Sadykova N. S. Traditsionnaia odezhda [Traditional clothing]. *Uzbeki. Narody i kul'tury* [Uzbeks. Peoples and cultures]. Moscow: Nauka Publ., 2011. P. 264–303 (in Russian).

Shirokova Z. A. Detskaia odezhda tadzhikov i sviazannye s neï obriady [Tajik children's clothing and rituals associated with it]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2002, no 4. P. 83–88 (in Russian).

Snesarev G. P. Materialy o pervobytnoobshchinnnykh perezhitkakh v obychaiakh i obriadakh uzbekov Khorezma [Materials on primitive communal remnants in the customs and rituals of the Uzbeks of Khorezm]. *Materialy Khorezmskoi ekspeditsii* [Materialy Khorezmskoy ekspeditsii]. Moscow, 1960, vol. 4. P. 134–145 (in Russian).

Sukhareva O. A. Opyt analiza pokroev traditsionnoi "tunikoobraznoi" sredneaziatskoi odezhdy v plane ikh istorii i èvoliutsii [Experience in analyzing the cuts of traditional "tunic-like" Central Asian clothing in terms of their history and evolution]. *Kostium narodov Srednei Azii* [Costume of the peoples of Central Asia]. Moscow: Nauka Publ., 1979. P. 77–102 (in Russian).

Sulaimanov E. Zh., Satybaldieva Ch. T., Sultanalieva N. I., Kapalbaev O. E. Khudozhestvennye promysly [Artistic crafts], *Kyrgyzy. Narody i kul'tury* [Kyrgyzs. Peoples and cultures]. Moscow: Nauka Publ., 2016. P. 190–215 (in Russian).

Tomina T. N. Tkani v odezhde kochevykh i polukochevykh narodov Srednei Azii [Fabrics in the clothes of the nomadic and semi-nomadic peoples of Central Asia]. *Traditsionnaia odezhda narodov Srednei Azii i Kazakhstana* [Traditional clothes of the peoples of Central Asia and Kazakhstan]. Moscow: Nauka Publ., 1989. P. 228–252.

Vasil'tsov K. S. Tsvet v kul'ture narodov Tsentral'noĭ Azii [Color in the culture of the peoples of Central Asia]. *Tsentral'naia Aziia: Traditsiia v usloviakh peremen* [Central Asia: Tradition in the face of change]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 2007, vol. 1. P. 99–134 (in Russian).

Baker Brite Elizabeth, Marston John M. Environmental change, agricultural innovation, and the spread of cotton agriculture in the Old World. *Journal of Anthropological Archaeology*, 2013, vol 32. P. 39–53 (in English).

Davlatova S. T. *Qashqadarë milliy kiyimlari: an'anaviylik va zamonaviylik* [Kashkadarya folk costume: traditions and modernity]. Toshkent: Iangi asr avlodi Publ., 2006, 177 p. (in Uzbek).

Esbergenov KH. *Qaraqalpaqlardyn geypara dasturleri khaqqynda* [About some traditions of the Karakalpaks]. Nokis: Qaraqalpaqstan Publ., 1964, 64 p. (in Karakalpak).

Статья поступила в редакцию: 08.04.2024

Принята к публикации: 11.07.2024

Дата публикации: 24.12.2024

УДК 294.3

DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–07

А. В. Зинченко*Новосибирский государственный университет, Новосибирск (Россия)*

ФОРМИРОВАНИЕ ЧАЙНОГО КОМПЛЕКСА «СЕМЬ РИТУАЛОВ» И СИСТЕМА БУДДИЙСКОГО НАСТАВНИЧЕСТВА В ЯПОНСКОЙ ЧАЙНОЙ ШКОЛЕ ОМОТЭ-СЭНКЭ

«Семь ритуалов» (七事式 *ситидзи-сики*) — это относительно новый комплекс церемоний в рамках чайного искусства (茶の湯 *тя-но ю*), представляющий собой специфическую ритуализованную форму совместного чаепития, созданную в середине периода Эдо (1603–1868) в Японии. Основателями этого комплекса считаются 7-й патриарх японской чайной школы Омотэ-сэнкэ Дзёсинсай и 8-й патриарх школы Омотэ-сэнкэ Югэнсай. Однако значительный вклад в создание комплекса также внесли многие выдающиеся личности той эпохи, среди которых особенно выделяется ученик Дзёсинсай — Каваками Фухаку.

Участие Фухаку в создании церемоний стало возможным благодаря определенной системе наставничества, существовавшей в чайных школах периода Эдо. При изучении создания комплекса «Семи ритуалов» важно учитывать личность этого выдающегося деятеля чайного искусства, основателя чайной школы Эдо-сэнкэ, и его взаимоотношения с учителем Дзёсинсаем.

В данной статье рассматриваются вопросы воспитания учеников в рамках чайной школы Омотэ-сэнкэ, обсуждаются характерные ритуалы, которые являются частью обучения в чайных школах и демонстрируют неразрывную связь этого обучения с буддийским образованием. В контексте становления «Семи ритуалов» также анализируются трансформации, произошедшие в чайном искусстве в период Эдо.

Ключевые слова: Омотэ-сэнкэ, Эдо-сэнкэ, буддизм, чайная церемония, комплекс «Семь ритуалов», Каваками Фухаку, Дзёсинсай

Для цитирования

Зинченко А. В. Формирование чайного комплекса «Семь ритуалов» и система наставничества в японской чайной школе Омотэ-сэнкэ // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 4. С. 125–140. DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–07.

A. V. Zinchenko

Novosibirsk State University, Novosibirsk (Russia)

THE FORMATION OF THE “SEVEN RITUALS” TEA COMPLEX AND THE MENTORSHIP SYSTEM IN THE JAPANESE TEA SCHOOL OMOTESENKE

The “Seven Rituals” (七事式 *shichiji-shiki*) is a relatively new complex of ceremonies within the art of tea (茶の湯 *cha-no-yu*), representing a specific ritualized form of communal tea drinking, created in the mid-Edo period (1603–1868) in Japan. The founders of this complex are considered to be the 7th patriarch of the Omotesenke school of Japanese tea, Joshinsai, and the 8th patriarch of the Urasenke school, Yūgensai. However, significant contributions to the creation of this complex were also made by many outstanding individuals of that era, among whom Joshinsai's student, Kawakami Fuhaku, stands out especially.

Fuhaku's participation in the creation of the ceremonies was made possible by a specific mentorship system that existed in the tea schools of the Edo period. Therefore, when studying the creation of the Seven Rituals complex, it is important to consider the personality of this distinguished figure in the tea art, the founder of the Edosenke tea school, and his relationship with his teacher, Joshinsai.

This article examines the teaching of students within the Omotesenke tea school, discusses the characteristic rituals that are part of the training in tea schools, and demonstrates the inseparable connection of this training with Buddhist education. In the context of the formation of the Seven Rituals, the transformations that occurred in the tea art during the Edo period are also analyzed.

Keywords: Omotesenke, Edosenke, Buddhism, Tea ceremony, “Seven rituals” tea complex, Kawakami Fuhaku, Joshinsai

---

For citation:

Zinchenko A. V. The formation of the “Seven Rituals” tea complex and the mentorship system in the Japanese tea school Omotesenke. *Nations and religions of Eurasia*. 2024. T. 29, № 4. P. 125–140 (in Russian). DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–07.

Зинченко Алина Витальевна, ассистент кафедры востоковедения Новосибирского государственного университета, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** alinazin1998@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-2291-2943>

Zinchenko Alina Vitalyevna, assistant teacher of Novosibirsk State University, Novosibirsk (Russia). **Contact address:** alinazin1998@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-2291-2943>

Введение

«Семь ритуалов» (七事式 *ситидзи-сики*) — это относительно новый комплекс церемоний в рамках чайного искусства (茶の湯 *тя-но ю*), специфическая ритуализованная форма совместного чаепития, созданная в середине периода Эдо (1603–1868) в Японии и включающая в себя четко регламентированную форму общения между хозяином чайной церемонии и гостями.

Комплекс «Семь ритуалов» включает в себя следующие церемонии: 花月 *кагэцу* («цветы — луна»), 且座 *сядза/садза* («немного посидеть»), 廻り花 *мавари-бана* («цветы по кругу»), 廻り炭 *мавари-дзуми* («уголь по кругу»), 一二三 *ити-ни-сан* («один-два-три»), 茶カブキ *тя-кабуки* («чайное представление кабуки»), 数茶 *кадзу-тя* («чай для большого количества человек»)¹ [Хориноути, 1989: 4].

Внешне «Семь ритуалов» выглядят как игровые формы чайного действия, в которых участвуют пять-семь человек, но при этом они представляют собой уникальную форму практики, включающей не только тщательную шлифовку навыков в проведении чайной церемонии, но и отработку взаимодействия хозяина и гостей на каждом ее этапе. Все семь церемоний отличаются особой изысканностью, концептуальностью и глубиной, что подчеркивает их эстетическую и эмоциональную привлекательность.

Вместе с тем, несмотря на внешнюю игровую форму, данный комплекс оказывается тесно связанным с дзэн-буддизмом. Эта связь проявляется на трёх уровнях: общем для японских благородных искусств, специфическом для комплекса «Семь ритуалов», и характерном для каждой отдельной церемонии этого комплекса (см. подробнее: [Зинченко, 2021: 132]).

В многочисленных японских источниках указывается, что «Семь ритуалов» были утверждены 7-м патриархом чайной школы Омотэ-сэнкэ Дзёсинсаем (如心齋, 1705–1751) совместно со своим младшим братом, восьмым патриархом школы «Ура-сэнкэ» Ю: гэнсаем² (又玄齋, 1719–1771), в первой половине XVIII в. И Дзёсинсай, и Ю: гэнсай принадлежали к дзэнской школе Риндзай, и значительная часть их деятельности как чайных мастеров происходила при монастыре Дайтоку-дзи в Киото³.

Про взаимоотношения Дзёсинсая и Ю: гэнсая написано достаточно много в работах японских исследователей чайной церемонии [Хориноути, 1991: 4]. Однако, по мнению автора данной статьи, ошибочным было бы считать, что создание комплекса «Семь ритуалов» — это заслуга двух патриархов чайных школ. Его создание является результатом трудов многих видных чайных деятелей той эпохи, включая 378-го настоятеля храма Дайтоку-дзи Мугаку Со: эн (無学 宗衍, 1721–1791), мастера Накамура Со: тэцу III (中村宗哲, 1699–1776) и, разумеется, ученика Дзёсинсая, Каваками Фухаку (川上 不白, 1719–1807).

¹ В названиях ритуалов комплекса используются наименования, предложенные в работах Е. Э. Войтисhek.

² Русская транслитерация здесь и далее дается по системе Е. Д. Поливанова, принятой в российском японоведении, согласно которой долгий гласный звук отражается на письме через дуеточие.

³ Дайтоку-дзи — буддийский храмовый комплекс и монастырь в Киото. Принадлежит дзэнской школе Риндзай.

Вся жизнь Каваками Фухаку была неразрывно связана с его учителем Дзёсинсаем. Являясь ключевой фигурой в создании комплекса «Семи ритуалов», он, безусловно, был в курсе изменений, происходивших в чайном искусстве в период Эдо.

В данной статье проанализирован характер отношений Дзёсинсаю и Каваками Фухаку в контексте создания комплекса «Семь ритуалов» и разработки методов обучения новых поколений чайных мастеров.

Юношество Каваками Фухаку и знакомство с Дзёсинсаем

Каваками Фухаку родился в 1719 г. Он был вторым сыном Каваками Рокудаю: (川上六太夫), самурая, служившего клану Мидзуно в княжестве Сингу. В пятнадцать лет он поступил на службу в Эдо, а в 16 лет по стал учеником мастера Дзёсинсаю, 7-го патриарха чайной школы Омотэсэнкэ в Киото [Эдо-сэнкэ-но рэкиси-но...].

Дзёсинсаю было 30 лет, когда Каваками Фухаку приехал в нему на обучение. Это произошло через четыре года после смерти его отца Какукакусая Со: са (覚々齋宗左, 1678–1730), 6-го главы школы Омотэсэнкэ.

Возглавив школу Омотэ-сэнкэ, Дзёсинсаю показал себя харизматичным лидером — современники отмечали его мастерство, а среди его больших заслуг наиболее известен тот факт, что чайная церемония, устроенная им в 1740 г. по причине 150-летней годовщины со дня смерти Сэн-но Рикю (千利休, 1522–1591)⁴, вызвала искреннее и неподдельное восхищение гостей.

О первых годах обучения Фухаку после поступления в ученики нет записей, и мы вынуждены полагаться на догадки, подтверждаемые вторичными источниками [Каваками, 1991: 133]. Вероятно, он проходил обучение, аналогичное тому, которое сегодня получают младшие ученики 塾生 *дзюкусэй* (букв. «воспитанник») и 玄関 *гэнкан* (букв. «вход в дом») в школе Омотэ-сэнкэ, иными словами, он был подмастерьем, так называемым 内弟子 *утидэси* (букв. «ученик, живущий внутри») [Утидэси «гэнкан» — но...].

Подобные подмастерья могли либо жить в доме у мастера, проходя обучение непосредственно там, либо снимать жильё вне дома мастера и приходиться на занятия. Поскольку Фухаку отправился в Киото в молодом возрасте и в одиночку, вероятно, он сначала жил в доме мастера. В первые годы обучения подмастерья преимущественно занимаются хозяйственными делами, а не непосредственно чайной церемонией. В число их обязанностей входит уборка, в дни занятий ученики украшают чайную комнату, регистрируют приходящих на занятия и помогают мастеру во время обучения. Если занятий нет, в их обязанности входит измельчение чайных листьев на каменных жерновах, нарезка и омывание угля. Летом, когда чайных церемоний меньше, они выполняют важные работы по подготовке углей для очага, а также готовят пепел: промывают, вымачивают, сушат и просеивают его, а после выкладывают на хранение в темном и сухом месте.

Однако со временем Фухаку начал выделяться среди других учеников мастера, а впоследствии его способности и старание были признаны Дзёсинсаем. Спустя шесть лет после поступления, 1 апреля 1740 г., в возрасте 22-х лет, Фухаку прошел церемо-

⁴ Сэн-но Рикю — чайный мастер периодов Сэнгоку и Адзути-Момояма. Сэн-но Рикю стал основателем семейства Сэн, создавшего три известные школы чайной церемонии в лице троих его внуков.

нию получения нового буддийского имени (安名授与式 *анмё*: — *дзё: сики*) [Каваками, 1991: 133].

Церемония *анмё*: подразумевает получение нового буддийского имени при принятии обетов [Анмё: дзюё-сики...]. В обществе часто считают, что имя, данное при обряде, является посмертным именем, однако это неверно. Имя, данное при обряде, называемое 戒名 *каймё*: (букв. «запретное имя») — это новое имя, которое дается человеку, живущему согласно учению Будды и соблюдающему обеты.

Подобная ошибка возникает в связи с тем, что умершим зачастую тоже дают новое имя *каймё*:, чтобы не нарушать их покой при упоминании настоящего имени.

Получив новое имя, человек начинает следовать учению Будды и практиковать его в повседневной жизни. Церемония присвоения имени знаменует начало этого пути. Она состоит из трех частей. Первая часть — это постриг, вторая часть — принятие обетов, третья часть — чтения сутр в знак благодарности. В ходе пострига ученику дается новое буддийское имя и вручается накидка на шею 絡子 *ракусу* (уменьшенная версия одеяния монаха 袈裟 *кэса*).

Считается, что выдающиеся усилия Фухаку по проведению чайной церемонии, устроенной в честь 150-летней годовщины со дня смерти мастера Сэн-но Рикю, были высоко оценены Дзёсинсаем, и за это ему было присвоено новое имя. К сожалению, к настоящему времени не найдено никаких документальных доказательств, подтверждающих этот факт.

Данный момент является важным для указания на то, что чайные мастера той эпохи являлись не светскими людьми, а принадлежали скорее к прослойке, которая находилась между буддийскими монахами и мирянами. Церемония получения нового имени — это особый буддийский ритуал, при этом в рамках чайной церемонии он означает получение права на преподавание в дальнейшем.

Согласно установкам чайных школ, после церемонии *анмё*: начинается настоящий этап обучения, и для Фухаку это стало началом пути к званию мастера. Отныне он должен был не только помогать в обучении учеников, но и более упорно продолжать улучшать свои собственные навыки. Поэтому, вероятно, отныне обучение Фухаку включало не только выполнение хозяйственной работы в доме учителя, но и все большее участие в непосредственной практике чайной церемонии, а также сопровождение мастера и выполнение обязанностей его ближайшего помощника.

Система наставничества в чайных школах (на примере взаимоотношений Дзёсинся и Каваками Фухаку)

Подробное описание учбы Каваками Фухаку содержится в его сочинении «Записки [кистью] Фухаку» (不白筆記 *Фухаку хикки*)⁵.

Благодаря этому памятнику можно судить об обычаях, существующих в чайных кругах в ту эпоху, а также о том, что взаимодействие чайного мастера и его ученика вклю-

⁵ «Записки Фухаку» — сочинение, написанное Каваками Фухаку. Оно было создано для Соттакусая (啜啄齋, 1744–1808), 8-го патриарха школы Омотэ-сэнкэ, который потерял своего отца Дзёсинся в раннем возрасте. В данной работе описываются доктрины чайной школы Омотэ-сэнкэ, взаимодействия Дзёсинся и Фухаку как мастера и ученика, а также дается информация о создании комплекса «Семи ритуалов». Это сочинение полностью сохранилось до нашего времени.

чает не только отработку практических навыков, необходимых для проведения чайной церемонии, но и наставления, призванные сформировать особые личностные качества ученика.

В «Записках Фухаку» есть следующий отрывок:

«Однажды, когда Дзёсинсай отправился вместе с Фухаку в Банпо:, хозяин как раз занимался приготовлением пепла для очага. Услышав, что пришел еще один мастер чайной церемонии, хозяин оставил приготовление пепла, чтобы в первую очередь подготовить поднос 煙草盆 *табако-бон*⁶. Пока хозяин готовил поднос, Дзёсинсай самостоятельно подготовил пепел для очага, что одновременно очень обрадовало и смутило хозяина» [Каваками, 1991: 134]⁷.

Для Фухаку этот пример является воплощением единства мастера и гостя в рамках чайной церемонии, где гость становится хозяином, а хозяин — гостем. Как Фухаку затем писал в своем «Наставлении о Чайном Пути» (茶道訓 *Садо: — кун*), «гость позволяет хозяину быть гостем, а хозяин в свою очередь делает гостя хозяином, и, таким образом, они взаимно уступают друг другу свои роли, наслаждаясь чаем» [Каваками, 1991: 134]. Этот момент является чрезвычайно важным в чайной церемонии.

По возвращении, обсуждая произошедшее в Банпо:, Дзёсинсай спросил у Фухаку, как бы он поступил на его месте. Фухаку немедленно ответил: «Я бы поставил *нагаита*⁸». Это ответ полностью соответствовал видению Дзёсинсая, поэтому он был очень рад, услышав, что его ученик разделяет его мысли. Эта история о Дзёсинсае имела цель порадовать вышеупомянутого Соттукусая, показав, каким мудрым человеком был отец, и в то же время она является истинным примером образования, которое объединяет теорию и применение на практике. Можно сказать, что ученик всегда является продолжением своего учителя.

Эта концепция в дальнейшем была перенесена в комплекс «Семь ритуалов», в частности, в ритуал *кагэцу*, который подразумевает постоянную смену ролей его участников на всем своем протяжении.

Важность взаимодействия мастера и ученика также отмечена в поучительной истории в «Записках Фухаку», где описывается ситуация, произошедшая с Каваками Фухаку и Накамура Со: тэцу III:

«Однажды Фухаку вместе мастером по лакировке Накамура Со: тэцу III⁹ был послан в город Дзэдзэ провинции Оми в качестве представителя Дзёсинсая. После успешного завершения их миссии Фухаку как представитель Дзёсинсая был обязан доложить своему учителю о всех событиях. После завершения своего отчета он рассказал о колоколе, который они увидели на обратном пути» [Каваками, 1991: 135].

⁶ *Табако-бон* — поднос, используемый в рамках чайной церемонии, который содержит все необходимое для воскурения благовоний.

⁷ Здесь и далее фрагменты произведений даны в переводе автора статьи.

⁸ 長板 *Нагаита* (букв. «длинная доска») — доска, используемая в качестве основы для подставки 台子 *дайсу*, на которой выставляются принадлежности, необходимые для проведения чайной церемонии, либо же сама подставка для инструментария чайной церемонии.

⁹ Вышеупомянутый Накамура Со: тэцу был исключительно искусен в чайной церемонии, и его выдающиеся способности неоднократно упоминаются в «Записках Фухаку».

Со: тэцу сказал, что такой колокол прекрасно бы смотрелся в большом саду. Фухаку восхитился этой идеей и подумал, что этот колокол подойдет для вишневого сада в храме Унрин-ин¹⁰, однако замялся с ответом Со: тэцу. Он честно рассказал об этом мастеру, и Дзёсинсай упрекнул его за нерешительность, назвав его ленивым. Это поприцание было записано Фухаку, что является ценным свидетельством его искренности при передаче наставлений своего мастера. Затем Дзёсинсай мягко спросил, не является ли этот колокол парой к саду в храме Унрин-ин, и Фухаку запомнил этот момент как важное наставление. Фухаку написал о трехстишии *хокку*, сочиненном учителем в тот момент: «Колокол и вишневая роща равны между собой» (釣鐘と桜の林等しくて *Цуриганэ-то сакура-но хаяси хитосикутэ*), которое стало для него важным уроком [Каваками, 2009: 2].

В этом рассказе проявляется честное отношение Фухаку к себе, он признает свою нерешительность перед предложением Со: тэцу и принимает критику учителя. Это свидетельствует о его безграничном уважении и доверии к учителю, а также о высокой нравственности и учености Дзёсинсая.

Подобное можно увидеть в следующем отрывке из «Записок Фухаку»:

Дзёсинсай сказал Фухаку: «Иногда ты высказываешь свои мысли прямо и не задумываясь, как только тебе покажется это уместным. Однако, даже если мы находим что-то правильным, надо сначала тщательно обдумать это, чтобы удостовериться в своей правоте, прежде чем говорить об этом другим. Вот в чём наше отличие».

Фухаку взял этот урок на заметку и в течение последующих пяти лет стремился усердно практиковать это умение [Каваками, 1991: 135].

В этих примерах можно заметить, что мастер Дзёсинсай упрекает своего ученика не за что-то, напрямую связанное с чайной церемонией, а за особенности характера, присущие Каваками Фухаку в повседневной жизни. Впрочем, исходя из слов Дзёсинсая, что «чайная церемония является частью повседневности, а то, что не является чайной церемонией, всё равно является ею» [Икэда, 2009: 6], возможно, разделение на связанное и не связанное с чайной церемонией неправильно. Однако в любом случае для Каваками Фухаку принимать замечания по поводу своих несовершенных навыков в чайном искусстве было гораздо легче, чем получать замечания относительно своего характера.

При этом можно заметить, что Фухаку принимал эти замечания и старался усердно работать над собой. Более того, говорить подобные вещи было нелегко и для мастера, но, наблюдая за Фухаку, он точно и метко указывал ему на недостатки, что достойно уважения. Отношения между Дзёсинсаем и Фухаку, подобные звучанию удара и эха, строились на основе их взаимного доверия, как видно из этого примера.

Именно благодаря такому глубокому доверию Дзёсинсай пригласил Фухаку на обучение, когда заметил его прогресс. Этот эпизод демонстрирует становление Фухаку как самостоятельного чайного мастера.

Ближе к концу жизни Дзёсинсай стал испытывать проблемы с гибкостью пальцев, в результате в попытке справиться с этим недугом, он уехал в Дзёраку-ан при храме

¹⁰ Унрин-ин — буддийский храмовый комплекс и монастырь в Киото. Принадлежит дзэнской школе Риндзай.

Дайтоку-дзи, где провел три-четыре года. В эту поездку он взял с собой Фухаку [Каваками, 1991: 135].

В это время Дзёсинсай проходил обучение боевым искусствам *дзюдзюцу*¹¹. По легенде, во время занятий он достиг просветления благодаря чтению коана¹² «八角磨盤空裏走» *Хаккаку-но мабан ку: ри-о хасиру* (букв. «Восьмиугольный точильный камень бежит по воздуху»). В результате такой непостижимой практики он достиг состояния *са-тори*, описав его как «мир вне вещей, прохладный ветер и полный покой» (物外の境風涼しい大あぐら *Буцугай-но сакай кадзэ судзуси: дайагура моно*) [Каваками, 1991: 135].

Обычно никто не допускает других к своим местам практики, так как это может помешать тренировкам, но тот факт, что Дзёсинсай взял Фухаку с собой, указывает на чрезвычайное доверие к нему. Именно поэтому Дзёсинсай позволил Фухаку нарисовать свой портрет, что ранее он не разрешал никому. На этом портрете Дзёсинсай изображен с необритой головой, в черной одежде мирянина в красной шелковой накидке *掛絡 кара*, надетой поверх нее, и с золотым веером в руке.

В дзэн-буддизме существует особая традиция *頂相 тинзо:*, согласно которой учитель, видя, что ученик становится мастером, пишет автограф на своем портрете и дарит его своему воспитаннику [Baroni, 2002: 50]. Дзёсинсай сказал Фухаку: «Я никому не разрешаю создавать мои портреты, которые останутся после моей смерти, но тебе одному я разрешу. Нарисуй мой образ и назови его картой времени в Дзёраку-ан» [Каваками, 1991: 135]. Тот факт, что Дзёсинсай позволил Фухаку нарисовать свой портрет, свидетельствует не только о глубоком доверии к Фухаку, но и о том, что Фухаку достиг уровня зрелого мастера, способного стоять наравне с учителем.

В настоящее время местонахождение портрета Дзёсинсая неизвестно, однако считается, что 5-й глава семьи Хориноути¹³, Фудзакусай (不識齋, 1780–1854), сделал копию этого изображения. Эта копия до сих пор хранится в семье Хориноути [Каваками, 1991: 136].

Благодаря глубокой преданности своему учителю и собственным неустанным усилиям, 7 апреля весной 1745 г. в возрасте 27 лет Фухаку получил подтверждение о подлинном владении искусством чайной церемонии *茶湯正脈 тя-но ю сэймияку* (букв. «Наследник пути чая»). Документ, полученный от Дзёсинсая, подтверждал, что отныне Фухаку является законным представителем школы Омотэ-сэнкэ.

Таким образом, искусство и дух чайной церемонии, передававшиеся от Мурата Дзюко¹⁴ (村田珠光, 1423–1502), прошли через поколения дома Омотэ-сэнкэ и достигли Фухаку благодаря наставничеству Дзёсинсая. Также Дзёсинсай отметил, что стиль чайной церемонии Фухаку напоминал стиль его отца Какутакусая. Их вкусы были совершенно одинаковы. Поэтому Дзёсинсай позволил Фухаку прочесть все записи своего отца.

¹¹ Общее название, применяемое для японских боевых искусств.

¹² Короткое повествование, вопрос, диалог, обычно не имеющие логической подоплёки, зачастую содержащие алогизмы и парадоксы.

¹³ Семья Хориноути — это семья, представители которой на протяжении многих поколений являются чайными мастерами при школе Омотэ-сэнкэ.

¹⁴ Мурата Дзюко — чайный мастер, известный как один из основателей японской чайной церемонии.

Как было упомянуто ранее, к моменту поступления Фухаку на учебу в Омотэ-сэнкэ Какутакусай уже ушел из жизни, следовательно, Фухаку никогда не встречался с ним и не имел возможности подражать его стилю. Однако из слов Фухаку «не подражать, а идти своим путём» можно понять, что чайное искусство Фухаку не было самобытным, а соответствовало истинной линии школы Омотэ-сэнкэ, что подтверждается высказываниями и действиями Дзёсинся.

Рассмотренные примеры проливают свет на систему наставничества, существующую в рамках чайных школ. На примере взаимоотношений Дзёсинся и Каваками Фухаку можно заметить, что роль мастера в становлении своих учеников как чайных мастеров не ограничивается передачей навыков чайной церемонии. Они выступают не как учителя чайной церемонии, а скорее, как наставники, с одной стороны, обучая навыкам чайной церемонии, с другой стороны, передавая важные уроки повседневной деятельности.

Создание комплекса «Семь ритуалов»

После смерти своего отца Дзёсинся вместе с Ю: гэнсаем начали работу над созданием комплекса «Семь ритуалов». Каваками Фухаку также находился в самом сердце этого творческого процесса.

Эпоха Гэнроку (1688–1704), во время которой жил отец Дзёсинся, Какутакусай, была временем значительного развития товарной экономики, основанной на резком росте коммерческого сельского хозяйства в районе Кинай и повышении производительности различных отраслей промышленности [Стрельцов, 2018: 225].

Повышение экономического благосостояния привело к появлению большого числа новых торговцев и привилегированного класса горожан 町人 *тёнин*, которые начали превосходить самурайский класс в экономическом отношении. Это также отразилось на культуре: *тёнин* стали влиять на культуру городов, и все больше людей начали заниматься чайной церемонией. Этот феномен стал ещё более заметен во времена жизни Дзёсинся.

Экономическое возвышение горожан и распространение чаепития на феодальное сословие стало ключевой предпосылкой для перехода чайной церемонии в светскую сферу. Еще до появления «Семи ритуалов» стали широко практиковаться чайные поединки 鬪茶 *то: тя* [Войтишек, 2016: 317]. Они являлись абсолютно новой формой чаепития, так как включали в себя развлекательную составляющую. «Семь ритуалов», подобно чайным поединкам *то: тя*, представляют собой переходный этап от чаепития, несущего сугубо религиозное или медицинское значение, к чаепитию светскому.

С ростом числа людей, увлекающихся чайной церемонией, увеличилось и количество учеников. Из-за этого форма обучения изменилась: от индивидуальных занятий в малых комнатах перешли к обучению в больших залах, где одновременно присутствовали несколько учеников и гостей. В результате, когда много людей собиралось вместе для тренировок, атмосфера зачастую становилась неподходящей для чайной церемонии, так как разговоры на посторонние темы отвлекали внимание гостей, что снижало их концентрацию. Для решения этих проблем и создания метода обучения, позволяющего одновременно обучать несколько человек, была разработана система «Семи ритуалов» [Каваками, 1991: 136].

«Семь ритуалов», как упоминалось выше, включают в себя семь церемоний. Среди них особенно выделяются церемонии *кагэцу*, *сядза* и *кадзу-тя*, которые образуют единую систему: ритуал *кагэцу* направлен на развитие навыков, *кадзу-тя* — на развитие ума, а *сядза* — на поиск срединного пути [Каваками, 1991: 137]. Наибольшее внимание при создании комплекса уделялось церемонии *кагэцу*, в связи с чем для иллюстрации техники ритуалов целесообразно подробнее остановиться именно на нем.

Современная версия ритуала выглядит следующим образом: в церемонии *кагэцу* участвуют пять человек (один хозяин и четыре гостя), которые по определенным правилам передают друг другу карты 花月札 *кагэцу-фуда* с нанесенными на них знаками. Кому попадет карта со знаком 花 *хана* («цветок»), тот исполняет все манипуляции, связанные с завариванием чая. Тот участник, кому попадет карта 月 *цуки* («луна»), должен в соответствии со строго заданным поведением гостя выпить чай. Каждый гость четыре раза участвует в церемонии в разных ролях, отрабатывая приемы поведения, после чего хозяин убирает все карточки в специальный конверт 折据 *орисуэ*, на чем ритуал завершается [Войтишек, 2006: 193].

Когда каждый участник выполняет действия, соответствующие его роли, то это является проявлением «игры в свободе» (то есть свободного обращения с Путем, или истиной). Вышеупомянутый настоятель храма Дайтоку-дзи Мугаку Со: эн, с которым у Фухаку и Дзёсинсай были тесные связи, в стихах, посвященных каждому из «Семи ритуалов», пишет о *кагэцу* следующее: «Взаимозаменяемость важна, следует лишь смотреть на все с внимательностью». Поскольку действия каждого из участников данного ритуала влияют на других четырех участников, то важно строго следовать установленным правилам и следить за своими действиями в рамках своей роли, исполняя ее наилучшим образом.

Процесс становления игры *кагэцу* подробно описан в «Записках Фухаку». Согласно этому сочинению, изначально церемония *кагэцу* называлась 花鳥 *катё*: (букв. «цветы-птицы») и проводилась с использованием этих карт в течение восьми-девяти лет, затем игра была усовершенствована, и стали использоваться карты 月 «луна», 花 «цветок», 露 «роса». Через три-четыре года она приняла свою нынешнюю форму. Таким образом, на общее становление церемонии ушло порядка 12–13 лет [Каваками, 1991: 137].

В этот период Дзёсинсай и Фухаку вместе с другими участниками обдумывали и совершенствовали ритуалы. Известно, что однажды, отправляясь по делам из Киото на юг страны вместе с Каваками Фухаку, Дзёсинсай внезапно пришла идея изменения названия ритуала *катё*: и его формы. Дзёсинсай отменил свои планы и вместе с Фухаку отправился в дом мастера Накамура Со: тэцу¹⁵, чтобы обсудить новую идею.

Вероятно, в доме Накамура Дзёсинсай, Фухаку и Со: тэцу впервые провели ритуал *кагэцу* в форме, близкой той, что существует и сегодня. Каваками Фухаку упоминал сильную радость Дзёсинсай от создания ритуала *кагэцу*.

¹⁵ Стоит отметить, что Накамура Со: тэцу — это не личное имя, а имя главы дома мастеров Накамура. Вероятно, учитывая годы рождения, в создании комплекса «Семь ритуалов» принимал участие 3-й глава семьи Накамура. Как упоминалось ранее, он был настолько искусен в чайном мастерстве, что Каваками Фухаку неоднократно упоминал его великолепные навыки в «Записках Фухаку».

Однако существует проблема датировки этого события, так как в «Записках Фухаку» она не упоминается напрямую. Косвенно ответ на этот вопрос можно найти в сочинении мастера Хориноути Со: кан «Десять знаний Сэнкэ» (千家十識 *сэнкэ дзю: сики*)¹⁶.

В данной работе Хориноути Со: кан, ссылаясь на записи семьи Раку, цитирует два отчета о встречах.

Первый датируется 23 декабря 1745 г., когда проводилось празднование дня рождения старшего сына Дзёсинсая, Соттакусая, родившегося годом ранее. В праздновании участвовали Дзёсинсай, Фухаку и Раку Тёню и проводился ритуал *катё*.

Второй отчет датируется 28 января 1746 г., когда к той же группе присоединились Хориути Со: син и Накамура Со: тэцу для проведения презентации ритуала *кагэцу*. Дата презентации *кагэцу* 28 января 1746 г., совпадает с датой на свитке с надписью *кагэцу*, который Дзёсинсай подарил Соттакусаю и который хранится в школе Омотэ-сэнкэ.

Вероятно, было бы нелогично продолжать проводить версию *катё*: после принятия новой версии *кагэцу*. Если бы новая версия существовала, то на дне рождения сына логично было бы проводить именно ее, учитывая большую радость Дзёсинсая от ее создания. Таким образом, можно предположить, что на 20 декабря 1745 г. ритуала *кагэцу* еще не была существовало, он появился в период между 20 декабря 1745 г. и 28 января 1746 г.

При этом важно отметить, что хотя основной функцией комплекса «Семь ритуалов» является обучающая, создатели комплекса заложили в основу каждой из церемоний буддийские смыслы, о чем подробнее можно прочесть в других работах автора [Зинченко, 2021: 131–136].

Как видно из приведенных примеров, Фухаку всегда находился рядом с Дзёсинсаем и внес значительный вклад в разработку «Семи ритуалов», включая *кагэцу*. Значение роли Каваками Фухаку не ограничивается непосредственным участием в создании ритуалов. Его наследие также закреплено в «Записках Фухаку», которые являются одним из немногих первоисточников по комплексу «Семи ритуалов»¹⁷.

Таким образом, создание «Семи ритуалов» отвечало вызовам того времени: с одной стороны, это было создание нового типа чайной церемонии, позволяющей обучать большее количество людей, с другой стороны, это была попытка сохранить буддийские смыслы¹⁸, заложенные в чайной церемонии.

Дальнейший вклад Каваками Фухаку в становление чайной церемонии

В 1750 г. Каваками Фухаку отправился в Эдо по настоянию Дзёсинсая с целью распространить учение Омотэ-сэнкэ. Там Фухаку исполнил важную миссию по передаче

¹⁶ Автор данной статьи не располагает материалом, поэтому вынужден опираться на вторичный источник [Каваками, 1991: 137].

¹⁷ Помимо «Записок Фухаку» автор данной статьи может упомянуть лишь один иной первоисточник – книгу 七事之書 – «Ситидзи-но сё», также написанную Каваками Фухаку. Однако, в отличие от «Записок Фухаку», она не сохранилась.

¹⁸ Создатели комплекса, Дзё: синсай и Ю: гэнсай, долгое время изучали дзэн-буддизм, поэтому они объединили комплекс «Семь ритуалов» с буддийским концептом «семи внутренних и внешних дел» (内ノ七事 ути-но ситидзи и 外ノ七事 сото-но ситидзи соответственно), характерных для благородного человека. См. подробнее [Зинченко, 2021: 131–136].

последнего стихотворения Сэн-но Рикю от семьи Фуюки в школу Омотэ-сэнкэ [Кадокава..., 1991: 171].

Вскоре после этого, в 1751 г., Дзёсинсай скончался, и Фухаку немедленно отправился в Киото, где оставался четыре года, чтобы обучить наследника Дзёсинсай — Соттакусая.

После этого он вернулся в Эдо, где продолжил свою деятельность как чайный мастер семьи Мидзуно и распространил чайное учение школы Сэнкэ среди самурайского общества Эдо [Каваками Фухаку рьякюдэн].

На тот момент в Эдо господствовала самурайская чайная школа 石州流 Сэкисю. Однако тот факт, что чайная церемония, исполняемая Фухаку, включала в себя нововведения — такие, как комплекс «Семь ритуалов», помог Фухаку завоевать расположение даже среди приверженцев школы Сэкисю, в которую входили, помимо прочего, представители сёгуната Токугава [Кадокава..., 1991: 172].

Его стиль чайной церемонии постепенно трансформировался в новую школу — Эдо-сэнкэ. Каваками Фухаку смог привлечь в свою школу таких крупных феодалов-даймё, как *родзю*¹⁹ Оота Сукэёси (太田資愛, 1739–1805) и знаменитого *хатамото*²⁰ Морияма Такамори (森山孝盛, 1738–1815). Многие видные деятели присоединились к его школе. Так, например, известный японский писатель Окакура Какудзо (岡倉覚三, 1863–1913) в эпоху Мэйдзи принадлежал к линии Эдо-сэнкэ, происходящей от Исидзука Со: цу: (石塚宗通, ? — 1809), ученика Каваками Фухаку.

Фухаку расширил свою деятельность, создавая свой уникальный стиль чайной церемонии в столице, отличающийся от киотского, и распространил его среди горожан Эдо, влияя на культуру города того времени.

Необычным является тот факт, что Каваками Фухаку не придерживался в своей вере ни школы Риндзай, ни даже направления дзэн-буддизма, а являлся приверженцем школы Нитирэн²¹.

В дальнейшем Каваками Фухаку основал чайный дом Рэнгэ-ан в районе Кагуразака в Токио. Рэнгэ-ан является одним из основных чайных домов школы Эдо-сэнкэ.

Каваками Фухаку также был искусен в создании произведений искусства, среди них каллиграфические свитки, чайные чаши и чайные ложки, многие из которых сохранились до наших дней. Особенно он был известен своими трехстишиями *хайку*, и его сборник «Сборник *хайку* старика Фухаку» (不自翁句集 *Фухаку-о кюсю*:) имел достаточную популярность среди его современников.

В 1773 г. в возрасте 55 лет Фухаку передал должность чайного мастера семьи Мидзуно своему наследнику Дзитокусаю (自得齋, 1738–1822). Дзитокусай также стал 2-м патриархом основной линии Эдо-сэнкэ. Дзитокусай принял от своего учителя имя Каваками Со: сэцу (川上宗雪)²². С тех пор Каваками Со: сэцу — это частое имя среди патриархов школ Эдо-сэнкэ.

¹⁹ Родзю — наивысшая должность в центральном правительстве сёгуната Токугава.

²⁰ Хатамото — самурай в прямом подчинении сёгуната Токугава.

²¹ Нитирэн — школа, принадлежащая к буддизму махаяны. Сторонники школы Нитирэн почитают «Лотосовую сутру» как истинный источник божественного знания.

²² Подобные разночтения в именах возникают из-за того, что одно имя является личным, другое же является буддийским именем мастера.

Каваками Фухаку умер в 1807 г. в Рэнгэ-ан в возрасте 89 лет. Он похоронен в храме Анрю: дзи школы Нитирэн в районе Янака в Токио. Этот храм он сам выбрал местом своего упокоения, с тех пор на территории храма появились могилы потомков Фухаку, его лучших учеников, принявших фамилию Каваками, и его родственников, что продолжается и по сей день [Каваками Фухаку рякудэн].

Традиции Каваками Фухаку продолжаются в школе Эдо-сэнкэ, существующей и поныне. Школа Эдо-сэнкэ, подобно многим крупным чайным школам, имеет множество линий.

Текущим наследником главной линии Эдо-сэнкэ является Мэйсиан Каваками Со: сэцу (名心庵 川上宗雪 род. в 1946), 10-й патриарх школы основной линии Эдо-сэнкэ в Икэнохата в Тайто, Токио. Патриархом чайного дома Эдо-сэнкэ в Рэнгэ-ан в Яёи, Токио является Рю: суйсай Каваками Кансэцу (流水齋川上閑雪, род. в 1958)²³.

Наследие Каваками Фухаку закреплено и в других линиях, связанных с основной линией Эдо-сэнкэ. Так, Каваками Со: дзюн (川上宗順, год рождения неизвестен) является 8-м патриархом направления Фухаку в рамках школы Омотэ-сэнкэ (表千家不白流 *Омотэ-сэнкэ Фухаку-рю:*), расположенной в Коэндзи в Токио. Иной пример — линия *Окада Сюко* направления Фухаку в рамках Омотэ-сэнкэ, основанная Каваками Со: дзю: (川上宗什, 1763–1809). Существует также направление Ихаку в рамках Эдо-сэнкэ, созданное Каваками Ихаку (川上渭白, 1736–1821), линия чайного дома *二覚庵 Никаку-ан*, основанная Кибэ Сэндзан (岐部千山, годы жизни неизвестны), ее ответвление *分流瀬川一指庵 Сэгава Исси-ан* и многие другие [Кадокава..., 1991: 172].

Заключение

В данной статье проанализированы отношения 7-го патриарха школы Омотэ-сэнкэ Дзёсинся и его ученика Каваками Фухаку.

На основе проделанной работы можно выявить этапы становления ученика как чайного мастера. Первый этап заключается в подготовке к обучению, которая включает в себя выполнение хозяйственной работы в доме мастера. Второй этап обучения начинается с получения нового буддийского имени. С этого момента взаимодействие мастера и подающего надежды ученика становится более близким — начинается непосредственное участие в чайной церемонии, когда мастер в личном общении с учеником может давать ему определенные жизненные наставления для воспитания его характера. Третий этап знаменуется церемонией изображения портрета учителя *тинзо:*, после чего мастер и ученик способны общаться на равных. Посредством церемонии *тинзо:* учитель признает легитимность своего ученика как самостоятельного мастера.

Именно благодаря такому взаимодействию Дзёсинся и Каваками Фухаку стало возможным создание комплекса «Семь ритуалов», до сих пор используемого в различных чайных школах Японии. Взаимоотношения учителя и ученика стали основой для составления важных сочинений, посвященных разработке чайных ритуалов. В своей дальнейшей жизни в Эдо (совр. Токио) Каваками Фухаку обучал учеников своей школы проведению комплекса «Семь ритуалов», тем самым популяризируя его. Эта линия преемственности сохранилась в японской культуре до настоящего времени.

²³ Также упоминается, как Каваками Дзё: сэцу (川上紹雪).

Благодарности и финансирование

Исследование проведено в рамках реализации государственного задания Минобрнауки № FSUS-2024–0028 «Аксиологический потенциал буддизма в контексте международных отношений России со странами Восточной Азии: история и современность».

Acknowledgments and funding

The study was conducted within the framework of the implementation of the state assignment of the Ministry of Education and Science No. FSUS-2024–0028 «Axiological potential of Buddhism in the context of international relations of Russia with the countries of East Asia: history and modernity».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

Войтишек Е. Э. Игровые традиции в духовной культуре стран Восточной Азии (Китай, Корея, Япония). Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 2009. 296 с.

Войтишек Е. Э. Интеллектуальные развлечения в традиционных восточных искусствах: новый взгляд на чайную церемонию // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2016. Т. 8, № 5. С. 316–321.

Зинченко А. В. Значение комплекса «Семь ритуалов» в контексте его связи с дзэн-буддизмом // Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока : сборник статей IV Международной научно-практической конференции (27–28 сентября 2021 г.) в рамках III Международного научного форума «Наследие». Новосибирск, 2021. С. 131–136.

История Японии : учебник для студентов вузов / под ред. Д. В. Стрельцова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Аспект Пресс, 2018. 592 с.

Baroni H. J. The Illustrated Encyclopedia of Zen Buddhism. Rosen Pub Group, 2002. 426 p. (in English).

Baroni H. J. The Illustrated Encyclopedia of Zen Buddhism. Rosen Pub Group, 2002. 426 p. (in English).

Анмё: дзюё-сики (сэйдзэн каймё: — о садзукэру сики) хо: коку [安名授与式 (生前戒名を授ける式) 報告]. Отчет о церемонии Анмё (церемония присвоения имени каймё:) // Senshuji Temple. URL: <https://senshuji.jp/category/about/message/> (дата обращения: 28.07.2024) (in Japanese).

Икэда Тосихико. Хиконэ-дэ-но тя-но ю кэнкю: кай [彦根での茶の湯研究会]. Группа по изучению чайной церемонии в Хиконэ // Тя-но ю бунка гаккай кайхо: [茶の湯文化学会会報]. 2009. № 60. С. 1–10 (in Japanese).

Каваками Дзё: сэцу. Каваками Фухаку нихяку нэн онки-ни окэру аратана хаккэн [川上 不白二百年遠忌における新たな発見]. Новые открытия к 200-летию со дня смерти Фухаку Каваками // Тя-но ю бунка гаккай кайхо: [茶の湯文化学会会報]. 2009. № 62. С. 1–10 (in Japanese).

Каваками Кансэцу. Каваками Фухаку-но тя [川上 不白の茶]. Чайная церемония Каваками Фухаку. Токио: Коданся, 1991. 195 с. (in Japanese).

Каваками Фухаку рьякүдэн [川上 不白略伝]. Биография Каваками Фухаку // Edosenke. URL: <http://www.edosenke.jp/binran/200nen/98fuhakuden.html> (дата обращения: 28.07.2024) (in Japanese).

Кадокава садо: дайдзитэн [角川茶道大辞典] / Энциклопедия Кадокава по чайному искусству / под ред. Хаясия Тацусабуру: в 2 т. Киото; Токио: Кадокава сётэн, 1991. Т. 1. 1360 с. (in Japanese).

Утидэси «гэнкан» — но ити нэн [内弟子「玄関」の一年]. Первый год подмастерьев гэнкан // Omotesenke. URL: https://www.omotesenke.jp/chanoyu/7_10_1a.html (дата обращения: 28.07.2024) (in Japanese).

Хориноути Со: кан. Ситидзи-сики сита [七事式下]. Семь ритуалов. Ч. 2. Токио: Сюфу-то-сэйкацу-ся, 1991. 215 с. (in Japanese).

Хориноути Со: кан. Ситидзи-сики уэ [七事式上]. Семь ритуалов. Ч. 1. Токио: Сюфу-то-сэйкацу-ся, 1989. 215 с. (in Japanese).

Эдо-сэнкэ-но рэкиси-но омоми [江戸千家の歴史の重み]. Значение истории Эдо-сэнкэ // Edosenke. URL: <https://edosenke.or.jp/shogen> (дата обращения: 28.07.2024) (in Japanese).

REFERENCES

Istoriya Yaponii: uchebnyk dlya studentov vuzov / Pod red. D.V. Strel'cova. 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe [History of Japan / A textbook for university students / Editor D.V. Strel'tsov. 2nd edition, revised and supplemented]. Moscow: Aspekt Press, 2018, 592 p. (in Russian).

Voytishchik E. E. *Igrovye traditsii v dukhovnoi kul'ture stran Vostochnoi Azii (Kitai, Koreia, Iaponiia)* [Game traditions in the spiritual culture of East Asia (China, Korea, Japan)]. Novosibirsk: Izdatel'stvo: Novosibirskii gosudarstvennyi universitet, 2009, 296 p. (in Russian).

Voytishchik E. E. *Intellektual'nye razvlecheniia v traditsionnykh vostochnykh iskusstvakh: novyi vzgliad na chainuiu tseremoniiu* [Intellectual entertainment in traditional oriental arts: a new look at the tea ceremony]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii. Filologiya* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History. Philology]. 2016, vol. 8, no. 5. P. 316–321 (in Russian).

Zinchenko A. V. *Znachenie kompleksa "Sem' ritualov" v kontekste ego svyazi s dzen-buddizmom* [The Significance of the Seven Rites Complex in the Context of Its Connection with Zen Buddhism] *Aktual'nye voprosy izucheniia istorii, mezhdunarodnykh otnoshenii i kul'tur stran Vostoka: Sbornik statei IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «(27–28 sentiabria 2021 g.) v ramkakh III Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma "Nasledie"»* [Collection of articles from the IV International Scientific and Practical Conference “Current Issues in the Study of History, International Relations and Cultures of the Eastern Countries” (September 27–28, 2021) within the III International Scientific Forum “Heritage”]. Novosibirsk, 27–28 of September 2021. P. 131–136 (in Russian).

Baroni H. J. *The Illustrated Encyclopedia of Zen Buddhism*. Rosen Pub Group, 2002, 426 p. (in English).

Anmyō juyō-shiki (seizen kaimyō-wo sazekeru shiki) hōkoku [安名授与式 (生前戒名を授ける式) 報告]. Report on the Anmyō Ceremony (Kaimyō Naming Ceremony). Senshuji Temple. URL: <https://senshuji.jp/category/about/message/> (accessed: July 28, 2024) (in Japanese).

Edosenke-no rekishi-no omomi [江戸千家の歴史の重み]. The meaning of the history of Edosenke. Edosenke. URL: <https://edosenke.or.jp/shogen> (accessed: July 28, 2024) (in Japanese).

Horinouchi Sōkan. Shichiji-shiki ue [七事式上]. Seven rituals. Part 1. Tokyo: Shufu-to-seikatsu-sha, 1989, 215 p. (in Japanese).

Horinouchi Sōkan. Shichiji-shiki ue [七事式上]. Seven rituals. Part 2. Tokyo: Shufu-to-seikatsu-sha, 1991, 215 p. (in Japanese).

Ikeda Toshiko. Hikone-de-no cha-no yu kenkyūkai [彦根での茶の湯研究会]. Tea ceremony study group in Hikone. *Cha-no yu bunka gakkai kaihō* [茶の湯文化学会会報]. 2009, no. 60. P. 1–10 (in Japanese).

Kadokawa sadō daijiten [角川茶道大辞典] / Kadokawa Encyclopedia of Tea Art. Edited by Hayashiya Tatsusaburo: in 2 vol. Kyoto; Tokyo: Kadokawa shoten, 1991, vol. 1, 1360 p. (in Japanese).

Kawakami Fuhaku ryakuden [川上太白略伝]. Biography of Kawakami Fuhaku. Edosenke. URL: <http://www.edosenke.jp/binran/200nen/98fuhakuden.html> (accessed: July 28, 2024) (in Japanese).

Kawakami Jōsetsu. Kawakami Fuhaku nihyaku nen onki-ni okeru aratana hakken [川上太白二百年遠忌における新たな発見]. New discoveries mark the 200th anniversary of Fuhaku Kawakami's death. *Cha-no yu bunka gakkai kaihō* [茶の湯文化学会会報]. 2009, no 62. P. 1–10 (in Japanese).

Kawakami Kansetsu. *Kawakami Fuhaku-no cha* [川上太白の茶]. Tea Ceremony of Kawakami Fuhaku. Tokyo: Kodansha, 1991, 195 p. (in Japanese).

Uchideshi "genkan" — no ichi nen [内弟子「玄関」の一年]. The first year of *genkan* apprentices. Omotesenke. URL: https://www.omotesenke.jp/chanoyu/7_10_1a.html (accessed: July 28, 2024) (in Japanese).

Статья поступила в редакцию: 17.08.2024

Принята к публикации: 18.11.2024

Дата публикации: 24.12.2024

УДК 39 (571.651)

DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–08

Ю. И. Ожередов

Чукотский филиал Северо-Восточного федерального университета
им. М. К. Аммосова, Анадырь (Россия)

ПАЛЕОСЕЛЬКУПЫ ШИЕШГУЛА И СЕЛЬКУПЫ ШЁШКУП: АСПЕКТЫ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ЦЕРЕМОНИЙ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

В исследовании обобщены некоторые репрезентабельные выводы изучения погребальных ритуалов диалектно-локальной группы палеоселькупов «*шиешгула*». Наблюдения, сделанные этнологами на поздних материалах, во многом подтвердились в ходе археологических исследований, послуживших источником для настоящей работы. В некрополях Барклай, Кустовский, Сухая речка и других изучены элементы погребально-поминальных церемоний, характеризующих мировоззрение данного социума. Выявлены курганные и грунтовые захоронения по способу ингумации и кремации в рамках обкладках, долбленых лодках и колодах, в дощатых ящиках и гробах, впущенных в насыпи, формировавшиеся ярусами на протяжении XIII–XIX вв. н. э. Отмечен священный столб и сакральные камни, посмертные «маски» и ритуальные стрелы, приношения тел животных и эксгумация человека. Сравнительный анализ показал, что материалы раскопок не только подтверждают сведения этнологов, но дают целый ряд элементов, уже утраченных в памяти людей. Комплексный подход позволил выявить ранее неизвестные детали мировоззрения сибирских культур и этносов, имевших прямые и опосредованные контакты с народами окружающего мира. Полученные результаты открыли новые возможности для изучения культурно-этнических процессов и духовной сферы обитателей таёжной зоны континента.

Ключевые слова: погребальный обряд средневековых самодийцев палеоселькупов «*шиешгула*», лодка, колода, столб, береза, камни, жертвы в могилах, эскарнация.

Для цитирования

Ожередов Ю. И. Палеоселькупы шиешгула и селькупы шёшкуп: аспекты погребальных церемоний по данным археологии и этнографии // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 4. С. 141–163. DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–08.

Y. I. Ozheredov

Chukotka Branch of the North-Eastern Federal University. M. K. Ammosov. Anadir (Russia)

PALEOSELKUPS SHIESHGULA AND SELKUPS SHYOSHKUP: ASPECTS OF FUNERARY CEREMONIES ACCORDING TO ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

The study summarizes some representative conclusions of the study of the funeral rituals of the dialect-local group of paleoselkups “Shieshgula.” The observations made by ethnologists on subsequent materials were largely confirmed during archaeological research, which served as a source for this work. In the necropolises of Barclay, Kustovsky, Sukhaya Rechka, and others, elements of funeral and memorial ceremonies characterizing the worldview of this society have been studied. Mound and soil burials were identified by the method of inhumation and cremation in lining frames, hollowed boats, and decks, in boardwalk boxes and coffins let into embankments, formed in tiers throughout the 13–19th centuries. A sacred pillar and sacred stones, posthumous “masks” and ritual arrows, offerings of animal bodies and human exhumation were noted. A comparative analysis showed that the excavation materials not only confirm the information of ethnologists, but also give a number of elements already lost in the memory of people. An integrated approach made it possible to identify previously unknown details of the worldview of Siberian cultures and ethnic groups that had direct and indirect contacts with the peoples of the surrounding world. The results opened up new opportunities for studying the cultural and ethnic processes and the spiritual sphere of the inhabitants of the taiga zone of the continent.

Keywords: Burial rite of medieval samodians of paleoselkups “shieshgula,” boat, deck, pillar, birch, stones, victims in graves, escarnation

---

For citation:

Ozheredov Yu. I. Paleoselkupy shieshgula and selkup shoshkup: aspects of funeral ceremonies according to archeology and ethnography. Peoples and religions of Eurasia. 2024. T. 29, № 4. P. 141–163 (in Russian). DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–08.

Ожередов Юрий Иванович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Чукотского филиала Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. **Адрес для контактов:** nohoister@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-4849-0745>

Ozheredov Yuri Ivanovich, candidate of historical sciences, researcher at the Chukotka Branch of the North-Eastern Federal University. M. K. Ammosov. **Contact address:** nohoister@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-4849-0745>

Введение

Почти за столетний период исследований селькупов и их предков собран крупный корпус артефактов, касающихся самых разных аспектов погребальной практики. Одновременно накоплены плоды человеческого мышления, названные американским этнологом Виктором Тэрнером *ментифакты*. Собранные материальные (вещные) и нематериальные (мыслительные) продукты демонстрируют целый спектр погребальных и поминальных действий палеоселькупов и их приемников — исторических селькупов.

Настоящее исследование явилось прямым продолжением публикации, посвященной форме и хронологии погребальных сооружений «*шиешгула*» [Ожередов, 2023: 125–133]. Целью настоящей работы является стремление показать археологически выявленные следы отдельных церемоний на кладбище до похорон, в момент погребения и после него.

Материалы и методы исследования

Источником исследования послужили материалы стационарно изученных автором некрополей Барклай, на реке Чая (левый приток Оби), Кустовский и Сухая Речка на реке Кёнга (приток Парабели). В работе использованы коллекции П. И. Кутафьева с реки Кёнга, опубликованные материалы некрополей Тискинский, Тяголовский, Мысовской, Пачанга [Боброва, 1990; 2001: 161–162]. В работе использованы методы сортировки и классификации материалов, сравнительного исторического анализа и семиотические изыскания. Вещные источники дополняют ментифакты, полученные в ходе кабинетных исследований. Для уяснения некоторых преимущественно общих вопросов, касающихся средневековых кладбищ и погребальных сооружений, имеются краткие обращения к выводам из предыдущих исследований.

Краткие сведения о формах погребального обряда

По археологическим и этнографическим наблюдениям захоронения палеоселькупов и селькупов разделялись на грунтовые и курганные. В первом случае хоронили в ямах, в другом — в насыпях. А. П. Дульзон в свое время уделил особое внимание форме курганов (круглые, овальные, удлинённые и др.) [Дульзон, 1955: 101]. Однако классификация на основе форм, отмеченных до раскопок, не может быть точна, так как насыпи возникли не одноактно, как, к примеру, классические скифские курганы, а формировались из набросок над отдельными наземными захоронениями, располагавшимися послойно. Грунт для них брали вдоль внешнего контура родовой территории, оставляя ямы, охватывающие подножие кургана прерывистыми цепочками или сплошными ровиками.

После заполнения поверхности по насыпям первого ряда устанавливались новые погребениями, образуя второй и так до трех слоев, выявленных в могильниках Барклай и Кустовский (в Тискинском некрополе высота насыпей достигала трех метров) [Боброва, 2001: 162]. Краевед князь Н. Костров записал со слов информанта: «Прежде у отцов наших был обычай погребать мертвых на поверхности земли. Покойника клали в гроб, с ним вместе клали еще кое-что — одежду, лук, стрелы топор, нож, ложку, котел и т.д. На все это наваливали земляной холм... А так как гробы... ставились не рядом, а один над другим, то холм мало-помалу возрастал до необыкновенной высоты» (цит. по: [Чиндина, 1977: 136]). Раскопки показали, что изначальные контуры площадок круглые, но со временем, при слиянии насыпей, последние приобретали непредсказуемые очертания.

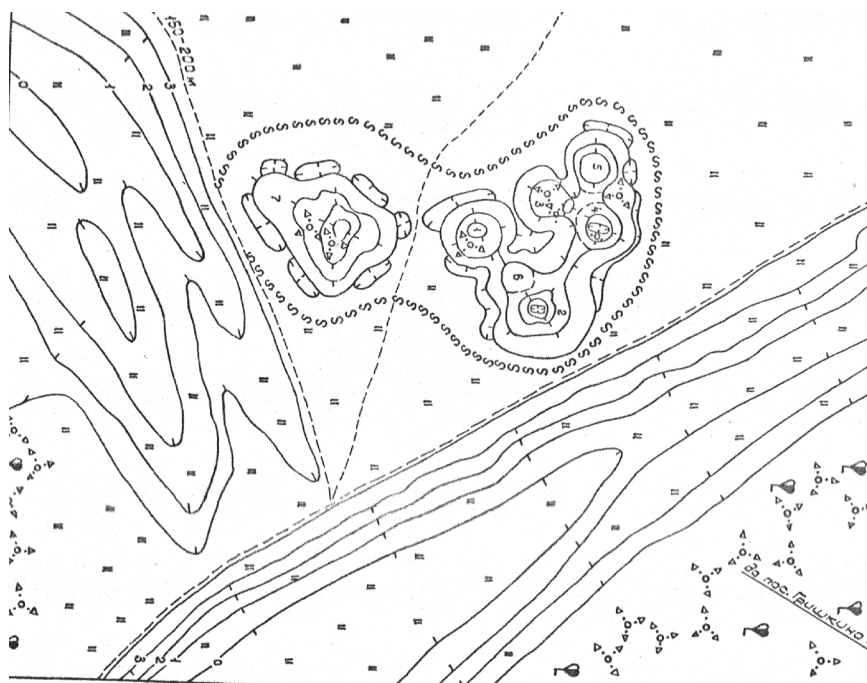

Рис. 1. Ситуационный план могильника Барклай на реке Чая
Fig. 1. Situation plan of Barclay burial ground on the river Chaya

Рис. 2. Могильник Барклай. Курган 7 до начала раскопок. Фото Ю. И. Ожередова
Fig. 2. Barclay burial ground. Mound 7 prior to excavation. Photo by Yu. I. Ozheredov

Захоронения по способу ингумации (труположения) отличаются многообразием конструкций, менявшихся в соответствии со временем возведения. Наиболее древние варианты (XIII–XIV вв.) представляли собой дощатые ящики. На смену пришли бревенчатые рамы-обкладки, параллельно с ними применяли колоды и долбленные лодки-обласки [Ожередов, 2023а].

Рис. 3. Могильник Барклай. Курган 7 после вскрытия верхних горизонтов.
Фото Ю. И. Ожередова

Fig. 3. Barclay burial ground. Mound 7 after opening the upper horizons. Photo by Yu. I. Ozheredov

Рис. 4. Захоронение по способу ингумации на поверхности. Могильник Барклай, курган 6,
погребение 1. Фото Ю. И. Ожередова

Fig. 4. Burial by the method of inhumation on the surface. Burial ground Barclay, mound 6, burial 1.

Photo Yu. I. Ozheredova

Рис. 5. Захоронение в бревенчатой раме-обкладке. Торцовые стены из вертикально вкопанных жердей. Могильник Барклай. Курган 2, погребение 49. Фото Ю. И. Ожередова
Fig. 5. Burial in a log frame lining. End walls of vertically dug poles. Barclay burial ground. Mound 2, interment 49. Photo by Yu. I. Ozheredov

Рис. 6. Захоронение в колоде, установленной в бревенчатой раме-обкладке. Могильник Барклай. Курган 4, погребение 52. Фото Ю. И. Ожередова
Fig. 6. Burial in a deck installed in a log frame lining. Barclay burial ground. Mound 4, burial 52. Photo by Yu. I. Ozheredova

Рис. 7. Захоронение в лодке «ронтык». Абрис лодки после выборки по днiщу. В ногах керамический горшок и топор-тепло. Кустовский могильник, курган 13А. Фото Ю. И. Ожередова

Fig. 7. Burial in the boat «rontyk.» Outline of the boat after sampling along the bottom. The legs have a ceramic pot and an ax adze. Kustovsky burial ground, 13A mound. Photo by Yu. I. Ozheredov

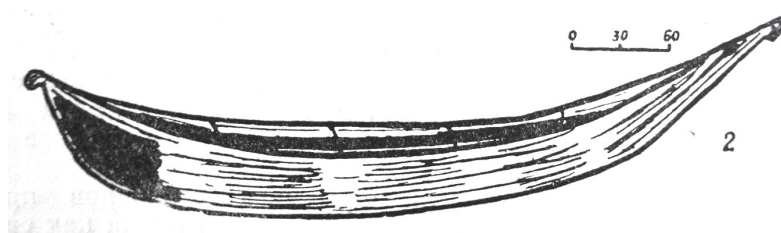

Рис. 8. Лодка нарымских селькупов ронтык [Лукина, 1966: 115, рис. 3.-2]

Fig. 8. The boat of the Narym Selkups rontyk [Lukina, 1966:115, Fig. 3.-2]

В XIX в. в многослойную насыпь «впускали» новые захоронения по христианскому обряду (в ямах), нарушая предшествующие (языческие) могилы. Вынутый грунт приводил к дополнительной деформации контура кургана. Еще одним новшеством стало появление на насыпях бревенчатых оградок, вероятно, в подражание могилам по «русскому» образцу. Внутри оград ставили ящики с умершими, иногда в два слоя один на другой. Через какое-то время их засыпали землей. К середине столетия прямоугольные ящики сменили христианские зауженные внизу гробы, в которых хоронили преимущественно малолетних детей [Ожередов, 2023а: 128].

Рис. 9. Захоронение в дощатом ящике, установленном в бревенчатую ограду. Могильник Барклай. Курган 6, погребение 25. Фото Ю. И. Ожередова
 Fig. 9. Burial in a board box installed in a log fence. Barclay burial ground. Mound 6, interment 25. Photo by Yu. I. Ozheredov

Рис. 10. Могильник Барклай. Курган 5, погребение 12. Захоронение в дощатом ящике на поверхности насыпи по православному обряду. Справа у таза пояс, расшитый бисером, сложенный в несколько слоев. Начало – середина XIX в. Фото Ю. И. Ожередова
 Fig. 10. Barclay burial ground. Mound 5, interment 12. Burial in a boardwalk on the surface of the embankment according to the Orthodox rite. On the right side of the pelvis is a beaded belt, folded in several layers. Beginning-middle of the XIX century. Photo by Yu. I. Ozheredov

Погребальные церемонии

Полномасштабный погребальный обряд включал три цикла: 1) до погребения; 2) погребальные; 3) постпогребальные. Л.А. Чиндина отметила: «...те обрядовые действия, которые проводились до и после предания умершего земле, по археологическим данным прослежены быть не могут» [Чиндина, 1975: 76]. Полностью археология фик-

сирует лишь второй цикл, направленный на удаление умершего из мира живых в буквальном и символическом смысле. Для физического устранения тела покойного па-леоселькупы (и селькупы) использовали ингумацию и частичную кремацию на месте захоронения. Первая прошла через всю историю этноса, вторая отмечена реже, главным образом в XVI–XVII вв. Здесь она перемежается с ингумацией, практически не отличаясь от нее формой.

В зависимости от задачи (полное или частичное сожжение на месте захоронения) костер разжигался на груди умершего или по всему телу уложенного, как при ингумации, в вытянутом положении на спине. Руки обычно вытянуты вдоль тела, иногда кисти рук внизу живота, изредка нижние конечности связаны. По сведениям В. Н. Чернецова, обские угры связывали ноги умерших в целях изоляции души-тени [Чернецов, 1959: 123] (чтобы «не ходила», не тревожила живых). Останки тела со связанными ногами были расчищены в некрополе Барклай (погребение № 15). Далее костер забрасывали землей, не давая телу прогореть целиком, поэтому костяк обычно сохранял анатомический порядок [Чиндина, 1977: 137; Ураев, 1994: 83].

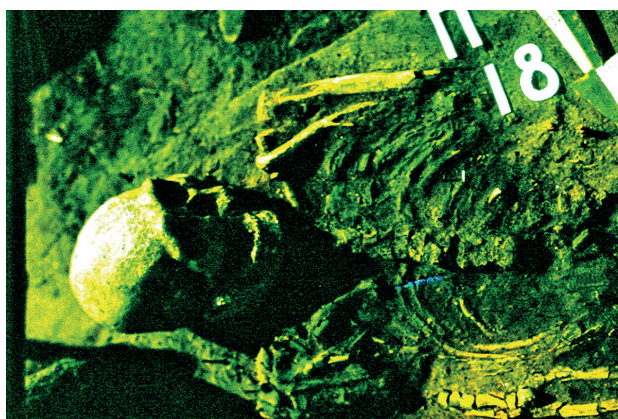

Рис. 11. Частичная кремация на месте погребения. Могильник Барклай. Курган 5, погребение 18. Фото Ю. И. Ожередова

Fig. 11. Partial cremation at the burial site. Barclay burial ground. Mound 5, interment 18. Photo by Yu. I. Ozheredov

Площадки под захоронения «очищались» огнем разной мощности (обжигание или окуривание). Иногда кремации проводили на насыпных платформах, возвышающихся над древней дневной поверхностью (в некрополе Барклай мощность достигала 10 см). По мнению А. П. Дульзона, огонь в погребальной практике селькупов заимствован от чумских тюрков [Дульзон, 1957: 414]. Однако аналогичные процедуры имели место уже в могильнике Рёлка эпохи раннего Средневековья, что объясняется влиянием древних тюрков [Чиндина, 1977: 92–93].

Церемонии в Барклае, Тискинском и других некрополях разделяются на две условные группы: вне погребений и в погребениях. В первой случае это бревенчатые ограды, огораживавшие родовые (семейные) участки, в чем убеждают и факты с сопредель-

ных территорий. К примеру, «ограды семейных некрополей и рядность могил найдены в «длинных курганах» Прииртышья», ассоциированных с кимаками сростинской культуры [Арсланова, 1987: 61–67].

Важными элементами погребального ритуала первой группы являлись церемониальные столбы, установленные в ногах погребенных.

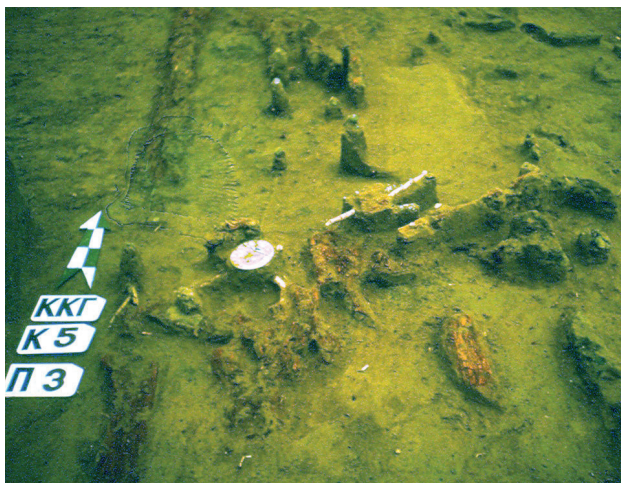

Рис. 12. Остатки упавшего ритуального столба с накладными березовыми ветвями (имитация сакрального дерева). В центре оловянная тарелка с граффити. Кустовский могильник. Курган 5, подножие погребения 3. Фото Ю. И. Ожередова

Fig. 12. The remains of a fallen ritual pillar with overhead birch branches (imitation of a sacred tree). In the center is a tin plate with graffiti. Kustovsky burial ground. Mound 5, foot of burial 3. Photo by Yu. I. Ozheredov

Рис. 13. Оловянная тарелка на сосне. Священное место шамана Гаврлы Калина. Северные селькупы, р. Таз (по: [Пелих, 1980, рис. 1])

Fig. 13. Tinplate on pine. Sacred place of shaman G. Kalin. Northern Selkups, r. Taz (according to: [Pelikh, 1980, Fig. 1])

По этнографическим данным, столбы служили имитациями священных деревьев, мифическими «лестницами» в верхний мир и сакральными предшественниками православных крестов и обелисков новейшего времени [Бауло, 1980: 168; Степанова, 2015: 164]. В отношении северных селькупов, предки которых вышли из Нарымского Приобья, О. Б. Степанова писала: «...самая интересная, на мой взгляд, и важная деталь... — дерево с прикладами, которое устанавливают в ногах могилы. Чаще всего это дерево — береза ... Установка дерева на могиле — характерная особенность захоронений средне-тазовских селькупов» [Степанова, 2015: 153–156]. По форме ритуальные столбы могли отличаться, сохраняя при этом осмысление в качестве знакового дерева. У северных селькупов нередкость плоские надмогильные столбы с резными имитациями ветвей [Бауло, 1980: рис. 6; Пелих, 1972б: табл. XXX; Степанова, 2015: 159]. И что любопытно, «...надмогильный памятник — это изображение человека, идол...» [Степанова, 2015: 154–156, 158]. С этим утвердилась мысль о дереве — символическом первопредке.

У нарымских селькупов такие сооружения не отличались разнообразием и крайне редки. Единственный научно зафиксированный образец расчищен в кургане 6 Кустовского могильника, где в верхнем горизонте обнаружено четыре погребения, в ногах которых стоял вкопанный в насыпь столб хвойной породы, увенчанный искусственной кроной из березовых ветвей, на которых крепились приношения [Ожередов, 2017: 212–216]. Внешне это полная параллель с «намогильным деревом» среднетазовских селькупов, ставивших священное дерево в виде березы.

Среди приношений в кроне привлекает внимание тарелка фабричной работы, изготовленная из оловянного сплава. У края круглое отверстие для подвешивания, а на наружной стороне бортика кустарная гравировка композиции, именуемой в угорском орнаменте «заячьи уши». На других участках царяпины не выстраиваются в систему. Похожая тарелка с английским клеймом XVII–XVIII вв. обнаружена в могильнике Бедеревский Бор-2 (река Тым) [Боброва, Максимова, Торощина, 2002:106, 113]. Похоже, что она висела на ритуальном дереве вблизи могилы [Ожередов, 2017: 3, 4]. В селькупской этнографии известно несколько сакральных оловянных тарелок. Одна из них была подвешена на сосну на священном месте шамана Гаврилы Калина (северные селькупы). Кроме нее, «...у подножия сосны лежали еще 2 тарелки (оловянная и медная) ... Информаторы считали их изображениями двух солнц: нижнего мира — оловянную и верхнего — медную». По селькупским поверьям тарелки на деревьях символизировали солнце или луну [Пелих, 1980: 6, 7, рис. 1]. Тарелки у могил, определенно, осмысливались знаками нижнего мира, покровителем которого почиталась луна (месяц), а ее символом — диск (тарелка) из «белого» металла (серебро, олово).

Церемонии в захоронениях

Ритуальные действия непосредственно в погребениях условно можно разделить на ряд категорий. Прежде всего это процедуры, связанные с устройством погребений. Помимо воздействия огнем, на дно погребения помещались подстилки из березовой коры или листвы. Первые были встречены повсеместно в могильниках Кустовский, Сухая Речка, Барклай, Тискинский, где они укладывались в погребения вне зависимости от пола и возраста умерших (в курганах 1 и 5 Баркляя зафиксировано около 30 таких случаев). Иногда выделанную бересту стелили на деревянное днище погребения (Бар-

клай, п. 68), а колоды, гробы и ящики целиком оборачивали в берестяную тиску (Барклай, п. 71, 74; К. 7. П. 2). Часто на берестяное полотнище укладывали долевые стенки рам-выкладок (Барклай. К. 7, п. 14). По сведениям С. К. Кузнецова, в Томском могильнике для магической изоляции земли применяли березовые ветки [Бояршинова, 1948: 158, 160]. То же самое обнаружено в Барклае. Причиной тому стало метафизическое осмысление березы аборигенами Приобья, где это дерево почиталась апотропеем, защитой от потусторонних сил [Селькупская..., 1998: 13].

Другим магическим защитным средством стали камни или обломки керамических сосудов [Пелих, 1972б: 67]. В мифологии селькупов имеется нарратив, в котором камень мог стать причиной смерти человека. В другом тексте сообщается о сакральных табуированных камнях [Селькупская мифология, 1998: 38–39, 49]. Соседи селькупов ханты полагали, что «мертвые боятся камней» [Карьялайнен, 1994: 81, 96, 98, 113, 126]. Обские угры клали в могилы камни в целях изоляции души-тени [Чернецов, 1959: 123]. Речные гальки в Барклае и Кустовском могильнике встречены в погребениях и у насыпей (5 и 8). А в кургане 1 могильника Сухая Речка обломок галечника найден в групповом захоронении.

В Басандайском могильнике отмечено, что трупосожжения совершались не только на бересте, но и на камнях. В свою очередь северные селькупы при захоронении в лодке ставили ее на подставки из толстых плах [Прокофьева, 1977: 70–71, рис. 1], а под одной из лодок в Кустовском могильнике стояли обугленные поперечные бруски [Ожередов, 2023: 87]. Традиция изоляции земли от воздействия символически «нечистых» мертвых тел умерших восходят к культурам Древнего Востока и арийского мира, застилавших дно могил циновками и мелким камнем [Антонова, 1990: 83; Авеста, 1998: 98, Смирнов, 1997: 130].

Следующая категория церемоний касалась непосредственно тел умерших. Формально их можно разделить на две группы: 1) те, которые не вели к нарушениям (изменениям); 2) другие, приводившие к таким последствиям. К первой категории следует отнести захоронения с предметами, наделенными особым символическим смыслом.

При исследовании могильников Барклай и Кустовский обнаружено восемь (соответственно 7 и 1) ритуальных наконечников стрел, изготовленных из медных сплавов [Ожередов, 1999: 79, рис. 1]. Еще по одному медному наконечнику было найдено в Тяголовском [Боброва, 2009: 135–238] и Чарымовском могильниках (устное сообщение А. И. Бобровой). Схожие по материалу находки известны с территории Новосибирского и Сургутского Приобья, но особенно много у обских угров [Ожередов, 1999: 83–84; Кардаш, Визгалов, Кениг, 2018: 109, 111, 136].

Из этнографии известно, что каждый охотник манси имел в своем колчане стрелу с медным наконечником на случай встречи лесного духа. Только такая стрела может защитить от демонической силы.

С появлением огнестрельного оружия ее символическая функция перешла к медной пуле [Каннисто, 1988: 58, 156]. Сходное поверье существовало у алтайцев, считавших, что средством против злого духа *женщины-алмысты* выступают войлок и медная пуля [Яданова, 2009: 180]. Однако и здесь пулям предшествовали стрелы. Подтверждением чему стали археологические находки на территориях, занятых во втором ты-

сячелетии тюркоязычными народами Обь-Иртышского междуречья [Молодин, Мыльникова, 1980: 198, рис. 16, табл. X-6; Соловьев, 1998: 57–58]. Примечательно, что в погребениях медные наконечники обычно находят снаряженными на древки, в том виде, как они служили при жизни владельцев. Но имеется и исключение, свидетельствующее о способе хранения, отличном от указанного А. Каннисто. В могильнике Усть-Изес-1 на севере Новосибирской области медные наконечники найдены в кожаном мешочке-кошеле [Соловьев, 1998: 57].

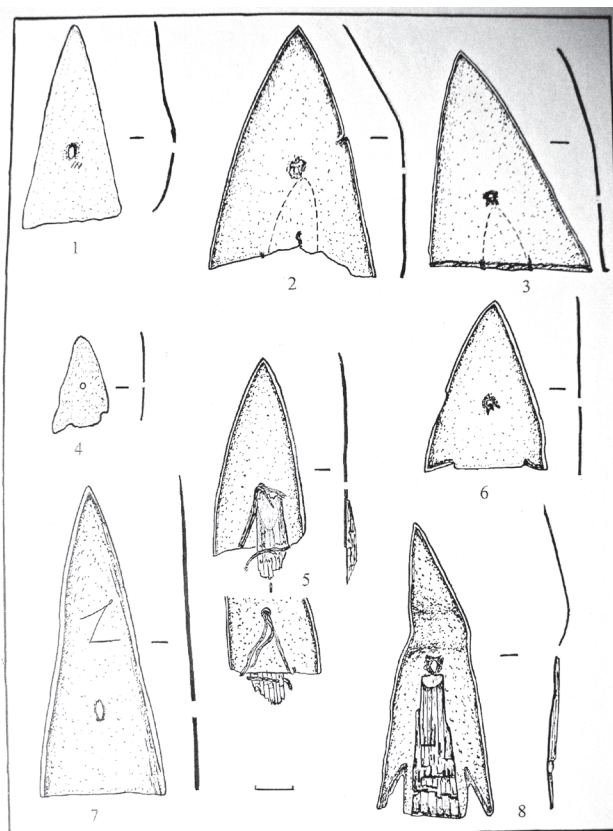

Рис. 14. Медные наконечники ритуальных стрел из некрополей Барклай (1–3, 5–7); Кустовский (8), Кустовского селища (4)

Fig. 14. Copper ritual arrow tips from Barclay necropolises (1–3, 5–7); Kustovsky (8), Kustovsky village (4)

Помимо бытования магических стрел в реальной жизни, археологические исследования показали их в загробной жизни праселькупского населения. В кургане 16 Кустовского некрополя найден медный наконечник с остатками деревянного древка, воткнутый в дно могилы у головы погребенного [Ожередов, 1999: 76, рис. 1.-6]. В литературе имеется несколько объяснений данного ритуала, но остановлюсь на наиболее отвечающем символическим воззрениям охотников тайги. Обычай втыкать оружие и другие

острые предметы в могилы обусловлен требованиями экзорцизма или охранительной магии, направленной на изоляцию инородных существ (здесь — духов умерших) с целью недопущения их в мир живых. В этом случае священные стрелы выступали апотропеями от происков потусторонних сил. Тем самым воткнутые в погребение стрелы магически ограждали пространство здравствующих людей.

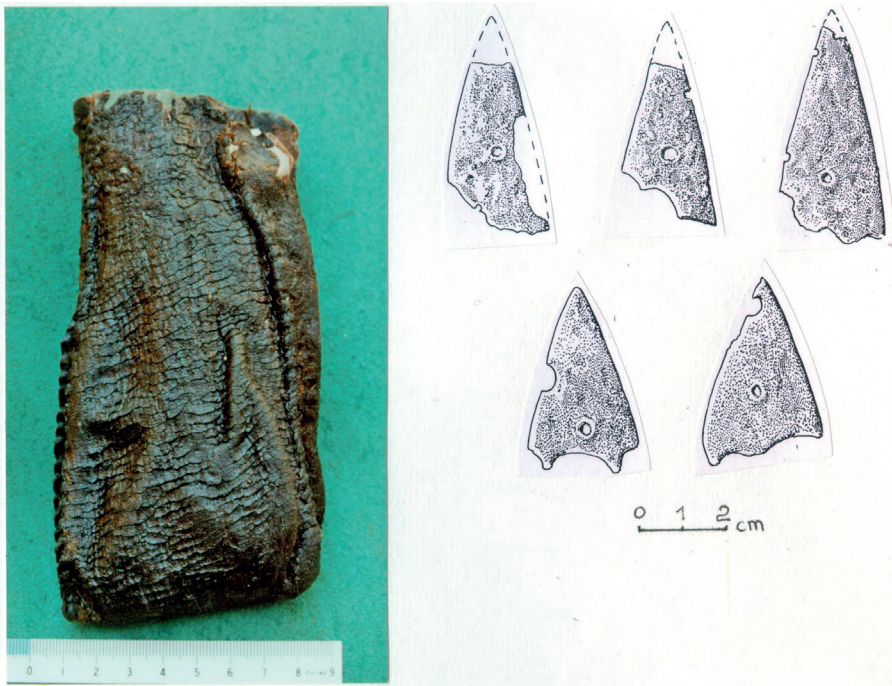

Рис. 15. Медные наконечники стрел и кошель для их хранения.

Курганный могильник Усть-Изес-1

Fig. 15. Copper arrowheads and a koshel to store them. Burial mound Ust-Izes-1

Самый ранний научно зафиксированный случай втыкания в могилы демонстрирует находка под названием «красная троица». Захоронение трех молодых людей было произведено 26000 лет назад близ чешского городка Дольни-Вестонице. Помимо глубокой древности особенностью захоронения стал следующий факт: «в гениталии одного из погребенных был воткнут кол, а в гениталии другого был всажен нож» [«Красная троица»]. В культурах Западной Сибири данная традиция нашла место в Ростовкинском некрополе эпохи бронзы, где в пяти могилах воткнули копья, кельты, ножи [Матющенко, Сеницына, 1988: 66]. Другой случай втыкания стрел встречен в захоронении собаки скифского времени [Горбунов, 1996: 157].

Судя по этнографическим данным, действенным средством от воздействия загробных сил стали посмертные «маски» [Пелих, 1972б: 117, 180–181], представленные у разных культур и народов в разнообразии, варьирующемся от простых металлических накладок (монет, пуговиц) на глаза и рот, до сложных конструкций из нескольких мате-

риалов. В некрополях палеоселькупов (Барклай, Тискинский) изучены варианты, вероятно, тканевых лицевые масок с пластинками из медных сплавов [Ожередов, 2013: 161]. Бляшки и монеты у ротовой полости иногда интерпретируют в качестве обола Харона, плату за преодоление загробного водного пространства [Полеводов, Корусенко, 2008: 165]. Традиция оплаты перевоза возникла в Древнем Египте, но прослежена в широком хронологическом и территориальном диапазоне. К примеру, с I в. до н. э. и позже в бактрийском могильнике «в урочище Туп-хон около Гиссара» [Дьяконов, 1954: 333]. В селькупской практике известен случай нахождения в зубах умершего крестовидной оловянной нашивки [Ожередов, 2013: 163].

Категория церемоний с нарушением тела умершего зафиксирована в некрополе Барклай. В погребении 11 кургана 1, выполненном по обряду кремации, обнаружен фрагмент диафиза правой бедренной кости взрослого мужчины со следами декарнации. Судя по срезам, операция проведена в перимортальный период, сразу после смерти человека. Целью таких процедур ставилось удаление мягких тканей (подробнее см.: [Зайцева, Ожередов. 2005: 362–363]). Пока данный пример единственный научно зарегистрированный случай в «селькупской археологии».

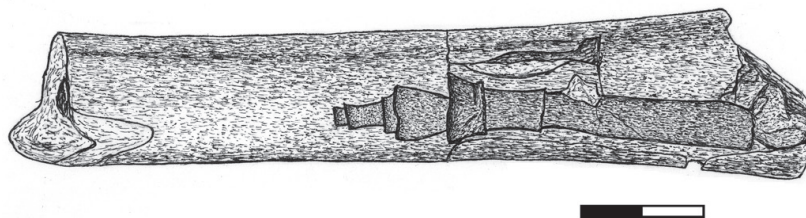

Рис. 16. Фрагмент диафиза взрослого мужчины со следами декарнации.

Курганный могильник Барклай. Курган 1, погребение 11

Fig. 16. Fragment of an adult male diaphysis with traces of decarnation.

arclay burial mound. K. 1. p. 11

Практика показывает множество случаев присутствия в курганах палеоселькупов остатков погребальных тризн и пищевых приношений умершим, служившим им во время перехода в загробный мир. Чаще всего встречаются остатки скелетов рыб. Крупное скопление костей (20x17x2 см) было найдено в ногах (слева) в погребении 68 кургана 2 могильника Барклай. Из костных остатков в погребениях преобладают кости и зубы млекопитающих: лошадь, корова, овца или коза. В нескольких случаях найдены части туш животных. В некрополе Барклай (курган 5, погребение 20) рядом с телом был уложен фрагмент туши барана или козы. Селькупская этнография не имеет комментариев на этот счет, но сходные факты выявлены у сибирских тюрков, заметно влиявших на обитателей тайги. В 1865 г. тюркских захоронениях на реке Катанда В. В. Радлов обнаружил позвоночники овец, уложенные покойникам на грудь. А в могилах Барабы им были найдены овечьи позвонки [Радлов, 1989: 445, 448, 453, 454]. Позже фрагменты тел и отдельные кости животных были встречены в «длинных курганах» Прииртышья [Арсланова, 1987: 61–67].

Захоронения людей с фрагментами тел баранов известны и в Хакасии. Так, в могильнике енисейских кыргызов Тепсей XI эпохи чаа-гас расчищены могилы с костяками баранов [Худяков, 1984: 47, 49, рис. 3]. М. П. Завитухина писала: «у хакасов передняя часть туши животного, особенно правая половина, подавалась почетному гостю и ее клали в могилу умершего старшего родственника или почитавшегося при жизни соплеменника» [Завитухина, 1979: 79]. Бурятская этнография хранит память о баране как о животном, «обладающем фарном (судьбой)» и как о «двойнике человека» [Батоева, Галданова, Николаева, Скрынникова, 2002: 99]. В период сутр существовал обычай обкладывания покойника частями тела животного: «...кладет сердце жертвенного животного на сердце покойника. На правую его руку — правое легкое, на левую — левое» [Смирнов, 1997: 129]. По древнеиндийским воззрениям обряд расценивается как символическая «попытка переправить покойного в иной мир в облике животного» [Пандей, 1990: 287].

Заключение

Обобщение итогов многолетних археологических исследований погребально-поминальной практики палеоселькупов Нарымского Приобья шиешгула позволило удостоверить выводы, сделанные этнологами на основе вербальных источников. Практически подтвердилось утверждение финского исследователя М. А. Кастрена, лингвиста А. П. Дульзона и этнолога Г. И. Пелих, впервые заговоривших о многокомпонентности культуры селькупов и их предшественников — палеоселькупов. Нашло объяснение разнообразие, обусловленное включениями из мировоззрения пришлых этносов и влияний, оказанных на народы тайги прямым или опосредованным способом со стороны кочевых степной зоны и передовых цивилизаций Востока и Запада Евразии.

В погребально-поминальную обрядность палеоселькупов, а затем исторических селькупов проникли похоронные идеи разных исторических периодов и человеческих сообществ. К примеру, захоронения в лодках и колодах обнаруживают корни в традициях Древнего Египта. Ритуальные столбы, имитирующие мировое древо, нашли место в церемониях Передней Азии и Древнего Китая. Захоронение с телом человека фрагментов туш домашних животных переняло от кочевых народов степной зоны скифо-сарматского и тюркских времен. Использование огня в погребальных церемониях пришло к сибирякам из Средней Азии через степных и лесных тюрков. С приходом русских в погребальные ритуалы автохтонов проникают христианские элементы.

Даже краткий перечень приведенных примеров демонстрирует синкретический характер форм и содержания палеоселькупских погребальных обычаев. И это не удивительно, учитывая тот факт, что в селькупской мифологии бытует предание, повествующее о строительстве селькупками лестницы в небо, сильно напоминающее библейскую историю о строительстве знаменитой Вавилонской башни.

Благодарности и финансирование

Глубоко признателен доктору исторических наук А. И. Соловьеву, предоставившему уникальные материалы по теме настоящего исследования.

Acknowledgements and funding

I am deeply grateful to Dr. A. I. Solovyov, who provided unique materials on the topic of this study.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Авеста в русских переводах (1861–1996). СПб. : Летний сад, 1998. 480 с.
- Арсланова Ф.Х. Длинные курганы Приртышья // Источники по истории Западной Сибири. Омск : Изд-во Омск ун-та, 1987. С. 50–69.
- Батоева Д. Б., Галданова Г. Р., Николаева Д. А., Скрынникова Т. Д. Обряды в традиционной культуре бурят. М. : Наука, 2002. 222 с.
- Бауло А. В. Типы надмогильных сооружений у тазовских селькупов // Этнография Северной Азии. Новосибирск : Наука, 1980. С. 185–190.
- Боброва А. И. Кремация в погребальной обрядности средневекового населения Томско-Нарымского Приобья и Причумышья // Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1992. С. 46–56.
- Боброва А. И. Погребальный обряд населения Нарымского Приобья в XIV–XVIII вв. // Обряды народов Западной Сибири. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1990. С. 59–86.
- Боброва А. И. Тискинский комплекс археологических памятников // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2001. С. 161–163.
- Боброва А. И., Максимова И. Е., Торощина Н. В. Погребение с шаманским комплексом вещей на р. Тым // Труды МАЭС ТГУ. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2002. Т. 1. С. 106–139.
- Бояршинова З. Я. Погребальный ритуал в басандайских курганах // Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Тр. ТГУ и ТГПИ. 1948. Т. 98. С. 149–165.
- Горбунов В. В. Ритуальные захоронения животных кулайской культуры // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 156–166.
- Дульзон А. П. Остяцкие могильники XVI и XVII веков у села Молчанова на Оби // Ученые записки. Т. XIII. Томск : Томск. типогр. № 1 Полиграфиздата, 1955. С. 97–154.
- Дульзон А. П. Остяцкий курганный могильник XVII века у села Молчаново на Оби // Ученые записки ТГПИ. Т. XVI. Томск : Томск типогр. № 1 Полиграфиздата, 1957. С. 443–488.
- Дьяконов М. М. Древняя Бактрия // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М. : Гос. изд-во культпросвет лит-ры, 1954. С. 305–334.
- Завитухина М. П. Раннетагарский могильник Барсучиха V // Труды ГЭ. М. : Искусство, 1979. С. 68–86.
- Зайцева О. В., Ожередов Ю. И. К вопросу о нарушении анатомической целостности тела при погребении у южных селькупов // Социогенез в Северной Азии. Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 2005. С. 361–366.
- Каннисто А. Материалы к мифологии вогулов / Гос. публичная науч.-техн. б-ка СО АН СССР. Новосибирск, 1988. 310 с.
- Кардаш О. В., Визгалов Г. П., Кениг А. В. Монкысь Урий — городок XVI–XVII веков на реке Большой Юган (краткие результаты комплексного археологического исследования) // Археология Севера. Новые открытия. Вып. I. Нефтеюганск : Институт археологии Севера, 2018. 158 с.
- Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1994. Т. I. 152 с.

Лукина Н. В. Средства передвижения нарымских селькупов // Ученые записки ТГУ. 1966. № 60. С. 108–119.

Матющенко В. И., Синицина Г. В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1988. 136 с.

Молодин В. И., Мыльникова Л. Н. Исследование памятника Кыштовка 1 // Источники по археологии Северной Азии. Новосибирск : Наука. 1980. С. 179–180.

Ожередов Ю. И. Барклай, курганный могильник // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Материалы к энциклопедии Томской области. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2001а. С. 26–28.

Ожередов Ю. И. Использование огня в погребальном и поминальном обрядах по материалам курганной группы Барклай // Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. Томск : Издво Томского унта, 1992. С. 35–45.

Ожередов Ю. И. Камень в погребальном обряде селькупов // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2003. С. 218–224

Ожередов Ю. И. Кости животных в погребально-поминальной прагматике и символике палеоселькупов Нарымского Приобья «шиешгула» // Вестник ТГУ. История. 2009. № 1 (5). С. 58–65.

Ожередов Ю. И. Кустовский комплекс археологических памятников // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Материалы к энциклопедии Томской области. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2001б. С. 84–86.

Ожередов Ю. И. Локально-диалектная группа «шиешгула»: идейный контекст археологических источников (XVI–XVII вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006. 22 с.

Ожередов Ю. И. Погребальные сооружения селькупов XIV — сер. XIX в. из курганной группы Барклай // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 89–92.

Ожередов Ю. И. Репрезентативные элементы погребального комплекса локальной группы южных палеоселькупов шиешгула // Вестник ТГУ. 2023а. № 497. С. 125–133.

Ожередов Ю. И. Захоронения в лодках у палеоселькупов // Теория и практика археологических исследований. 2023б. Т. 35, № 4. С. 83–112.

Ожередов Ю. И. Ритуальное втыкание оружия у селькупов и древние традиции народов Евразии // Вестник ТГУ. История. 2016. № 5 (43). С. 133–137.

Ожередов Ю. И. Ритуальное дерево в погребальном обряде палеоселькупов Приобья (по материалам археологии) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле — Белокурихе. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. II. С. 212–216.

Ожередов Ю. И. Сакральные стрелы южных селькупов // Приобье глазами археологов и этнографов. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1999. С. 77–119.

Пандей Р. Б. Древнеиндийские домашние обряды (обычай). М. : Высшая школа, 1990. 319 с.

Пелих Г. И. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. Новосибирск : Наука, 1980. С. 5–70.

Пелих Г. И. Происхождение и история селькупов : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1972а. 38 с.

- Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1972б. 424 с.
- Пелих Г. И. Селькупы XVII века. Новосибирск : Наука, 1981. 178 с.
- Полеводов А. В., Корусенко М. А. Обряд «обола Харона» по материалам поздних могильников юга Западной Сибири // Сборник МАЭС. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2008. С. 164–170.
- Прокофьева Е. Д. Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.) // Сборник МАЭ. Т. 33. Л., 1977. С. 66–79.
- Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. М. : Наука, 1989. 749 с.
- Селькупская мифология / сост. Г. И. Пелих. Томск: Изд-во НТЛ, 1998. 80 с.
- Смирнов Ю. А. Лабиринт: морфология преднамеренного погребения. М. : Вост. лит-ра, 1997. 279 с.
- Соловьев А. И. Некоторые аспекты использования лошади в погребальной практике эпохи средневековья по археологическим данным // Сибирские татары. Омск : Изд-во ОмГПУ, 1998. С. 57–58.
- Степанова О. Б. Традиционные наземные погребальные сооружения северных селькупов // ЭО. 2015. С. 151–168.
- Ураев Р. А. Материалы к шаманизму тымских селькупов (по данным экспедиции 1956 года) // Тр. ТОКМ. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1994. С. 73–85.
- Худяков Ю. С. Раскопки чаа-гас Тепсей XI в 1977 году // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1984. С. 46–57.
- Чернецов В. Н. Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований М. : Изд-во АН СССР, 1959. С. 114–156.
- Чиндина Л. А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1977. 192.
- Чиндина Л. А. О погребальном обряде поздних могильников Нарымского Приобья // Из истории Сибири. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1975. Вып. 16. С. 61–93.
- Яданова К. В. «Встреча охотника с духами-хозяевами / алмысом». Опыт указателя сюжетов и версий по материалам алтайской фольклорной традиции // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2009. Вып. 1–2. С. 174–185.
- Яковлев Я. А. Алдыган, комплекс археологических памятников // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: материалы к энциклопедии Томской области. Томск, 2001. С. 7–10.
- Muller F. M. (ed.) *The Satapatha-Brâhmana. Part I: According to the text of the Mâdhyandina schoo.* New York: Scribner's. 1900. 456 p.

REFERENCES

- Arslanova F. Kh. Dlinnie kurganyi Priirtishiya [Long mounds of Priirtyshya]. *Istochniki po istorii Zapadnoi Sibiri* [Sources on the history of Western Siberia (history and archeology)]. Omsk: Publishing House Omsk University, 1987. P. 50–69 (in Russian).
- Avesta v russkikh perevodakh* [Avesta in Russian translations (1861–1996)]. St. Petersburg: Neva Magazine, Summer Garden, 1998. 480 p. (in Russian).

Batoeva D. B., Galdanove G. R., Nikolaeva D. A., Skrynnikova T. D. *Obryadi v tradicionnoj kul'ture buryat* [Rituals in traditional culture of Buryats]. Moscow: Nauka, 2002. 222 p. (in Russian).

Baulo A. V. Tipy nadmogilnih sooruzhenij u tazovskih selkupov [Types of surface constructions of Taz Selkups burials]. *Etnografiya Severnoj Azii* [North Asia Ethnography]. Novosibirsk: Nauka, 1980. P. 185–190 (in Russian).

Bobrova A. I. Kremaciya v pogrebal'noj obryadnosti srednevekovogo naseleniya Tomsko-Narymskogo Priob'ya i Prichulym'ya [Cremation in burial rituals of Middle Age population in Tomsk-Narym area near Ob' river and Chulim river]. *Voprosi etnokul'turnoj istorii narodov Zapadnoj Sibiri* [Ethnocultural history of West Siberia population]. Tomsk. Publishing House Tom. University, 1992. P. 46–56 (in Russian).

Bobrova A. I. Pogrebalniy obryad naseleniya Narimskogo Priobiya v XIV–XVIII vv. [Funeral rite of the population of the Narymsky Priob in the XIV–XVIII centuries] *Obryady narodov zapadnoy Sibiri* [Rites of the peoples of Western Siberia]. Tomsk: Publishing House Tom. University, 1990. P. 59–86 (in Russian).

Bobrova A. I. Tiskinskiy kompleks arheologicheskikh pamyatnikov [Tiskinsky complex of archaeological sites]. *Narody i kultury Tomsko-Narimskogo Priobiya* [Peoples and cultures of the Tomsk-Narym region]. Tomsk: Publishing House Tom. University, 2001. P. 161–163 (in Russian).

Bobrova A. I., Maksimova I. E., Toroshchina N. V. Pogrebenie s schamanskim kompleksom [Burial with a shamanic complex of things on the river. Tym]. *Trudy MAES TGU* [Proceedings of the Museum of Archeology and Ethnography of Siberia named after V. M. Florinsky. Tomsk, Publishing House Tom. University, 2002, vol. 1. P. 106–139 (in Russian).

Boyarshinova Z. Ya. Funeral ritual in Basandai mounds // *Basandayka. Collection of materials and research on archeology of the Tomsk region*. Tr. TGE (vol. 98) and TGPI. Tomsk, 1948. P. 149–165 (in Russian).

Chernetsov V. N. Predstavleniya o dushe u obskikh ugrov. [Ideas about the soul of the Ob Ugric peoples]. *Issledovaniya i materialy po voprosam pervobytnyh religioznych verovanii* [Research and materials on primitive religious beliefs]. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959. P. 114–156 (in Russian).

Chindina L. A. *Mogilnik Reka na Sredney Obi* [Ryolka burial ground on Middle Ob]. Tomsk. Publishing House Tom. University, 1977. 192 p. (in Russian).

Chindina L. A. O pogrebal'nom obryade pozdnih mogil'nikov [On the funeral rite of the late burial grounds of the Narymsky Priob'e]. *Iz istorii Sibiri* [From the history of Siberia]. Tomsk: Publishing House Tom. University, 1975, no. 16. P. 61–93 (in Russian).

Dul'zon A. P. Ostyatskie mogil'niki XVI–XVII vekov u s. Molchanova na Obi [Ostyak XVI and XVII centuries burials near the village Molchanov on the river Ob]. *Uchenye zapiski TGPI*, [Scientific notes of Tomsk State Pedagogical Institute] vol. 13, Tomsk: Tipografiya no. 1 Poligrafizdata, 1955. P. 97–154 (in Russian).

Dulzon A. P. Ostyatskij kurgannij mogil'nik XVII veka u sela Molchanovo na Obi [Ostyaks burial site of 17th century near Molchanovo village at Ob' river]. *Uchenie zapiski TGPI* [Scientific notes of Tomsk State Pedagogical Institute]. Tomsk, 1957. v. 16. P. 443–488 (in Russian).

Dyakonov M. M. Drevnyaya Baktriya [Ancient Bactria]. *Po sledam drevnih kultur. Ot Volgi do Tihogo okeana*. [In the footsteps of ancient cultures. From the Volga to the Pacific Ocean]. Moscow: State. Publishing House of Cultural Enlightenment, litra, 1954. P. 305–334 (in Russian).

Gorbunov V. V. Ritualnie zahoroneniya zhiivotnih kulayskoy kultury [Ritual burials of animals in Kulay culture]. *Pogrebalny obryad drevnih plemen Altaya* [Burial rites of the ancient Altay tribes]. Barnaul: ASU. P. 156–166 (in Russian).

Kannisto A. *Materialy k mifologii vogulov* [Research materials on the Voguls]. Novosibirsk: GPB SO RAN, 1988. 310 p. (in Russian).

Kardash O. V., Vizgalov G. P., Koenig A. V. Monkys Uriy — gorodok XVI–XVII na reke Bolschoy Yugan (kratkie rezultaty kompleksnogo archeologicheskogo issledovaniya). [Monkys Uriy — a town of the XVI–XVII centuries on the Bolshoi Yugan River (brief results of a comprehensive archaeological study)]. *Vestnik: Archeologiya Severa. Novyye otkryitiya* [Bulletin: “Archeology of the North. New discoveries.”] Nefteyugansk: Publishing house ANO “Institute of Archeology of the North.” 2018. no. 1. 158 p. (in Russian).

Karjalainen K. F. *Religiya ugarskih narodov* [Religion of the Ugra peoples]. Tomsk: Publishing House TSU, 1994, vol. 1, 152 p. (in Russian).

Khudyakov Y. S. Raskopki chaa-tas Tepsey XI v 1977 godu [Excavations of chaa-tas Tepsey XI in 1977]. *Zapadnaya Sibir v epohu sredneveroviya* [Western Siberia in the Middle Ages]. Tomsk: Publishing House Tom. University, 1984. P. 46–57 (in Russian).

Lukina N. V. Sredstva peredvizheniya narymskih sel'tkupov [Vehicles of Narymsky Selkups]. *Uch. zap. TSU*. Tomsk: Publishing House Tom. University, 1966, no. 60. P. 108–118 (in Russian).

Matyuschenko V. I., Sinicina G. V. *Mogilnik u d. Rostovka vblizi Omska* [Burial site near the village Rostovka that is close to Omsk]. Tomsk: TSU. 1988, 136 p. (in Russian).

Molodin V. I., Mylnikova L. N. Issledovanie pamyatnika Kyshtovka 1 [Research of the monument Kyshtovka 1]. *Istochniki po archeologii Severnoi Azii*. [Sources on archeology of North Asia]. Novosibirsk: Nauka, 1980, p. 179–18065 (in Russian).

Ozheredov Yu. I. Barklai, kurganny mogil'nik. Materialy k enciklohedii Tomskoy oblasti [Barclay, burial mound]. *Narody i kultury Tomsko-Narimskogo priobiya* [Peoples and cultures of the Tomsk-Narymsky Priobye. Materials for the encyclopedia of the Tomsk region]. Tomsk: Publishing House Tom. unt, 2001a. P. 26–28 (in Russian).

Ozheredov Yu. I. Ispolzovanie ognya v pogrebal'nom I pominal'nom obryadah ppo materialam kurgannoj grupy Barklaj [Applying fire for burial and memorial ceremonies: based on the materials from Barklaj burial site]. *Voprosi etnokul'turnoj istorii narodov Zapadnoi Sibiri* [Studies of ethnocultural history of West Siberia population]. Tomsk: Publishing House Tom. University. 1992. P. 35–45 (in Russian).

Ozheredov Yu. I. Kamen' v pogrebal'nom obryade sel'kupov [Rocks in burial ceremonies of Selkups]. *Integraciya archeologicheskikh I etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of archaeological and ethnographic research] Omsk, 2003. P. 218–224 (in Russian).

Ozheredov Yu. I. Kosti zhiivotnih v pominal'no-pogrebal'noi progmatike i simvolike paleoselkupov “shieshgula” [Animal bones in funeral and memorial pragmatics and symbols of paleoselkups of the Narymsky Priobye “shieshgula”]. *Vestnik TGU. Istoriya* [Bulletin of TGU. History]. 2009, no. 1 (5). P. 58–65 (in Russian).

Ozheredov Yu. I. Kustovskiy kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov [Kustovsky complex of archaeological monuments]. *Narody i kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ya. Materialy k entsiklopedii Tomskoy oblasti* [Peoples and Cultures of the Tomsk-Narym Ob Region. Materials for the encyclopedia of Tomsk Oblast]. Tomsk: Tomsk State University, 2001. P. 84–86 (in Russian).

Ozheredov Yu. I. Local'no-dialektnaya gruppa “shieshgula”: idejniy kontekst arheologicheskikh istochnikov (XVI–XVII vv.). Avtoref. Diss. Kand. Ist. nauk [Local-dialect group “Shieshgula”: ideological context of archaeological resources. Ph. D. Thesis in History]. Barnaul, 2006. 22 p. (in Russian).

Ozheredov Yu. I. Pogrebal'nie sooruzheniya sel'kupov XIV-ser. XIX v. iz kurgannoj gruppy Barklaj [Burial constructions of Selkups in 17th-19th centuries from Barklaj burial site]. *Kul'turnogeneticheskie protsessy v Zapadnoi Sibiri* [Cultural and genetical processes in West Siberia]. Tomsk: Publishing House Tom. University, 1993. P. 89–92 (in Russian).

Ozheredov Yu. I. Reprezentativnie elementi pogrebal'nogo kompleksa lokalnoi gruppi yunih paleoselkupov shieshgula [Representative elements of the burial complex of the local group of southern paleoselkups of the Shieshgul]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo Universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2023a, no. 497. P. 125–133 (in Russian).

Ozheredov Yu. I. Ritual'noe derevo v pogr'tbal'nom obryade paleoselkupov Priob'ya [Ritual tree in the funeral rite of paleoselkups of Priobye (based on materials of archeology)]. *Trudy 5 V (XXI) Vserossiiskogo arheologicheskogo s'ezda v Barnaule* [Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul — Belokurikha. Barnaul]. Publishing House Alt. University, 2017, vol. II. P. 212–216 (in Russian).

Ozheredov Yu. I. Ritual'noe vtykanie oruzhiya u sel'kupov I drevnie tradicii narodov Evrazii [Ritual sticking of weapons among the Selkups and the ancient traditions of the peoples of Eurasia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo Universiteta. Isroriya*. [Bulletin of Tomsk State University. History]. 2016, no. 5 (43). P. 133–137 (in Russian).

Ozheredov Yu. I. Sakralnie strely selkupov [Sacral arrows of the Selkups]. *Priobye glazami arheologov i etnografov* [The Ob River Basin from archaeological and ethnographic perspective]. Tomsk: TSU, 1999. P. 77–119 (in Russian).

Ozheredov Yu. I. Zakhoroneniya v lodkakh u paleosel'kupov [Burials in boats among the Paleo-selkups]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, 2023, no. 4 (35). P. 83–112 (in Russian).

Pandey R. B. *Drevneindiskie dovaschnie obryady (obychai)*. [Ancient Indian domestic rites (customs)]. Moscow: Higher School, 1990. 319 p. (in Russian).

Pelikh G. I. *Proishozhdenie i istoriya selkupov. Diss. Avtoref. Kand. Ist. Nauk*. [Origins and history of Selkups. Ph. D. Thesis in history]. Tomsk, 1972 a, 38 p. (in Russian).

Pelikh G. I. Materialy po sel'kupskomu schavanstvu [Materials on Selkup shamanism]. *Etnografiya Sevetnoi Azii* [Ethnography of North Asia]. Novosibirsk: Science, 1980. P. 5–70 (in Russian).

Pelikh G. I. *Proiskhozhdenie sel'kupov* [Origin of Selkups]. Tomsk. Publishing House Tom. un-ta, 1972b. 424 p. (in Russian).

Pelikh G. I. *Sel'kupy XVII veka: (Ocherki sotsial'no-ehkonomicheskoy istorii) XVII century* [Selkups: (Essays on the social and economic history)], Novosibirsk: Nauka, 1981, 176 p. (in Russian).

Polevodov A. V., Korusenko M. A. Obryad “Obola Harona” po materialam pozdних mogil'nikov Zapadnoi Sibiri [The rite of “obol Charon” based on materials from late burial grounds in the south of Western Siberia]. *Sbornik MAES* [Collection of MAES]. Tomsk: Publishing House Tom. university, 2008. P. 164–170 (in Russian).

Prokofieva E. D. Nekotorye religioznie kul'ty tazovskih se'kupov I [Some religious cults of the Taz Selkups]. *SAME* [SAME]. L., 1977, vol. 33. P. 66–79 (in Russian).

Radlov V. V. *Iz Sibiri* [From Siberia]. Moscow: Nauka, 1989, 749 p. (in Russian).

“The Red Trinity.” *Electronic resource*: URL: <http://historicaldis.ru/blog/43634583181/%C2%ABKrasnaya-troitsa> (Accessed September 15, 2024).

Sel'kupskaya mifologiya [Selkup mythology]. Tomsk: NTL Publishing House, 1998. 80 p. (in Russian).

Smirnov J. A. Labirint: *Morfologiya prednamerennogo pogrebeniya* [Labyrinth: Morphology of intentional burying]. Moscow, 1997. 279 p. (in Russian).

Soloviev A. I. [Some aspects of the use of a horse in the burial practice of the Middle Ages according to archaeological data]. *Sibirskie tatary* [Siberian Tatars]. Omsk: Publishing house OmGPU, 1998. P. 57–58 (in Russian).

Stepanova O. B. Tradicionnye nazemnyy pogrebal'nye sooruzheniya severnyh selkupov [Traditional ground burial structures of the northern Selkups]. *EO* [EO], 2015. P. 151–168 (in Russian).

Uraev R. A. Mqaterialy r schamanizmu tymskih selrupov (po dannym ekspedicii 1956 goda) [Materials for the shamanism of the Tym Selkups (according to the 1956 expedition)]. *Tr. TOKM* [Tr. TOKM]. Tomsk: Publishing House Tom. un-ta, 1994, P. 73–85 (in Russian).

Yadanova K. V. “Vstrecha ohotnika s duhami-hozyaevami/almysom” [“Meeting of a hunter with master spirits/almys”. *Opyt ukazatelya syuzhetov i versiy po materialam altayskoy folklornoy tradicii* [Pointer experience plots and versions based on materials from the Altai folklore tradition]. *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii* [Antiquities of Siberia and Central Asia]. Gorno-Altaysk. 2009, no. 1–2. P. 174–185 (in Russian).

Yakovlev Y. A. Aldygan, kompleks arkheologicheskikh pamiatnikov [Aldygan, complex of archaeological sites]. *Narody i kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ia: Materialy k entsiklopedii Tomskoi oblasti* [Peoples and cultures Tomsk-Narymsky Priobye: Materials for the encyclopedia of the Tomsk region]. Tomsk: Publishing House Tom. University, 2001. P. 7–10 (in Russian).

Zajceva O. V., Ozheredov J. I. K voprosu o narushenii anatomicheskoy celostnosti tela pri pogrebenii u juzhnyh sel'kupov [Study of broken anatomical integrity at burials of Southern Selkups]. *Sociogenez v Severnoj Azii* [Sociogenesis of North Asia]. Irkutsk, 2005. P. 361–366 (in Russian).

Zavitukhina M. P. Rannetagarskiy mogilnik Barsuchiha V [Rannetagarsky burial ground Barsuchikha V]. *Trudi Ermitazha* [Proceedings of the SE]. Moscow: Art, 1979. P. 68–86 (in Russian).

Muller F. M. (ed.) *The Satapatha-Brâhmana*. Part I: According to the text of the Mâdhyandina schoo. New York: Scribner's, 1900. 456 p. (in English).

Статья поступила в редакцию: 26.09.2024

Принята к публикации: 25.11.2024

Дата публикации: 24.12.2024

УДК 39 (470+57) +112,2

DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–09

Т. К. Щеглова

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул (Россия)

КОММУНИКАЦИЯ ДЕПОРТИРОВАННЫХ НЕМЦЕВ И ВЛАСТИ В ПОИСКАХ ГРАЖДАНСКОГО СОГЛАСИЯ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В 1950–1970-е гг.

В исследовании анализируются гражданская и этническая виды идентичности депортированных немцев юга Западной Сибири под влиянием особенностей процессов реабилитации. В центре исследования находится диалог «советских граждан немецкой национальности» с государством в 1950–1970-е гг. в контексте традиций коммуникации общества и власти в советское время. На этничность и гражданственность немцев наряду с идеологией советского государства влияло культурное многообразие немцев. Делается вывод, что оно являлось результатом их участия в освоенческих процессах обширных территорий Российской империи на протяжении нескольких столетий. На основе полевых материалов характеризуется этнодемографическое развитие, выявляются этнотерриториальные группы немцев, их самоидентичность и участие в общественном движении. Делается вывод о влиянии дисперсного размещения депортированных немцев в сибирских сельских обществах на нивелировку их этнокультурного многообразия. На основе архивных материалов в статье рассматриваются несколько поколений и форм общественного движения депортированных немцев («письма во власть», делегации «в Кремль», деловая переписка «сверху вниз» и «снизу вверху»), что позволило выявить тенденции в развитии «советскости» немцев как граждан СССР и «немецкости» как «советских граждан немецкой национальности». Установлены «коммуникаторы» в диалоге с властью — «поволжские немцы», требования полной реабилитации которых сводились к восстановлению Республики Немцев Поволжья как условия сохранения этничности. Доказано влияние общественного движения на рост национального сознания и консолидацию этнотерриториальных групп вокруг немецкого вопроса, что способствовало формированию единой «немецкой инакости» и стиранию этнокультурных различий. Анализ диалога позволил выявить традиции коммуникации власти и общества, советской практики в области национальной политики, влияние на них смены курса партии и государства, общественного движения, международной ситуации.

Ключевые слова: немцы, этнотерриториальные группы, депортация, реабилитация, «немецкий вопрос», идентичность, этничность, «советскость и немецкость», коммуникация, «власть и общество», общественное движение, формы и лидеры общественного движения, юг Западной Сибири

Для цитирования

Щеглова Т. К. Коммуникация депортированных немцев и власти в поисках гражданского согласия и этнической идентичности в 1950–1970-е гг. // *Народы и религии Евразии*. 2024. Т. 29, № 4. С. 164–187. DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–09.

T. K. Shcheglova*Altai State Pedagogical University, Barnaul (Russia)*

COMMUNICATION OF GERMAN DEPORTEES AND AUTHORITIES IN PURSUIT OF CIVIL CONSENT AND ETHNIC IDENTITY IN THE YEARS 1950–1970-THS

The research analyzes the civil and ethnic identity in German deportees of the South of Western Siberia under the influence of the processes of justification. The research is focused on the dialogue of “Soviet citizens of German nationality” with the federal authorities in the years 1950–1970 in the context of traditions of communication of society and authorities in the Soviet time. The ethnicity and civic consciousness of German people was under the influence of Soviet state ideology as well as the cultural diversity of the Germans, and the conclusion is made that it was the result of the participation in the processes of developing vast territories of the Russian empire during several centuries. On the basis of field materials, the author characterizes ethnic demographic development and reveals ethnic territorial groups of German people, their self-identity and participation in civil society movement. The conclusion is drawn about the influence of disperse disposition of deported German people in Siberian communities to level up their ethnic cultural diversity. On the basis of archive materials the article considers several generations and forms civil society movement of deported German people (“letters to authorities”, delegations “to the Kremlin”, business correspondence “top-down” and “bottom-up”) that allowed to reveal the tendencies in the development of “Sovietness” of German people as citizens of the USSR and “Germanness”, as “Soviet citizens of German nationality”. The author specifies “communicators” in the dialogue with authorities — “Volga Germans”, whose demands for complete justification meant reestablishing the Republic of Volga Germans as the condition of preserving ethnicity. The influence of the civil society movement on the growth of national consciousness and consolidation of ethnic territorial groups on the German issue was proved, which contributed to the formation of the unified “German otherness” and deletion of ethnic cultural discrepancies. The analysis of the dialogue allowed us to reveal the tendencies of communication between the society and authorities, Soviet practices in the sphere of national policy, the influence of the change of the course of the Party and the state on them, as well as civil society movement, world affairs.

Keywords: the Germans, ethnic territorial groups, deportation, justification, “German issue”, identity, ethnicity, “Sovietness and Germanness”, communication, “society and

---

authorities”, civil society movement, forms and leaders of civil society movement, the South of Western Siberia

---

For citation:

Shcheglova T. K. Communication of german deportees and authorities in pursuit of civil consent and ethnic identity in the years 1950–1970-ths. *Nations and religions of Eurasia*. 2024. T. 29, No. 4. P. 164–187 (in Russian). DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–09.

Щеглова Татьяна Кирилловна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** tk_altai@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2738-414X>

Shcheglova Tatiana Kirillovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of National History of the Altai State Pedagogical University, Barnaul (Russia). **Contact address:** tk_altai@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2738-414X>

Введение

Немецкий вопрос в 1950–1980-е гг. «Не всё исправимо, что допущено в истории»

Среди депортированных в Сибирь народов наиболее сложным и не завершенным в советское время являлся вопрос о реабилитации немцев. Реабилитация заняла более 50 лет, проходила с неоднократным изданием актов, что Н. Ф. Бугай назвал масштабной работой [Бугай, 2006: 170]. В советское время особенности реабилитации немцев определяли три Указа Президиума Верховного Совета СССР¹. Первый указ через 14 лет после депортации (13 декабря 1955 г.) о послаблении немецкого вопроса², снимал ограничения в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении, но запрещал возвращаться туда, откуда их депортировали, и не повлек за собой возвращения им имущества, конфискованного при выселении. Такое решение было принято на фоне восстановления национальных автономий других депортированных народов — калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев. Второй указ (29 августа 1964 г.), появившийся через 23 года после депортации, снял с немцев Поволжья «огульные обвинения» в пособничестве агрессору, но не предусматривал возвращения в довоенные регионы проживания и восстановление АССР немцев Поволжья. Через 31 год после депортации третий Указ от 3 ноября 1972 г. снял запрет на возвращение в родные места, но без восстановления Поволжской республики немцев.

В ответ на запросы немецкой общественности союзные органы власти аргументировали свое решение тем, что территория Поволжья уже заселена другими переселенцами. Государство ориентировало немцев на развитие социально-культурной сре-

---

¹ Подробный аналитический обзор этих документов сделан в работе [Шадт, 2003: 13–26]

² Ранее постановлением Совета Министров СССР от 13 августа 1954 г. были сняты ограничения по спецпоселению с немцев — местных жителей Сибири.

ды в местах переселений для сохранения немецкой этничности. Так сформировался немецкий вопрос, который был поставлен общественным движением советских немцев и состоял в предоставлении полных гражданских прав и создание условий развития немцев как социалистической нации. Затянувшаяся реабилитация вызвала общественное движение за восстановление республики, которое сыграло большую роль в развитии этничности и самоидентичности советских немцев. Немецкий вопрос был частично закрыт в начале 1990-х гг. созданием двух немецких районов в Сибири: Немецкого национального района Алтайского края (Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 июля 1991 г.) и Азовского немецкого национального района (17 февраля 1992 г.). За прошедшее время выросло новое поколение немцев Алтая, для которого прежняя жизнь до депортации была связана лишь с воспоминаниями далекого детства или с рассказами представителей старшего поколения.

Содержание немецкого вопроса в период наиболее активного его обсуждения в 1950–1970-е гг. содержится в стенограмме «Сокращенной записи беседы, состоявшейся 7 июля 1965 г. на приеме Второй делегации советских немцев с товарищем Микояном А. И.» [ГААК. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 333]. Эти протоколы были позже изданы (см.: [История российских немцев, 1994: 21–41]).

«Вельц. Мы жили на нашей территории двести лет. У нас были все признаки нации, но мы должны были оставить эту территорию. Республика наша была ликвидирована. Из 48 лет советской власти немцы 23 года живут в неравноправном положении. У нас было 11 депутатов в Совете национальностей, 3 в Совете Союза. У нас было 5 вузов, 400 средних и начальных школ, национальный театр, издательство, 5 республиканских и более 20 районных газет и журналов...

Микоян. Советские немцы вели себя хорошо и во время войны, после войны и ведут себя хорошо сейчас... Нельзя считать, что немцы не могут жить без республики. Ведь 2/3 немцев жили не в республике, и жили хорошо... Полная реабилитация немцев есть. Вы ставите вопрос о восстановлении республики. Мы хорошо понимаем, что это было бы лучшим решением вашего вопроса. Но это невозможно, т. к. нужно взять полмиллиона немцев и переселить их... Это вызовет огромные экономические затраты, но в отношении культурных потребностей мы пойдем навстречу. Не все исправимо, что допущено в истории.

Прокофьев (Министерство высшего образования). В Барнауле при пединституте имеется немецкое отделение. Решено сделать его головным (факультетом) и поручить ему разработать программы и учебники для всех остальных немецких отделений в других городах. Славгородское училище будет сделано опорным, усилено кадрами и материальной базой... С 1 сентября 1966 г. при наличии доброй воли родителей будут созданы начальные классы и школы по обучению детей немецкой национальности на родном языке» [История российских немцев, 1994: 25, 36–37].

На современном этапе рассмотрение немецкого вопроса имеет не только гражданское, но и научное значение. Государственный «эксперимент» по принудительному переселению немцев дает возможность рассмотреть, что и как происходило с этнической общностью и его культурой в отличающихся от мест проживания условиях в контексте репрессивной политики и формирования травматической памяти. На этническое раз-

вите немцев оказало влияние одновременное размещение разных этнотерриториальных немцев из разных регионов европейской части СССР в рамках одного сельского сообщества с преобладанием русского населения; их консолидация с целью преодоления неблагоприятных факторов военного и послевоенного времени, особый статус, обусловленный принадлежностью к народу, с которым шла война.

В совокупности эти факторы, с одной стороны, способствовали затуханию этничности, с другой стороны, вели к консолидации и закреплению идентичности в социуме «советских граждан немецкой национальности». Это обусловило основные идеи и требования общественного движения немцев. Во-первых, восстановление и укрепление их гражданских прав — полноценных «граждан Советского Союза», что означало быть «полноправным строителем коммунизма»; во-вторых, сохранение и развитие немецкой этничности как народа (этноса). Реализацию общественных интересов взяла на себя та часть интеллигенция, которая попыталась под влиянием послесталинской оттепели завершить процесс реабилитации воссозданием Поволжской республики. В этом движении активистами выступили поволжские немцы, которые, по словам А. Германа, «за 177 лет проживания на Волге сформировались в оригинальную компактную этническую группу» [Герман, 2022: 14–15].

Историки касались этих вопросов [Волохов, 2009: 503–513], но антропологические аспекты — этничность и идентичность немцев — мало подвергались исследованиям. Требуются усилия этнологов по выявлению факторов сохранения, отказа или трансформации этнической идентичности и этнической культуры; соотношения гражданского и этнического самоопределения. На решение немецкого вопроса влияли формы и характер взаимоотношений немецкой общественности с органами государственной партийной власти на всех ее уровнях. Отсюда *целью* проведенного исследования является анализ развития этнической и гражданской идентичности немцев в контексте государственной политики и диалога «советских граждан немецкой национальности» с государством в 1950–1970-е гг. Основой проведенного анализа стали материалы полевых исследований, опубликованные и неопубликованные документы, отражавшие коммуникацию власти и общества, выявленные в Государственном архиве Алтайского края (ГААК) и Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). Особенно важны документы личного происхождения — письма во власть, переписка между лидерами общественного движения, протоколы и стенограммы встреч в Кремле советских немцев — «ходовков» с высшей государственно-партийной властью. Впервые они анализируются с позиции антропологии. Антропологическое содержание этих источников извлекается с применением традиционных и новационных концепций и подходов — теории этноса Ю.А. Бромлея, теории идентичности В.А. Тишкова, метода крупного плана в антропологии А.В. Головнева.

Этнодемографическое развитие и этнокультурный портрет «советских граждан немецкой национальности»

На юге Западной Сибири немецкое население стало формироваться с XVIII в. — начала освоения этой территории. За триста лет сформировалось три группы немцев. Это сельские немцы — участники массовых крестьянских переселений рубежа XIX–XX вв., компактно расселившиеся на степном западе. Это городские немцы —

деятели горнозаводского производства, образования, здравоохранения, науки и др. Это депортированные в 1940-е гг. немцы, живущие повсеместно на всей территории региона.

Первые немцы появились в период массового освоения горнорудных металлов и развития горнозаводского производства. Достаточно сослаться на тот факт, что из 23 начальников Кольвано-Воскресенских заводов и одновременно губернаторов Томской губернии немцы занимали этот пост 10 раз [Матис, 2008: 10]. Численность немцев в Алтайском округе в конце XIX в. составляла 499 чел. [Первая всеобщая перепись, 1905]. Первые немецкие земледельческие поселения появились в 1890-х гг. Их жители относятся к одной из групп российских крестьян, переселившихся из Европейской России на плодородные земли. В Славгородском уезде в 1907 г. в период столыпинских переселений было основано 14 немецких поселений, в 1908 г. — 16, в 1909 г. — 16. К 1914 г. немецкое население в Славгородском уезде составляло 17 тыс. чел. [Бруль, 1995: 21]. А по данным переписи 1920 г., в губернии было 5278 немецких домохозяйств. К 1926 г. немецкое население по численности вышло на 4-е место (34156 чел.) в губернии. Основная масса немецких переселенцев размещалась в районах Славгородского (31743 чел.) и Рубцовского (1929 чел.) округов [Щеглова, 2015: 99].

В результате многофакторных процессов переселений на юге Западной Сибири сформировалось поликультурное и поликонфессиональное немецкое население. В начале XX в. в Кулундинской степи немцы составляли 53% всего населения, русские — 8,7%, украинцы — 36,4%. Среди немцев 29% составляли менониты, а остальную часть католики и лютеране: «Немецкие колонисты ревниво следили за сохранением своих обычаев и традиций. В первую очередь это проявлялось в том, что каждая этническая группа говорила на своем диалекте, придерживалась своих религиозных обычаев. Отношения между переселенцами разных деревень практически отсутствовали, а порой были враждебны. Браки представителей различных конфессий не приветствовались. Негласный запрет существовал и на межнациональные браки» [Матис, 2008: 11]. Отсюда и вывод: «схожесть немцев, переселившихся на Алтай, была весьма условной» [Матис, 2008: 11]. В результате благодаря участию немцев в освоительских процессах Сибири на ее территориях сформировались немецкие ареалы путем консолидации переселенцев по этнотерриториальным группам, имевшим одинаковые места выхода и отличавшихся конфессиональной, бытовой культурой, речью, историческим прошлым.

Многоцветие в этнокультурную мозаику немцев Алтая добавили депортации с территорий Европейской России, где в разное время и в разных природно-климатических и этнокультурных средах формировались локальные или территориальные варианты немецкой культуры. Как известно, российские немцы не являлись монолитной группой, так как «были выходцами из различных земель Германии, Австрии, Голландии. В их традициях, обычаях, быте существовали значительные отличия...» [Матис, 2008: 11]. Немцы появились в России в разное время, с разных территорий раздробленной Германии, с разными целями (от потомков рыцарских орденов в Прибалтике и саксонских горных инженеров до земледельцев Баварии, Бадена, Гессена, Пфальца и Рейнской области) и расселились на удаленных территориях Российской империи, накапливая разницу в языках и культуре. Это привело к формированию этнотерриториальных групп.

Именно «территория проживания (или территория выхода предков) лежит в основе самоидентификации немцев России» [Смирнова, Киссер, 2017: 49].

На юг Западной Сибири наряду с депортацией поволжских немцев принудительно-му переселению подверглись немцы из Москвы, Московской и Ростовской областей (сентябрь 1941 г.); из Тульской области, Краснодарского и Орджоникидзевского краев, Северо-Осетинской и Кабардино-Балкарской АССР, восточных областей Украины (сентябрь–октябрь 1941 г.); из Воронежской и Сталинской (Донецкой) областей, Чечено-Ингушской и Дагестанской АССР, из Закавказья (октябрь 1941 г.) и других регионов вплоть до мая 1942 г. В конце войны и в первые послевоенные годы немцы попали в Сибирь с ранее оккупированных Германией территорий в ходе послевоенной «за-чистки» территорий Прибалтики, Молдавии, Западной Украины и Белоруссии. Усиление этнокультурной мозаики немецкого населения сопровождалось увеличением численности немцев.

Накануне Великой Отечественной войны, по данным П. М. Поляна, в Алтайском крае проживало 29 тыс. немцев [Полян, 2001: 113], по переписи 1939 г. на Алтае проживало 33 203 чел. немцев [Всесоюзная перепись населения]. В результате депортации численность немцев на юге Западной Сибири резко возросла. В Алтайский край первые депортированные немцы Поволжья (99,4 тыс. чел.) прибыли с 11 по 30 сентября 1941 г. с размещением в 57 сельских районах и Ойротской АО (в Новосибирскую обл. — 124,7 тыс., в Омскую обл. — 83,5 тыс. чел., которых расселили в 60 районах) [Красильников, Сарнова]. По-видимому, авторы исходили из принятого на совместном заседании бюро Алтайского крайкома ВКП (б) и Алтайского крайисполкома плана приема и размещения 95 тыс. эвакуированных по 58 районам края. По другим данным, в Алтайский край были направлены 81123 немца разного возраста, доехали 80655 чел. (потери — 468 чел.), которых расселили по 47 районам края. Эшелоны с привозимыми немцами принимали на 14 станциях. Общая численность депортированных в Алтайский край составила, по разным данным, от 100 303 [Ремпель, 1996: 69–96] до 115 000 чел. [Немцы в Сибири, 2007].

Немцы были расселены почти по всем районам Алтайского края и отражали всю этнокультурную палитру российских немцев — львовские, поволжские, ростовские, прибалтийские, донецкие и др.; менониты, лютеране и католики; с саксонскими, тюрингскими, австрийскими, швабскими, саксонскими, прусскими корнями. На Алтае из 8 десятков районов практически не было ни одного, где в годы войны не появились бы немцы. Это отразила перепись 1959 г. В 1959 г. районов Алтайского края с численностью немцев свыше 5 тыс. человек было пять (Хабарский, Славгородский, Табунский, Благовещенский, Михайловский). В 2002 г. остался один район (восстановленный Немецкий национальный район со столицей в Гальбштадте). В 1959 г. было 27 районов Алтайского края с численностью немцев от одной до трех тысяч человек, в 2002 г. осталось 19. Преобладают районы с численностью немцев от 100 до 1000 чел. Если в 1959 г. их было 18, то в 2002 г. — 38 районов [Щеглова, 2015].

На современном этапе немцы прочно заняли второе место по численности: по переписи 2002 г. титульный русский этнос составляли 2 398 117 чел., затем немцы — 79 502 чел., украинцы — 52 700 чел. За период между переписями 1989 г. и 2002 г. численность

немцев уменьшилась на 1,5%. Особенно резкий спад произошел именно в 1990-е гг.: в 1979 г. немцев насчитывалось 124745 чел., в 1989 г. — 127731 чел., в 2002 г. — 79502 чел., в 2010 г. — 50701 чел. В 2020 г. — из 2163693 человек населения Алтайского края записали себя российскими немцами, русскими немцами или швабами³ — 25361 человек. За последние 10 лет численность упала почти в два раза.

Полевые исследования показали, что на территории Алтайского края среди депортированных немцев преобладали три этнотерриториальные группы: ростовские, донецкие (украинские) и поволжские немцы — формирование первых проходило на территории Войска Донского в условиях влияния казачье-крестьянской культуры, вторых — в Донцке, с влиянием украинской культуры, в полиэтническом Поволжье. Дальше шли одесские, воронежские и другие немцы. Их дисперсное расселение создало условия для стирания этнокультурной разницы. Ускорил процесс нивелирования множественной инакости немцев социальный статус спецпереселенцев. Лишение гражданских прав уравнивало всех немцев и консолидировало вокруг стремления к их восстановлению. Этнокультурный портрет советских немцев Алтая во второй половине XX столетия претерпевал значительные изменения, сохраняя этнотерриториальную идентичность только в семейной социальной памяти.

Общественное движение «советских граждан немецкой национальности»: память, этничность и гражданственность

Наибольшей остроты немецкий вопрос достиг на рубеже 1950–1960-х гг. и вызвал разные формы общественного движения советских немцев. Оно не являлось чем-то особенным. В этнических обществах депортированного населения стремление вернуться к довоенному статусу проявлялось в побегах из мест высылки. Их практиковали выселенные из Крыма татары, греки и др. В докладной записке от 20 января 1949 г. министра внутренних дел значится, что «на протяжении семи лет в результате оперативно-разыскных мероприятий задержано 1529 выселенцев, самовольно возвратившихся в районы их прежнего жительства» [Бугай, 2002: 187]. Другой формой были письма «наверх». Коллективное письмо спецпоселенцев-калмыков И. В. Сталину с просьбой восстановления калмыков в гражданских правах начиналось со слов «Вождю и учителю народов СССР». И далее, сокрушаясь о «той пропасти, в которую они попали по вине войны и кучки изменников из своей среды», они пишут, что «должны быть возвращены на родные земли, национально объединены, политически реабилитированы и экономически возрождены... Нельзя забывать, что нас, калмыков мало... калмыки написали вам тысяча писем...» [Депортированные калмыки, 2018: 131, 134–136]. Такие же письма писали немцы. Известно письмо (1963 г.) в стихах Г. Г. Вормсбехера (1938 г. р., члена партии с 1961 г., педагога из Алма-Аты, позже члена Союза журналистов СССР с 1969 г., члена Союза писателей СССР с 1988 г.) первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву с призывом восстановить справедливость по отношению к репрессированным немцам.

³ Следы раздробленности Германии сохранились в исторической памяти, отражающейся в названии этнотерриториальных групп: швабы — Швабия, саксонцы — Саксония, баварцы — Бавария и др.

Самой массовой формой была организация в Москву делегаций с целью «ходачества» в высшие органы власти. Перед этим собирали по всей стране подписи в поддержку выдвинутых в письме требований. В письмах, которые «ходоки» представляли как волеизъявление всех советских граждан немецкой национальности, они опираются на историческую память, которая реабилитирует немцев и осуждает государственную политику принудительных переселений «Кто знает сегодня в стране, что немцы России имеют многовековую историю? В Казахстане казахи считают их потомками военнопленных. На Волге с удивлением спрашивают, как они появились после войны из Германии. Ведь никто не знает, что они 223 года тому назад освоили целинные земли Нижней Волги, в прошлом веке освоили целинные земли Причерноморья и создали самую богатую житницу хлеба в Европе. Немцы создали на своей новой Родине более двух тысяч деревень и городов...» [История российских немцев, 1994: 43].

Мнения лидеров общественного движения немцев менялись в зависимости от результатов, начавшихся после указа 1964 г. переговоров с государственно-партийной властью СССР. Консолидация немцев проходила в 1960–1970-е гг. вокруг двух проблем, сформулированных общественным движением: 1) борьба за восстановление Поволжской немецкой республики как территории, куда должны были вернуться не только депортированные поволжские немцы, но где должны были объединиться в единое этническое сообщество другие этнотерриториальные группы советских немцев; 2) движение за право эмиграции в Германию.

Общественное движение за автоматизацию немцев стало способом укрепления их гражданственности и этничности. Важно выявить взаимодействие государственно-политических, реабилитационно-этических процессов с этническим развитием немцев, их гражданской позицией, самосознанием и культурой. В этом смысле немецкий вопрос касался такой важной антропологической проблемы, как коммуникация власти и общества. На нее влияла сформировавшаяся в обществе советских немцев антитеза. С одной стороны, травма в социальной памяти немцев о депортациях в 1940-е гг. и незавершенность процессов их реабилитации. С другой стороны, демократизация в отношениях власти и общества в послесталинский период и признание вклада советских/российских немцев в победу и восстановление народного хозяйства. На фоне происходящих изменений нерешенность проблемы этнического и гражданского статуса немцев особенно стали заметны и являлись точкой дискомфорта в коммуникации с государством в 1950–1980-е гг.

На пути к гражданскому согласию и этничности. Делегации немцев в Кремль

С окончанием войны общественный статус немцев осложнялся двусмысленностью их положения на гражданском уровне; а на обывательском уровне слово «немец» надолго приобрело негативную коннотацию. Немцы продолжали жить в местах принудительной ссылки и не имели права вернуться в родные края. Отличие судьбы немцев от других депортированных осознавалось не только ими самими, но и местным населением, которое было свидетелем как приезда, так и отъезда переселенцев. Точкой отсчета затянувшейся на десятилетия реабилитации для немцев стал 1944 г., когда возник процесс восстановления довоенного статуса польских переселенцев. Начало положило создание на освобожденной территории социалистической Польши, что при-

вело к снятию с депортированных поляков ограничений и возвращение их на родину. Их отъезд вызвал надежду. Еще больше ожиданий вызвал период послаблений, переросший с середины 1950-х гг. в реабилитацию депортированных народов. В материалах интервью очевидцев из местного сельского населения так это характеризовалось: «Ну, само многочисленны были вот украинцы, немцы... Спецпереселенцы тогда. ... Ну и потом..., когда вот калмыков вызвали. А потом уже, когда здесь Сталин начал, этих и своих всех, и азербайджанцев, и армян, и чеченцев... в пестят третьем году они все поудрали. Все на родину. Разрешили ведь, все уехали» [Архив ЦУиЭ. ИЭЭ. Музыка (Репецкая) Татьяна Николаевна, 1938 г. р. Топчихинский район, село Победим, Запись 2018 г.].

Сами немцы, оставшиеся жить на Алтае, так говорили: «Работали. Совхоз... калмыки, армяне, молдоване. Вот эти переселенцы ... В 1957 г. их реабилитировали, и они выехали на родину. Но немцы не стали выезжать, а калмыки уехали на свою историческую родину. Калмыки, армяне они уехали отсюда... Вот немцы, они никуда не стали уезжать, они так и обосновались здесь. Привыкли. Потом уже стали, когда перестройка, уезжать отсюда... А мы тут остались. Родители мои ни в какую. Отец — «Я умереть не хочу в Германии. Вот моя Родина. Мы обосновались тут» [Архив ЦУиЭ. ИЭЭ. Шиллер Петр Карлович, 1947 г. р. Топчихинский район, поселок Дружба, Запись 2018 г.].

Анализ эгодокументов показывает, что в процессе принудительных переселений разные этнотерриториальные группы немцев из европейской части СССР собирались в границах одного сельского общества. В этом смысле принудительные переселения способствовали встрече и диалогу донецких, одесских, волжских, крымских, украинских, сибирских, кавказских, ростовских и других групп немцев. Немцы, встретившись в депортации, замечали разницу друг с другом в языке, в религиозных обрядах, в культурно-бытовых привычках: «А у немцев тоже всякие языки есть ... Такие вот, как хохлы и русские, так и у немцев есть такие и такие, и всякие. Ну наши предки — они не... с Германии. У нас совсем акцент другой, как вот у поволжьевского [поволжские] были. Мои предки как бы не с Австрии были. Я вот слушала австрийский язык... Они, наверное, оттуда, мои предки. А с поволжьевское у нас не сходится язык. А мы были с Украины. Моя бабушка — она с Одессы... Мы знали украинский... она всегда говорила: «Шо вы нейробы?» ... Она по-хохлацки и по-немецки, а я по-хохлацки не разговаривала, потому что я сюда приехала. Я уже тут по-русски больше... Я-то мало по-хохлацки [понимала]. Дома все ж больше по-немецки. И в школе учились... По-русски было, не по-украински» [Архив ЦУиЭ. ИЭЭ. Шнарк Зинаида Гуковна, 1930 г. р. ИЭЭ. Алейский район. Село Большепанюшево. Запись 2021 г.].

Статус спецпереселенцев консолидировал этнотерриториальные группы немцев. Инструментом стирания этнокультурных и этноконфессиональных границ служило общественное движение за полную реабилитацию прав советских граждан немецкой национальности. Оно вело к формированию этнического и гражданского единства немцев с сохранением социальной памяти о своих корнях. Инициатива в постановке вопросов о правах немцев и как граждан, и как этнической общности, как показывает состав «делегаций в Кремль», принадлежала поволжским немцам — самой организованной части «советских граждан немецкой национальности», вокруг которых консолидировались другие этнотерриториальные группы. Они, в отличие от других групп,

имели опыт административно-национального строительства в рамках существования АССР «Немцы Поволжья» (1918–1941 гг.). Он накапливался ими и ранее, в период совместного проживания в поволжских земледельческих колониях в XVIII–XIX вв. За все годы был приобретен опыт организации производственно-повседневной жизни немцев с сохранением языка, традиций, культуры. Став лидерами общественного движения за восстановление республики, они сыграли организующую и консолидирующую роль. Историк А. А. Герман связывал с поволжскими немцами само существование советских немцев как нации. Он пишет, что в результате депортации поволжские немцы «были рассеяны на огромной территории СССР — до 3 млн кв. км. В дальнейшем, с учетом вторичных депортаций на Крайний Север и мобилизации в Трудовую армию, площадь их рассеяния увеличилась более чем в 3 раза, что означало конец существования немцев Поволжья как уникальной этнотерриториальной группы немецкого населения СССР. В местах депортации, «трудовой армии» и спецпоселения произошло смешение территориальных, конфессиональных и социальных групп немецкого населения. Резко выросло число межнациональных браков» [Герман, 2022: 14–15]. В этом смысле депортация способствовала сближению, взаимодействию и этнической консолидации немцев.

Используя концепцию А. В. Головнева, названную «портрет крупным планом в антропологии» [Головнев, 2010], можно через лидера движения, участника «делегаций в Кремль» Ивана Кроневаляда выявить трансформации этничности и идентичности немцев под влиянием депортаций и затянувшейся реабилитации. Этнограф Т. С. Киссер пишет: «По оценке Кроневаляда, в конце 1970-х гг. в основном закончился процесс создания единой национальной общности советских немцев, исчезло их деление на волжских, крымских, украинских, сибирских, кавказских и т.д. В результате сложилась двойная идентичность: «каждый советский немец по национальности считал себя немцем, а по гражданству — советским»» [Киссер, 2016: 97].

Такой подход в современной антропологии оформился в концепцию со множественной идентичностью [Тишков, 2003: 501], которая в первую очередь применима к российским немцам (к коренным народам России — «теория этноса» [Бромлей, 1983]). В России население по гражданской идентичности считает себя россиянином. По этнической идентичности россиянин может быть и русским, и татариним, и чеченцем, и хантом. По региональной идентичности — сибиряком или волжанином. В социальной семейной памяти русский сибиряк в соответствии с происхождением называет себя казаком сибирским или донским, кержаком, талгаем или пензяком — это этнотерриториальная (субъэтнос) память/идентичность. Такая множественность является следствием длительных исторических процессов освоения обширной территории и не вступает в противоречие с основополагающим для российского общества гражданской идентичностью — россиянин, а внутри гражданского общества существование этносов — или народов; для численных этносов — субъэтносов (этнотерриториальных групп), сформировавшихся под влиянием тех или иных условий. Скрепками единства этнокультурной мозаики населения выступало и выступает государство, которое цементирует в единое гражданское общество всё полиэтническое население страны.

Подтверждение множественной идентичности немцев как «советских граждан немецкой национальности» мы находим в документах протоколов поездок делегации советских немцев в Москву в 1965 г., которые выявлены в личном фонде советского деятеля Алтайского края А. Н. Невского [ГААК. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 333]. Протоколы были позже изданы [История российских немцев, 1994: 21–41]. Они позволяют выявить влияние депортации и особенностей процессов реабилитации на гражданское и национальное самосознание, этническую идентичность советских/российских немцев. К рукописному варианту приложено письмо Генриха Фалька к Фуксу о поддержке воссоздания Республики немцев, но не на Волге, а на Алтае. Оно поддерживало позицию власти в отказе восстановления республики на Волге на основании того, что немцы за годы депортации «укоренились» в местах принудительного переселения. При этом термин «укоренение» применялся и к переселившимся в Поволжье на освободившиеся территории. В качестве альтернативы Поволжской республики рассматривались версии ее создания в Российской или Казахской Федерациях, в местах наибольшего расселения депортированных немцев.

Генрих Фальк, проживающий в Киргизской ССР (город Кант, ул. Комсомольская, 60), позиционировал себя как «обрусевший немец» и как представитель молодого поколения: «Движение за восстановление Немецкой АССР ширится с каждым днем; все шире в это движение вливается обрусевшая немецкая молодежь. Я являюсь его представителем. От имени определенного круга обрусевшей немецкой молодежи Киргизии я рад Вам сообщить, что мы полностью Вас поддерживаем и гордимся Вами» [ГААК. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 333. Л. 18]. Письмо обращено к «ходакам» в Кремль и написано 17 августа 1966 г. после поездки двух делегаций немцев в Москву в 1965 г. По-видимому, А. Н. Невский как секретарь по идеологии Алтайского крайкома КПСС был задействован в решении немецкого вопроса, являясь коммуникатором между центральной властью и региональным немецким обществом. В связи с тем, что Алтай называли в ряду других территорий, где возможно создание республики для немцев, он пытался собрать аргументы в пользу этой версии. Об этом говорит фраза, что собирались подписи немцев западного Алтая, где на основе анклава немецких поселений в советское время в 1920–30-е гг. существовал немецкий национальный район. Письмо Генриха Фалька было поддержкой алтайского варианта республики: «Как добрый весенний ветер разнеслась среди советских немцев хорошая весть о том, что Вы и тов. Беккер А. И. собирали среди совет. немцев западного Алтая подписи в поддержку справедливого требования сов. немцев восстановить нашу республику, только на этот раз не на Волге, а на Алтае» [ГААК. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 333. Л. 18].

Формой коммуникации между властью и немецким обществом была деятельность делегаций советских немцев, принятых председателем Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояном. Поводом к поездкам стал Указ от 29 августа 1964 г., согласно которому признавалось, что обвинения в отношении советских немцев были безосновательными и явились проявлением произвола в условиях культа личности Сталина. Делегаций было две: 2–13 января 1965 г. (13 человек, 660 подписей советских немцев); 3 июня — 23 июля 1965 г. (43 делегата, 4 тыс. подписей). Они являлись показателем роста национального самосознания немцев. Из 43 делегатов — восемь были

из Сибири: шесть из Красноярского края и два делегата из Алтайского [Список Второй делегации]. Алтайский край представляли беспартийные пенсионеры — учительница из Романово П. И. Гиль (1914 г. р.), Ф. Г. Нейвирт (1899 г. р.) из Барнаула. Из города Красноярска — К. П. Винтер (1913 г. р.), бухгалтер, член партии с 1939 г.; Д. И. Гольман (1899–1990), писатель, член партии с 1959 г.; А. Г. Яук (1897 г. р.), пенсионерка, портниха. Из Красноярского края: Г. Ф. Кайзер (1901–1967), пенсионер из Черногорска; Д. Г. Госман (1905 г. р.), шофер, из города Шира; Ф. Г. Шесслер. В основе их требований лежала полная реабилитация, которая представлялась ими как «восстановление довоенного положения в полном его объеме без каких-либо исключений».

Погружение в индивидуальность исторического персонажа и рассмотрение изучаемой ситуации его глазами методом крупного плана показывает, что аргументы членов комиссии сочетали в себе две идентичности членов делегации — это «немецкость» как этничность и советскость как гражданственность. Все они называли себя советскими гражданами, многие — коммунистами. И одновременно исходя из своих гражданско-коммунистических представлений они выступали за признание за ними статуса полноправной этнической общности при реабилитации прав советских немцев как нации. В их высказываниях, поведении, позиции отражаются два стремления — к этнической идентичности как сохранения немецкости и к гражданскому согласию. И та, и другая идентичности базировались на ментальности советских немцев, которые ощущали себя полноправными советскими людьми и одновременно немцами с опорой на марксистско-ленинские положения по национальным вопросам: «когда в 1918 г. Ленин подписал декрет, что земля передается крестьянам, он исходил из Программы партии, из того, что мы участвовали и в турецкой, и в первой мировой войне, и в гражданской войне» [История российских немцев, 1994: 23].

По словам одного из наиболее активных делегатов К. К. Борнемана (1896–1980, пенсионер, с. Котово, Волгоградская обл.), «немцы, прибыв в Россию, освоили пустые земли, вложили в них много труда и кровью создали город и села, а во время коллективизации мы приняли землю по государственному акту, и значит у нас есть земля, своя земля, есть территория» [ГААК. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 333. Л. 11]. Его смелая и наступательная позиция во время переговоров опиралась на его партийный стаж с 1918 г. Анализируя его эмпирический опыт, можно уловить «философию жизни» членов делегации, их восприятие эпохи, веру в социалистические идеалы. Самопрезентация немцев во время встречи с А. Микояном позволяет реконструировать их гражданственность как советскость — это коммунистическая убежденность, это активное участие в социалистическом строительстве, это преданность отечеству и одновременно оскорбленное достоинство, горечь и даже бунт против незаслуженного наказания, острое ощущение несправедливости, которыми проникнуты выступления членов делегации. Ф. Г. Шесслер (1902–1980, пенсионер, член партии с 1939 г., Абакан Красноярского края): «Мы не являемся врагами нашей Родины и свою преданность ей доказали своим трудом... Я член партии и многое сделал для своей партии. И не могу больше молчать, и я не преступник» [История российских немцев, 1994: 23]. Они аргументировали, что являются коммунистами (из 43-х человек 18 были членами партии и один комсомольцем) и строителями коммунизма.

При этом, как сказал Г. Ф. Вормсбехер (1899 г. р., член партии с 1924, персональный пенсионер, Вильнюс), остаются неравноправными членами общества, с которых не сняты ограничения: «Я коммунист и 13 товарищей, сидящих здесь, тоже являются членами партии. И мы не можем совместить то, что творится по отношению к советским немцам ни с ленинской национальной политикой, ни с Конституцией СССР, ни с программой КПСС. Являемся ли мы советским народом? Думаю, мы являемся таковыми» [ГААК. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 333. Л. 13]. Свой долг гражданина, по словам К. Д. Вельца (1911–1991, писатель, Целиноград), они видят в укреплении советского государства и построении социалистической экономики: «Мы просим предоставить нам возможность внести свой весомый вклад в построение коммунизма. 23 года мы находились в неравноправном положении, но мы оставались советскими людьми». Все члены делегации опираются на свой опыт. Учительницу из Романово П. Гиль беспокоит судьба детей: «У меня восемь детей. Наши дети должны знать родной язык. Мы очень просим восстановить нашу республику. Наши дети воспитываются для коммунистического общества. У меня 8 детей, из них 7 комсомольцев и одна пионерка. Я сама была комсомолкой, когда нас выселяли. У меня два сына служат в армии, один из них был недавно в отпуске за хорошую службу. Я горжусь, что мои дети хорошо служат. Но почему они не могут быть равноправными?» [ГААК. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 333. Л. 12].

В совокупности менталитет и идентичность немцев как граждан Советского Союза проявляется в обращении к истокам ленинской национальной политики. В речах «ходоков» отражается приверженность большевистскому пониманию наций и национальной политики, базовым принципом которой являлось равенство народов и создание административно-территориальных единиц по этническому принципу (Республика немцев Поволжья, Калмыцкая республика и т. д.), что соответствовало и лозунгу «право наций на самоопределение», которым заменили систему административно-территориального деления Российской империи по географическому принципу устройства губерний (Саратовская, Пензенская, Тамбовская и др.). Именно поэтому в качестве главных аргументов члены делегации апеллируют к Ленину: «Нам больно убеждать кого-то в правоте Ленина»; «Республика немцев Поволжья была создана одной из первых и была создана Лениным, а теперь получается, что он был не прав». К. Д. Вельц напоминал о поддержке молодой советской Россией Республики немцев Поволжья: «Когда мы организовывали уезды на Волге в 1918 г, мы собирали парткомитет и решили присоединиться к Саратову, я был послан в Москву, попал к Сталину, сказал ему что мы присоединимся к Саратову. Он взял меня за плечо и сказал, что есть ленинская национальная политики, мы не можем ее изменить» [ГААК. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 333. Л. 16].

Советскостью проникнута и позиция «обрусевшего» представителя немецкой молодежи Г. Фалька. Его портрет крупным планом отражает послевоенное поколение советских немцев, оптимистично настроенного на победу социализма и коммунизма. Он писал: «Ленинизм опровергнуть нельзя, как нельзя опровергнуть правду... Поэтому рано или поздно противникам автономизации придется сдаться. Автономия нам нужна как через 10, 100 лет, так и через 1000. Но мы убеждены, что этот вопрос решиться в ближайшее время» [ГААК. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 333. Л. 18]. Цитата отражает сформирова-

ровавшееся в среде немецкой молодежи социалистическое мировоззрение при сохранении этнического самосознания.

Наряду с гражданской самоидентичностью в выступлениях членов делегации проявляется и этническая идентичность, стремление сохранить немецкость, их инакость и их культуру. При стремлении быть частью единого советского народа немцы поднимали вопросы сохранения таких инструментов этнической идентичности, как язык, образование, культура и др. Сами требования вернуть немцам республику базировались на осознанной необходимости выделения административной территории с административных, решающей вопросы жизнедеятельности немцев как этнической общности на основе развития немецкого языка и культуры. Поэтому делегаты видели в неопределенности статуса немецкого народа опасность для немецкой этничности. Их пугала тенденция роста негативного отношения к немцам, агрессии на разных уровнях — от бытового до административного, стереотипы, формирующиеся в контексте ненависти к германскому фашизму. В диалоге с правительственной комиссией примеры негативного отношения как со стороны представителей власти, так и на обывательском уровне в детской среде: «Мой внук не хочет быть немцем, т. к. как его обзывают фашистом», «Моя маленькая дочь пришла и плачет, она спросила почему ее называют фашисткой?» [История российских немцев, 1994: 26]. Их не удовлетворила попытка заместителя заведующего отделом партийных органов ЦК КПС С. А. Скворцова спустить проблему на обывательский уровень: «Ссылки на то, что детей называют фашистами, — и местное руководство плохо относиться к немцам — не основательны. Не только немецких детей называют фашистами, у других тоже есть прозвища. Дети есть дети» [История российских немцев, 1994: 26–27].

По мнению «ходовиков», без полной реабилитации с восстановлением АССР НП невозможно преодолеть эту ситуацию, перевести ее в производственные и повседневные отношения. Сформировавшаяся этническая травма проявляется красной нитью во всех выступлениях при сравнении советских немцев с другими народами. Как сказал К. К. Борнеман, «даже если смотреть с количественной точки зрения, то мы (советские немцы) по численности стоим на 13 месте в Советском Союзе, нас больше, чем эстонцев, таджиков и других народов, имеющих союзные республики, а у нас даже нет автономной республики» [История российских немцев, 1994: 24]. Из их аргументов следовало, что без гласной официальной позиции, без гласного проговаривания затянувшегося немецкого вопроса в еще не остывшем от эмоционального потрясения послевоенном советском обществе немецкий вопрос решить было невозможно. Полную реабилитацию делегаты связывали с восстановлением республики, по примеру реабилитации других народов. Делегаты прямо указывали: «Я хочу, чтобы с нами поступили, как с калмыками», «Почему для калмыков и других вопрос решили, а для нас нет?» [ГААК. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 333. Л. 13]. Более того, по мнению Борнемана, получается, что немцев наказали за успешную адаптацию в местах принудительных переселений. Они быстрее, чем многие другие народы, вошли в общественную и производственную жизнь принимающего общества. То, что было названо «укоренение», т. е. прижились на новом месте и «пустили корни». Как показывают полевые исследования, немцы как близкий к местному населению земледельческий народ действительно сумели

быстро адаптироваться (укорениться), в отличие калмыков, которые являлись степными кочевыми скотоводами, поэтому не сумели «укорениться». «Получается, что калмыки, которые не смогли «укорениться», премированы за это автономией, а немцы не могут вернуться на свою Родину, потому что они «укоренились» (К. К. Борнеман). А их немецкость, как этническое самоопределение, как у других народов СССР: «Говорят, что немцев нельзя вернуть на Волгу, потому что их бывшая территория заселена другими народами, выселить которых теперь невозможно. Этот довод никого не убеждает. Ведь и в других районах жили люди, а чеченцев, калмыков и др. все-таки вернули на родину. Значит, это только немцев нельзя вернуть, значит это неприкрытый шовинизм... Говорят, что правительство СССР придерживается того взгляда не создавать автономных республик, если за границей имеются государства с тем же населением. Чепуха. У нас есть автономия евреев, карело-финнов, в то время как существуют суверенные государства Израиль и Финляндия. Значит, данное положение опять-таки относится только к немецкому населению, значит, опять проявление недоброжелательного отношения к нему» [История российских немцев, 1994].

Подтверждением негативных последствий депортации для немецкой этничности, на которые указывали делегаты, стали процессы ассимиляции немцев, что проявлялось в потере языка, который, по словам этнографов, является обязательным условием существования этнической картины мира и этнической культуры: «происходит полная ассимиляция, дети не могут учить свой язык «родной», а старые люди, не знающие русского языка, не могут говорить с ними» (К. К. Борнеман). Немцы говорили об отсутствии механизмов сохранения родного языка: «Школы с расширенной программой не могут решить вопрос о сохранении языка, для их существования практически нет условий» (Казейр). Показательным примером служил автор письма — Г. Фальк, позиционировавший себя представителем обрусевшей части послевоенной немецкой молодежи.

Коммуникация власти и общественного движения по немецкому вопросу. Письма во власть

Одним из результатов общественного движения в поддержку сохранения немецкой этничности являлся возникший диалог власти и общества советских немцев. Он отражал традиции коммуникации власти и общества в советское время — письма во власть. Снизу вверх шли письма от лидеров региональных сообществ часто напрямую генеральному секретарю ЦК КПСС, с предположением, что наверху не знают о положении дел внизу: «Уважаемый Никита Сергеевич! Я обращаюсь к Вам по вопросу о правовом положении немецкого населения СССР. Обращаясь к Вам, я вполне сознаю, что отрываю Вас от дел более важных, однако вопрос, который я поднимаю перед Вами, не менее важный, но никто из товарищей в ЦК до сих пор решением этого вопроса не занимался и не желает серьезно заниматься им. Целый ряд фактов, имеющих место в работе с немецким населением, наводит меня на мысль, что Вас неверно информируют по этому вопросу» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 166. Л. 16]. Автор письма от 20 июля 1960 г. — Г. Г. Едич [Едиг Гуго Гугович] (Томск, ул. Дзержинского, 49–3) — из поволжских немцев.

Диалог «сверху вниз» представлен решениями региональных властей. Союзная вертикаль власти спускала поступавшие «письма трудящихся» на региональную вертикаль власти для рассмотрения и отчета «наверх». В нашем случае диалог «сверху вниз»

представлен ответом Алтайского крайкома КПСС «Об усилении массово-политической работы среди советских граждан немецкой национальности в Алтайском крае и Кировском районе Новосибирской области и др.» от 31 октября 1956 г. и «О мерах по усилению политической работы среди немецкого населения». Диалог отражает видение решения немецкого вопроса «снизу», второй документ — «сверху» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 8; Оп. 32. Д. 166]. С одной стороны, характер эмоциональности, открытости и даже напористости письма Едича отражал период потепления или оттепели между государством и общественностью на рубеже 1950–1960-х гг. С другой стороны, традиционным являлось обращение «снизу» к верховному лицу с верой в его силу и справедливое управление с уверенностью, что «высшие лица» не ведают, что творят местные власти. Эту традицию историки условно называют «верой в батюшку царя». Эти ментальные установки исторически сформировались в условиях освоенческих процессов огромных территорий, когда верховные власти далеко, а все проблемы списывались на региональные власти.

Реконструируя портрет автора письма Г. Г. Едича, мы находим черты, которые были присущи и лидеру общественного движения немцев И. Кроневальду. Это «немецкость» как этничность и советскость как гражданственность. Как гражданин советской страны, он аргументирует тем, что при «усилении политико-воспитательной работы среди населения» «в агитационной работе необходимо учесть национальную принадлежность». И далее описывает положение дел на местах: «Лекции для немецкого населения проводятся редко, и то чаще по инициативе отдельных лиц, нежели по инициативе областных и районных парторганизаций. Так, например, в Славгородском и Знаменском районах, где мне пришлось побывать в течение двух с половиной месяцев, не было прочитано ни одной лекции для немецкого населения. Точно так же обстоит дело в Томской, Новосибирской и ряде других областей Западной Сибири» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 8. Л. 17]. Его «коммунистическая подкованность» проявляется в анализе «отношения к воспитательной работе среди немецкого населения в г. Новосибирске», которое он иллюстрирует обличительным примером: «Здесь многие граждане стали получать провокационные послышки из Западногерманского Красного Креста. Преподаватель пединститута, писатель В. Клайн, хотел выступить по Новосибирскому телевидению и рассказать своим согражданам на немецком языке о провокационном характере этих послышек, однако ему не разрешили выступить на немецком языке, вместо этого была организована передача на русском языке. Ясно, что эта передача не достигла своей цели» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 166. Л. 17–18].

Как показал контент-анализ, в письме Едича самой повторяемой фразой является обвинение в «буржуазном национализме». Его проявление он видит в том, что власти «заявляют, что организация художественной самодеятельности на немецком языке приводит к изоляции немецкого населения, что всякая работа в этом направлении противоречит политике партии в национальном вопросе...». На самом деле ему «кажется, что именно такая постановка вопроса есть извращение политики партии в национальном вопросе, есть проявление буржуазного национализма, способное лишь оттолкнуть немецкое население от партии» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 166. Л. 17]. «Буржуазный национализм» он видит в том, что «их лишили права на землю» и республику:

«Говорят, что немцы не имеют права требовать автономии, потому что им в СССР исторически не принадлежит никакая территория. Как известно, немцы живут в степях Приволжья уже 200 лет. Кому же, если не им принадлежит эта территория? Такие рассуждения понятны в устах капитализма, если же коммунист начинает подобным образом рассуждать о территории, то это значит, что он скатился на позиции буржуазного национализма» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 166. Л. 19–20].

Как немец, Г. Едич связывает развитие этнической культуры с вопросом о языке, который является базой для сохранения культуры. Перефразируя Маяковского, он «шантажирует» власть: «„Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин”. Мы прикладываем с полным правом к немецкому языку: ведь им разговаривали Маркс и Энгельс». При решении этого вопроса автор обращает внимание на такую особенность депортированных немцев, как их сельскость — расселение депортированных в сибирских селах, имеющих, по сравнению с АССР немцев Поволжья, менее развитую материальную и социально-бытовую базу, что обуславливает и недостатки воспитательно-идеологического просвещения: «центральное радиовещание организовало передачи для немецкого населения, но эти передачи до него не доходят, так как ни одна из них не передается по основной программе. Их можно слушать только, если в доме имеется радиоприемник. А ведь большинство немецкого населения проживает в сельской местности и не имеет приемников».

Отчет-письмо региональных властей показывает, что ими осознавалось ключевое значение языка: самодеятельность на немецком языке, радиопередачи на немецком языке, преподавание на языке с вовлечением носителей языка. Связь языка с сохранением этнической культуры, или «немецкости», отразилось в диалоге общества и власти. Г. Едич указывает: «ЦК КПСС принял ряд мер, чтобы дать возможность детям немецкого населения изучать в школе свой родной язык. С этой целью в ряде школ введено преподавание по расширенной программе.» И описывает ситуацию на местах: «Но присмотритесь, пожалуйста, на что похоже это преподавание. Нет учителей, во многих местах нет учебников. В большинстве школ работают учителя, не владеющие немецким языком. В Томске, например, организованы эти занятия так, что в одной группе обучаются дети 2, 3, 4-го и даже 5-го класса. Во многих школах детям в ожидании занятий приходится сидеть целый час без дела... Чтобы сказали Вы, Никита Сергеевич, если бы так варварски обращались с Вашим ребенком?» То же самое касалось и привлечение носителей языка для работы в немецкой прессе: «в Москве создана газета «Нейес лебен», призванная отражать жизнь немецкого населения в СССР... я хотел бы поставить перед Вами вопрос: почему в редакции этой газеты нет немцев? Ведь люди, сидящие в редакции, не знают жизни немецкого народа, не интересуются его жизнью, и эта газета имеет право претендовать на представление немецкого народа. Нехорошо. Подобные манипуляции никого не убеждают» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 166. Л. 17–18].

В ответах Алтайского крайкома КПСС отражается особенность коммуникации с обществом — через многоступенчатую вертикаль и зависимость региональных властей от центра. Анализ документа показывает жёсткую схему государственного планирования с организацией финансовых потоков снизу вверх и сверху вниз. Региональная

власть, соглашаясь или оправдываясь, апеллирует к союзной вертикали и просит помощь в решении этих вопросов: «В крае издается газета «Труд» на немецком языке; выходит она два раза в неделю тиражом 6700 экземпляров». Признавая, что «в силу низкой квалификации журналистских кадров газета не вполне удовлетворяет читателей, в то же время к газете проявляют большой интерес немцы из других краев и областей страны», крайком «считает целесообразным вместо краевой газеты организовать издание союзной или республиканской газеты на немецком языке... Если же ЦК КПСС не сочтет необходимым организацию союзной или республиканской газеты на немецком языке, то надо укрепить состав работников алтайской краевой газеты «Труд» на немецком языке направлением 3–4 квалифицированных журналистских работников» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 8. Л. 72].

В такой же схеме коммуникации общества и власти предлагается решить проблемы радиовещания: «В связи с ограниченностью времени, предоставляемого краю для радиовещания через Новосибирскую станцию РВ-76, а также в силу отсутствия необходимых кадров мы не имеем возможности организовать широкое радиовещание на немецком языке. Имея в виду, что немецкое население есть также в Новосибирской, Томской, Кемеровской областях, было бы, по нашему мнению, правильным организовать радиоредакцию на немецком языке при Новосибирском отделе радиоинформации, а остальным областям и Алтайскому краю предоставлять определенное время для передач на немецком языке» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 8. Л. 73].

Таким образом, региональные власти в решении «немецкого вопроса» делегируют к всесоюзным органам: для помощи региональной системе образования «просьба поручить Министерству просвещения рассмотреть эти предложения». Для «демонстрации кинофильмов на немецком языке — решение этого вопроса возможно только в том случае, если Министерство культуры будет высылать в край фильмокопии недублированных фильмов производства киностудий ГДР и Австрии». Для обеспечения книг на немецком языке «Министерство культуры СССР должно выделить краю необходимые фонды литературы через бибколлектор и книготоргующие организации».

Заключение

Полевые материалы и документы личного происхождения показывают, что затяжной характер реабилитации советских немцев имел значительные последствия. Во-первых, с одной стороны, он закрепил травму в памяти немцев, которая способствовала подъему национального самосознания немцев. Во-вторых, сформировавшееся общественное движение через разные формы — «письма во власть», «делегации в Кремль», апеллирование к носителям верховной власти, диалог с региональными структурами, способствовало консолидации немцев вокруг лозунга — «полная реабилитация немцев», которая подразумевала «воссоздание Республики немцев Поволжья». В-третьих, поликультурное, в том числе поликонфессиональное многообразие немцев, являвшееся следствием их трехсотлетнего участия в освоенческих процессах обширных территорий России, под влиянием депортации и длительной реабилитации нивелировалось. Этому способствовало дисперсное размещение в местах депортации со смешением разных этнотерриториальных групп в одном сельском обществе. Закрепили эти тенденции особенности процессов реабилитации. Немецкое население консолидиро-

валось, сформировало общественное движение. Лидерами являлись поволжские немцы, которые составляли около трети всех советских немцев, но имели опыт администрирования в рамках немецких колоний и АССР немцев Поволжья.

Особенностью этнической идентичности немцев являлось ее базирование на советскости как гражданской идентичности. Антропология крупным планом показывает, что «немецкость» или «инакость» зиждилась на менталитете советского человека, то что советские антропологи и историки (Ю. В. Бромлей, Л. В. Малиновский) называли формированием социалистической нации советских немцев. Это подтверждает самоопределение и самоидентичность немцев. Соединение гражданской и этнической идентичности в единое требование проявилось в письме, отправленном немцами Микояну 7 июля 1965 г. после встречи в Кремле: «Мы ставим вопрос не о правах отдельных граждан, а о равноправии национальном, без которого не может быть подлинного гражданского равноправия» [Обращение к председателю]. Именно поэтому поволжские немцы связывали решение немецкого вопроса с восстановлением республики немцев как этнической территории, которая служила гарантией сохранения языка, этнической культуры и немецкой идентичности.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–01443, <https://rscf.ru/project/23-28-01443/>.

Acknowledgements and funding

The research was funded by the Russian Science Foundation (project No. 23–28–01443), <https://rscf.ru/en/project/23-28-01443/>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Архив Центра устной истории и этнографии. Историко-этнографические экспедиции (Архив ЦУиЭ. ИЭЭ). Музыка (Репецкая) Татьяна Николаевна, 1938 г. р. Топчихинский район, село Победим, Запись 2018 г.

Архив ЦУиЭ. ИЭЭ. Шиллер Петр Карлович, 1947 г. р. Топчихинский район, село Дружба, Запись 2018 г.

Архив ЦУиЭ. ИЭЭ. Шнарк Зинаида Гуковна, 1930 г. р. Алейский район, село Большепанюшево. Запись 2021 г.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М. : Наука, 1983. 412 с.

Бруль В. И. Немцы в Западной Сибири. Топчиха : Топчихинская тип. Ком. администрации Алтайского края по печати и информации, 1995. Ч. I. 191 с.

Бугай Н. Ф. Депортации народов Крыма. М. : ИнСАН, 2002. 240 с.

Бугай Н. Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». М. : Наука, 2006. 266 с.

Волохов С. П. Гражданская инициатива и протест немцев Сибири по восстановлению национальной автономии и осуществления права на миграцию // История и этнография немцев в Сибири. Омск : Изд-во ОГИК музея, 2009. С. 503–513.

Всесоюзная перепись населения 1939 г. Национальный состав населения по регионам России // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=1 (дата обращения: 08.04.2024).

Герман А. А. Несостоявшееся возвращение: немцы в Поволжье. 1955–2010 годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 13–21.

Головнёв А. В. Крупный план в антропологии // Уральский исторический вестник. 2010. № 4 (29). С. 14–20.

Государственный архив Алтайского края. (ГААК). Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 333.

Депортированные калмыки на Новосибирской земле: расселение и обустройство. Декабрь 1943–1946 г. : сборник документов. Новосибирск, 2018. 197 с.

Едиг Гуго Гугович // Жертвы политического террора в СССР. URL: <https://lists.memo.ru/d12/f79.htm> (дата обращения: 08.04.2024).

История российских немцев в документах. Т. II: Общественно-политическое движение за восстановление национальной государственности (1965–1992 гг.). М. : Российский экономический журнал, 1994. Т. II. 510 с.

Киссер Т. С. Иван Кроневальд и национальное движение советских немцев // Вестник Пермского университета. 2016. Вып. 4 (35) С. 95–102.

Красильников С. А., Сарнова В. В. Депортация // Историческая энциклопедия Сибири. URL: <http://sibhistory.edu54.ru/%D0%94%D0%95%D0%9F%D0%9E%D0%A0%D0%A2%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF> (дата обращения: 08.04.2024).

Матис В. И. Из истории немцев Алтая: вступительная статья // Немцы Алтая: (справочно-библиографический сборник). Барнаул, 2008. С. 6–29.

Немцы в Сибири: по документам НКВД, МГБ, МВД СССР 1943–1956 гг. Спецпоселенцы. Военнопленные. Эшелонные списки. Картотека. Военнопленные японцы : сб. док. Барнаул : Алт. дом печати, 2007. 623 с.

Обращение к председателю Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояну делегации советских немцев, принятой им 7 июля 1965 г. // История немцев России. URL: <https://geschichte.rusdeutsch.ru/22/35/188> (дата обращения: 08.04.2024).

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. Т. XXVI. Томская губерния. 245 с.

Полян П. М. Не по своей воле: история и география принудительных миграций в СССР. М. : ОГИ, 2001. 328 с.

Российский государственный архив Новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 32. Д. 166. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 8.

Ремпель П. Б. Депортация немцев из Европейской части СССР и трудармия по «совершенно секретным» документам НКВД СССР 1941–1944 гг. // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. М. : Готика, 1996. С. 69–96.

Смирнова Т. Б. Киссер Т. С. Многообразие немцев России // Уральский исторический вестник. 2017. № 2 (55). С. 44–53.

Список Второй делегации советских немцев (1965, 3 июня — 23 июля) // DIE GESCHICHTE DER WOLGADEUTSCHEN. URL: https://wolgadeutsche.net/wormsbecher/Delegation_2_liste.htm (дата обращения: 28.12.2023).

Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М. : Наука, 2003. 542 с.

Шадр А.А. Политико-правовой статус российских немцев в постсталинском СССР (1950–1980-е гг.): принципы государственного регулирования // Немецкое население в постсталинском СССР, в странах СНГ и Балтии (1956–2000 гг.) : материалы IX Международной научной конференции. Москва, 4–7 ноября 2002 г. М. : Международный союз немецкой культуры, 2003. С. 13–26.

Щеглова Т.К. Народы Алтая в прошлом и настоящем: численность, размещение, этнокультурный состав, этноконтактные зоны // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2015. № 23. С. 97–107.

REFERENCES

Arkhiv Tsentra ustnoi istorii i etnografii. Istoriko-etnograficheskie ekspeditsii. (Arkhiv TsUiE. IEE) [Archive of the Center of Oral History and Ethnography. Historical and ethnographic expeditions. (Archives of CUiE. IEE)]. Muzyka (Repetskaia) Tat'iana Nikolaevna, 1938 g. r. Topchikhinsky district, village Pobedim, Record 2018 (in Russian).

Arkhiv TsUiE. IEE [Archives of CUiE. IEE]. Shiller Petr Karlovich, 1947 g. r. Topchikhinsky district, Druzhba village, Record 2018 (in Russian).

Arkhiv TsUiE. IEE [Archives of CUiE. IEE]. Shnark Zinaida Gukovna, 1930 g. r. Aleysky district, Bolshepanyushevo village. Recording 2021 (in Russian).

Bromlei Iu. V. *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the theory of ethnicity]. Moscow: Nauka, 1983, 412 p. (in Russian).

Brul' V. I. *Nemtsy v Zapadnoi Sibiri* [Germans in Western Siberia]. Topchikha: Topchikhinskaia tip. Kom. administratsii Altaiskogo kraia po pech. i inform, 1995, vol. 1, 191 p. (in Russian).

Bugai N. F. *Deportatsii narodov Kryma* [Deportations of the peoples of Crimea]. Moscow: "InSAN", 2002, 240 p. (in Russian).

Bugai N. F. *Narody Ukrainy v "Osoboï papke Stalina"* [Peoples of Ukraine in Stalin's Special Folder]. Moscow: Nauka, 2006, 266 p. (in Russian).

Deportirovannye kalmyki na Novosibirskoi zemle: rasselenie i obustroistvo. Dekabr' 1943–1946 g.: sbornik dokumentov [Deported Kalmyks on the Novosibirsk land: resettlement and settlement. December 1943–1946: collection of documents]. Novosibirsk, 2018, 197 p. (in Russian).

Edig Gugo Gugovich. *Zhertvy politicheskogo terrora v SSSR* [Victims of political terror in the USSR]. URL: <https://lists.memo.ru/d12/f79.htm> (accessed April 8, 2024) (in Russian).

German A. A. *Nesostoiavsheesia vozvrashchenie: nemtsy v Povolzh'e. 1955–2010 gody* [Failed return: Germans in the Volga region. 1955–2010]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Serii: Istorii. Mezhdunarodnye otnosheniia* [News of Saratov University. New series. Series: History. International Relations]. 2022, vol. 22, no. 1. P. 13–21 (in Russian).

Golovnev A. V. *Krupnyi plan v antropologii* [Close-up in anthropology]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Bulletin]. 2010, no. 4 (29). P. 14–20 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia (GAAK). [Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia (GAAK)]. Fund P-1848. Inventory 1. File 333 (in Russian).

Istoriiia rossiiskikh nemtsev v dokumentakh. Tom II: Obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie za vosstanovlenie natsional'noi gosudarstvennosti (1965–1992 gg.) [History of Russian Germans

in documents. Volume II: The Socio-Political Movement for the Restoration of National Statehood (1965–1992)]. Moscow: Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal, 1994, vol. 2, 510 p. (in Russian).

Kisser T.S. Ivan Kroneval'd i natsional'noe dvizhenie sovetskikh nemtsev [Ivan Kronewald and the National Movement of Soviet Germans]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of the Perm University]. 2016, is. 4 (35). P. 95–102 (in Russian).

Krasil'nikov S. A., Sarnova V.V. Deportatsiia [Deportation]. *Istoricheskaia entsiklopediia Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. URL: <http://sibhistory.edu54.ru/%D0%94%D0%95%D0%9F%D0%9E%D0%A0%D0%A2%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF> (accessed April 8, 2024) (in Russian).

Matis V.I. Iz istorii nemtsev Altaia: vstupitel'naia stat'ia [From the history of the Germans of Altai: an introductory article]. *Nemtsy Altaia: (spravochno-bibliograficheskii sbornik)* [Germans of Altai: (reference and bibliographic collection)]. Barnaul, 2008. P. 6–29 (in Russian).

Nemtsy v Sibiri: po dokumentam NKVD, MGB, MVD SSSR 1943–1956 gg. Spetsposelentsy. Voennoplennyye. Eshelonnye spiski. Kartoteka. Voенно-plennyye iapontsy sb. dok. [Germans in Siberia: according to the documents of the NKVD, MGB, Ministry of Internal Affairs of the USSR 1943–1956. Special settlers. POWs. Echelon lists. File cabinet. Japanese POWs Sat. doc.]. Barnaul: Alt. dom pechati, 2007, 623 p. (in Russian).

Obrashchenie k predsedateliu Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR A. I. Mikoianu delegatsii sovetskikh nemtsev, priniatoi im 7 iulia 1965 g. [Address to the Chairman of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR A. I. Mikoyan delegation of Soviet Germans, received by them on July 7, 1965.]. *Istoriia nemtsev Rossii* [History of the Germans of Russia]. URL: <https://geschichte.rusdeutsch.ru/22/35/188> (accessed April 8, 2024) (in Russian).

Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. [The first General Population Census of the Russian Empire in 1897] / Ed. St. N. A. Troinitskii. Petersburg: publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904, vol. XXVI, Tomsk province. 245 p. (in Russian).

Polian P. M. *Ne po svoei vole: istoriia i geografiia prinuditel'nykh migratsii v SSSR* [Involuntary: History and Geography of Forced Migration in the USSR]. Moscow OGI, 2001, 328 p. (in Russian).

Rempel' P.B. Deportatsiia nemtsev iz Evropeiskoi chasti SSSR i trudarmiia po “sovershenno sekretnym” dokumentam NKVD SSSR 1941–1944 gg. [Deportation of Germans from the European part of the USSR and the labor army on “totally secret” documents of the NKVD of the USSR 1941–1944]. *Rossiiskie nemtsy. Problemy istorii, iazyka i sovremennogo polozheniia* [Russian Germans. Problems of history, language and modern situation]. Moscow: Gotika, 1996. P. 69–96 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii (RGANI) Russian State Archive of Modern History (RGANI)]. Fund 5. Inventory 34. File 8. (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii (RGANI). [Russian State Archive of Modern History (RGANI)]. Fund 5. Inventory 32. File 166 (in Russian).

Shadt A.A. Politiko-pravovoi status rossiiskikh nemtsev v poststalinskom SSSR (1950–1980-e gg.): printsipy gosudarstvennogo regulirovaniia [Political and legal status of Russian

Germans in the post-Stalinist USSR (1950–1980s): principles of state regulation]. *Nemetskoe naselenie v poststalinskom SSSR, v stranakh SNG i Baltii (1956–2000 gg.): Materialy IX mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 4–7 noiabria 2002 g.* [German population in the post-Stalin USSR, in the CIS and Baltic countries (1956–2000): Materials of the IX international scientific conference. Moscow, November 4–7, 2002]. Moscow: AOO “Mezhdunarodnyi soiuz nemetskoi kul'tury”, 2003. P. 13–26 (in Russian).

Shcheglova T. K. *Narody Altaia v proshlom i nastoiashchem: chislennost», razmeshchenie, etnokul'turnyi sostav, etnokontaktnye zony* [Peoples of Altai in the past and present: population, placement, ethnocultural composition, ethnocontact zones]. *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Altai State Pedagogical University]. 2015, no. 23. P. 97–107 (in Russian).

Smirnova T. B. Kisser T. S. *Mnogoobrazie nemtsev Rossii* [Diversity of the Germans of Russia]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Bulletin]. 2017, no 2 (55). P. 44–53 (in Russian).

Spisok Vtoroi delegatsii sovetskikh nemtsev (1965, 3 iunia — 23 iulia) [List of the Second Delegation of Soviet Germans (1965, June 3 — July 23)]. *DIE GESCHICHTE DER WOLGADEUTSCHEN*. URL: https://wolgadeutsche.net/wormsbecher/Delegation_2_liste.htm (accessed December 28, 2023) (in Russian).

Tishkov V. A. *Rekviev po etnosu. Issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem on ethnos. Studies in Socio-Cultural Anthropology]. Moscow: Nauka, 2003, 542 p. (in Russian).

Volokhov S. P. *Grazhdanskaia initsiativa i protest nemtsev Sibiri po vosstanovleniiu natsional'noi avtonomii i osushchestvleniia prava na migratsiiu* [Civil initiative and protest of Siberian Germans on the restoration of national autonomy and implementation of the right to migration]. *Istoriia i etnografiia nemtsev v Sibiri* [History and ethnography of Germans in Siberia]. Omsk: OGIK Museum Publishing House, 2009. P. 503–513 (in Russian).

Vsesoiuznaia perepis» naseleniia 1939 g. Natsional'nyi sostav naseleniia po regionam Rossii [All-Union Population Census 1939 National composition of the population by regions of Russia]. Demoskop Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=1 (accessed April 8, 2024) (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 21.07.2024

Принята к публикации: 23.11.2024

Дата публикации: 24.12.2024

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 902

DOI 10.14258/10.14258/nneur(2024)4–10

А. П. Забияко, Ван Цзюньчжэн

Амурский государственный университет (Благовещенск, Россия)

БУДДИЗМ В ГОСУДАРСТВЕ ЦЗИНЬ: ГРАНИЦЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ БУДДИЗМА НА ТЕРРИТОРИЯХ ЧЖУРЧЖЭНЕЙ (В БАССЕЙНЕ АМУРА)

Буддизм — одна из мировых религий. Примерно через тысячу лет после возникновения в Индии буддизм достиг территорий современного Северо-Восточного Китая и Приморья. Здесь он получил распространение в государстве Бохай. В эпоху Бохай буддийские храмы существовали в Верхней столице (река Муданьцзян) и в бассейне реки Сунгари. Позднее буддизм стал одной из главных религий империи Ляо. Большое влияние на становление буддизма в этом регионе оказывал Китай — империя Сун, а также корейское государство Когурё. После образования государства Цзинь (1115 г.) буддизм становится одной из религий основателей этого государства — чжурчжэней. Государственная система Цзинь выступает в качестве важной основы утверждения буддизма в среде чжурчжэней и на их родовых землях. В статье на основе археологических данных и письменных источников определены северные и северо-восточные границы буддизма чжурчжэней, а также динамика их формирования. Самые ранние признаки появления буддизма у чжурчжэней зафиксированы в нижнем течении Среднего Амура (устье реки Уссури) статуэткой из Корсаковского могильника (вторая половина X в., догосударственный период истории чжурчжэней). В течение первых десятилетий государственного периода центром буддизма являлась Верхняя столица — Цзиньшанцзин. Цзиньшанцзин располагался на реке Ашихэ, притоке Сунгари в её среднем течении (река Сунгари — правый приток Амура). В Верхней столице находились первые и наиболее важные для правящей элиты храмы. Границы северной и северо-восточной периферии буддизма пролегли в государстве Цзинь на Среднем Амуре от устья реки Зей до устья рек Уссури и Сунгари. Возможно, буддийский храм (кумирня) находился

на Тырском утёсе (устье Амура), фиксируя крайнюю северо-восточную оконечность распространения буддизма государства Цзинь в поздний период его существования. Согласно археологическим и письменным источникам, буддийские храмы и культовая атрибутика представлены как в центре, так и на периферии государства. Следовательно, в бассейне Амура буддизм впервые появляется в государстве Бохай. В эпоху Цзинь буддизм на берегах речной сети Амура получает широкое распространение, становится важной составной частью религиозного ландшафта лево- и правобережья Приамурья.

Ключевые слова: буддизм, чжурчжэни, государство Цзинь, бассейн Амура, Приамурье, храм, религиозный ландшафт.

Для цитирования

Забияко А. П., Ван Цзюньчжэн. Буддизм в государстве Цзинь: границы распространения на территориях чжурчжэней (в бассейне реки Амур) // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29. № 4. С. 188–210. DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–10.

A. P. Zabyako, Wang Junzheng

Amur State University, Blagoveshchensk (Russia)

BUDDHISM IN THE JIN EMPIRE: THE BOUNDARIES OF THE SPREAD OF BUDDHISM IN THE JURCHEN TERRITORIES (IN THE AMUR RIVER BASIN)

Buddhism is one of the world religions. About a thousand years after its origin in India, Buddhism reached the territories of modern North-East China and Primorye. Here it was spread in the state of Bohai and later in the Liao Empire. The Song Empire and Koguryo had a great influence on the development of Buddhism in this region. After the formation of the Jin state (1115), Buddhism became one of the religions of the founders of this state, the Jurchens. The Jin state system acts as an important basis for the establishment of Buddhism among the Jurchens and on their ancestral lands. In this article, based on archaeological data and written sources, the northern and north-eastern borders of Jurchen Buddhism are determined, as well as the dynamics of their formation. The earliest signs of the emergence of Buddhism among the Jurchens were recorded in the lower reaches of the Middle Amur (the mouth of the Ussuri River) by a figurine from the Korsakov burial ground (second half of the 10th century, the prestate period of the Jurchen history). During the state period, the center of Buddhism during the first decades was the Upper Capital, Jinshanjing. Jinshanjing was located on the Ashihe River, a tributary of the Sungari in its middle reaches (the Sungari River is a right tributary of the Amur). The Upper Capital housed the first and most important temples for the ruling elite. The northern and north-eastern periphery of Buddhism ran in the state of Jin on the middle Amur from the mouth of the Zeya River to the mouth of the Ussuri

and Sungari rivers. It is possible that the Buddhist temple (joy house) was located on the Tyrsky cliff (the mouth of the Amur), marking the extreme northeastern end of the spread of Buddhism in the Jin state in the late period of its existence. According to archaeological and written sources, Buddhist temples and Buddhist artifacts are found in both the center and on the periphery of the state. In the Amur basin, Buddhism first appeared in the state of Bohai. During the Bohai period, Buddhist temples existed in the Upper Capital (Mudanjiang River) and in the Sungari River basin. During the Jin period, Buddhism became widespread in the Amur basin. Buddhism became an important component on the religious landscape of the left and right banks of the Amur region.

Keywords: Buddhism, Jurchen, Jin state, Amur basin, Amur region, temple, religious landscape.

For citation:

Zabiyako A. P., Wang Junzheng. Buddhism in the Jin Empire: the boundaries of the spread of Buddhism in the jurchen territories (in the Amur River basin). *Nations and religions of Eurasia*. 2024. Т. 29, № 4. P. 188–210 (in Russian). DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–10.

Забияко Андрей Павлович, доктор философских наук, профессор, заведующий лабораторией археологии и антропологии, Амурский государственный университет, Благовещенск (Россия). **Адрес для контактов:** sciencia@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6128-4401>

Ван Цзюньчжэн, магистр исторических наук, научный сотрудник Лаборатории фронтальных исследований, Амурский государственный университет, Благовещенск (Россия). **Адрес для контактов:** junzhengbj@163.com; <https://orcid.org/0000-0002-1189-3719>

Zabiyako Andrey Pavlovich — DSc (Philosophy), Full Professor, Head of the Laboratory of Archaeology and Anthropology, Amur State University, Blagoveshchensk (Russia);

Contact address: sciencia@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6128-4401>

Wang Jun Zheng, Master of Historical Sciences, Researcher at the Laboratory of Frontal Research, Amur State University, Blagoveshchensk (Russia)

Contact address: junzhengbj@163.com; <https://orcid.org/0000-0002-1189-3719>

Введение

Буддизм на северо-востоке Китая появился около середины IV в. Его возникновение многим обязано поддержке политических элит мужун-сяньбийских государств Трех-Янь (Саньян), образованных в долине реки Далинхэ с центром в районе нынешнего города Чаояна [Ван Цзюньчжэн, 2020]. Несмотря на войны, подъём и падение империй во времена Когурё, Бохая, Ляо, Цзинь (в том числе Восточного Ся), буддизм не прекращал своё существование и постепенно стал в эпоху Средневековья одним из доминирующих религиозных верований и идеологий на территориях Северо-Восточного Китая, Корейского полуострова и Дальнего Востока России.

Для российской и китайской науки особое значение имеет тема присутствия буддизма на сопредельных в современных условиях территориях дальневосточного российско-китайского фронта. Российскими и китайскими, а также рядом зарубежных исследователей много сделано в области изучения этой темы. Так, распространение буддизма в Центральной Азии, формирование там и на сопредельных территориях современной России религиозного ландшафта, включающего буддизм, раскрыто в публикациях П. К. Дашковского [Дашковский, 2011; 2014; 2018]. Тем не менее, остаются довольно существенные пробелы, в особенности в отношении пределов распространения буддизма на право- и левобережье Амура, в Приамурье. Целью нашего исследования является определение на основе согласования имеющихся в науке археологических, текстологических и религиоведческих знаний, а также привлечения ранее не известных или малоизвестных данных из археологических и письменных источников границ распространения буддизма в российско-китайском Приамурье.

Генезис буддизма в культуре и государственности чжурчжэней

Важнейшими факторами возникновения и распространения буддизма в Восточной Азии выступали развитие государств и цивилизаций. В эпоху раннего Средневековья многие народы региона переходили от родоплеменных отношений к формированию основ государственности, от архаики к более развитым формам культуры — с письменностью, книжностью, культовой и светской архитектурой, политической идеологией и т.д. Разумеется, эти развитые формы культуры были в ту эпоху тесно связаны с религиями.

Буддизм, имевший к середине I тыс. н. э. сопряжённую с разными типами государственности и цивилизаций богатую тысячелетнюю историю, обращал на себя взоры политических элит. Важно, что к этому времени он уже укоренился в Китае и проник в Корею, сформировал стратегии аккультурации в дальневосточные культуры. Правящими кругами проживающих севернее Великой китайской стены народов буддизм воспринимался как источник высокой культуры и современной идеологии, открывающий новые возможности для выхода за пределы родоплеменной ограниченности.

Государственность создавала для проповедников буддизма широкие возможности для распространения религии на новые территории. Наличие прочной унифицированной власти, взаимосвязанных административных структур, экономических ресурсов, городов, дорог и других преимуществ государственного устройства облегчало интеграцию нового вероучения и культа в общественную среду. Такого рода общие факторы играли важную роль и в генезисе буддизма в этнокультурных и политических реалиях государства Цзинь.

Созданное в 1115 г. чжурчжэнями государство Цзинь занимало ко времени своего расцвета и превращения в империю всю Маньчжурию, южную часть Дальнего Востока России (значительные земли левобережья Приамурья, Приморья и Сахалина), часть Кореи, большую часть территорий Северного Китая. Обширные земли Зейско-Буреинской равнины, Амуро-Уссурийского и Амуро-Сунгарийского региона относились в рамках цзиньской государственности к округам Пуюйду и Хулигайлу, которыми административно и географически были определены северо-восточные границы

государства Цзинь. Многие исследователи рассматривают такие огромные территории как важный северный очаг зарождения, расцвета и упадка культуры чжурчжэней [Медведев, 2020: 7].

Немаловажное значение на начальном этапе интеграции буддизма в культуру и государственность чжурчжэней имело то обстоятельство, что для политических элит региона, в том числе и чжурчжэньских, религия Будды не являлась новоприобретением. Одним из ближайших её центров была Корея, государство Когурё.

В «Цзинь ши» («История дома Цзинь») отмечается, что предок чжурчжэней Агунай, брат Ханьпу, «был почитателем божества Фо (Будды); не покидая Кореи (Корё)» [Истории Золотой империи, 1998: 88]. Этот факт свидетельствует, что до образования империи Цзинь правящая верхушка предков чжурчжэней уже обращалась к буддизму, возможно, через Когурё, где буддизм пустил корни ещё в конце IV в.

Другим близким чжурчжэням политическим и культурным образованием, где буддизм существовал уже в VIII в., было государство Бохай.

Предки чжурчжэней из племени Ваньянь в основном «населяли территорию у вод Пугань» [Истории Золотой империи, 1998: 88], расположенную в бассейне реки Муданьцзян. Эта территория функционировала в качестве политического, экономического и культурного центра государства Бохай более 100 лет. Буддизм процветал в Бохае. Результаты археологических исследований китайских, корейских, русских и японских учёных в XX в. показали, что в Верхней столице Бохая и за её пределами находилось более 10 буддийских храмов [Поносов, 1939; Восточноазиатское археологическое общество, 1939; Торияма Киити, 1943; Институт археологии Академии общественных наук Китая, 1997: 76–86]. Статуэтки Будды и пагоды бохайского периода были обнаружены в окружных и областных центрах государства Бохай (городище Сумичэн, городище Нунъань и др.) в бассейне Сунгари. Следовательно, буддизм появляется на территории ранних чжурчжэней (Внутренней территории Цзиньюань) в период существования Бохая.

Важным свидетельством в пользу этой точки зрения является находка с Корсаковского могильника. В 1977 г. Амуро-Уссурийский археологический отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции Института истории, филологии и философии СО АН СССР (ныне — Институт археологии и этнографии СО РАН) под руководством В. Е. Медведева при раскопках на острове Уссурийском Корсаковского могильника амурских чжурчжэней, существовавшего с конца VI до XI в., обнаружил в погребении № 112 бронзовую позолоченную статуэтку Будды (Бодхисаттвы). Статуэтка была определена археологами как артефакт из государства Бохай, а погребение датировано второй половиной X в. [Окладников, Медведев, 1983] (рис. 1).

Позднее при раскопках бохайских памятников были найдены другие статуэтки, подтверждающие правильность этой точки зрения [Ван Цзюньчжэн, 2023: 30–31]. Корсаковская буддийская статуэтка с о. Уссурийского представляет собой, возможно, самое раннее из ныне известных свидетельств присутствия буддизма на границе среднего и нижнего течения Амура. К чжурчжэням буддийские культовые предметы могли попасть через соседние земли Бохая.

Рис. 1. Корсаковская буддийская статуэтка. Коллекция музея Института археологии и этнографии СО РАН, фотография Ван Цзюньчжэна [Окладников, Медведев, 1983: 119]
 Fig. 1. Korsakov Buddhist statuette. Collection of the Museum of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, photograph by Wang Junzheng [Okladnikov, Medvedev, 1983: 119]

После образования империи Цзинь чжурчжэни активно взаимодействовали с властями Центральных равнин (Северной Сун и Южной Сун), администрациями и культурами ранее воспринявших буддизм киданей, уйгуров, Западного Ся (тангутов), Корё и др., что обеспечило благоприятные возможности для усвоения учения буддизма. Империя Цзинь в ходе своей внешней экспансии унаследовала развитые буддийские традиции династий Ляо и Сун [Ван Дэпэн, 2018; Ван Цзюньчжэн, 2024: 111–123]. В итоге, в династии Цзинь сформировалась ситуация, когда, по словам источника, «варвары [чжурчжэни] искренне восприняли буддизм (胡俗奉佛尤谨)» [Хун Хао, 1986: 31].

Большинство правителей династии Цзинь придерживались политики веротерпимости по отношению к буддизму, что способствовало развитию этой религии на родовых землях чжурчжэней. Исконно чжурчжэньская территория — Цзиньюань — с центром в Цзиньшанцзине, постепенно заполнялась крупными буддийскими общинами верующих и храмовыми постройками. Позже буддийская культура распространилась на более отдаленные регионы Северо-Восточной Азии, включая значительные области современного российского Приморья, Западного и Нижнего Приамурья.

Важным маркером присутствия буддизма являются храмы. Они надёжно фиксируют центр и периферию буддийского ландшафта государства Цзинь.

Буддийские храмы в Верхней столице Цзинь (Цзиньшанцзин)

Самое раннее упоминание о буддийском храме, возможно, первого со времени возникновения Цзинь, известно из записей о деяниях основателя государства — императора Агуды (Ваньянь Агуды, храмовое имя — Тайцзу, 1068–1123). Во время войны Агуды с Ляо, империей киданей, один из его крупных военачальников — Ваньянь Цзунсюн со своей армией добился больших военных успехов. В шестом году правления Тяньфу (1122 г.) он умер от болезни. Агуда прибыл округ Гуйхуачжоу, где скончался Ваньянь Цзунсюн, и издал указ «похоронить Ваньянь Цзунсюна в округе Гуйхуачжоу при буддийском храме в месте погребения (葬于归化州, 仍于死所建佛寺)» [Цзинь ши, 1975: 1680]. Буддийский храм здесь уже существовал, и Агуда признавал его значение для погребальной церемонии своего сподвижника. Разумеется, из этих сведений не вытекает, что император стал буддистом. Речь идёт о признании буддизма, его храмовых построек и культовых практик в качестве важной части новой — имперской — культуры, соответствующей культурам соседних государств, где буддизм уже давно был составной частью официального облика государственности.

На исторических территориях чжурчжэней центром буддизма являлась Верхняя столица Цзинь — Цзиньшанцзин. Она находилась близ реки Ашихэ, правого притока Сунгари (правобережье бассейна Амура). В столице были расположены главные храмы. В храмах проповедовали авторитетные наставники и совершались наиболее значимые ритуалы.

К числу первых в Цзиньшанцзин относится храм Цинъюань-сы. Судя по записи о «монахах в храме Цинъюань-сы, пожертвовавших останки Будды (上京庆元寺僧献佛骨)» [Цзинь ши, 1975: 48] в первом году правления Тяньхуэй (1123 г.), храм Цинъюань-сы уже существовал ко времени интронизации следующего за Агудой (Тайцзу) императора — Тайцзуна. Весьма вероятно, что этот храм был построен ещё при Агуде.

Чтобы отпраздновать рождение наследника — Ваньянь Цзианя, во втором году правления Хуантун (1142 г.) «[император Сицзун] вызвал наставника Хайхуэя и построил рядом с дворцом Верхней столицы храм Чуцин-сы с множеством монахов, а также объявил амнистию (诏海惠大师, 于上京宫侧造储庆寺, 普度僧尼百万, 大赦天下)» [Няньчан, 1990: 387]. В декабре того же года Ваньянь Цзиань тяжело заболел, тогда Сицзун и императрица Даопин пошли в буддийский храм, чтобы возжечь благоволия и помолиться. «Этой ночью [Ваньянь Цзиань] ушёл из жизни <...> [Сицзун] приказал мастерам вырезать его статую в храме Чуцин-сы. Император и императрица лично пришли в храм разместить статую (是夜, 薨。.....命工塑其像于储庆寺, 上与皇后幸寺安置之)» [Цзинь ши, 1975: 1797]. Возведение храма Чуцин-сы по указанию императора в ознаменование события государственного значения и ритуальные действия в нём Сицзуна и императрицы Даопин свидетельствуют о том, что буддизм занимает к 1140-м гг. важное место в религиозно-политической жизни чжурчжэньской аристократии, а столичный храм Чуцин-сы становится местом отправления церемоний с участием высших лиц империи Цзинь. Храм Чуцин-сы, вероятно, был расположен в дворцовой части столицы.

История Чуцин-сы была недолгой. Пришедший в 1149 г. к власти Ваньянь Лян (Хайлинван) перенёс в 1153 г. столицу во Внутренний Китай — в Янцзин (современный Пе-

кин) и проводил политику разрыва с чжурчжэньским прошлым. Одним из его деяний на этом пути было разрушение в 1157 г. дворцовой части Цзиньшанцзина. Судьба храма описана в хронике «Цзинь ши»: «В день жэньинь в октябре [Хайлинван] приказал области [администрации области] Хуэнинфу разрушить старый дворец, особняки великих кланов и храм Чуцин-сы, и сравнять их с землёй и использовать под пашню (十月壬寅, 命会宁府毁旧宫殿、诸大族第宅及储庆寺, 仍夷其址而耕种之)» [Цзинь ши, 1975: 108].

До разрушения столицы Ваньян Ляном в ней, кроме Чуцин-сы, находилось ещё несколько буддийских храмов. Обнаруженная в северном городе Цзиньшанцзина «надпись на пагоде наставника Баояня, бывшего лидера (гуаньнэй дусэнлу) в храме Баошэн-сы Верхней столицы» («Шанцзин Баошэнсы цянь дусэнлу Баоянь даши таминчжи 上京宝胜寺前管内都僧录宝严大师塔铭志») (далее — «надпись на пагоде наставника Баояня») содержит сведения о храме Баошэн-сы. Из текста надписи следует, что наставник Баоянь «в третьем году правления Тяньдэ (1151 г.) переехал в Верхнюю столицу. По приглашению императрицы-матери Восточного дворца он жил в храме Синван-сы и проводил беседы по великой сутре «Хуаянь цзин». Он собрал более 200 учеников. Те, кто восхищался им, были людьми образованными и эрудированными (至天德三年, 得居上京。伏蒙东宫太后请住兴王寺, 开演大华严经讲, 聚徒二百余人, 皆精锐博学者慕之)» [Собрание и сверка..., 2012: 310]. Храм Синван-сы, в котором наставник Баоянь жил и проповедовал, очевидно, был большим официальным храмом в Цзиньшанцзине. В конце надписи на пагоде наставника Баояня указано имя автора текста — Гуанмин из храма Гуанлинь-сы.

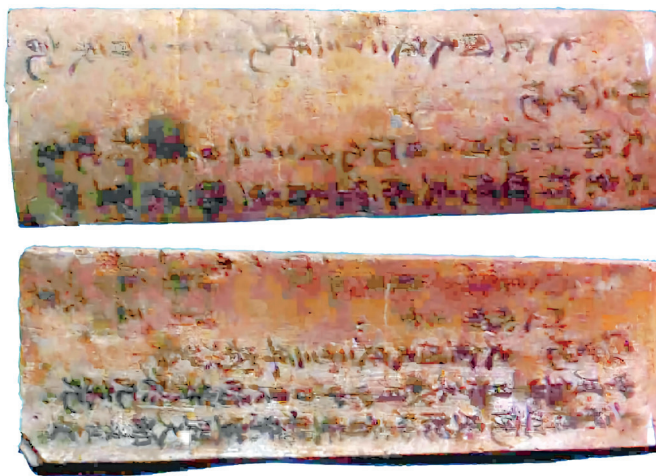

Рис. 2. Надпись «Первое захоронение наставника Сюаньвэя [Фасина] у алтаря храма Шакья [Шакьямуни] в Цзиньшанцзине [Атлас древностей Цзиньшань, 2001: 135]

Fig. 2. Inscription «The first burial of mentor Xuanwei [Fasin] at the altar of the Shakya [Shakyamuni] Temple in Jinshangjing.»; Jinyuan Atlas of Antiquities, 2001: 135]

В 1982 г. на старых южных воротах города Ачэн, расположенного поблизости от Верхней столицы, были найдены две длинные серые черепицы. Надпись «Первое за-

хоронение наставника Сюаньвэя [Фасина] у алтаря храма Шакья [Шакьямуни] в Цзиньшанцзине» (金上京释迦院尼临坛首座宣微大师法性葬记») была выполнена тушью [Сюй Цзыжун, 1989] (рис. 2). В тексте надписи говорится, что в Цзиньшанцзине находился женский буддийский монастырь — храм Шакьямуни (Шицзяюань).

Таким образом, в Верхней столице империи Цзинь было возведено несколько буддийских храмов. В письменных источниках и эпиграфических текстах упоминается шесть: храм Цинъюань-сы, храм Чуцин-сы [Цзинь ши]; храм Синван-сы, храм Баошэн-сы и храм Гуанлинь-сы [Надпись на пагоде наставника Баояня]; женский буддийский монастырь Шакьямуни [Надпись о захоронении наставника Сюаньвэя (Фасина)].

В настоящее время точно определить можно только месторасположение храма Баошэн-сы. Фрагменты его строений расположены на северо-западе северного города Цзиньшанцзина, в 300 м к западу от с. Цзянцзя Мофантун (также известного как археологический памятник Синьчэн-1) и примерно в 500 м к востоку от вала городища. Синьчэн-1 находится на высоком склоне с большим рвом на севере. В эпоху династии Цин здесь всё ещё стоял буддийский храм, и местные жители называли это место «Мяотайцзы» («Храмовая терраса»). Позднее храмовая постройка была сильно повреждена. От неё сохранилась под землёй только часть фундамента из зелёного кирпича. «Надпись на пагоде наставника Баояня», обнаруженная здесь в 1909 г., подтверждает местонахождение именно здесь храма Баошэн-сы династии Цзинь. В последние годы на этом месте был обнаружен вырезанный из камня ящик, в который положена серебряная шкатулка, а в серебряной шкатулке — останки монаха, обёрнутые в шёлковую ткань [И Баоли, 2002]. Недавно к югу от местоположения цзиньского храма возведен новый храм Баошэн-сы (рис. 3, 4).

Остальные буддийские храмы были расположены, судя по письменным источникам, внутри и за пределами царского города, а также в северном городе Цзиньшанцзина. Археологические данные, указывающие на следы их местоположения, пока не выявлены.

Рис. 3. Общий вид современного храма Баошэн-сы. Фотография Ван Цзюньчжэна

Fig. 3. General view of the modern Baoshenshi Temple. Photo by Wang Junzheng

Рис. 4. Ворота современного храма Баошэн-сы. Фотография Ван Цзюньчжэна
 Fig. 4. The gate of the modern Baosheng Temple. Photo of Wang Junzheng

Северные границы чжурчжэньского буддизма эпохи Цзинь

К югу от Сунгари, от Верхней столицы власть чжурчжэней в эпоху Цзинь простиралась через всю Маньчжурию и Северный Китай до реки Хуайхэ. Как известно, в Северном Китае и других районах Внутреннего Китая буддизм имел к тому времени уже почти тысячелетнюю историю. К западу владения чжурчжэней граничили с землями тангутов и уйгуров, где буддизм существовал уже с IX–X вв. До каких пределов в границах государства Цзинь буддизм распространился на север? Где располагались его северная и северо-восточная периферии?

Северные и северо-восточные территории Цзинь административно относились к губернии Пуюйлу, которая охватывала огромную территорию. На юге Пуюйлу примыкала к Верхней столице, на юго-востоке — к области Хулигайлу [Чжан Хуэйюй, Ван Юйлан, 2000: 82]. К северу и северо-востоку Пуюйлу занимала большую часть земель Верхнего и Среднего Амура. Административный центр Пуюйлу находился на территории современного села Цзиньчэнцунь в уезде Кэдунь (городище Цзиньчэнцунь) [Институт исторических памятников и археологии провинции Хэйлунцзян, 1987].

На основании письменных и археологических памятников нам известны некоторые чжурчжэньские моукэ (административные единицы численностью около 300 дворов) Пуюйлу — Хэсукуньшань моукэ (текст девиза на печати из городища Наньшаньвань), Холухотуань моукэ (текст хроники «Цзинь ши»), «Таргандо моукэ» (текст Архаринской писаницы) [Редколлегия ..., 1994: 660; Забияко, 2019]. Судя по распределению городищ и крепостей чжурчжэней в Приамурье, городище Шапка близ поселка Поярково в Амурской области является ближайшим к Архаринскому «Таргандо моукэ» крупным чжурчжэньским укрепленным поселением, которому было подчинено «Таргандо моукэ» [Забияко, 2020].

Кроме крепости на Шапке, Пуюйлу было подчинено большинство других чжурчжэньских укрепленных поселений на Верхнем и Среднем Амуре — Кучугуры, Утёсное, Новопетровское, Чигиринское (Пионерлагерь), Сигоу, Хэси, Сыфанчэн, Синьсин, Шилацзы и др. Обнаружение возле городища Сигоу (город Хэйхэ) печати «цзин люэ ши сы чжи инь» (经略使司之印 — печать Департамента управления) обозначает, что здесь в поздний период эпохи Цзинь существовало военно-административное учреждение [Ван Юйлан, Се Чуньхэ, 2017].

Распространение чжурчжэньского буддизма (доцзиньского и цзиньского периодов) на берегах Среднего Амура можно отследить по некоторым археологическим данным. Подтверждением существования буддийского сооружения чжурчжэней на правом берегу являются материалы, полученные в районе Хэйхэ. Примерно в 58 км к юго-востоку от городского уезда Бэйань, недалеко от с. Лие (пос. Шихуа), находится чжурчжэньское городище Мяотайцзы (рис. 5).

Рис. 5. Территории чжурчжэньского городища Мяотайцзы. Фотография У Бяньцзяня
Fig. 5. The territory of the Jurchen Xiaotaizi settlement. Photo by Wu Bianjian

В 200 м к северо-западу от городища расположена квадратная высокая площадка из земли и камня размером около 25 кв. м. Местные жители обычно называют это место «Мяотайцзы» («Храмовая терраса»). В ходе археологического обследования местности, прилегающей к площадке и городищу, выявлены, наряду с другими средневековыми артефактами, бронзовые скульптуры Будды, бронзовые фигуры буддийского иконографического облика, украшения и т.д. Эти предметы указывают на то, что Мяотайцзы, вероятно, функционировало в качестве буддийского святилища.

На левобережье Амура, в устье Зеи, на Амурско-Зейской равнине в с. Владимировка были зафиксированы сведения об общественной постройке с черепичной крышей, вероятно, имеющей отношение к буддийскому культу [Медведев, 2020: 16]. В цзиньскую эпоху, как упомянуто выше, эта местность как часть левобережья входила в губернию Пуюйлу.

Свидетельства присутствия буддийских сооружений на городище Мяотайцзы и в с. Владимировка маркируют северные границы чжурчжэньского буддизма северо-восточные границы чжурчжэньского буддизма эпохи Цзинь.

Низовья Амура административно входили в губернию Хулигайлу (Хулигай) империи Цзинь. Одним из подтверждений этому является находка официальной печати Хулигайлу. Губерния охватывала территории северо-востока Маньчжурии (бассейн Муданьцзян, Хулинь, Жаохэ, низовья Сунгари), бассейн Раздольной (Сюйпиньлу), среднее и нижнее течение Усури и низовья Амура. Местоположение административного центра губернии остается предметом дискуссии. Большинство исследователей считают, что центр находился в городище Тучэнцзы городского уезда Илань [Чжан Хуэйюй, Ван Юйлан, 2000: 83–84; Лян Чуньюй, 2003: 70]. Местности Хэлибиньтэ Цяньху (моукэ), гора Ваньдулушань, о которых упоминается в письменных источниках, а также чжурчжэньские городища Хорское, Шереметьевское-1, Новопокровское-1, Кошелевы Ямы, Песчаное-1 (Инское), Сикачи-Алянское, Джаринское, Болоньское, Васильевское, Корсаковский могильник принадлежали цзиньской губернии Хулигайлу.

В 20-е гг. XX в. на береговых обнажениях Тунгуски, в 3,5 км от её впадения в Амур, были собраны вымытые водами реки бронзовые предметы, а на рёлке обнаружены четыре каменные базы — основания колонн. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. А. П. Окладников в пос. Тельман, находящемся в 7–8 км от Тунгуски, видел две или три каменные базы, вывезенные кем-то из местных жителей. В 1974 г. В. Е. Медведев обследовал береговые обнажения и рёлку в низовьях Тунгуски и также нашел каменную базу. В ходе обследования местности в 1974 и 1976 гг., зачистки береговых обнажений, проведения раскопок и шурфовки им был собран большой и разнообразный материал, в том числе серая станковая керамика, наконечники стрел, железные ножи, керамические грузила, кладки плиток из сланца (видимо, фрагменты канов), черепица, остатки жилищных построек и т. д. Важной составляющей сборов были бронзовые украшения, бронзовое зеркало с китайским иероглифом «金» (Цзинь) и нумизматическая коллекция сунских монет (Чун Нин Чжун бао, Цзин Ю Юань бао). Эти находки позволили В. А. Медведеву определить памятник Тельмана-1 (Поселение Тунгуска) в качестве чжурчжэньского поселения и отнести его к XII — первой половине XIII в. [Медведев, 2007].

Каменная база была изготовлена из гранитной плиты, имела квадратное основание и верхнюю часть, обработанную в форме лотоса. По мнению исследователя, она служила опорой колонны храма, который стоял на вершине рёлки на расстоянии около 50–60 м от реки. Стены храма были деревянными с глиняной обмазкой, крыша покрыта черепицей, о чём свидетельствуют найденные фрагменты глины и обломки черепицы. На буддийскую принадлежность храма указывает не только вырезанный на базе лотос, но также и другие собранные на памятнике предметы с изображениями в форме лотоса [Медведев, 2007: 367]. Известно, что лотос — один из наиболее характерных образов, символизирующий важнейшие буддийские смыслы (рис. 6).

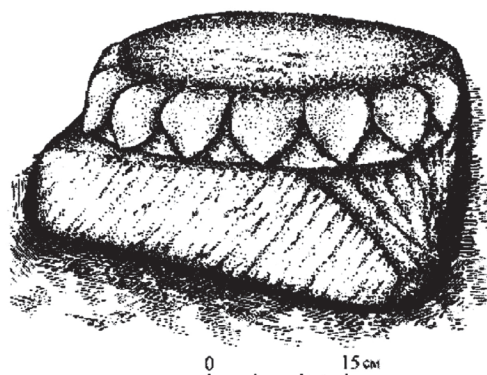

Рис. 6. Каменная база колонны Усть-Тунгусского храма чжурчжэней конца XII – первой половины XIII в. Тельмана-1 (Поселение Тунгуска) [Медведев, 2007: 368, рис. 1.-7]

Fig. 6. The stone base of the Ust-Tunguska temple of the Jurchens of the late XII – first half of the XIII century. Telman-1 (Tunguska Settlement). [Medvedev, 2007: 368, Fig. 1.-7]

В. Е. Медведеву принадлежит заслуга выявления ещё ряда археологических объектов буддийского облика, а также обоснование хорошо аргументированной концепции присутствия буддизма в доцзиньское и цзиньское время на берегах Среднего и Нижнего Амура. Кроме Усть-Тунгусского храма, он отметил ряд общественных чжурчжэньских построек на Нижнем Амуре (у с. Дада), выявил большую коллекцию артефактов (украшения, орнаменты, др.), характер и символика которых имеют отношение к буддизму, а также развил представления о связи буддизма с эволюцией цзиньской государственности и развитием чжурчжэньской культуры [Медведев, 2007; 2020].

Дискуссия о буддийских цзиньских памятниках на Тырском утесе

До настоящего времени дискуссионной остается проблема цзиньских буддийских памятников Цзинь на Тырском утесе.

Рис. 7. Вид Тырского утеса. 2022 г. Фотография Ван Цзюньчжэна

Fig. 7. View of the Tyrsky cliff. 2022 Photo by Wang Junzheng

Тырский утес находится на правом берегу Нижнего Амура, напротив устья левого притока Амура — реки Амгунь (рис. 7). Там расположены развалины двух буддийских храмов Юннин (кит. — Вечного Спокойствия), возведённых в 1413 г. и 1433 г. В науке общепринятым считается утверждение, что тырский храм Юннин (Юннин-сы) относится к эпохе Мин [Тории Рюдзо, 1947; Окладников, 1955; Линь Юн, 1982; Артемьев, 2005: 9–20; Медведев, 2007; Артемьев, Артемьева, 2008; Головачев, 2010; Головачев, Ивлиев, Певнов, Рыкин, 2011]. Фокус дискуссии заключается в проблеме существования здесь буддийского сооружения эпохи Цзинь.

Истоки дискуссии кроются в толковании описаний путешественника и промышленника Г. М. Пермикина, который в 1854–1855 гг. принимал участие в первом Амурском сплаве Н. Н. Муравьева. В 1856 г. М. Пермикин опубликовал материалы «Путевой журнал плавания по реке Амуру от Усть-Стрелочного караула до впадения ее в Татарский пролив», в нем зафиксирована ситуация Тырских памятников (24 июня 1855 г.), в которых упоминаются развалины не только храма, но и колонн (рис. 8).

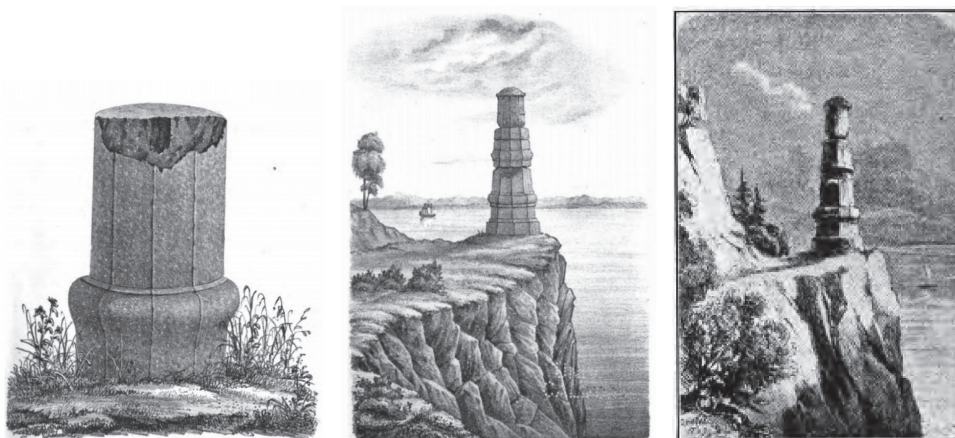

Рис. 8. Рисунки каменных колонн на Тырском утесе [Пермикин, 1856: рис. 2, рис. 4; Тории Рюдзо, 1926: рис. 50]

Fig. 8. Drawings of stone columns on the Tyr cliff. [Permikin, 1856: fig. 2, fig. 4; Torii Ryuzo, 1926: fig. 50]

«Второй памятник от первого мраморного камня лежит в четырех шагах, а от обрыва речного — в одном. По-видимому, он сделан из трех составных частей: восьмиугольного пьедестала и двух колонн, одна над другою, скрепленных между собою стержнем. Время, а может быть, и люди уничтожили верхнюю часть колонны, и она обрушилась в реку. Впрочем, есть между жителями предание, что когда Русские в первые времена проходили, то сбросили эти памятники, но Маньчжуры опять их возобновили. Камень этот сделан из порфира, и письмен на нем никаких нет. [...] Далее, во 150 саженьях от этих памятников, на узком мысу, отвесно опустившемся к реке, стоит восьмиугольная колонна, несколько похожая на второй памятник. Колонна эта также состоит из трех частей, довольно резко отделяющихся друг от друга.

Верхняя изображает собою как бы урну; но письмен на ней никаких нет» [Пермикин, 1856: 68].

В 1861 г. появилось сходное описание географа Э.Г. Равенштейна [Ernst, 1861: 194–195]. Во второй половине XIX–XX вв. на месте обнаружения развалин храмов несколько раз были проведены небольшие археологические раскопки (в 1910 г. Л.Я. Штернбергом и др.).

В 1919 г. Тырский утес исследовал японский антрополог Тории Рюдзо. К этому времени стел с надписями и колонн здесь уже не было. В 1891 г. они были вывезены во Владивосток. В монографии «Поиск и посещение Северо-Восточной Азии» Тории Рюдзо впервые упомянул, что на Тырском утесе находятся «остатки кирпичной пагоды» [Тории Рюдзо, 1926: 155]. В 1947 г. Торий Рюдзо опубликовал статью «Исследование Нурган дусы» в «Яньцзинском вестнике», в которой подтвердил идею существования кирпичной пагоды на Тырском утесе и отнес эту пагоду ко времени Ляо и Цзинь; колонны, о которых он мог судить только по иллюстрациям, он соотнёс с этой пагодой [Тории Рюдзо, 1947]. Однако, согласно описаниям и рисункам Пермикина и Равенштейна, а также другим первым свидетельствам (Цао Тинцзе, Л.Я. Штернберга и др.), среди тырских древностей отсутствуют развалины кирпичной пагоды. Очевидно, Тории Рюдзо допустил существенные неточности и субъективизм в трактовке средневековых материалов Тырского утеса.

Мнение Тории Рюдзо во многом стало причиной дальнейших разногласий по поводу наличия или отсутствия древностей эпох Ляо и Цзинь в низовьях Амура. Произвольные суждения Рюдзо были поддержаны рядом японских и китайских учёных. С другой стороны, многие российские и китайские исследователи, такие как Линь Юн, А.Р. Артемьев и другие, сомневаются в существовании буддийской пагоды времени Ляо — Цзинь [Линь Юн, 1982; Артемьев, 2005: 15; Артемьев, Артемьева, 2008: 147]. Позиция А.Р. Артемьева опиралась на археологические исследования памятника в 1995, 1996, 1998–2000 гг. руководимой им Амурской археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. При этом археолог допускал присутствие на Тырском утесе в доминское время общественных построек, покрытых черепицей. В ходе раскопок им были найдены фрагменты черепицы юаньского и, возможно, цзиньского времени. Нельзя исключать, что они могли иметь отношение к буддийскому храму.

В 1968 г. на Тырском утёсе работал отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции СО РАН под руководством В.Е. Медведева. В своих публикациях В.Е. Медведев не принимает утверждений Тории Рюдзо о «кирпичной пагоде» цзиньского времени. Но допускает возможность появления здесь буддизма и культовых построек по крайней мере середины XIII в. (юаньского времени), следы которых, возможно, удалось выявить А.Р. Артемьеву [Медведев, 2007: 369–370].

Очевидно, что археологическое изучение Тырских древностей ещё далеко от завершения. Результаты раскопок конца XX в. убеждают, что появляются подлинные артефакты древнее минского времени, которые имеют отношение к общественным, возможно, культовым постройкам. Принадлежат ли они буддийскому храму государства Цзинь, покажут дальнейшие исследования.

Правители империи Цзинь могли символически маркировать храмом пределы подвластных земель и явить местному населению образец новой культуры, возвышающейся над традиционными верованиями и практиками. Такой политической логикой руководствовались позднее власти империи Мин, в результате военных экспедиций которых были построены храмы в 1413 и 1433 гг. Известно, что оба храма были разрушены жителями после ухода минских военных отрядов. Буддизм не смог закрепиться в низовьях Амура в XV в. Не очевидно, что он мог найти внутреннюю опору в глубоко архаичной среде нивхов (племён цилеми), айнов (племён гувэев) и других родоплеменных групп, населявших низовья Амура во времена Цзинь. Следовательно, если на Тырском утёсе и был буддийский храм цзиньского времени, то вряд ли он отражал буддийскую религиозность местного населения.

Заключение

Буддизм в Северо-Восточном Китае впервые появляется в государстве Бохай. Значительная часть территорий Бохая располагалась в бассейне Амура. Верхняя столица государства находилась вблизи реки Муданьцзян, правого притока Сунгари. Здесь в ходе археологических раскопок выявлено около 10 храмов, что свидетельствует о значительной роли буддизма в столичной государственной и религиозной жизни. Следы присутствия бохайского буддизма сохранились также в бассейне Сунгари. Несомненно, что проживавшие на этих территориях ранние чжурчжэни, их родовая аристократия были знакомы с культурой буддизма. Чжурчжэни в своей ранней, догосударственной истории активно контактировали с бохайцами, перенимая высокие образцы культуры, к которым относились, конечно, буддийские традиции. Кидани в русле общих тенденций развития государственности и культуры народов Восточной Азии принимают буддизм, который становится в начале X в. государственной религией империи Ляо. Разгромив империю Ляо и учредив империю Цзинь (1115 г.), чжурчжэни наследовали культурно-государственную стратегию усвоения буддизма. Политическая верхушка чжурчжэньского общества и государственная система Цзинь стали главной опорой распространения буддизма в пределах империи. Буддизм в XII в. стал важной частью религиозного ландшафта огромной территории востока Азии, подвластной династии Цзинь.

Центром цзиньского буддизма в течение первых десятилетий империи была Верхняя столица — Цзиньшанцзин. На севере и северо-востоке Цзинь границы распространения буддизма простирались до Зеи, Тунгуски, Уссури и других рек лево- и правобережья Амура. Существование буддизма, буддийской культуры в этих районах удостоверено следами храмовых построек и предметами буддийского культа, обнаруженными на поселениях и могильниках.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–18–00807, <https://rscf.ru/project/24-18-00807/>

Acknowledgement and funding

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24–18–00807, <https://rscf.ru/project/24-18-00807/>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Артемьев А. Р. Буддийские храмы XV в. в низовьях Амура. Владивосток : К и Партнеры, 2005. 202 с.

Артемьев А. Р., Артемьева Н. Г. История изучения буддийских храмов в Тыре (материалы Международного симпозиума) // Российская археология. 2008. № 1. С. 146–152.

Ван Цзюньчжэн. Дорожно-транспортные системы на северной пограничной территории империи Цзинь // Социальные взаимодействия, языки и ландшафты в Сибири и Китае (эвенки, эвены, орочоны и другие группы) : труды Третьей международной междисциплинарной Тунгусской конференции. Благовещенск : Одеон, 2019. С. 81–98.

Ван Цзюньчжэн. Возникновение и начальное развитие буддизма в Северо-Восточном Китае (по материалам сяньбэй и Когурё) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Народы и культуры Северо-Восточного Китая. Вып. 13. Благовещенск : АмГУ, 2020. С. 197–211.

Ван Цзюньчжэн. Государственность чжурчжэньской империи Цзинь по археологическим материалам: администрация, города, дороги и границы // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 14. Благовещенск : Изд-во Амурского госуниверситета, 2022. С. 116–132.

Ван Цзюньчжэн. Возникновение и тенденции развития буддизма в культурах народов Амура (до первой половины XIII в.) // Религиоведение. 2023. № 1. С. 29–39.

Головачев В. Ц. Значение тырских стел и храма «Юннин» в оценках мировой историографии // Россия и АТР. 2010. № 3 (69). С. 123–132.

Головачев В. Ц., Ивлиев А. Л., Певнов А. М., Рыкин П. О. Тырские стелы XV века: перевод, комментарии, исследование китайских, монгольского и чжурчжэньского текстов. СПб. : Наука, 2011. 318 с.

Дашковский П. К. Мировоззрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования) : монография. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. 244 с.

Дашковский П. К. Распространение прозелитарных религий у тюркоязычных кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху средневековья // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии : коллективная монография. — Барнаул, 2014. Т. I: Поздняя древность — начало XX в. С. 37–46.

Дашковский П. К. Некоторые итоги изучения эволюции религиозного ландшафта Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии // Религиоведение. 2018. № 4. С. 26–36.

Забияко А. П. Ранний чжурчжэньский текст наскальных изображений на реке Архаре в Приамурье (история, результаты исследования и новые данные) // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 47. № 3. 2019. С. 94–103.

Забияко А. П. Ранний чжурчжэньский текст на скале реки Архары в контексте истории чжурчжэней в Приамурье // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Народы и культуры Северо-Восточного Китая : материалы XIV Международной научно-практической конференции. Благовещенск : АмГУ, 2020. С. 33–48.

История Золотой империи. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. 288 с.

Медведев В. Е. О буддизме на территории Приамурья // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. научн. трудов. Одесса ; Омск : Омский филиал Института археологии и этнографии, 2007. С. 366–370.

Медведев В. Е. О чжурчжэньской государственности в Российском Приамурье // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Народы и культуры Северо-Восточного Китая : материалы XIV Международной научно-практической конференции. Благовещенск : АмГУ, 2020. С. 7–20.

Окладников А. П. Первые известия об археологических памятниках нижнего Амура (к 300-летию открытия Тырских памятников, 1655–1955) // Известия Всесоюзного географического общества. 1955. Вып. 4. Т. 87. С. 335–344.

Окладников А. П., Медведев В. Е. Буддийская статуэтка с острова Уссурийского // Пластика и рисунки древних культур (Первобытное искусство). Новосибирск : Наука, 1983. С. 117–121.

Пермикин Г. М. Путевой журнал плавания по реке Амуру от Усть-Стрелочного караула до впадения ее в Татарский пролив // Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. 2. Отд. 1. СПб. : Типография Э. Праца, 1856. С. 3–78.

Поносов В. В. Предварительное сообщение о разведке развалин Дунцзинчэна // Восточноазиатское археологическое общество. Дунцзинчэн. Раскопки и обследования городища Верхней столицы государства Бохая. Харбин, 1939. С. 1–10.

Ernst George Ravenstein. The Russians on the Amur. London: Trubner, 1861. — 467 с. (in English).

Атлас древностей Цзиньюань / под отв. ред. Бао Хайчунь, Ван Юйлан. Харбин : Харбин чубаньшэ. 2001. 418 с. (鲍海春, 王禹浪主编. 金源文物图集. 哈尔滨: 哈尔滨出版社, 2001. — 418 页) (In Chinese).

Ван Дэпэн. Об историческом происхождении буддизма в династии Цзинь // Ланьчжоуский вестник. 2018. №9. С. 56–66. (王德朋. 论金代佛教的历史渊源 // 兰州学刊. 2018. №9. 页 56–66) (In Chinese).

Ван Юйлан, Се Чуньхэ. Исследование цзиньской печати Департамента Управления из городища Сигоу г. Хэйхэ // Вестник Харбинского университета. 2017. № 10. С. 1–7. (王禹浪, 谢春河. 黑河市西沟古城发现金代经略使司之印研究 // 哈尔滨学院学报. 2017. № 10. 1–7 第) (In Chinese).

Восточноазиатское археологическое общество. Дунцзинчэн. Раскопки и обследования городища Верхней столицы государства Бохая. 1939. 90 с. (东亚考古学会. 东京城. 渤海国上京龙泉府址的发掘调查. 东方考古学丛刊 (第五册), 1939. 90 页) (In Chinese).

И Баоли. Обзор некоторых памятников построек и гробниц вокруг Верхней столицы // Альманах исторической географии в Северо-восточном Китае. Харбин, 2002. С. 391–402 (伊葆力. 金上京周边部分建筑址及陵墓址概述 / 鲍海春, 王禹浪主编. 东北历史地理论丛. 哈尔滨: 哈尔滨出版社, 2002. 391–402 第) (in Chinese).

Институт археологии Китайской академии общественных наук. Гора Людиншань и посёлок Бохай: аристократические могильники и столичный памятник государства Бохай династии Тан. Пекин: Изд-во энциклопедии Китая, 1997. 257 с. (中国社会科学院考古研究所编著. 六顶山与渤海镇 — 唐代渤海国的贵族墓地与都城遗址. 北京: 中国大百科全书出版社, 1997. 257 第) (In Chinese).

Линь Юн. Крепость Македонского, Стела Юань и кирпичная пагода Ляо-Цзинь — Изложение археологической истории храма Юннин // Альманах исторических памятников Хэйлунцзяна. 1982. № 1. С. 83–89. (林沅. 马其顿城堡, 元碑和辽金砖塔 — 永宁寺考古史漫话 // 黑龙江文物丛刊. 1982. №. 1. С. 83–89) (In Chinese).

Лян Чуньюй. Дискуссия Хулигайлу в династии Цзинь // Вестник общественных наук Цзямусыского университета. 2003. № 2. С. 70–71. (梁春雨. 浅谈金代胡里改路 // 佳木斯大学社会科学学报. 2003. № 2. С. 70–71 第) (In Chinese).

Медведев В. Е. Городища Нижнего Амура // Забияко А. П., Зайцев Н. Н., Медведев В. Е. Древние и средневековые городища Приамурья / пер. на кит. Ван Цзюньчжэн. Пекин: Изд-во КАОН, 2024. С. 236–286. (А. П. 扎比亚科、Н. Н. 扎伊采夫、В. Е. 麦德维杰夫著, 王俊铮译, 王禹浪校: 《俄罗斯阿穆尔河(黑龙江)沿岸地区古城址研究》, 北京: 中国社会科学出版社, 2024. 236–286 第) (in Chinese).

Няньчан. История Будды в ряде династий (Фоцу лидай тунцай). Т. 20. Пекин: Шуму Вэньсянь чубаньшэ, 1990. (念常. 佛祖历代通载 (卷二十). 北京: 书目文献出版社, 1990) (In Chinese).

Редколлегия Справочника по городскому уезду Бэйань. Справочник по уезду Ниньянь. Бэйань, 1994. 835 с. (北安市地方志编委会. 北安县志. 北安, 1994年. 835 第) (In Chinese).

Собрание и сверка эпиграфических текстов всей династии Цзинь. Чанчунь: Цзилинь вэньши чубаньшэ. 2012. 670 с. (王新英辑校. 全金石刻文辑校. 长春: 吉林文史出版社, 2012. 670 第) (In Chinese).

Сюй Цзыжун. Исследование Надписи о захоронении наставника Сюаньвэй (Фасин) храма Шакиямуни в Цзиньшанцзин // Северные исторические памятники. 1989. № 3. С. 38–42. (许子荣. 金上京释迦院尼临坛首座宣徽大师法性葬记考释 // 北方文物. 1989. №. 3. 38–42 第) (In Chinese).

Тории Рюдзо. Поиск и посещение Северо-Восточной Азии / пер. на кит. Тан Эрхэ. — Шанхай: шанью иньшу гуань, 1926. 265 с. (鸟居龙藏. 东北亚洲搜访记. 汤尔和译. 上海: 商务印书馆, 1926. 265 第) (In Chinese).

Тории Рюдзо. Исследование Нурган дусы // Яньцзинский вестник. № 33. 1947. С. 7–76. (鸟居龙藏. 奴儿干都司考 // 燕京学报. № 33. 1947. 7–76 第) (на кит. яз.).

Торияма Киити. Обзор отчёта об обследовании храмов Дунцзинчэна. Чанчунь. 1943. 44 с. (鸟山喜一. 东京城寺址调查略报告. 长春: 满洲古迹古物名胜天然纪念物保存协会, 1943. 44 第) (In Chinese).

Хао Сыдэ, Чжан Пэн. Городища на территории Хэйхэ пров. Хэйлунцзян // Северные исторические памятники. 1991. № 1. С. 26–31. (郝思德, 张鹏. 黑龙江省黑河地区发现的古城址 // 北方文物. 1991. №. 1. 26–31 第) (In Chinese).

Хун Хао. Сунмо Цзивэнь. Книжная серия Чанбай (Первый выпуск. Чанчунь: Цзилинь вэньши чубаньшэ. 1986. С. 9–50. (洪皓. 松漠纪闻. 李澍田主编, 翟立伟等标注. 长白山丛书 (初集). 长春: 吉林文史出版社, 1986. 9–50 第) (In Chinese).

Цзинь ши. Пекин: Чжунхуа шуцзюй. 1975. 2906 с. (金史. — 北京: 中华书局, 1975. — 2906 第) (In Chinese).

Чжан Хуэйюй, Ван Юйлан. Обзор системы административно-территориальных делений на территории Хэйлунцзян в империи Цзинь // Вестник Харбинского педаго-

гического колледжа. 2000. № 4. С. 80–84. (张晖宇, 王禹浪. 金代黑龙江地区的行政建制述略 // 哈尔滨师专学报. 2000. №. 4. 80–84 第) (In Chinese).

REFERENCES

Artem'ev A. R. *Buddiiskie khramy XV v. v nizov'iakh Amura* [Buddhist temples of the XV century in the lower reaches of the Amur]. Vladivostok: K i Partnery, 2005. 202 p. (in Russian).

Artem'ev A. R., Artem'eva N. G. *Istoriia izucheniia buddiiskikh khramov v Tyre* (materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma) [The history of the study of Buddhist temples in Tyra (materials of the International Symposium)] // *Rossiiskaia arkheologiya* [Russian Archaeology]. 2008, no 1. P. 146–152 (in Russian).

Van Tszun'chzhen. *Dorozhno-transportnye sistemy na severnoi pogranchnoi territorii imperii Tszin'* [Road transport systems in the northern border territory of the Jin Empire] // *Trudy tret'ei mezhdunarodnoi mezhdistsiplinarnoi Tungusskoi konferentsii "Sotsial'nye vzaimodeistviia, iazyki i landshafty v Sibiri i Kitae (evenki, eveny, orochony i drugie gruppy)"* [Proceedings of the third International interdisciplinary Tunguska Conference "Social Interactions, Languages and landscapes in Siberia and China (Evenks, Evens, Orochons and other groups)"]. Blagoveshchensk: OOO IPK "Odeon", 2019. P. 81–98 (in Russian).

Van Tszun'chzhen. *Vozniknovenie i nachal'noe razvitie buddizma v Severo-Vostochnom Kitae (po materialam sian'bei i Kogure)* [The emergence and initial development of Buddhism in Northeastern China (based on the materials of Xianbei and Kogure)] // *Rossia i Kitai na dal'nevostochnykh rubezhakh. Narody i kul'tury Severo-Vostochnogo Kitaia* [Russia and China on the Far Eastern borders. Peoples and cultures of Northeast China]. Blagoveshchensk: AmGU, 2020, iss. 13. P. 197–211 (in Russian).

Van Tszun'chzhen. *Gosudarstvennost' chzhurchzhen'skoi imperii Tszin' po arkheologicheskim materialam: administratsiia, goroda, dorogi i granitsy* [The statehood of the Jurchen Jin Empire according to archaeological materials: administration, cities, roads and borders] // *Rossia i Kitai na dal'nevostochnykh rubezhakh* [Russia and China on the Far Eastern borders]. Blagoveshchensk: Izd-vo Amurskogo gosuniversiteta, 2022, iss. 14. P. 116–132 (in Russian).

Van Tszun'chzhen. *Vozniknovenie i tendentsii razvitiia buddizma v kul'turakh narodov Amura (do pervoi poloviny XIII v.)* [The emergence and development trends of Buddhism in the cultures of the Amur peoples (before the first half of the XIII century)] // *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2023, no. 1. P. 29–39 (in Russian).

Golovachev V. Ts. *Znachenie tyrskaa stel i khrama "Iunnin" v otsenkakh mirovoi istoriografii* [The significance of the Tyr stele and the Yunning Temple in the assessments of world historiography] // *Rossia i ATR* [Russia and the Asia-Pacific region]. 2010, no. 3 (69). P. 123–132 (in Russian).

Golovachev V. Ts., Ivliev A. L., Pevnov A. M., Rykin P. O. *Tyrskie stely XV veka: perevod, kommentarii, issledovanie kitaiskikh, mongol'skogo i chzhurchzhen'skogo tekstov* [The Tyrian steles of the XV century: translation, commentary, and research of Chinese, Mongolian, and Jurchen texts]. Sankt-Peterburg: Nauka, 2011, 318 p. (in Russian).

Dashkovskii P. K. *Mirovozzrenie kochevnikov Saiano-Altaiia i sopredel'nykh territorii pozdnei drevnosti i rannego srednevekov'ia (otechestvennaia istoriografiia i sovremennye*

issledovaniia): *monografiia* [The worldview of the nomads of the Sayano-Altai and adjacent territories of late Antiquity and the Early Middle Ages (Russian historiography and modern research)]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2011, 244 p. (in Russian).

Dashkovskii P. K. Rasprostranenie prozelitarnykh religii u tiurkoiazychnykh kochevnikov Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v epokhu srednevekov'ia [The spread of proselytizing religions among the Turkic-speaking nomads of Southern Siberia and Central Asia in the Middle Ages] // *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [The Religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia: a collective monograph]. Barnaul, 2014, vol. I. P. 37–46 (in Russian).

Dashkovskii P. K. Nekotorye itogi izucheniia evoliutsii religioznogo landshafta Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii [Some results of the study of the evolution of the religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia] // *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2018, no. 4. P. 26–36 (in Russian).

Zabiiako A. P. Rannii chzhurchzhen'skii tekst naskal'nykh izobrazhenii na reke Arkhare v Priamur'e (istoriia, rezul'taty issledovaniia i novye dannye) [The Early Jurchen text of rock carvings on the Argali River in the Amur Region (history, research results and new data)] // *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2019, vol. 47, no. 3. P. 94–103 (in Russian).

Zabiiako A. P. Rannii chzhurchzhen'skii tekst na skale reki Arkhary v kontekste istorii chzhurchzhenei v Priamur'e [The Early Jurchen text on the rock of the Argali River in the context of the history of the Jurchens in the Amur region] // *Sbornik materialov XIV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsiia "Rossiia i Kitai na dal'nevostochnnykh rubezhakh. Narody i kul'tury Severo-Vostochnogo Kitaia"* [Collection of materials of the XIV International Scientific and Practical Conference "Russia and China on the Far Eastern frontiers. Peoples and Cultures of Northeast China"]. Blagoveshchensk: AmGU, 2020. P. 33–48 (in Russian).

Istoria Zolotoi imperii [The History of the Golden Empire]. Novosibirsk: Izdatel'stvo institut arkheologii i etnografii SO RAN, 1998, 288 p. (in Russian).

Medvedev V. E. O buddizme na territorii Priamur'ia [About Buddhism in the Amur region] // *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of archaeological and ethnographic research]. Odessa; Omsk: Omskii filial Instituta arkheologii i etnografii, 2007. P. 366–370 (in Russian).

Medvedev V. E. O chzhurchzhen'skoi gosudarstvennosti v Rossiiskom Priamur'e [On Jurchen statehood in the Russian Amur region] // *Sbornik materialov XIV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsiia «Rossiia i Kitai na dal'nevostochnnykh rubezhakh. Narody i kul'tury Severo-Vostochnogo Kitaia* [Collection of materials of the XIV International Scientific and Practical Conference «Russia and China on the Far Eastern frontiers. Peoples and cultures of Northeast China]. Blagoveshchensk: AmGU, 2020. P. 7–20 (in Russian).

Okladnikov A. P. Pervye izvestiia ob arkheologicheskikh pamiatnikakh nizhnego Amura (k 300-letiiu otkrytiia Tyrskikh pamiatnikov 1655–1955) [The first news about the archaeological sites of the Lower Amur (to the 300th anniversary of the discovery of the Tyrsk monuments 1655–1955)] // *Izvestiia Vsesoiuznogo geograficheskogo obshchestva* [News of the All — Union Geographical Society]. 1955, vol. 87, iss. 4. P. 335–344 (in Russian).

Okladnikov A. P., Medvedev V. E. Buddiiskaia statuetka s ostrova Ussuriiskogo [Buddhist statuette from the island of Ussuriysky] // *Plastika i risunki drevnikh kul'tur (Pervobytnoe iskusstvo)* [Plastic and drawings of ancient cultures (Primitive art)]. Novosibirsk: Nauka, 1983. P. 117–121 (in Russian).

Permikin G. M. Putevoi zhurnal plavaniia po reke Amuru ot Ust' — Strelochnogo karaula do vpadeniia ee v Tatarskii proliv [Travel log of navigation along the Amur River from Ust-Strelochny Karaul to its confluence with the Tatar Strait] // *Zapiski Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Sankt-Peterburg: Tipografiia Eduarda Pratsa, 1856, book 2. P. 3–78 (in Russian).

Ponosov V. V. Predvaritel'noe soobshchenie o razvedke razvalin Duntszin-chena [Preliminary report on the exploration of Dongjingcheng ruins] // *Vostochnoaziatskoe arheologicheskoe obshchestvo. Dunczinchen. Raskopki i obsledovaniia gorodishcha Verkhnei stolitsy gosudarstva Bokhaia* [East Asian Archaeological Society. Dongjingcheng. Excavations and surveys of the ancient settlement of the Upper capital of the state of Bohai]. 1939. P. 1–10. (in Russian).

Ravenstein E. *The Russians on the Amur*. London: Trubner, 1861, 467 p. (in English)

Atlas drevnostej Czin'yuan'. Ed. Bao Hajchun', Van Yujlan. Harbin: Harbin chuban'she. 2001, 418 p. (鲍海春, 王禹浪主编. 金源文物图集. 哈尔滨: 哈尔滨出版社, 2001. — 418 s.) (In Chinese).

Van Depen. Ob istoricheskom proiskhozhdenii buddizma v dinastii Czin'. *Lan'chzhouskij vestnik*. 2018, no. 9. P. 56–66. (王德朋. 论金代佛教的历史渊源. 兰州学刊. 2018, no. 9. P. 56–66) (In Chinese).

Van Yujlan, Se Chun'he. Issledovanie czin'skoj pechati Departamenta Upravleniya iz gorodishcha Sigou g. Hejhe. *Vestnik Harbinskogo universiteta*. 2017, no. 10. P. 1–7 (王禹浪, 谢春河. 黑河市西沟古城发现金代经略使司之印研究 // 哈尔滨学院学报. 2017. № 10. — S. 1–7) (In Chinese).

Vostochnoaziatskoe arheologicheskoe obshchestvo. Dunczinchen. Raskopki i obsledovaniya gorodishcha Verhnej stolitsy gosudarstva Bohaya. 1939, 90 p. (东亚考古学会. 东京城. 渤海国上京龙泉府址的发掘调查. 东方考古学丛刊 (第五册), 1939, 90 p.) (In Chinese).

I Baoli. Obzor nekotoryh pamyatnikov postroek i grobnic vokrug Verhnej stolitsy. *Al'manah istoricheskoy geografii v Severo-vostochnom Kitae*. Harbin, 2002. S. 391–402 (伊葆力. 金上京周边部分建筑址及陵墓址概述 / 鲍海春, 王禹浪主编. 东北历史地理论丛. 哈尔滨: 哈尔滨出版社, 2002. P. 391–402) (In Chinese).

Institut arheologii Kitajskoj akademii obshchestvennyh nauk. Gora Lyudinsan' i posyolok Bohaj: aristokraticheskie mogil'niki i stolichnyj pamyatnik gosudarstva Bohaj dinastii Tan. Pekin: Izd-vo enciklopedii Kitaya, 1997, 257 p. (中国社会科学院考古研究所编著. 六顶山与渤海镇 — 唐代渤海国的贵族墓地与都城遗址. 北京: 中国大百科全书出版社, 1997, 257 p.) (In Chinese).

Lin' Yun. Krepost' Makedonskogo, Stela Yuan' i kirpichnaya pagoda Lyao-Czin' — Izlozhenie arheologicheskoy istorii hrama Yunnin. *Al'manah istoricheskikh pamyatnikov Hejlunczyana*. 1982, no. 1. P. 83–89 (林芸. 马其顿城堡, 元碑和辽金砖塔 — 永宁寺考古史漫话. 黑龙江文物丛刊. 1982, no. 1. P. 83–89) (In Chinese).

Lyan Chun'uj. Diskussiya Huligajlu v dinastii Czin'. *Vestnik obshchestvennyh nauk Czyamusyskogo universiteta*. 2003, no. 2. P. 70–71 (梁春雨. 浅谈金代胡里改路. 佳木斯大学社会科学学报. 2003, no. 2. P. 70–71) (In Chinese).

Medvedev V. E., Zabiyako A. P., Zajcev N. N. Gorodishcha Nizhnego Amura. *Drevnie i srednevekovye gorodishcha Priamur'ya*. Pekin: Izd-vo KAON, 2024. S. 236–286. (A. P. 扎比亚科、N. N. 扎伊采夫、V. E. 麦德维杰夫著, 王俊铮译, 王禹浪校: 《俄罗斯阿穆尔河(黑龙江)沿岸地区古城址研究》, 北京: 中国社会科学出版社, 2024. P. 236–286) (In Chinese).

Nyan'chan. *Istoriya Buddy v ryade dinastij (Focu lidaj tuncaj)*. Pekin: Shumu Ven'syan' chuban'she, 1990, vol. 20 (念常. 佛祖历代通载(卷二十). 北京: 书目文献出版社, 1990, vol. 20) (In Chinese).

Redkollegiya Spravochnika po gorodskom uезdu Bejan'. Spravochnik po uезdu Nin'an' Bejan', 1994, 835 p. (北安市地方志编委会. 北安县志. 北安, 1994年, 835 p.).

Sobranie i sverka epigraficheskikh tekstov vsej dinastii Czin'. Chanchun': Czilin' ven'shi chuban'she. 2012, 670 p. (王新英辑校. 全金石刻文辑校. 长春: 吉林文史出版社, 2012, 670 p.) (In Chinese).

Syuj Czyzhun. Issledovanie Nadpisi o zahoroneni nastavnika Syuan'vej (Fasin) hrama Shak'yamuni v Czin'shanczin. *Severnye istoricheskie pamyatniki*. 1989, no. 3. P. 38–42. (许子荣. 金上京释迦院尼坛塔首座宣微大师法性葬记考释 // 北方文物. 1989, no. 3. P. 38–42) (In Chinese).

Torii Ryudzo. *Poisk i poseshchenie Severo-Vostochnoj Azii*. Shanhaj: shan'u in'shu guan', 1922, 265 p. (鸟居龙藏. 东北亚洲搜访记. 汤尔和译. 上海: 商务印书馆, 1926, 265 p.) (In Chinese).

Torii Ryudzo. Issledovanie Nurgan dusy. *Yan'czinskij vestnik*. 1947, no. 33. P. 7–76 (鸟居龙藏. 奴儿干都司考. 燕京学报, 1947, no. 33. P. 7–76) (In Chinese).

Toriyama Kiiti. *Obzor otchyota ob obsledovaniya hramov Dunczinchena*. Chanchun'. 1943, 44 p. (鸟山喜一. 东京城寺址调查略报告. 长春: 满洲古迹古物名胜天然纪念物保存协会, 1943, 44 p.) (In Chinese).

Hao Syde, Chzhan Pen. Gorodishcha na territorii Hejhe prov. Hejlunczyan. *Severnye istoricheskie pamyatniki*. 1991, no. 1. P. 26–31. (郝思德, 张鹏. 黑龙江省黑河地区发现的古城址. 北方文物. 1991, no. 1. P. 26–31) (In Chinese).

Hun Hao. Sunmo Cziven'. *Knizhnaya seriya Chanbaj (Pervyj vypusnik)*. Chanchun': Czilin' ven'shi chuban'she. 1986. P. 9–50. (洪皓. 松漠纪闻. 李澍田主编, 翟立伟等标注. 长白丛书(初集). 长春: 吉林文史出版社, 1986. P. 9–50) (In Chinese).

Czin' shi. *Czyu Tan shu*. Pekin: Chzhunhua shuczyuj. 1975, 2906 p. (金史. — 北京: 中华书局, 1975, 2906 p.) (In Chinese).

Chzhan Huejyuj, Van Yujlan. Obzor sistemy administrativno-territorial'nyh delenij na territorii Hejlunczyan v imperii Czin'. *Vestnik Harbinskogo pedagogicheskogo kolledzha*. 2000, no. 4. P. 80–84. (张晖宇, 王禹浪. 金代黑龙江地区的行政建制述略. 哈尔滨师专学报. 2000, no. 4. P. 80–84) (In Chinese).

Статья поступила в редакцию: 15.08.2024

Принята к публикации: 21.11.2024

Дата публикации: 24.12.2024

УДК 322

DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–11

П. К. Дашковский*Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)***У. П. Бичелдей, А. В. Монгуш***Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл, Россия)*

ПОЛОЖЕНИЕ БУДДИЙСКИХ ОБЩИН В ТУВЕ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ СССР В СЕРЕДИНЕ 1950-х гг.

В Советском Союзе после смерти И. В. Сталина происходят изменения в системе государственно-конфессиональных отношений. Государственно-конфессиональная политика исследуемого исторического отрезка времени характеризуется переменчивостью, бессистемностью и нелинейностью, о чем свидетельствуют в первую очередь документы советского законодательства и архивные материалы. В целом хрущевская политика на этом этапе носила умеренный атеистический характер при проведении идеологических мероприятий в государстве. В связи с этим положение религиозных общин в стране в рассматриваемое время считается как относительно стабильное. Цель статьи — исследование положения буддийских общин в Туве в контексте государственно-конфессиональной политики СССР в середине 1950-х гг. Источниковой базой исследования послужили нормативно-правовые документы и архивные материалы фонда Государственного архива Российской Федерации, отражающие влияние советской государственно-конфессиональной политики на население Тувы в середине 1950-х гг. Исследование проводилось с помощью ретроспективного, сравнительно-исторического и проблемно-хронологических методов. В научный оборот впервые вводятся исторические сведения о религиозной ситуации в Туве в контексте советской государственно-конфессиональной политики в изучаемый период. В Тувинской автономной области в середине 1950-х гг. среди ее населения происходили религиозные процессы, как и на всем советском правовом и социокультурном пространстве. Тем не менее, представители буддийских общин региона, которые со смелой политической руководства в стране снова подавали в местные органы власти свои регистрационные документы, не получили права официально вести религиозную деятельность. В регионе, как и ранее, на законных основаниях функционировали лишь приходы Русской православной церкви городов Кызыла и Турана. Авторам в настоящей работе удалось частично отразить религиозную ситуацию в Туве в контексте новых политических реалий и государственно-конфессиональных отношений в СССР в середине 1950-х гг.

Ключевые слова: СССР, государственно-конфессиональные отношения, Тувинская автономная область, религиозные общины, буддизм

Для цитирования

Дашковский П. К., Бичелдей У. П., Монгуш А. В. Положение буддийских общин в Туве в системе государственно-конфессиональных отношений СССР в середине 1950-х гг. // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 4. С. 211–233. DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–11.

P. K. Dashkovskiy

Altai State University (Barnaul, Russia)

U. P. Bicheldey, A. V. Mongush

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl, Russia)

THE POSITION OF BUDDHIST COMMUNITIES IN TUVA IN THE SYSTEM OF STATE-CONFESSIONAL RELATIONS OF THE USSR IN

THE MID-1950s.

In the Soviet Union after the death of I. V. Stalin, changes occurred in the system of state-confessional relations. The state-confessional policy of the studied historical period is characterized by variability, unsystematic, and nonlinearity, as evidenced primarily by the documents of Soviet legislation and archival materials. In general, Khrushchev's policy at this stage was of a moderate atheistic nature when conducting ideological activities in the state. In this regard, the position of religious communities in the country at the time under consideration is considered to be relatively stable. The purpose of this article is to study the position of Buddhist communities in Tuva in the context of the state-confessional policy of the USSR in the mid-1950s. Materials and methods. The source base of the study was regulatory and legal documents and archival materials of the State Archives of the Russian Federation, reflecting the influence of the Soviet state-confessional policy on the Tuva population in the mid-1950s. The study was conducted using retrospective, comparative history and problem-chronological methods. For the first time, historical information about the religious situation in Tuva is introduced into scientific circulation in the context of the Soviet state-confessional policy in the period under study. Results. In the Tuvan Autonomous Region in the mid-1950s, similar religious processes took place among its population as in the entire Soviet legal and socio-cultural space. However, representatives of the Buddhist communities of the region, who, with the change of political leadership in the country, again submitted their registration documents to local authorities, did

---

not receive the right to officially conduct religious activities. In the region, as before, only the parishes of the Russian Orthodox Church in the cities of Kyzyl and Turan functioned legally. In this work, the authors managed to partially reflect the religious situation in Tuva in the context of new political realities and state-confessional relations in the USSR in the mid-1950s.

Keywords: USSR, state-confessional relations, Tuvan Autonomous Region, religious communities, Buddhism

---

For citation

Dashkovskiy P. K., Bicheldey U. P., Mongush A. V. The position of Buddhist communities in Tuva in the system of state-confessional relations of the USSR in the mid-1950s. *Nations and religions of Eurasia*. 2024. T. 29, № 4. P. 211–233 (in Russian). DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–11.

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований Института гуманитарных наук Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** dashkovskiy@fpn.asu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>

Бичелдей Ульяна Павловна, доктор религиоведения (Ph. D), заведующая сектором религиоведения Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл (Россия). **Адрес для контактов:** opei-ool@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5588-9167>

Монгуш Алиссия Витальевна, научный сотрудник сектора религиоведения Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл (Россия); аспирант кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** alismon@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3164-1463>

Dashkovskiy Petr Konstantinovich, Doctor of Historical Sciences, professor, Head of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Head of the Laboratory of Ethnocultural and Religious Studies of the Institute of Humanities of Altai State University, Barnaul (Russia) **Contact address:** dashkovskiy@fpn.asu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>

Bicheldey Ulyana Pavlovna, Doctor of Religious Studies (Ph. D.), Head of the Religious Studies Unit, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of Tuva, Kyzyl (Russia). **Contact address:** opei-ool@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5588-9167>

Mongush Alissiya Vitalyevna, Researcher of the Religious Studies Unit, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of Tuva, Kyzyl (Russia); postgraduate student (Religious studies), Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** alismon@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3164-1463>

Введение

Российская историография за последние десятилетия активно пополняется трудами, посвященными истории государственно-конфессиональных отношений в СССР. Особый интерес у исследователей вызывает антирелигиозная кампания 1954–1964 гг., названная именем руководителя СССР Н. С. Хрущева. Данная кампания считается самым жестким периодом и мероприятием по отношению к религиозным обществам в послевоенное время, которую мы условно делим на два периода — 1954–1957 гг. (первый) и 1958–1964 гг. (второй). Следует отметить, что в данной статье рассматривается предшествующий этапу обострения борьбы с религией в стране период с 1954 по 1957 г. Целью данной статьи является исследование положения религиозных общин в Туве в системе государственно-конфессиональных отношений СССР в середине 1950-х гг., т. е. в первый из двух обозначенных периодов. Источниковую базу исследования составили нормативно-правовые документы, материалы периодической печати, а также архивные источники из Государственного архива Российской Федерации.

Опыт государственного регулирования религиозных процессов в стране и регионе в середине 1950-х гг.

В СССР в послевоенное время в связи с похолоданием политических отношений на мировой арене была свернута относительно благоприятная для религиозных общин государственно-конфессиональная политика, которая наметилась еще в период Великой Отечественной войны с 1943 г. как один из инструментов демонстрации преимуществ социалистического строя и пути развития в целом в противовес капиталистическому [Горбатов, 2008: 145; Шкаровский, 2009: 2; Дашковский, Монгуш, 2023а: 1156]. Направление развития государственно-конфессиональных отношений сменилось в сторону ограничения и контроля религиозных общин по причине ненадобности больше со стороны государства в показательном проявлении лояльного отношения к свободе совести и вероисповедания его граждан. Но затем смерть вождя советского народа И. В. Сталина в 1953 г. вызвала изменения в политической, духовной и других сферах деятельности в советском обществе. В стране наметилась новая волна оживления религиозной жизни [КПСС..., 1985: 428–432; Шкаровский, 1999: 348–349]. Верующая часть советского народа надеялась на либерализацию отношения к религии с приходом нового государственного руководства [Дашковский, Дворянчикова, 2015: 75].

В Советском Союзе в постсталинское время движение вектора государственно-конфессиональных отношений в сторону жесткого ущемления религиозных прав советских граждан в целом начался еще в середине 1950-х гг. Партийное и советское руководство СССР приоритетным направлением действий в условиях отсутствия четкой схемы передачи высшей политической власти выбрало путь и мероприятия по децентрализации и демократизации общества. В данной работе оценка этим процессам не дается, поскольку в исследуемый период им положено лишь начало, но отмечается, что одним из громких их проявлений и результатов стала атеистическая кампания. Антирелигиозное десятилетие (1954–1964 гг.), как известно, в истории в целом названо именем руководителя СССР Н. С. Хрущева — «Хрущевской антирелигиозной кампанией». Изучаемый исторический отрезок времени (1954–1957 гг.) относится к одному из двух этапов хрущевской антирелигиозной политики, а именно к предшеству-

ющему конкретному давлению и натиску государства по отношению к религиозным общинам. Рассмотрим основные особенности реализации государственно-конфессиональной политики СССР в середине 1950-х гг.

На первом этапе антирелигиозной кампании (1954–1957 гг.) новая власть сосредоточила внимание на вопросе идеологической работы в связи с религиозными «предрассудками» у верующей части населения Советского Союза. Н. С. Хрущев в связи с активным возобновлением и ростом религиозной жизни в стране призвал на всех уровнях партийной государственной системы усилить в стране антирелигиозную агитацию и меры по атеистическому воспитанию. Частичная либерализация государственно-конфессиональных отношений в сталинское послевоенное время привела не только к усилению авторитета и материальной базы религиозных структур в советском обществе, но и в целом росту значения религии в жизни его граждан [Остроухова, 2020: 161]. В Конституции СССР 1936 г. в статье № 124 говорится: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» [Конституция СССР, 1936]. Необходимо подчеркнуть, что равное положение религиозной и антирелигиозной деятельности, прописанных в основном законе государства, со сменой правящей группы в стране дало им возможность акцентировать внимание на ее второй части в реализации государственной политики. Непродуманное политическое решение без какой-либо четкой программы началось с выхода Постановления ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках научно-атеистической пропаганды и мерах ее улучшения» [КПСС..., 1985: 428–432]. Критике о запущенности атеистической пропаганды подверглись различные государственные организации и общественные организации, что дало мощный импульс для активизации действий против приверженцев религии.

Подавлением оживленной деятельности религиозных объединений и «сект», а также формированием атеистического мировоззрения у населения озадачены были в том числе органы печати, радио, а также образовательные, культурно-просветительские организации и иные учреждения. Тем не менее, верующие граждане со сменой политического руководства в стране вновь с надеждой подавали документы на юридическое оформление и официальное существование своих религиозных обществ и культовых зданий, что формально соответствовало их конституционным правам.

Однако новое постановление спровоцировало негативное отношение и оскорбительные нападки на верующих в советском обществе [Шкаровский, 1999: 350; Дашковский, Дворянчикова, 2015: 75; Дашковский, Зиберт, 2015: 92]. Об этом свидетельствуют архивные материалы и таких буддийских регионов, как Тувинская автономная область и Бурят-Монгольская АССР, рассматриваемые в наших исследованиях неразрывно в связи с расположением единого централизованного духовного центра советских буддистов [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 589. Л. 4; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 546. Л. 47, 50, 62–63]. Линия государственно-конфессиональной политики в этом же году прерывается и корректируется Постановлением ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г. «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», изданным для нормализации религиозной обстановки в стране [КПСС..., 1985: 446–450]. В правовом до-

кументе осуждалось отсутствие систематической и кропотливой работы по формированию материалистического и атеистического мировоззрения и распространению естественно-научных знаний, использование некомпетентных высказываний оскорбительного и клеветнического характера. Последнее постановление условно стабилизировало государственно-конфессиональные отношения в СССР в исследуемое время. Ревизия сталинского курса реализации государственной политики в области религии в стране на первом этапе кампании «под давлением обстоятельств руководством Н. С. Хрущева была временно отложена» [Остроухова, 2020: 163]. Однако совсем скоро будущий лидер страны Н. С. Хрущев на XX съезде, который проходил в 1956 г., положил начало уже официальному процессу преодолению культа личности И. С. Сталина и консолидации своей власти. Усиление антирелигиозной политики в Советском Союзе на втором этапе (1958–1964 гг.) атеистической кампании намечается, можно сказать, с постепенным укреплением хрущевской власти после данного партийного съезда. Преодоление последствий сталинизма стало главным оружием борьбы за власть, что негативно сказалась и на положение конфессий в стране.

Важно отметить, что на первом этапе хрущевской антирелигиозной кампании период с 1955 по 1957 г. считается относительно либеральным и лояльным по отношению к религиозным обществам и группам в стране, если его рассматривать в сравнительном аспекте со следующим [Горбатов, 2008: 165–166; Дашковский, Дворянчикова, 2015: 75]. В указанное время со стороны государства уменьшились нападки на религиозные общины разных направлений, что не способствовало уменьшению числа обращений граждан с просьбой о регистрации их религиозных общин [Дашковский, Зиберт, 2015: 92]. Кратковременное наступление на религию в 1954 г. в историографии обозначали «небольшой встряской против религии» или «неудавшейся репетицией богоборческого натиска», большая антирелигиозная встряска и богоборческий натиск которого произошли на следующем (втором) этапе (1958–1964 гг.) хрущевской антирелигиозной политики [Горбатов, 2008: 165].

Политическая ситуация в стране напрямую влияла на положение дел в Тувинской автономной области, ставшей частью СССР в 1944 г. Смена верхнего эшелона власти в стране в какой-то мере дала верующим гражданам области веру в перемены в сфере государственно-конфессиональных отношений на центральном и региональном уровнях. Религиозная жизнь в тувинском обществе, активизация которой началась со вступлением региона в советское правовое и социокультурное пространство, продолжалась в рассматриваемое время [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 589. Л. 2–5]. Тем не менее, в предшествующий период советских государственно-конфессиональных отношений не все религиозные объединения области получили официальное разрешение на беспрепятственное ведение своей деятельности [Дашковский, Монгуш, 2023б: 99; 2023а: 1162–1163].

Государственное регулирование религиозных вопросов в СССР осуществлялось институтом уполномоченного профильных органов при правительстве СССР. Особенностью становления советской системы государственно-конфессиональных отношений в Туве после ее вхождения в советское правовое пространство являлся кадровый вопрос. В Туве в середине 1950-х гг., как и ранее, все еще не был назначен от-

ветственный специалист за взаимодействие с Советом по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР (СМ СССР) [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 1, 16; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 589. Л. 7–8; Дашковский, Монгуш, 2023а: 96]. Переписка по вопросам религиозной обстановки в регионе, как и прежде, на протяжении исследуемого времени велась уполномоченным Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Тувинской автономной области [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 589. Л. 1, 2–5, 6, 7–8, 9, 10–11, 12; Ахмадуллин, 2023: 136–137]. Сложность с решением кадрового вопроса на региональном уровне приводила к тому, что делопроизводство документов, связанных с действующими на тот период религиозными общинами, не велось системно и упорядоченно.

Следует отметить, что после добровольного акта вхождения Тувы в состав СССР на территории нового советского региона в послевоенное время официальную регистрацию на беспрепятственное существование получили православные общины городов Кызыла и Турана. Буддийской общине в местности Кызыл-Чыраа Дзун-Хемчикского кожууна (района), старообрядческой общине поселка Медведевка в Каа-Хемском кожууне и протестантской общине Кызыла не удалось путем подачи ходатайств в соответствующие инстанции зарегистрировать свои религиозные общества [Дашковский, Монгуш, 2023б: 99; 2023а: 1162–1163]. Кроме этого, в регионе действовали старообрядческие объединения и группы в Каа-Хемском, частично Тоджинском и Тес-Хемском кожуунах. Соответственно, региональный уполномоченный в рассматриваемое время был ответствен за взаимодействие с религиозными общинами буддийского, протестантского и православного, включая старообрядческий, направлений.

Запросы верующих граждан области на регистрацию религиозных общин ранее не удовлетворялись местной властью по причине несоответствия советскому законодательству их культовых зданий в противопожарном и санитарном отношении [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 589. Л. 9; Дашковский, Монгуш, 2023б: 98]. Отметим, что на первом этапе хрущевской антирелигиозной политики незарегистрированным конфессиональным образованиям не удалось получить официального разрешения на ведение религиозной деятельности [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 589. Л. 2–5]. Поводом для отказа в постановке на учет их религиозных объектов в исследуемый период служили советское законодательство и специальные требования, нормы для культовых объектов в инструкциях для уполномоченных [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 589. Л. 3].

Верующие Тувинской автономной области после выхода антирелигиозного постановления от 7 июля 1954 г. подвергались, как и по всей стране, оскорблениям [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 589. Л. 4]. В 1954 г. в Туве отмечался 10-летний юбилей вхождения региона в Советский Союз. В материалах региональной печатной периодики в связи с этим, наряду с призывами об ускоренном социалистическом развитии и вхождении в светлое коммунистическое общество, внимание тувинских жителей обращается и на атеистическую пропаганду и научно-материалистическое восприятие мира [Тувинская правда 1954б, в, е, ж; Шын 1954а, б; Монгуш, 2022].

Религиозные общины Тувы, несмотря на принятые в стране антирелигиозные постановления, подавали документы на ведение законной культовой деятельности. В то же время в исследуемый период в регионе не было случая регистрации уполномоченным

какого-либо религиозного объединения и его культового объекта. С 1955 по 1957 г. в Туве, как и по всей стране, в религиозной жизни наступает время условного затишья в связи с борьбой за единоличную власть и, в целом, перед ужесточением Н. С. Хрущевым государственно-конфессиональной политики.

Буддийские общины в контексте атеистической кампании в середине 1950-х гг.

Новый виток государственно-конфессиональных отношений в СССР в постсталинское время начался с выхода Постановления ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках научно-атеистической пропаганды и мерах ее улучшения» [КПСС..., 1985: 428–432]. Его антирелигиозные установки напрямую коснулись положения религиозных общин Тувинской автономной области в середине 1950-х гг. Рассмотрим более подробно положение буддийских общин региона в контексте реализации первого этапа хрущевской антирелигиозной кампании в Советском Союзе.

Следует отметить, что буддийскому духовенству на территории Западной Тувы в конце послевоенного десятилетия не удалось организовать для религиозных нужд общин официальную деятельность их культового объекта в виде юрты в местностях Адар-Тош и Бора-Хол Оруу [Дашковский, Монгуш, 2023а: 1160]. Ранее мы не учли полное название местности в архивном документе — «Бора-Хол оруу деспек кыры», что дословно с тувинского языка на русский переводится как «На возвышенном месте по дороге в Бора-Хол». Причиной поиска верующими нового места расположения послужила отведение занимаемой ими территории в Кызыл-Чыраа под строительство Госконюшни [Дашковский, Монгуш, 2023а: 1160]. Мотивы отказа предоставить верующим новый постоянный земельный участок и разрешение на строительства на нем капитального здания храма, местные чиновники сводили к двум причинам: либо земля определяется как колхозная, либо она вовсе не относится к Госфонду [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Оп. 587. Л. 33–34; Дашковский, Монгуш, 2023а: 1160]. Буддисты все же решили воздвигнуть деревянное культовое здание на ранее занимаемом ими месте, но, к сожалению, и этого им тоже не удалось сделать [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Оп. 589. Л. 3]. Однако наличие полноценного стационарного храма по установленным нормативам было одним из главных требований для регистрации буддийской общины и ее духовенства [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 43].

В исследуемый период аналогичные процессы, связанные с земельным вопросом, происходили и в Бурят-Монгольской АССР. К примеру, руководство Совета Министров Бурят-Монгольской АССР через своего регионального уполномоченного Д. Линхобоева вело безрезультатные переговоры с XVII Пандидо Хамбо ламой А-Н. Дармаевым о передаче Хамбинскому суме здания бывшего Гусино-Озерского дацана с условием его восстановления за счет средств ЦДУБ СССР. Здесь важно отметить, что и в рассматриваемое время Советский Союз активно посещали делегации религиозных организаций разных стран, в том числе буддийские [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Оп. 589. Л. 8–26]. Визиты совершались ими преимущественно с целью ознакомления с положением дел, связанных с религией и реализацией конституционных прав верующих в Советском государстве. Председатель буддийской централизованной религиозной организации СССР не согласился с данным предложением государства. Поводом для его отказа послужило то, что дацан оказался в рабочем поселке. Кроме этого, А-Н. Дармаев заявил

о том, что буддийские храмы должны располагаться на просторных местах, т. е. подальше от населенных пунктов [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 546. Л. 36].

В начале 1954 г. умер духовный лидер буддистов Тувинской автономной области, который являлся одним из заместителей председателя ЦДУБ СССР в сане Дид хамбо-лама Амыртаа Хомушку [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Оп. 589. Л. 3]. Его заместителем и ламой, который при жизни всячески прилагал усилия по регистрации буддийской общины, является Чамдылай Тьюлюш. Известно, что он еще в конце 1940-х гг. был избран председателем Совета молитвенной юрты [Опей-оол, 2007: 73]. После смерти Амыртаа Хомушку он, как и прежде, продолжил усиленно ходатайствовать о регистрации войлочного храма. В информационном отчете за 1954 г. отмечается, что в буддийском центре шла борьба за должность верховного ламы всех буддистов Тувы [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Оп. 589. Л. 4].

Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Тувинской автономной области С. Шома, который только что был назначен на эту должность, в 1954 г. провел обследование положения дел в буддийском центре региона [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 589. Л. 2–5]. Он установил, что в Кызыл-Чыраа при храме насчитывалось 15 человек (лам), а рядом с ней без официального разрешения построены четыре деревянных дома размерами 3х3 м. При этом на территории войлочного храма, оборудованного религиозным убранством и атрибутикой, проживали 7 священнослужителей. Кроме этого, буддисты без согласия государства на вырубку деревьев и выделения нового земельного участка вывезли из тайги на территорию Госконюшни 250 концов леса для строительства храма [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 589. Л. 2–3]. При этом часть материалов оставались в заготовленном виде в тайге [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 28].

За отчетный период этого же года буддийское духовенство все же обращалось с заявлением о строительстве деревянного культового здания, но уполномоченный, руководствуясь инструкцией Совета по делам религиозных культов при СМ СССР, отказал им в их просьбе [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 589. Л. 3; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 27]. Причиной отказа в удовлетворении заявления служили, во-первых, предоставили только список из 10 лам (в религиозном чине хелин — 6 человек; кечил — один человек, кенен — три человека) вместо 20 ходатайствующих лиц, требуемых по законодательству. В аргументации отказа улавливается упрек в том, что духовные лица могли, если уж хотят добиться разрешения на строительство храма, перечислить имена и десяти верующих общины [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 20, 27]. Во-вторых, отсутствие проекта и сметы будущего религиозного сооружения. В-третьих, отмечалось, что умер глава буддистов области Амыртаа Хомушку, поэтому для решения столь важного вопроса общины нет нового официального настоятеля-ставленника и разрешения на строительство стационарного культового здания их руководящего органа — ЦДУБ СССР [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 27]. 9 августа 1954 г. председатель Совета по делам религиозных культов при СМ СССР И. В. Полянский дал четкие указания своему региональному уполномоченному в Туве С. Шома о том, что назначение нового руководителя незарегистрированной общины не должно состояться, поскольку ЦДУБ СССР (в период нового расклада политической ситуации в стране и нового курса религиозной политики) руководит лишь деятельностью офи-

циально зарегистрированных буддийских объединений и их служителей культа [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 28].

Исходя из имеющихся данных можно сделать вывод, что, с одной стороны, местная власть в исследуемый период, как и прежде, не была заинтересована в официальной регистрации буддийской общины, хотя при большом желании и ходатайстве чиновников можно было признать ее юрту культовым объектом в виде исключения. Более того, буддисты с выделением им земельного участка могли построить и стационарный храм в Кызыл-Чыраа по опыту православных верующих Кызыла в сталинское послевоенное время [Дашковский, Монгуш, 2023б: 98]. С другой стороны, во многом действия региональных чиновников зависели от указаний Совета по делам религиозных культов при СМ СССР, который, в свою очередь, действовал в соответствии с политической конъюнктурой в Москве.

Июльское постановление 1954 г. вызвало в Туве, как и по всей стране, антирелигиозное наступление на приверженцев религии, в том числе с помощью работников СМИ. В местной прессе начали активно выходить публикации против религии вплоть до принятия ноябрьского правового документа, в котором говорилось о недопущении в рамках атеистической пропаганды оскорблений и нападок на верующих людей в советском обществе. В Тувинской области в региональных газетах «Тувинская правда» и «Шын» («Правда») с июля и до ноября 1954 г. выходят статьи под заголовками «Шире развернуть научно-атеистическую пропаганду», «Наука и религия», «Происхождение и реакционная сущность религиозных праздников», «Шажын номналынын реаксылыг утказы» — «Реакционная сущность буддийского учения», «Христиан шажыннын тывылганы болгаш ангы талазы-биле утка-шынары» — «Происхождение и классовая сущность христианства» и т.д. [Тувинская правда 1954б, в, е, ж; Шын 1954а, б; Монгуш, 2022]. На основе анализа газетных публикаций можно заключить, что в 1954 г. в Тувинской автономной области, когда в регионе праздновалось 10-летие ее образования, упор делался на общесоюзный подъем всенародного хозяйства [Тувинская правда 1954а]. Равнение области на социально-экономическую реальность Советского Союза местная коммунистическая власть видела в успешном выполнении плановых заданий и их перевыполнении. Во всей области происходила трудовая мобилизация населения, но вместе с тем на него шло целенаправленное воздействие по выработке атеистического мировоззрения преимущественно через материалы периодической печати. Вчерашние скотовы-кочевники, как отмечают исследователи, сменили кочевой образ жизни на оседлый, а традиционное мировоззрение — на марксистско-ленинскую идеологию [Монгуш, 2001: 121]. Однако анализ материалов по проведению антирелигиозных кампаний в истории СССР и ряда других стран показывает, что в полной мере успешно этот процесс не был завершён. Примером является и государственно-конфессиональная политика Тувинской Народной Республики, в результате которой не удалось уничтожить на корню приверженность ее населения традиционным ценностям и религиозным представлениям. В советском правовом пространстве верующие региона начали действия по возрождению своих конфессий [Дашковский, Монгуш, 2023б: 96–100]. В условиях новой реальности религиозные общины Тувинской автономной области добивались официального вероисповедания и отправления культовых обрядов.

Антирелигиозное постановление от 7 июля 1954 г. региональная власть восприняла как оружие, используемое при непримиримой борьбе с «пережитками» феодального прошлого. Коммунисты области считали, что буддийские духовные деятели лишь одурманивали сознание трудящихся. В унисон с их мнением в газете «Тувинская правда» вышла статья «О коммунистической морали», где внимание читателей акцентировалось и на том, что в советском обществе, стремящемся к светлому будущему, необходима коллективная собственность и единство всех граждан. В тексте данной публикации отмечалось, что бывшие элементы господствующих эксплуататорских классов широко использовали свою мораль — религию [Тувинская правда, 1954 г]. В тексте статьи их чело­веконенавистнической сущностью указывалось правило «Каждый за себя, один бог за всех», что не соответствовало идеалам коммунистического общественного строя. Согласно советской идеологии достижение светлого будущего возможно было благодаря трудящимся в социалистическом государстве. К примеру, в регионе власть указывала на недостатки работы парторганизации колхоза «Ленинский путь» в агитационно-массовой деятельности, что в итоге его работники Буду, Сырдан и другие, согласно критике и заключению коммунистов области того времени, не показывали успехов в труде. И данную ситуацию «усугубляло» то, что они подпали под влияние бывшего ламы Киндирмы, который своими действиями пытался «подорвать» колхоз [Тувинская правда, 1954 д]. Публикации подобного характера были нацелены на формирование негативного отношения трудового населения к буддистам и их духовенству.

Важно обратить внимание на то, что Тувинской области, по мнению руководства региона, для ее развития и подъема мешали и религиозные праздники, и обряды, которые наносили ущерб советскому коллективному хозяйству. Праздники и обряды, как отмечает лектор Тувинского обкома КПСС Ф. Кузьмин, отвлекали население региона от выполнения неотложных работ в сельском хозяйстве, поскольку совпадали по времени, к примеру, с периодом пахоты, сева, сенокоса и уборки урожая. Религиозные традиции, по его мнению, расхолаживали трудящихся тем, что они «сопровождаются обычно разгулом и пьянством» [Тувинская правда 1954 в]. Он же в другой публикации отмечал, что к своему десятилетию Тувинская автономная область пришла к серьезным достижениям в развитии экономики и культуры, но вместе с тем буддизм и шаманизм не полностью искоренены из сознания ее жителей. Из его статей известны случаи поклонения тувинцев святым местам «оваа», установленным на перевалах гор, и целебным источникам, а также деревьям «хам-ыяш» — «дерево-шаман» [Тувинская правда, 1954е]. Подобные нарушения советского законодательства наблюдались у жителей Тоджинского, Сут-Хольского, Чаа-Хольского и других районов области. Кроме этого, нельзя не отметить и проведение ими тайно и немассово обрядов освещения объектов природы «дагылга», которые все же имели место после вступления в состав советского государства. На этих местах духам-хозяевам подносили конский хвост, лоскутки материи и остатки (первинки) пищи [Тувинская правда, 1954з].

Аналогичные процессы происходили и в других сибирских регионах. Так, верующие Бурят-Монгольской АССР в период антирелигиозной кампании личные недостатки, ошибки и просчеты видели в деятельности председателя ЦДУБ СССР XVII Пандидо хамбо-ламе А.-Н. Дармаеве. Обвинения в итоге сыграют свою роль в деле смеще-

ния его государством с занимаемой должности. В докладной записке приводились жалобы со стороны некоторых лам и мирян «на его грубость, деспотический характер, употребление водки, сожителство с женщиной, бездействие в вопросе увеличения количества лам и храмов, а также непринятие им мер по восстановлению состава духовного управления и ревизионной комиссии» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 546. Л. 47, 50, 62–63]. Кроме этого, в регионе, к примеру, за участие в молебствиях и обрядах «обо» ламы Содбоева на партийном собрании обсуждали и осуждали одного ветеринарного фельдшера колхоза «Коммунизм» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 6].

Верующими Бурят-Монголии отмечались и такие буддийские праздники, как Дуинхор, Майдари хурал, Зула хурал и др. [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 546. Л. 3.; Оп. 3. Д. 547. Л. 7]. В целом, восстановление религиозных институтов в послевоенный период в стране способствовало увеличению количества верующих и их культовых обрядов [Горбатов, 2008: 362].

Следовательно, в связи с выходом антирелигиозного постановления от 7 июля 1954 г., в котором содержалась критика неэффективности советской пропаганды в стране, в Туве, можно сказать, работниками партийно-советских и иных учреждений, а также со стороны общественности была организована деятельность против распространения религиозной идеологии и возрождения религиозных институций. На региональном уровне оживившуюся религиозную деятельность верующих подавляли путем целенаправленного воздействия на население и через СМИ. Формирование антирелигиозного мировоззрения у жителей области шло преимущественно через местные газеты «Шын» и «Тувинская правда». В регионе полным ходом была запущена атеистическая кампания, которая разворачивалась в Советском Союзе.

Однако в том же 1954 г. не укрепившая свои позиции новая власть страны из-за всеместного резкого и негативного отношения к верующим гражданам вносит коррективы в советское законодательство и тем самым меняет ситуацию в регионах. ЦК КПСС 10 ноября 1954 г. принял новое постановление «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды», где осуждались грубое отношение к подверженным религии людям и оскорбления в их адрес. Данное постановление в Тувинской области было опубликовано 19 ноября 1954 г. в газете «Тувинская правда» под номером 231 [Монгуш, 2022: 58]. Это постановление приостановило нарастание антирелигиозного напряжения среди местного населения. Тем не менее, в информационном отчете за 1954 г. отмечается, что в тувинском обществе усиливалась научно-атеистическая и воспитательная работа [ГА РФ. Ф. Р-6991. Ф. 3. Д. 589. Л. 4–5].

Для сравнения отметим, что в Бурят-Монголии уполномоченному Совета по делам религиозных культов при СМ СССР Д. Линхобоеву приходилось даже на основе советского законодательства проводить разъяснительные беседы, чтобы чиновники на местах не препятствовали верующим исполнять религиозные обряды на дому (крещение, венчание, исповедь причастие, похороны и прочее) [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 546. Л. 35]. Обороты атеистической кампании, развернутой с выходом постановления от 7 июля 1954 г., на региональном уровне снижали даже таким образом. Несмотря на это, священнослужителей предупреждали о запрете в стране проведения публичных богослужений и миссионерской деятельности. В самом тексте Ноябрьского постановления отмечалась недопустимость сравнения положения церкви в стране социализма

с положением церкви в эксплуататорском обществе. В нем по поводу оскорбления в регионах духовных лидеров отмечалось, что даже в капиталистическом обществе на сегодняшний день отдельные церковнослужители «по ряду вопросов политики могут переходить и переходят на точку зрения трудящихся» [КПСС..., 1985: 448].

В 1956 г. Советом по делам религиозных культов при СМ СССР изучался вопрос замены главы буддийского культа в СССР Л.-Н. Дармаева кандидатурой другого священнослужителя, более соответствующего для этой роли [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 546. соображения Л. 29, 32, 47]. Профильный государственный орган указывал местной власти предоставить свои соображения по этому поводу не позднее 10 июля 1956 г. Следует отметить, что Советский Союз на международной арене наметил расширение связей с буддийскими странами Юго-Восточной Азии [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 546. Л. 29]. Его вновь, как и в сталинское послевоенное время, интересовал единый духовный центр советских буддистов, положение дел в котором необходимо было представить в лучшем виде. В составе ЦДУБ СССР на тот момент из 7 членов остался только один его председатель. В октябре 1956 г. председателем ЦДУБ СССР выбран новоизбранный XVIII Пандидо Хамбо лама Еши-Доржи Шарапов, в деятельности которого было заинтересовано государство в связи с дипломатической целью на международной арене. Действительно, за период своей деятельности на посту председателя он установил связи с буддийскими религиозными организациями Индии, Японии, Непала, Шри-Ланки, Камбоджи, Бирмы.

II Всебуддийский съезд СССР послевоенного времени (это было четвертое собрание буддистов в советское время) имел ограниченный характер, поскольку не было той масштабной подготовки, как ранее [Монгуш, 2023: 459]. Мероприятие можно назвать Собранием лам Иволгинского и Агинского дацанов и верующих Бурят-Монгольской АССР и Читинской области. Расширить состав участников съезда государство не считало нужным. Имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что в этом важном для советских буддистов событии не участвовали делегаты, к примеру, из Тувинской и Иркутской областей, как это было 10 лет назад [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 546. Л. 48–51, 52–55, 56–57, 58–66, 68–76].

Во II (IV) Всебуддийском соборе XVII Пандидо Хамбо-лама Л.-Н. Дармаев подвергся критике за неэффективность его деятельности [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 546. Л. Л. 64–65]. Хотя следует отметить, что во время богослужений и проповедей Л.-Н. Дармаев приносил обращение ко всем буддистам мира о восстановлении взаимной связи в целях укрепления мира [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 546. 31]. Он прилагал неоднократные усилия для регистрации и буддийской общины, и ее молитвенной юрты в Тувинской автономной области [Дашковский, Монгуш, 2023а]. На настроение буддийского сообщества в регионе, по нашему мнению, особенно повлияло антирелигиозное советское законодательство постсталинского времени и вмешательство государства в религиозную жизнь в целом. Имело место влияние преклонного возраста Л.-Н. Дармаева и неудовлетворительное состояние его здоровья, о котором тоже говорилось на буддийском съезде. Но главная причина его устранения все же, на наш взгляд, заключалась в том, что он открыто выражал свое недовольство двойственностью и неоднозначностью политики советского государства. Многие начинания Л.-Н. Дармаева и его деятельность в целом для возрождения буддизма в стране не находили поддержки у Совета по делам рели-

гиозных культов при СМ СССР. Замена руководителя ЦДУБ СССР Л.-Н. Дармаева кандидатурой другого священнослужителя была необходима для создания благоприятной обстановки в стране при визите делегаций из буддийских стран Азии.

В 1957 г. ламы Тувинской автономной области отправили приглашение председателю ЦДУБ СССР XVIII Пандидо хамбо-ламе Е.-Д. Шарапову посетить Туву со сроком на 10–15 дней для знакомства с положением религиозных дел на месте. В связи с этим он просил государство оказать ему содействие в данной поездке, в чем он тогда получил утвердительный ответ [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 34]. К этому времени ситуация в области государственно-конфессиональных отношений в стране вновь условно нормализовалась. Поводом обращения тувинского буддийского духовенства к Е.-Д. Шарапову послужили, согласно отчетному документу самого председателя буддийской религиозной организации, отказы райисполкома, облисполкома в строительстве деревянного помещения под храм, хотя чиновники сами на этом изначально настаивали [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 43]. Когда буддисты по их рекомендации своими силами произвели заготовку леса, то чиновники выдвинули повторное предложение: вначале получить у них разрешение на строительство храма, а затем потребовали добиться соответствующего официального документа и регистрационных процедур в целом в своем высшем централизованном органе — ЦДУБ СССР [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 43]. Эти действия лишней раз доказывали, что местная власть своими непоследовательными рекомендациями и действиями всячески препятствовала буддийской общине реализовать свое конституционное право на свободное вероисповедание и даже таким образом подрывала ее финансовое положение. Безусловно, их решения основывались на переменчивых и неоднозначных рекомендациях и указаниях Совета по делам религиозных культов при СМ СССР в связи с нелинейным курсом национальной политики советского государства в области религии. Ламы области на тот момент и без того были обременены налоговыми и трудовыми обязательствами в советском правовом пространстве [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 43; Дашковский, Монгуш, 2023: 1159].

Представители ЦДУБ СССР во главе с Е.-Д. Шараповым прибыли в город Чадан ночью 29 августа 1957 г. и пребывали в местности Кызыл-Чыраа в течение четырех дней. Гости обсуждали с ламами важные вопросы и даже принимали участие в их молебствиях, проводимых в храме-юрте [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 43; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548. Л. 92–93]. Верующие области просили Е.-Д. Шарапова помочь им зарегистрировать буддийскую общину и ее лам для ведения официальной деятельности в регионе [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 44]. Из информационного отчета известно, что по состоянию на 1957 г. в буддийском центре было уже 7 войлочных юрт и 6 деревянных, обмазанных глиной избушек [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 42].

Исходя из этого, можно констатировать, что за 1955–1957 гг. при молитвенной юрте в местности Кызыл-Чыраа буддисты поставили дополнительные жилища. Материалы для строительства деревянного храма по-прежнему хранились на этой территории. Стационарный храм планировали построить, согласно докладной записке 1954 г., размером 10x10 м [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 27].

Следует рассмотреть в сравнительном анализе количественные показатели лам и верующих в буддийском центре в исследуемый период, что наглядно отражено в таблице 1.

Таблица 1

**Сведения о деятельности буддийского центра в Кызыл-Чыраа
в количественных показателях***

Table 1

**Information about the activities of the Buddhist center in Kyzyl-Chyraa
in quantitative terms**

Названия показателей	1954 г.	1957 г.
Наличие при молитвенной юрте лам	15 лам	19 лам
Посещаемость своеобразного культового объекта в день	Нет данных	3–5–10 человек
В установленных молебствиях храм-юрты	Нет данных	70–100 человек

*Составлено по: [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 589. Л. 2–3; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 42–43].

Comp by: [GA RF. F. R-6991. Op. 3. D. 589. LL. 2–3; GA RF. F. R-6991. Op. 3. D. 547. LL. 42–43].

Согласно данным таблицы 1, если в начале первого этапа антирелигиозной кампании в 1954 г. региональный уполномоченный С. Шома установил наличие при молитвенной юрте 15 лам, из которых 7 священнослужителей постоянно в ней жили, то через два-три года количественные данные меняются в сторону небольшого увеличения [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 589. Л. 2]. По сведениям председателя ЦДУБ СССР Е.Д. Шарпова в буддийском центре в 1957 г. значилось уже 19 лам, но, правда, из них были только 12 священнослужителей, а остальные отсутствовали на момент его приезда [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 43]. Посещаемость культового объекта — от трех до десяти человек в день, а в периоды установленных молебствий — 70–100 человек [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 42–43].

Таблица 2

**Возрастной состав буддийского духовенства молитвенной юрты
в местности Кызыл-Чыраа***

Table 2

The age structure of the Buddhist clergy of the prayer yurt in the area Kyzyl-Chyraa

Возраст лам	1954 г.	1957 г.
41 до 50 лет	0	3
51 до 60 лет	6	8
61–70 лет	0	5
72–74 лет	1	3
Итого:	7	19

*Составлено по: [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 589. Л. 2–3; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 42–43].

Comp. by: [GA RF. F. R-6991. Op. 3. D. 589. LL. 2–3; GA RF. F. R-6991. Op. 3. D. 547. LL. 42–43].

Таблица 2 дает важные сведения о возрастном составе духовенства буддийской общины в местности Кызыл-Чыраа. В 1954 г. на момент визита уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР С. Шома из числа постоянно проживающих в молитвенной юрте лам в возрасте от 51 года до 60 лет было 6 человек, в возрасте 72–74 лет — один человек [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 589. Л. 2–3]. В период пребывания делегации из Улан-Удэ: от 41 года до 50 лет — 3 чел., 51 года до 60 лет — 8 чел., 61–70 лет — 5 чел., 72–74 года — 3 чел. [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 42]. Незначительный рост количественных показателей построек и священнослужителей в общине является следствием и результатом относительной стабилизации религиозной ситуации как в стране в целом, так и в регионе на конец первого периода хрущевской антирелигиозной политики.

Весьма интересным фактом является и то, что у буддистов в 1957 г. не было избранных руководящих лиц, но их идейными руководителями указывались два ламы, которые почитались духовенством молитвенной юрты [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 42–43]. С началом функционирования буддийского центра в местность Кызыл-Чыраа со всей области съехались имевшие еще с периода Тувинской Народной Республики высокий сан и авторитет священнослужители. Их имена в архивном документе указываются как Чулгуммонцок (Чульдум-Мунзук) и Чулгум-Лубсан (Чульдум-Лобсан). Чамдылай Тюлюш не указывается настоятелем молитвенной юрты в отчетном документе Пандидо хамбо-ламы Е-Д. Шарапова, но говорится, что его не было при молитвенной юрте во время пребывания делегации из ЦДУБ СССР. Имеется лишь сведение о том, что на тот момент он занимался лечением народа с помощью тибетской медицины [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 44].

Чамдылай Тюлюш среди тувинского населения активно вел проповедническую деятельность и лечил людей *аржааном* (водой целебного источника). Для этих целей вначале он соорудил возле молитвенной юрты деревянную ванну, а затем такую же установил в другом месте. Он поселился в 23 км от Чаdana и объявил целебным ключ Кегэн-Булак [Опей-оол, 2007: 73]. Данный факт также демонстрирует относительно лояльное отношение советского государства к верующим на региональном уровне. В стране не препятствовали в полной мере священнослужителям исполнять религиозные обряды, даже имели место случаи, к примеру, распространения народной и тибетской медицины, а также паломничества в святые места. Возможно, и по этой причине настоятеля молитвенной юрты не было на встречах с гостями и о нем не было речи в официальной отчетной документации, поскольку данная деятельность не поощрялась государством. Это обстоятельство могло повлиять на исход событий, связанных с регистрацией общины. Допускаем и иные мнения об этом факте, которые требуют дальнейшей проработки и осмысления. Во всяком случае, высокопоставленные гости из Улан-Удэ предупредили присутствовавших лам области, из числа которых ни один служитель культа не имел официальной регистрации, о запрещенной советским законодательством религиозной деятельности. Объяснению подлежали и «вымогательства» за проведение религиозных обрядов и треб [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 44]. Вместе с тем в Бурят-Монголии даже зарегистрированные ламы, закрепленные за определенными аймаками (районами), в начале антирелигиозной кампании 1954 г. обвиня-

лись в системном ведении идеологической работы среди верующих, а также обогащении священнослужителей путем общих и личных доходов, собираемых с них [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 544. Л. 243].

Следует подчеркнуть, что в Тувинской автономной области при деятельности Чамдылая Тюлюша ламы из храма-юрты не разъезжались по своим родным местам жительства, что имело место при его предшественнике, а постоянно находились в буддийском центре [Опей-оол, 2007: 72; Хомушку, 1988: 24]. Кроме этого, число верующих при молитвенной юрте увеличивается за счет молодежи и даже представителей сельской интеллигенции, что напрямую влияло на доходы общины не только для содержания лам, а преимущественно для строительства стационарного храма [Опей-оол, 2007: 73; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 589. Л. 2].

Видя грамотные действия Чамдылая Тюлюша по пропаганде буддизма, коммунистическая власть начала провоцировать возмущение населения действиями известного ламы [Опей-оол, 2007: 73]. Тувинский обком КПСС и Тувинский облисполком в исследуемый период боролись с буддизмом, составлявшим духовную основу тувинского общества в течение длительного времени [Харунова, 2011: 108]. Для этого в регионе усиливалось проведение атеистических мероприятий со стороны партийных, комсомольских и советских организаций, особенно там, где находились очаги распространения религиозной идеологии и пропаганды, включая Дзун-Хемчикский район [ГА РФ. Ф. Р-6991. Ф. 3. Д. 588. Л. 21, 28; ГА РФ. Ф. Р-6991. Ф. 3. Д. 589. Л. 4–5]. В Сибири население, особенно та его часть, которая проживала в селе и вела традиционный уклад жизни, плохо поддавалась антирелигиозной пропаганде, поскольку «отождествляли свою культуру с ламаизмом, воспринимая его как естественную данность» [Горбатов, 2008: 359].

Председатель ЦДУБ СССР Е-Д Шарапов при отъезде, согласно общей договоренности между двумя заинтересованными сторонами, забрал в Улан-Удэ двух представителей из молитвенной юрты с целью ускорения процедуры ее регистрации и курирования деятельности буддийской общины Тувинской автономной области в целом [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 44]. Единый духовный центр советских буддистов в конце 1957 г. ходатайствовал в Совет по делам религиозных культов при СМ СССР о регистрации войлочного храма Тувинской автономной области в виде исключения, существующего с 1946 г. [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547. Л. 44]. На этой ноте завершилось продвижение процедуры возможной официальной регистрации буддийской общины и ее молитвенной юрты в местности Кызыл-Чыраа на первом этапе (1954–1957 гг.) хрущевской антирелигиозной политики. Вместе с тем архивные документы исследуемого времени подтверждают факт того, что мотивом отказа в официальной регистрации религиозного объединения, как и ранее, являлась боязнь местной власти усиления религиозного влияния лам на население [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548. Л. 93; Дашковский, Монгуш: 2023а; 2023б]. Следовательно, региональные властные структуры в целях недопущения легализации лам области всячески отказывала в регистрации общины с целью окончательного прекращения ее деятельности [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548. Л. 92–93].

Подводя итоги, отметим, что успехом буддистов Тувинской автономной области в исследуемый период был приезд в Туву по приглашению лам делегации ЦДУБ СССР из Бурят-Монголии во главе с его председателем XVIII Пандидо хамбо-ламой Е-Д. Ша-

раповым. Перспективой для скорого решения вопроса регистрации войлочного храма и строительства деревянного культового здания обе стороны определили в отборе и назначении лам, ответственных за взаимодействие с центральным органом и курирование деятельности буддийских общин области в целом. Тем не менее, мы не склонны доверять тому, что в буддийском центре шла борьба за главенство буддистов Тувы, поскольку данный факт приводился уполномоченным области для демонстрации правильности и поддержки курса государственно-конфессиональной политики страны и в связи с этим деятельности региональной власти в исследуемый период.

Заключение

Таким образом, после смерти И. В. Сталина религиозный вектор национальной политики СССР получает новое развитие в ходе конкуренции за высшую власть и управление страной группой лиц, которые вышли на политическую арену как ее лидеры-руководители. На фоне идеи о десталинизации и демократизации общества положено начало борьбы государства с религиозными объединениями и их духовенством, которая не имела осмысленной программы и системы. На начальном (первом) этапе (1954–1957 гг.) хрущевской кампании новые постановления не привели к ожидаемым результатам руководства страны, поскольку религиозная жизнь продолжалась среди ее верующих граждан. В целом, советское государство проявляло относительно лояльное отношение к религии в политических реалиях исследуемого времени.

В Тувинской автономной области, как и в других советских регионах, в связи с новым законодательством происходило временное нарастание определенной напряженности государственно-конфессиональных отношений и антирелигиозных настроений в обществе. С 1954 г. в Туве, как и в других советских регионах, фиксировалось грубое отношение к религиозным людям, но затем накал отношений и наступательных мер в тувинском обществе спал. Атеистическая пропаганда затем делает упор в регионе на формирование у тувинского населения научного взгляда на мир и коммунистического воспитания в целом наряду с агитацией на позитивные социально-экономические и культурно-просветительские преобразования в ускоренном и массовом темпе. Местная власть прилагала усилия для развития дальнейших интеграционных и трансформационных процессов в регионе.

В целом первый этап хрущевской политики в Туве носит умеренный атеистический характер при проведении идеологических мероприятий. В исследуемый период положение буддийских общин было таким, что поставить на регистрационный учет свою молитвенную юрту они не смогли, но их культовый объект функционировал нелегально. Как и прежде, буддистам не удалось получить права официально вести религиозную деятельность. В регионе все еще шел процесс становления советской системы государственного контроля за религиозными процессами, поскольку все еще не был решен кадровый вопрос с назначением постоянных уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР и Совета по делам религиозных культов при СМ СССР. В связи с этим не было налажено систематическое ведение делопроизводственных документов, связанных с государственно-конфессиональными отношениями, на региональном уровне. Верующая часть населения Тувинской автономной области проводила религиозные праздники, обряды и посещала святые места. Государ-

ственно-конфессиональные отношения в области в середине 1950-х гг. остаются относительно стабильными, если сравнивать их с последующим (вторым) этапом (1958–1964 гг.) антирелигиозной кампании, который требует отдельного изучения.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 23–18–00117 «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России».

Acknowledgments and funding

The study was supported by the Russian Science Foundation, project No. 23–18–00117 “The impact of the Imperial policy of acculturation and the Soviet model of state-confessional relations on the situation of religious communities in the border regions and national autonomies of the Asian part of Russia”.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ахмадуллин В. А. Деятельность Совета по делам религиозных культов в Туве (1944–1962) // Новые исследования Тувы. 2023. № 2. С. 125–140.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6991. Оп. 3. 546.

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 547.

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 548.

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 549.

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587.

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588.

Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е годы. Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 2008. 408 с.

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Правовое положение христианских общин в 1953–1964 гг. // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. Т. 2. С. 75–83.

Дашковский П. К., Зиберт Н. П. Особенности государственной регистрации религиозных объединений в середине 1950-х — начале 1980-х гг. // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. Т. 2. С. 90–97.

Дашковский П. К., Монгуш А. В. Влияние изменения вектора государственно-конфессиональной политики СССР на положение религиозных общин в Туве в конце 1940-х — начале 1950-х гг. // Oriental Studies. 2023а. 16 (5) С. 1152–1166

Дашковский П. К., Монгуш А. В. Начальный этап становления советской системы государственно-конфессиональных отношений в Туве в середине 1940-х гг.: к постановке проблемы // Этнические меньшинства в истории России : материалы IV Международной научной конференции, 27–28 октября 2023 г. СПб. : ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2023б. С. 94–100.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М. : Изд-во политической литературы, 1985. Т. 8. 535 с.

Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) // Конституция РФ. НПП «Гарант-сервис». URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (дата обращения: 05.08.2024).

Монгуш М. В. История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск : Наука, 2001. 200 с.

Монгуш А. В. Антирелигиозная пропаганда в СМИ в Туве в 1954–1964 гг. (на примере материалов региональных газет «Тувинская правда» и «Шын») // Религия и общество — 16. Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2022. С. 57–60.

Монгуш А. В. К вопросу участия тувинских делегатов-лам на Совещании буддийских духовных деятелей СССР в 1946 г. // Сибирь и Россия: история и культура : материалы X Международного Сибирского исторического форума. М. : Перо, 2023. С. 458–462.

Опей-оол У. П. К истории создания и ликвидации буддийской молитвенной юрты в Кызыл-Чыраа (г. Чадаана, Дзун-Хемчикский кожуун) с 1946 по 1960 гг. // История и современность Тувы : сб. науч. ст. к 80-летию В. П. Дьяконовой. Кызыл : Тываполиграф, 2007. С. 69–80.

Остроухова Н. В. Особенности нормативно-правового регулирования государственно-церковных отношений в СССР (1953–1963) // История. Политология. 2020. Т. 47, № 1. С. 160–169.

Тувинская правда 1954а — Выше уровень культурно-просветительской работы на селе // Тувинская Правда. 1954. № 137 (3141). С. 1.

Тувинская правда 1954б — Шире развернуть научно-атеистическую пропаганду // Тувинская правда. 1954. № 150 (3154). С. 2.

Тувинская правда 1954 в. — Происхождение и реакционная сущность религиозных праздников // Тувинская правда. 1954. № 159 (3163). С. 3.

Тувинская правда 1954г — О коммунистической морали // Тувинская правда. 1954. № 173 (3177). С. 2.

Тувинская правда 1954д — Работа с людьми — главное в деятельности парторганизации // Тувинская правда. № 212 (3216). С. 2.

Тувинская правда 1954е — Шаманизм и ламаизм, их происхождение и реакционная сущность // Тувинская правда. 1954. № 214 (3218). С. 3.

Тувинская правда 1954ж — Медицина в борьбе с суевериями и знахарством // Тувинская правда 1954. № 220 (3224). С. 4.

Тувинская правда 1954з — IV Пленум Тувинского обкома КПСС // Тувинская правда. № 223 (3227). С. 2.

Харунова М. М.-Б. Социально-политическое развитие Тувы в середине XX века. Новосибирск : Наука, 2011. 139 с.

Хомушку О. М. Особенности государственно-церковных отношений в Туве (1944–1990 гг.) // Круг знания: Научно-информационный сборник. 1988. № 1. С. 24–28.

Шкаровский М. В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве: (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 г.). М. : Изд-во Крутицкого подворья: Общество любителей церковной истории, 1999. 423 с.

Шкаровский М. В. Сталинская религиозная политика и Русская православная церковь в 1943–1953 гг. // АСТА SLAVICA IAPONICA. 2009. Т. 27. С. 1–27.

Шын 1954а — Эртем-атеистиг пропаганданы калбартыр // Шын. 1954. № 177 (3114). С. 1 (на тув. яз.).

Шын 1954б — Христиан шажыннын тывылыганы болгаш ангы талазы-биле утка-шынары // Шын. 1954. № 248 (3185) (начало). С. 3., № 249 (3186) (продолжение). С. 3–4 (на тув. яз.).

REFERENCES

Akhmadullin V. A. Deiatel'nost' Soveta po delam religioznykh kul'tov v Tuve (1944–1962) [The activities of the Council for Religious Cults Affairs in Tuva (1944–1962)]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 2. P. 125–140 (in Russian). <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.9>

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Fund. R-6991. Inventory 3. File 546 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Fund. R-6991. Inventory 3. File 547 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Fund. R-6991. Inventory 3. File 548 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Fund. R-6991. Inventory 3. File 548 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Fund. R-6991. Inventory 3. File 587 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Fund. R-6991. Inventory 3. File 588 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Fund. R-6991. Inventory 3. File 549 (in Russian).

Gorbatov A. V. *Gosudarstvo i religioznye organizatsii Sibiri v 1940–1960-e gody* [The state and religious organizations of Siberia in the 1940s-1960s.], Tomsk: Tomsk State University Publ., 2008, 408 p. (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Dvorianchikova N. S. Pravovoe polozhenie khristianskikh obshchin v 1953–1964 gg. [The legal status of Christian communities in 1953–1964]. *Religioznyi landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii* [The religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia]. Barnaul: Altai State University Publ., 2015, vol. 2. P. 75–83 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Zibert N. P. Osobennosti gosudarstvennoi registratsii religioznykh ob'edinenii v seredine 1950-kh — nachale 1980-kh gg. [Features of the state registration of religious associations in the mid-1950s — early 1980s.]. *Religioznyi landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii* [The religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia]. Barnaul: Altai State University Publ., 2015, vol. 2. P. 90–97 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Mongush A. V. Vliianie izmeneniia vektora gosudarstvenno-konfessional'noi politiki SSSR na polozhenie religioznykh obshchin v Tuve v kontse 1940-kh — nachale 1950-kh gg. [The influence of the change in the vector of state and confessional policy of the USSR on the situation of religious communities in Tuva in the late 1940s — early 1950s.]. *Oriental Studies*. 2023, 16 (5). P. 1152–1166. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-69-5-1152-1166> (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Mongush A. V. Nachal'nyi etap stanovleniia sovetskoï sistemy gosudarstvenno-konfessional'nykh otnoshenii v Tuve v seredine 1940-kh gg.: k postanovke problemy [The initial stage of the formation of the Soviet system of state-confessional relations in Tuva in the mid-1940s: setting a problem]. *Etnicheskie men'shinstva v istorii Rossii: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 27–28 oktiabria 2023 g.* [Ethnic minorities in the history of Russia: materials of the IV International Scientific Conference, October 27–28, 2023]. Ed. by V. N. Shaidurov. Sankt-Peterburg: LGU imeni A. S. Pushkina, 2023b. P. 94–100 (in Russian).

KPSS v rezoliutsiakh i resheniiah s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Moscow: Izd-vo politicheskoi literatury, 1985, vol. 8, p. 535 (in Russian).

Konstitutsiia (Osnovnoi zakon) Soiuzu Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik (utverzhdena postanovleniem Chrezvychainogo VIII S'ezda Sovetov Soiuzu Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik ot 5 dekabria 1936 g.) [The Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (approved by the resolution of the Extraordinary VIII Congress of Soviets of the Union of Soviet Socialist Republics of December 5, 1936)]. Constitution of the Russian Federation. Research and production enterprise Garant-Service. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (accessed August 5, 2024) (in Russian).

Mongush M. V. Istoriia buddizma v Tuve (vtoraia polovina VI — konets XX v.) [The history of Buddhism in Tuva (the second half of the VI — the end of the XX century)]. Novosibirsk: Nauka, 2001, 200 p. (in Russian).

Mongush A. V. Antireligioznaia propaganda v SMI v Tuve v 1954–1964 gg. (na primere materialov regional'nykh gazet “Tuvinskaia pravda” i “Shyn”) [Anti-religious propaganda in the media in Tuva in 1954–1964 (based on the materials of the regional newspapers Tuvan Pravda and Shyn)]. *Religiia i obshchestvo — 16* [Religion and Society — 16]. Mogilev: MGU imeni A. A. Kuleshova, 2022. P. 57–60 (in Russian).

Mongush A. V. K voprosu uchastiia tuvinskikh delegatov-lam na Soveshchaniï buddiiskikh dukhovnykh deiatelei SSSR v 1946 g. [On the participation of Tuvan Lama delegates at the Meeting of Buddhist spiritual figures of the USSR in 1946]. X *Mezhdunarodnyi Sibirskii istoricheskii forum “Sibir” i Rossiia: istoriia i kul'tura'* [X International Siberian Historical Forum “Siberia and Russia: history and culture”]. Moscow: Pero, 2023. P. 458–462 (in Russian).

Opei-ool U. P. K istorii sozdaniia i likvidatsii buddiiskoi molitvennoi iurty v Kyzyl-Chyraa (g. Chadaana, Dzun-Khemchikskii kozhuun) s 1946 po 1960 gg. [On the history of the creation and liquidation of the Buddhist prayer yurt in Kyzyl-Chiraa (Chadaan, Dzun-Khemchik kozhuun) since 1946 to 1960.]. *Istoriia i sovremennost' Tuvy: sb. nauch. st. k 80-letiiu V. P. D'ia-konovoi* [The history and modernity of Tuva: collection of scientific articles on the 80th anniversary of V. P. Dyakonova]. Kyzyl: GUP RT “Tyvapoligraf”, 2007. P. 69–80 (in Russian).

Ostroukhova N. V. Osobennosti normativno-pravovogo regulirovaniia gosudarstvenno-tserkovnykh otnoshenii v SSSR (1953–1963) [Features of the legal regulation of state-church relations in the USSR (1953–1963)]. *Istoriia. Politologiya* [History. Political science]. 2020, vol. 47, no. 1. P. 160–169 (in Russian).

Tuvinskaia pravda 1954a — Vyshe uroven' kul'turno-prosvetitel'skoi raboty na sele' [The level of cultural and educational work in rural areas is higher]. *Tuvinskaia pravda*, 1954, no. 137 (3141), P. 1 (in Russian).

Tuvinskaia pravda 1954b — Shire razvernut' nauchno-ateisticheskuiu propagandu [To expand scientific and atheistic propaganda more widely]. *Tuvinskaia pravda*, 1954, no. 150 (3154), P. 2 (in Russian).

Tuvinskaia pravda 1954 v. — Proiskhozhdenie i reaktionnaia sushchnost' religioznykh prazdnikov [The origin and reactionary nature of religious holidays]. *Tuvinskaia pravda*, 1954, no. 159 (3163), P. 3 (in Russian).

Tuvinskaia pravda 1954g — O kommunisticheskoi morali [About communist morality]. *Tuvinskaia pravda*, 1954, no. 173 (3177), P. 2 (in Russian).

Tuvinskaia pravda 1954d — Rabota s liud'mi — glavnoe v deiatel'nosti partorganizatsii [Working with people is the main thing in the activities of the party organization]. *Tuvinskaia pravda*, 1954, no. 212 (3216), P. 2 (in Russian).

Tuvinskaia pravda 1954e — Shamanizm i lamaizm, ikh proiskhozhdenie i reaktionnaia sushchnost' [Shamanism and Lamaism, their origin and reactionary essence]. *Tuvinskaia pravda*, 1954, no. 214 (3218), P. 3 (in Russian).

Tuvinskaia pravda 1954zh — Meditsina v bor'be s sueveriiami i znakharstvom [Medicine in the fight against superstition and quackery]. *Tuvinskaia pravda*, 1954, no. 220 (3224), P. 4 (in Russian).

Tuvinskaia pravda 1954z — IV Plenum Tuvinskogo obkoma KPSS [IV Plenum of the Tuvan Regional Committee of the CPSU]. *Tuvinskaia pravda*, 1954, no. 223 (3227), P. 2 (in Russian).

Kharunova M. M.-B. *Sotsial'no-politicheskoe razvitie Tuvy v seredine XX veka* [Sociopolitical development of Tuva in the mid-twentieth century]. Novosibirsk: Nauka, 2011, 139 p. (in Russian).

Khomushku O. M. Osobennosti gosudarstvenno-tserkovnykh otnoshenii v Tuve (1944–1990 gg.) [Peculiarities of state-church relations in Tuva (1944–1990)]. *Krug znaniia: Nauchno-informatsionnyi sbornik* [Circle of knowledge: Scientific and information collection]. 1988, no. 1. P. 24–28 (in Russian).

Shkarovskii M. V. *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' pri Staline i Khrushcheve: (gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniia v SSSR v 1939–1964 g.)* [The Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev: (state-church relations in the USSR in 1939–1964)]. Moscow: Izd-vo Krutitskogo podvor'ia: O-vo liubitelei tserkovnoi istorii, 1999, 423 p. (in Russian).

Shkarovskii M. V. *Stalinskaia religioznaia politika i Russkaia pravoslavnaia tserkov' v 1943–1953 gg.* [Stalin's religious policy and the Russian Orthodox Church in 1943–1953]. *ACTA SLAVICA IAPONICA*, 2009, vol. 27. P. 1–27 (in Russian).

Shyn 1954a — Ertem-ateistig propagandany kalbartyr [To expand scientific and atheistic propaganda more widely]. *Shyn*, 1954, no. 177 (3114), P. 1 (in Tuvan).

Shyn 1954b — Khristian shazhynnyn tyvylygany bolgash angy talazy-bile utka-shynary [The origin and essence of Christianity]. *Shyn*, 1954, no. 248 (3185) (beginning), p. 3, no. 249 (3186) (continuation). P. 3–4 (in Tuvan).

Статья поступила в редакцию: 26.08.2024

Принята к публикации: 25.11.2024

Дата публикации: 24.12.2024

УДК 261.7

DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–12

В. А. Долин*Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина (Белгород, Россия)*

КРИТИКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРИВИЛЕГИЙ ГРУЗИНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ДИСКУРСЕ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГРУЗИИ

Целью статьи является анализ критики экономических привилегий Грузинской православной церкви в дискурсе либерализации государственно-конфессиональных отношений в Грузии. Хронологические рамки исследования охватывают период с 2011 г., после внесения изменений в Гражданский кодекс Грузии. Статья разделена на три содержательные части. В первой части осуществлен обзор критики экономических привилегий Грузинской православной церкви в дискурсе либерализации государственно-конфессиональных отношений в Грузии со стороны религиозных объединений, во второй части систематизированы критические положения правозащитных организаций, в третьей части проведен сравнительный анализ критических положений религиозных объединений и правозащитных организаций. В исках религиозных объединений в Конституционный суд Грузии критикуется не только узость списка пострадавших при СССР религиозных организаций и система их финансирования, но также государственная поддержка и распределение собственности в пользу Грузинской православной церкви. В отчетах правозащитных организаций критикуются: субсидиарная и законодательно нерегламентированная финансовая поддержка Грузинской православной церкви ради ее лояльности государственной власти, отсутствие расчета ущерба за советский период, дискриминирующая другие религиозные организации реституция собственности. Оба субъекта дискурса либерализации государственно-конфессиональных отношений в Грузии едины в критике налоговых преференций и монополии на получение государственной собственности Грузинской православной церковью, а также непрозрачного и несветского характера финансирования ее отдельных епархий. В целом религиозные объединения и правозащитные организации усиливают влияние друг друга в дискурсе либерализации государственно-конфессиональных отношений в Грузии. Конечной целью субъектов дискурса либерализации выступает отмена Конституционного соглашения с Грузинской православной церковью. Главное противоречие динамики государственно-конфессиональных отношений в Грузии — сосуществование тенденций как к либерализации, так и к сохранению религиозно-культурного своеобразия страны, что на концептуальном уровне описывается

как противоречие тенденций секуляризма и секулярности. Сохранение прозападного выбора во внешней политике страны обуславливает продолжение критики экономических привилегий Грузинской православной церкви в рамках дискурса либерализации государственно-конфессиональных отношений в Грузии.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, Грузия, Грузинская православная церковь, экономические привилегии, либерализация, правозащитные организации, неправославные религиозные объединения, секуляризм, секулярность

Для цитирования

Долин В. А. Критика экономических привилегий Грузинской православной церкви в дискурсе либерализации государственно-конфессиональных отношений в Грузии // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29. № 4. С. 234–250. DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–12.

V. A. Dolin

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin (Belgorod, Russia)

CRITICISM OF THE ECONOMIC PRIVILEGES OF THE GEORGIAN ORTHODOX CHURCH IN THE DISCOURSE OF LIBERALIZATION OF STATE-CONFESSIONAL RELATIONS IN GEORGIA

The purpose of the article is to analyze the criticism of the economic privileges of the Georgian Orthodox Church in the discourse of liberalization of state-confessional relations in Georgia. The chronological framework of the study covers the period since 2011, after the Georgia amendments to the Civil Code. The article is divided into three substantive parts. The first part provides an overview of the criticism of the economic privileges of the Georgian Orthodox Church in the discourse of liberalization of state-confessional relations in Georgia by religious associations, the second part systematizes the critical positions of human rights organizations, and the third part provides a comparative analysis of the critical positions of religious associations and human rights organizations. The claims of religious associations to the Constitutional Court of Georgia criticize not only the narrowness of the list of religious organizations affected by the USSR and the system of their financing, but also state support and distribution of property in favor of the Georgian Orthodox Church. The reports of human rights organizations criticize: subsidiary and legislatively unregulated financial support for the Georgian Orthodox Church for the sake of its loyalty to the state authorities,

---

the lack of calculation of damage during the Soviet period, property restitution discriminating against other religious organizations. Both subjects of the discourse of liberalization of state-confessional relations in Georgia are united in criticizing tax preferences and the monopoly on obtaining state property of the Georgian Orthodox Church, as well as the opaque and nonsecular nature of financing its individual dioceses. In general, religious associations and human rights organizations strengthen each other's influence in the discourse of liberalization of state-confessional relations in Georgia. The ultimate goal of the subjects of the liberalization discourse is the cancellation of the Constitutional Agreement with the Georgian Orthodox Church. The main contradiction in the dynamics of state-confessional relations in Georgia is the coexistence of trends towards liberalization and the preservation of the country's religious and cultural identity, which is conceptually described as a contradiction between the trends of secularism and secularity. The preservation of the pro-Western choice in the country's foreign policy determines the continuation of criticism of the economic privileges of the Georgian Orthodox Church within the framework of the discourse of liberalization of state-confessional relations in Georgia.

Keywords: state-confessional relations, Georgia, the Georgian Orthodox Church, economic privileges, liberalization, human rights organizations, non-Orthodox religious associations, secularism, secularism

---

For citation:

Dolin V. A. Criticism of the economic privileges of the Georgian orthodox church in the discourse of liberalization of state-confessional relations in Georgia. *Nations and religions of Eurasia*. 2024. Т. 29, № 4. P. 234–250 (in Russian). DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–12.

Долин Вячеслав Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, Белгород (Россия). **Адрес для контактов:** v.a.dolin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7106-0623>

Dolin Vyacheslav Aleksandrovich, candidate of philosophical sciences, Associate Professor of the department of humanities and socio-economic disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation named after I. D. Putilin, Belgorod (Russia). **Contact address:** v.a.dolin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7106-0623>

Введение

Грузия исторически формируется как православное государство [Скурат, 1994: 19–57]. Государственно-конфессиональные отношения в современной Грузии характеризуются двумя особенностями. Во-первых, в 1995 г. в статье 8 (после изменения 2002 г. — 9 [Constitutional Law ..., 2002]) Конституции Грузии закрепляется свобода убеждений и вероисповедания [Конституция ..., 1995]. Во-вторых, в 2002 г. заключено конституционное соглашение с Грузинской апостольской автокефальной православной церк-

---

вью [Конституционное ..., 2002]. При этом «аналога отношений между церковью и государством посредством соглашения, подобного Конституционному соглашению, нельзя найти ни в одной другой стране» [Freedom ..., 2016: 36].

В рамках конституционного соглашения, нередко называемого по аналогии с договором в католицизме «конкордатом» (см., например: [Яровой, 2016]), Грузинская православная церковь наделяется «...уникальными привилегиями» [2021 Report], в том числе и в экономической сфере. Среди наиболее значительных экономических привилегий Грузинской православной церкви следует назвать: прямое бюджетное финансирование на национальном, министерском и муниципальном уровнях (без финансового контроля и аудита); бесплатное предоставление церковных объектов в собственность [Gegenava, 2019: 122–125]. Основными статьями расходов Грузинской православной церкви являются финансирование духовного образования и церковных школ, а также зарплаты священникам и работникам [Gegenava, 2019: 124].

Формирование привилегированного правового статуса Грузинской православной церкви обусловлено, как минимум, двумя факторами. С одной стороны, высокий уровень низкой религиозности населения и артикулированный на ее основе еще во второй половине 1980-х гг. призыв к религиозному возрождению [Таркхинишвили, 1997: 7–10]. С другой стороны, в начале 1990-х гг., когда государственная власть функционировала неэффективно, Грузинская православная церковь выполняла различные государственные функции и выступала гарантом государственности [Jones, 1989: 292–312].

В результате сочетания внутрис государственного стремления к укреплению светской политической власти [Маркедонов, 2011] и внешнеполитического давления в июле 2011 г. в Грузии проведена широкая либерализация государственно-конфессиональных отношений. Согласно внесенным в Гражданский кодекс Грузии изменениям, статус юридического лица публичного права (позволяет вести публичную деятельность вне государственного контроля) могут получить не только традиционные религиозные организации Грузии, но и аналогичные религиозные организации Европы. Новая законодательная норма усиливает позиции субъектов дискурса либерализации государственно-конфессиональных отношений в Грузии.

В 2014 г. правительство Грузии, разделяя позицию Грузинской православной церкви, инициирует финансирование четырех исторических религий Грузии — Римско-католической церкви, Армянской апостольской церкви, еврейской и мусульманской общин [Gegenava, 2019: 125].

Как результат, Грузия «...полностью удовлетворяет, с одной стороны, формальному конституционному, а с другой — практически теократическому дискурсу», что дает основания метафорически охарактеризовать модель государственно-конфессиональных отношений как «конституционную теократию» [Godoladze, 2015: 95]. Хотя более точным является определение «преференциальный режим» [Gegenava, 2019: 132], что подтверждается рядом фактов:

- до 2012 г. повышение финансирования Грузинской православной церкви наблюдается накануне выборов [Gegenava, 2019: 129];
- за период с 2002 по 2013 г. Грузинская православная церковь получает от государства более 160 миллионов лари [Gegenava, 2019: 123], причем ежегодная сум-

- ма выплаты с 2009 по 2013 г. колеблется от 22 до 27 миллионов лари [Gegenava, 2019: 124];
- с 2013 г. и по настоящее время осуществляется фиксированная выплата от государства в 25 миллионов лари [Gegenava, 2019: 124, Freedom ..., 2023: 20];
  - дополнительное финансирование из резервного фонда Президента Грузии, которое в 2014 и 2015 гг. составило 1,542 и 1,59 миллиона лари соответственно [Freedom ..., 2016: 41];
  - дополнительно около 5 миллионов лари в год выделяют муниципальные власти [Freedom ..., 2023: 20].

Актуальность проводимого исследования определяется тремя причинами.

Первая причина — ведущая роль экономических привилегий в обеспечении уникального статуса Грузинской православной церкви. Действительно, «практически теократический дискурс» [Godoladze, 2015], или «преференциальный режим» [Gegenava, 2019] в Грузии в значительной мере определяется экономическими привилегиями Грузинской православной церкви.

Вторая причина — после изменений, внесенных в Гражданский кодекс Грузии 2011 г., происходит усиление позиций субъектов дискурса либерализации государственно-конфессиональных отношений, которые осуществляют систематическую и разноплановую критику экономических привилегий Грузинской православной церкви.

Третья причина, определяющая актуальность проводимого исследования, — грузинский опыт построения государственно-конфессиональных отношений является потенциально востребованным для России, в которой наблюдается тенденция к активному сотрудничеству государства и Русской православной церкви.

Объект статьи — экономические привилегии Грузинской православной церкви, предмет статьи — критика в дискурсе либерализации государственно-конфессиональных отношений в Грузии экономических привилегий Грузинской православной церкви. Хронологические рамки исследования — с момента внесения изменений в Гражданский кодекс Грузии (2011 г.). Теоретико-методологическую основу исследования составляет разграничение принципов секуляризма и секулярности (*secularity*) в государственно-конфессиональных отношениях, предполагающих, соответственно, максимальное разделение (без дискриминации и преследования) и сотрудничество (*cooperation*) государства и религиозных объединений [Durham, 2011]. Дискурс понимается в статье в соответствии с представлениями М. Фуко как взаимообусловленное объединение теории и практики.

Для исследования предмета статьи целесообразно рассмотреть два наиболее влиятельных субъекта дискурса либерализации государственно-конфессиональных отношений в Грузии, в том числе и в сравнительном аспекте: религиозные объединения и правозащитные организации. Каждый из субъектов вносит собственный вклад в критику экономических привилегий Грузинской православной церкви. Критическая деятельность религиозных объединений связана преимущественно с исками в Конституционный суд Грузии. Правозащитные организации в собственных отчетах критикуют существующую модель государственно-конфессиональных отношений с позиций ценностей и правовых прецедентов западных демократий. Каждый субъект дис-

курса либерализации государственно-конфессиональных отношений в Грузии предлагает аргументы против привилегий Грузинской православной церкви, которые выделены и систематизированы в данной статье. Ограниченные рамки статьи не позволяют проанализировать критические положения против привилегий Грузинской православной церкви третьего субъекта дискурса либерализации государственно-конфессиональных отношений в Грузии — либерально мыслящих исследователей (см., например: [Gegeņava, 2019]).

Критика экономических привилегий Грузинской православной церкви со стороны религиозных объединений

Первый субъект дискурса либерализации государственно-конфессиональных отношений в Грузии — религиозные объединения, вклад которых в дискурс либерализации связан с судебными исками в Конституционный суд Грузии. Судебную практику Конституционного суда Грузии по искам религиозных объединений против экономических привилегий Грузинской православной церкви после внесения изменений в Гражданский кодекс Грузии в 2011 г. следует систематизировать по хронологическому принципу.

Во-первых, коллективные иски религиозных организаций 2015 и 2016 гг., нацеленные на максимальное разделение государства и Грузинской православной церкви в сфере налогообложения и распределения государственной собственности.

В 2015 г. восемь религиозных организаций Грузии (Кавказская апостольская администрация католиков латинского обряда, Евангельско-баптистская церковь Грузии, Союз мусульман Грузии, Церковь пятидесятников Грузии, Закавказский союз церкви адвентистов седьмого дня, Церковь «Слово жизни» Грузии, Церковь Святой Троицы, Церковь Христа) подают жалобу в Конституционный суд Грузии на неравный налоговый режим, связанный с обязанностью выплачивать налог на добавленную стоимость, прибыль и имущество, от которого Грузинская православная церковь освобождена [Statement ..., 2015]. По мнению составителей иска, отмена привилегии Грузинской православной церкви «...даст возможность всем религиозным организациям пользоваться одинаковыми налоговыми льготами» (цит. по: [Statement ..., 2015]).

В 2016 г. пять религиозных организаций (Высшая администрация всех мусульман Грузии, Евангелическо-баптистская церковь Грузии, Пятидесятническая церковь Грузии, Евангельско-лютеранская церковь Грузии, Икупленная христианская церковь Бога в Грузии), руководствуясь принципами секуляризма, обращаются в Конституционный суд Грузии с иском о признании не соответствующей Конституции страны нормы об исключительном праве Грузинской православной церкви на бесплатное получение государственной собственности [Religious ..., 2016].

В рамках удовлетворения исков 2015 и 2016 гг., решением Конституционного суда Грузии от 3 июля 2018 г. отменены два положения национального законодательства, несовместимые с принципом секуляризма: 1) строительство, реставрация и покраска культовых сооружений Грузинской православной церкви освобождаются от налога на добавленную стоимость; 2) возможность бесплатной передачи государственного имущества во владение Грузинской православной церкви [Two ..., 2018]. Формально эти нормы должны потерять правовую силу 31 декабря 2018 г. Однако движение в на-

правлении максимального разделения государства и Грузинской православной церкви остановилось: парламент Грузии не внес соответствующие изменения в законодательство и после указанной даты [Two ..., 2018].

В 2021 г. претензия по иску 2015 г. была частично удовлетворена по существу, однако не была принята в отношении ст. 11 Налогового кодекса Грузии, регламентирующей религиозную деятельность [Constitutional ..., 2021], что свидетельствует о сохранении кооперационного вектора развития государственно-конфессиональных отношений в Грузии.

В 2018 г. решения Конституционного суда Грузии по искам восьми и пяти религиозных организаций (2015 и 2016 гг. соответственно) получают одобрение в отчете Европейской комиссии за демократию через право («Венецианская комиссия») [Two ..., 2018].

Во-вторых, иск христиан-евангелистов 2016 г. об отмене признания прав четырех исторических религий Грузии, которые выступают важным элементом модели секулярности в Грузии.

В 2016 г. юридическое лицо публичного права Грузинская церковь Евангелической веры подает иск в Конституционный суд Грузии с требованием отменить финансирование четырех исторических религиозных организаций Грузии. Аргумент христиан-евангелистов состоит в том, что не только данные четыре религиозные организации пострадали от советского тоталитарного режима [Gegenava, 2019: 127].

Конституционный суд отклоняет иск, хотя и признает как факт отсутствие организации-истца как субъекта нормы законодательства [Gegenava, 2019: 127]. Более того, в 2022 г. ежегодное финансирование четырех исторических религиозных организаций увеличено на один миллион и составило 5,5 миллионов лари [Freedom ..., 2023: 20]. Принятое решение соответствует принципу секулярности.

В-третьих, три иска 2017 и 2018 гг. от нескольких граждан Грузии о признании несветского характера поддержки Грузинской православной церкви, которые следует рассматривать как стремление реализовать решительный шаг в сторону максимального разделения государства и Грузинской православной церкви.

В 2017 и 2018 гг. от нескольких граждан Грузии поданы три иска в Конституционный суд Грузии с требованием отменить норму закона о государственной поддержке Грузинской православной церкви, а также признать ее не компенсацией, а «...прямой и несветской (конфессиональной) поддержкой Церкви» [Gegenava, 2019: 128]. Один из основных аргументов истцов — о поддержке Грузинской православной церкви против воли заявителей.

Первый и второй иски отклонены Конституционным судом Грузии по формальному основанию (ко времени начала заседания истекает календарный год, после чего национальный закон о государственном бюджете утрачивает силу) [Gegenava, 2019: 128].

При рассмотрении третьего иска Конституционный суд Грузии выстраивает развернутое опровержение позиции истца [Gegenava, 2019: 128]:

- 1) подчеркивается неверное понимания смысла критикуемой нормы: ежегодная выплата не является религиозным налогом, в том числе и в пользу Грузинской православной церкви;

- 2) бюджетные приоритеты и конкретные выплаты находится в исключительном ведении правительства Грузии;
- 3) для опровержения аргумента о поддержке финансирования Грузинской православной церкви против воли заявителей Конституционный суд Грузии выдвигает три контраргумента:
  - норма закона о государственной поддержке Церкви не связана с выплатой подоходного налога и потому не влияет на убеждения заявителей;
  - отсутствие принуждения заявителей к финансированию;
  - распределение накопленных бюджетных средств не является дискриминацией религиозных убеждений заявителей.

В результате по итогам рассмотрения третьего иска в Конституционный суд Грузии сохраняется норма закона о государственной поддержке Грузинской православной церкви как важный элемент модели сотрудничества (кооперации) государства и Грузинской православной церкви.

В-четвертых, иск мусульманской общины 2019 г. об отмене выплат Грузинской православной церкви на муниципальном уровне (епархии Грузинской православной церкви Марнеули и Хиджаби). Данный иск хотя и носит частный характер (по степени влияния на грузинскую модель государственно-конфессиональных отношений), но соответствует принципу секуляризма.

В 2019 г. начинается судебное разбирательство, которое инициировали Верховное управление мусульман всей Грузии и Самир Байрамов [Freedom ..., 2023: 20]. В рамках спора Болнисский районный суд 1 июля 2022 г. отменяет как дискриминационную практику выделения муниципальным советом города Марнеули 400 тысяч лари (по 100 тысяч лари ежеквартально) региональному отделению Грузинской православной церкви (епархии Марнеули и Хиджаби). По мнению суда, «историческое положение церкви» не является основанием для предоставления привилегий конкретной религиозной организации. Соответственно, данная практика противоречит принципам секуляризма и государственного нейтралитета.

Однако одержать победу сторонникам дискурса либерализации государственно-конфессиональных отношений в Грузии не удалось. Апелляционный суд Тбилиси 8 декабря 2022 г. отменил решение суда первой инстанции на основании того, что Болнисский районный суд «проигнорировал важность, контекст, антидискриминационное законодательство и конституционные принципы спора» [Freedom ..., 2023: 20].

На основе проведенного обзора можно систематизировать информацию о судебных исках в Конституционный суд Грузии против экономических привилегий Грузинской православной церкви:

- коллективные иски религиозных организаций 2015 и 2016 гг. об отмене неравного налогового режима и об исключительном праве Грузинской православной церкви на бесплатное получение государственной собственности соответственно;
- иск церкви христиан-евангелистов 2016 г. об отмене признания права на государственное финансирование четырех исторических религий Грузии;
- три иска 2017 и 2018 гг. от имени нескольких граждан Грузии о признании не светского характера поддержки Грузинской православной церкви;

— иск мусульманской общины и Самира Байрамова 2019 г. об отмене выплат на муниципальном уровне (епархии Грузинской православной церкви Марнеули и Хиджаби).

Критике подвергаются следующие привилегии Грузинской православной церкви:

- 1) неравный налоговый режим, закрепляющий экономические и налоговые льготы, связанный с обязанностью выплачивать налог на добавленную стоимость, на прибыль и имущество (коллективный иск восьми религиозных организаций 2015 г.);
- 2) исключительное право на бесплатное получение государственной собственности (коллективный иск пяти религиозных организаций 2016 г.);
- 3) узкий круг религиозных организаций, официально признанных пострадавшими от советского тоталитарного режима (пять исторических религиозных организаций Грузии) (иск организации Грузинская церковь Евангелической веры 2016 г.);
- 4) наличие нормы закона о государственной поддержке Грузинской православной церкви (три иска от нескольких граждан Грузии 2017 и 2018 гг.);
- 5) непрозрачная и несветская практика финансирования со стороны муниципалитетов отдельных епархий (иск мусульманской общины и Самира Байрамова 2019 г.).

Однако по всем искам Конституционный суд Грузии принимает решения в защиту актуальной модели государственно-конфессиональных отношений, основанной на принципе секулярности.

Критика экономических привилегий Грузинской православной церкви со стороны правозащитных организаций

Второй субъект дискурса либерализации государственно-конфессиональных отношений в Грузии — правозащитные организации.

На основе анализа отчета «Freedom of religion» (2016), выполненного в рамках проекта «Продвижение толерантности, религиозной свободы и прав человека в Грузии», финансируемого посольством королевства Нидерландов [Freedom ..., 2016], возможно выделить ряд критических утверждений относительно системы экономических привилегий Грузинской православной церкви, соответствующих принципу секуляризма:

- финансирование религиозных организаций (в том числе и Грузинской православной церкви) осуществляется «...по прямой субсидиарной системе», хотя внешне система финансирования подгоняется «...под модель номинальной реституции / компенсации...» [Freedom ..., 2016: 48];
- различие политико-социальных мотивов финансирования религиозных организаций: с одной стороны, обеспечение лояльности Грузинской православной церкви ради легитимации государственной власти и, с другой стороны, политический контроль над прочими религиозными организациями [Freedom ..., 2016: 40];
- отсутствие с 2002 г. расчета ущерба, нанесенного в советский период Грузинской православной церкви [Freedom ..., 2016: 48];
- произвольный характер финансовой поддержки, основанный «...только на политической воле государства, что создает высокий риск государственного произвола в этом вопросе...» [Freedom ..., 2016: 45];

- реституция церковного имущества, в том числе путем бесплатной передачи в собственность, не проводится в отношении имущества религиозных меньшинств, что расценивается как дискриминация [Freedom ..., 2016: 31–32];
- преференции Грузинской православной церкви в налоговой сфере (освобождение от корпоративного подоходного налога; налога на добавленную стоимость при строительстве, реконструкции и покраске церквей; налога на землю) [Freedom ..., 2016: 30];
- обязательство государства вести переговоры с другими государствами по вопросам собственности Грузинской православной церкви признается дискриминацией [Freedom ..., 2016: 32].

Приведенные критические замечания соответствуют стремлению к максимальному разделению государства и Грузинской православной церкви во всех сферах, значимых для дискурса либерализации государственно-конфессиональных отношений в Грузии.

Как результат, несоответствие заявленных и фактических отношений в сфере финансирования Грузинской православной церкви рассматривается как «...структурная причина несветских взаимоотношений между государством и религиозными организациями» [Freedom ..., 2016: 40]. Общий вывод авторов отчета категоричен: де-факто существующие правила финансирования противоречат модели секуляризма и «...должны быть фундаментально пересмотрены...» [Freedom ..., 2016: 49].

Критика модели государственно-конфессиональных отношений в целом отличает правозащитные организации как субъекта дискурса либерализации государственно-конфессиональных отношений в Грузии от религиозных объединений. Последние вынуждены формулировать частные претензии, поскольку вероятность положительного решения по иску об отмене ст. 9 Конституции Грузии крайне мала. С другой стороны, критика в отчете правозащитной организации Грузии (в отличие от иска в Конституционный суд) не предполагает немедленной отмены положений законодательства. Это открывает возможность и принципиальной критики в отчетах правозащитных организаций модели государственно-конфессиональных отношений в Грузии (с позиций секуляризма).

В 2020 г. Институт толерантности и разнообразия (TDI) в рамках проекта «Содействие верховенству закона в Грузии», финансируемого Агентством США по международному развитию (USAID), публикует отчет «Restitution policy in Georgia» [Noniashvili, 2020]. Лейтмотив документа — критический тезис о том, что «недоминирующие религиозные организации до сих пор не вернули свои действующие или бездействующие исторические культовые сооружения, кладбища, религиозные учебные заведения, остатки культовых сооружений и земельные участки» [Noniashvili, 2020: 7]. Иначе говоря, выводы и рекомендации данного отчета носят частный характер.

Отдельный раздел отчета посвящен обзору невозвращенной собственности таких религиозных организаций, как Евангелическо-лютеранская церковь, епархия Армянской Апостольской православной Святой церкви в Грузии, католическая церковь, еврейская и мусульманская общины [Noniashvili, 2020: 13–17]. Автор следующим образом аргументирует собственную позицию: «политика реституции не должна быть дискриминационной» [Noniashvili, 2020: 31].

В 2023 г. упомянутый ранее Институт толерантности и разнообразия (TDI) при финансовой поддержке Агентства США по международному развитию (USAID) в не-большом отчете «Freedom of religion and belief in Georgia: 2022 report» выделяет следующие недостатки системы финансирования религиозных организаций [Freedom ..., 2023: 19–20]:

- компенсация ущерба Грузинской православной церкви более походит на субсидирование со стороны государства;
- ограничение списка религиозных организаций, пострадавших от советских репрессий, четырьмя историческими религиями Грузии представляет собой «...дискриминационный подход государства» [Freedom ..., 2023: 19];
- финансирование епархий Грузинской православной церкви со стороны муниципальной власти «...непрозрачно и несветски» [Freedom ..., 2023: 19];
- дополнительное муниципальное финансирование епархий Грузинской православной церкви с преобладанием мусульманского населения (Марнеульская и Худжабская епархии).

Подобно отчету «Freedom of religion» (2016), выводы относительно модели государственно-конфессиональных отношений в Грузии носят комплексный характер и соответствуют принципу секуляризма. Но, в отличие от отчета «Freedom of religion» (2016), не формулируется вывод о радикальной трансформации модели государственно-конфессиональных отношений в Грузии. Интересен ответ на вопрос о случайном (или закономерном) характере отсутствия подобного вывода в тексте отчета.

В целом в отчетах правозащитных организаций сформулирован ряд критических положений относительно экономических привилегий Грузинской православной церкви:

- субсидиарный характер финансовой поддержки со стороны государства, подгоняемый под модель реституции или компенсации («Freedom of religion» (2016), «Freedom of religion and belief in Georgia: 2022 report» (2023));
- различие политико-социальных мотивов финансирования религиозных организаций: лояльность Грузинской православной церкви и контроль над остальными («Freedom of religion» (2016));
- отсутствие с 2002 г. расчета ущерба, нанесенного в советский период («Freedom of religion» (2016));
- законодательно нерегламентированный характер финансовой поддержки, чреватый произволом со стороны государства («Freedom of religion» (2016));
- практика реституции церковной собственности является дискриминационной по отношению к недоминирующим религиозным организациям («Freedom of religion» (2016), «Restitution policy in Georgia» (2020));
- преференции в налоговой сфере («Freedom of religion» (2016));
- дискриминирующий характер обязательства государства вести переговоры с другими государствами по вопросам собственности («Freedom of religion» (2016));
- дискриминация религиозных организаций, не входящих в число пяти исторических религий («Freedom of religion and belief in Georgia: 2022 report» (2023));
- непрозрачное и несветское финансирование отдельных епархий со стороны муниципалитетов («Freedom of religion and belief in Georgia: 2022 report» (2023));

- дополнительное муниципальное финансирование епархий с преобладанием мусульманского населения («Freedom of religion and belief in Georgia: 2022 report» (2023)).

Критика экономических привилегий Грузинской православной церкви со стороны религиозных объединений и правозащитных организаций: опыт сравнительного анализа

Для сопоставления критических положений религиозных объединений и правозащитных организаций относительно экономических привилегий Грузинской православной церкви следует объединить их в таблицу (табл.). Для сокращения объема таблицы и во избежание дублирования информации ссылка на источник критического положения опускается.

Критика экономических привилегий Грузинской православной церкви религиозных объединений и правозащитных организаций: сравнительный анализ
Criticism of the Economic privileges of the Georgian Orthodox Church, religious associations and human rights organizations: a comparative analysis

Критические положения религиозных объединений	Критические положения правозащитных организаций
Общие (повторяющиеся) положения	
Неравный налоговый режим, закрепляющий экономические и налоговые льготы, связанный с обязанностью выплачивать налог на добавленную стоимость, прибыль и имущество	Преференции в налоговой сфере
Исключительное право на бесплатное получение государственной собственности	Практика реституции церковной собственности является дискриминационной по отношению к недоминирующим религиозным организациям
Непрозрачная и несветская практика финансирования со стороны муниципалитетов отдельных епархий	Дополнительное муниципальное финансирование епархий с преобладанием мусульманского населения
Различающиеся положения	
Узкий круг религиозных организаций, официально признанных пострадавшими от советского тоталитарного режима; Наличие нормы закона о государственной поддержке Грузинской православной церкви	<ul style="list-style-type: none"> • субсидиарный характер финансовой поддержки государства, подгоняемый под модель реституции или компенсации; • различие мотивов финансирования религиозных организаций: лояльность Грузинской православной церкви и контроль над остальными; • отсутствие с 2002 г. расчета ущерба, нанесенного в советский период; • законодательно нерегламентированный характер финансовой поддержки, чреватый произволом со стороны государства; • дискриминирующий характер обязательства государства вести переговоры с другими государствами по вопросам собственности; • дискриминация религиозных организаций, не входящих в число пяти исторических религиозных организаций; • непрозрачное и несветское финансирование отдельных епархий муниципалитетами

Сопоставление критических положений относительно экономических привилегий Грузинской православной церкви, сформулированных религиозными объединениями и правозащитными организациями, позволяет разделить выделенные в статье критические положения на две категории: общие (повторяющиеся, но со стилистическим несовпадением формулировок) и различающиеся. Наличие общих (повторяющихся) критических положений позволяет предположить, что речь идет об экономических привилегиях Грузинской православной церкви, которые наиболее значимы для религиозных объединений и правозащитных организаций как субъектов дискурса либерализации государственно-конфессиональных отношений в Грузии.

Обращает на себя внимание большее (относительно исков религиозных объединений в Конституционный суд Грузии) количество различающихся положений в отчетах правозащитных организаций. Более чем трехкратный перевес объясняется, как минимум, двумя причинами. Первая причина — разный характер их влияния на правовую систему (в отличие от положения отчета правозащитной организации, судебный иск в Конституционный суд Грузии способен обеспечить отмену положения законодательства). Вторая причина большего количества критических положений со стороны правозащитных организаций (в сравнении с религиозными объединениями) — координационные издержки: для обеспечения влияния критического положения, сформулированного в судебном иске в Конституционный суд Грузии, названные издержки несоизмеримо выше, нежели для положения отчета правозащитной организации, по определению не требующего его отстаивания в суде.

Возможно обоснованно предположить, что количество критических положений, сформулированных в судебных исках, по объективным причинам не может превышать аналогичное количество в отчетах правозащитных организаций. Более того, гипотетически возможно представить отчет правозащитной организации, в котором будут перечислены абсолютно все критические положения в адрес экономических привилегий Грузинской православной церкви. С другой стороны, аналогичный список критических положений в одном иске в Конституционный суд Грузии (равно как и любой другой страны) невозможен по причине специфики процедуры признания несоответствия основному закону отдельных положений законодательства. Кроме того, из-за координационных издержек проблематично подготовить большое количество подобных исков (даже при наличии у религиозных организаций времени, желания и необходимого количества квалифицированных юристов).

Вместе с тем очевидно, что субъекты дискурса либерализации государственно-конфессиональных отношений в Грузии усиливают позиции друг друга: иски в Конституционный суд Грузии открывают возможность отменить отдельные положения законодательства как противоречащие основному закону страны, а правозащитные организации создают благоприятную информационную среду для подобных изменений законодательства.

Заключение

Таким образом, аргументы субъектов дискурса либерализации государственно-конфессиональных отношений против экономических привилегий Грузинской православ-

ной церкви соответствуют сущностным положениям принципа секуляризма и судебным прецедентам в западных странах.

Главной целью субъектов дискурса либерализации государственно-конфессиональных отношений в Грузии является отмена Конституционного соглашения с Грузинской православной церковью ради обеспечения монопольного характера принципа секуляризма. Однако лишь правозащитные организации демонстрируют стремление достичь подобного результата. Это объясняется разным потенциалом изменения законодательства посредством критических замечаний, сформулированных, с одной стороны, в рамках судебного иска (религиозные организации) и, с другой стороны, в тексте аналитического отчета (правозащитные организации).

Настойчивость субъектов дискурса либерализации в утверждении принципа секуляризма в Грузии выступает проявлением «мягкой силы» западных демократий, направленным на унификацию по западному образцу стандартов постсоветских стран в сфере государственно-конфессиональных отношений. В рамках усилий западных стран по либерализации на постсоветском пространстве моделей взаимодействия государства и религиозных объединений первоочередной задачей субъектов дискурса либерализации государственно-конфессиональных отношений в Грузии является стремление к смягчению (в предельном варианте — ликвидации) противостоящей дискурсу либерализации «политики протекционизма» на грузинском «рынке религий».

Данное противоречие в динамике государственно-конфессиональных отношений в Грузии является главным; в концептуальном аспекте выделенное противоречие соответствует сосуществованию тенденций секуляризма и секулярности. Конкретный сценарий разрешения противоречия тенденций секуляризма и секулярности в Грузии в значительной мере определяется геополитическим выбором между прозападной и пророссийской идентичностью. При сохранении реализуемого в Грузии на протяжении последних 20 лет прозападного геополитического выбора экономические привилегии Грузинской православной церкви будут подвергаться постоянной критике и организационно-политическому давлению сторонников идеологии секуляризма, выступающих основными агентами дискурса либерализации государственно-конфессиональных отношений в Грузии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Конституционное соглашение между Грузинским государством и Грузинской Апостольской Автокефальной Православной Церковью // Русская православная церковь: Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/318741.html> (дата обращения: 08.02.2024).

Конституция Грузии // Ведомости Парламента Грузии. 1995. № 31–33. Ст. 668.

Маркедонов С. Грузия: спор между государством и церковью, 15.07.2011 // ПОЛИТКОМ. RU: информационный сайт политических комментариев. URL: <https://politcom.ru/12258.html> (дата обращения: 10.02.2024).

Скурат К. Е. История Поместных Православных Церквей : в 2 т. М. : Русские огни: АНС, 1994. Т. 1. 336 с.

Таркхинишвили Л. Грузия: на пути к демократии? Варшава: CASE — Центр социально-экономических исследований, 1997. 55 с.

Яровой А., Яровая И. М. Грузинский конкордат и система конкордатного права // Труды Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью). 2016. № 4. С. 121–126.

2021 Report on International Religious Freedom // Washington: U.S. Department of State, 2021. URL: <https://www.state.gov/reports/2021-report-on-international-religious-freedom/> (дата обращения: 08.02.2024) (на англ. яз.).

Constitutional Court admitted the claim of religious organizations on the import tax regulations, June 2021 // Tolerance and Diversity Institute (TDI). URL: <https://www.tdi.ge/en/news/952-constitutional-court-admitted-claim-religious-organizations-import-tax-regulations> (дата обращения: 15.02.2024) (на англ. яз.).

Constitutional Court granted two complaints of religious organizations // Tolerance and Diversity Institute. URL: <https://tdi.ge/en/news/602-constitutional-court-granted-two-complaints-religious-organizations> (дата обращения: 15.02.2024) (на англ. яз.).

Constitutional Law of Georgia No 1689 of 10 October 2002. LHG I. No 28. 28.10.2002. Art. 128 (на англ. яз.).

Gegenava D. State funding of religious organizations // *Studia z Prawa Wyznaniowego*. 2019. No 22. P. 119–134. DOI: 10.31743/spw.5478 (на англ. яз.).

Godoladze K. Constitutional theocracy in context: the paradigm of Georgia // *Humanities and Social Sciences Review*. 2015. Vol. 4. No 2. P. 95–214 (на англ. яз.).

Durham C. W. (Jr.) Religious Freedom in a Worldwide Setting: Comparative Reflections // *Pontificia Accademia delle scienze sociali: 17th Plenary Session*. Vatican City, 2011. P. 359–389 (на англ. яз.).

Freedom of religion: critique of discriminatory and nonsecular state policy / ed. by T. Mikeladze. Tbilisi: Human Rights Education and Monitoring Center, 2016. 134 p. (на англ. яз.).

Freedom of religion and belief in Georgia: 2022 report / contr.: M. Gvartadze, S. Elizbarashvili, M. Tsetskhladze, M. Mindiashvili. Tbilisi: The Tolerance and Diversity Institute (TDI), 2023. 36 p. URL: https://www.tdi.ge/sites/default/files/tdi_forb_report_2022_eng.pdf (дата обращения: 12.02.2024) (на англ. яз.).

Jones S. F. Soviet Religious Policy and the Georgian Orthodox Apostolic Church: From Khrushchev to Gorbachev // *Religion, State and Society: The Keston Journal*. 1989. Vol. 17. No. 4. P. 292–312 (на англ. яз.).

Noniashvili G. Restitution policy in Georgia. Tbilisi: The Tolerance and Diversity Institute (TDI), 2023. 44 p. URL: https://tdi.ge/sites/default/files/restitution_policy_in_georgia.pdf (дата обращения: 15.02.2024) (на англ. яз.).

Religious minorities in Georgia apply to the Constitutional Court // Tolerance and Diversity Institute (TDI). URL: <https://www.tdi.ge/en/news/352-religious-minorities-georgia-apply-constitutional-court> (дата обращения: 15.02.2024) (на англ. яз.).

Statement on the Constitutional Claim of Religious Organizations, October 2015 // Tolerance and Diversity Institute (TDI). URL: <https://www.tdi.ge/en/statement/statement-constitutional-claim-religious-organizations> (дата обращения: 15.02.2024) (на англ. яз.).

Two constitutional claims of religious organizations in the Venice commission's bulletin // Tolerance and Diversity Institute (TDI). URL: <https://www.tdi.ge/en/news/702-two-constitutional-claims-religious-organizations-venice-commissions-bulletin> (Дата обращения: 15.02.2024) (на англ. яз.).

REFERENCES

Iarovoi A., Iarovaia I. M. Gruzinskii konkordat i sistema konkordatnogo prava [The Georgian Concordat and the system of competition law]. *Trudy Belgorodskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii (s missionerskoi napravlennost'iu)* [Proceedings of the Belgorod Orthodox theological seminary (with a missionary orientation)]. 2016, no. 4. P. 121–126 (in Russian).

Konstitutsiia Gruzii [The Constitution of Georgia]. *Vedomosti Parlamenta Gruzii* [Gazette of the Parliament of Georgia]. 1995, no. № 31–33, art. 668 (in Russian).

Konstitutsionnoe soglasenie mezhdu Gruzinskim gosudarstvom i Gruzinskoi Apostol'skoi Avtokefal'noi Pravoslavnoi Tserkov'iu [Constitutional Agreement between the Georgian State and the Georgian Apostolic Autocephalous Orthodox Church]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/318741.html> (accessed February 8, 2024) (in Russian).

Markedonov S. *Gruzii: spor mezhdu gosudarstvom i tserkov'iu, 15.07.2011* [Georgia: the dispute between the state and the Church, 15.07.2011]. URL: <https://politcom.ru/12258.html> (accessed February 10, 2024) (in Russian).

Skurat K. E. *Istoriia Pomestnykh Pravoslavnykh Tserkvei* [The History of the Local Orthodox Churches]: in 2 vol. Moscow: Russkie ogni Publ.; ANS Publ., 1994, vol. 1, 336 p. (in Russian).

Tarkkhinishvili L. *Gruzii: na puti k demokratii?* [Georgia: on the way to democracy?] Varshava: CASE — Tsentr sotsial'no-ekonomicheskikh issledovaniy Publ., 1997, 55 p. (in Russian).

2021 Report on International Religious Freedom. Washington: U.S. Department of State, 2021. URL: <https://www.state.gov/reports/2021-report-on-international-religious-freedom/> (accessed February 8, 2024) (in English).

Constitutional Court admitted the claim of religious organizations on the import tax regulations, June 2021. URL: <https://www.tdi.ge/en/news/952-constitutional-court-admitted-claim-religious-organizations-import-tax-regulations> (accessed February 15, 2024) (in English).

Constitutional Court granted two complaints of religious organizations. URL: <https://tdi.ge/en/news/602-constitutional-court-granted-two-complaints-religious-organizations> (accessed February 15.02.2024) (in English).

Constitutional Law of Georgia No 1689 of 10 October 2002. *LHG I*, no 28, 28.10.2002, art. 128 (in English).

Durham C. W. (Jr.) *Religious Freedom in a Worldwide Setting: Comparative Reflections*. *Pontificia Accademia delle scienze sociali: 17th Plenary Session*. Vatican City, 2011. P. 359–389 (in English).

Gavtadze M., Elizbarashvili S., Tsetskhladze M., Mindiashvili M. (contr.) *Freedom of religion and belief in Georgia: 2022 report*. Tbilisi: The Tolerance and Diversity Institute

(TDI), 2023, 36 p. URL: https://www.tdi.ge/sites/default/files/tdi_forb_report_2022_eng.pdf (accessed February 12, 2024) (in English).

Gegenava D. State funding of religious organizations. *Studia z Prawa Wyznaniowego*, 2019, no 22. P. 119–134. DOI: 10.31743/spw. 5478 (in English).

Godoladze K. Constitutional theocracy in context: the paradigm of Georgia. *Humanities and Social Sciences Review*, 2015, vol. 4, no 2. P. 95–214 (in English).

Jones S. F. Soviet Religious Policy and the Georgian Orthodox Apostolic Church: From Khrushchev to Gorbachev. *Religion, State and Society: The Keston Journal*, 1989, vol. 17, no. 4. P. 292–312 (in English).

Mikeladze T. (ed.) *Freedom of religion: critique of discriminatory and nonsecular state policy*. Tbilisi: Human Rights Education and Monitoring Center, 2016, 134 p. (in English).

Noniashvili G. *Restitution policy in Georgia*. Tbilisi: The Tolerance and Diversity Institute (TDI), 2023, 44 p. URL: https://tdi.ge/sites/default/files/restitution_policy_in_georgia.pdf (accessed February 15, 2024) (in English).

Religious minorities in Georgia apply to the Constitutional Court. URL: <https://www.tdi.ge/en/news/352-religious-minorities-georgia-apply-constitutional-court> (accessed February 15, 2024) (in English).

Statement on the Constitutional Claim of Religious Organizations, October 2015. URL: <https://www.tdi.ge/en/statement/statement-constitutional-claim-religious-organizations> (accessed February 15, 2024) (in English).

Two constitutional claims of religious organizations in the Venice commission's bulletin. URL: <https://www.tdi.ge/en/news/702-two-constitutional-claims-religious-organizations-venice-commissions-bulletin> (accessed February 15, 2024) (in English).

Статья поступила в редакцию: 21.02.2024

Принята к публикации: 12.08.2024

Дата публикации: 24.12.2024

ЖУРНАЛ «НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ»

Учредителем журнала является кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета. Издается с 2007 г. как сборник научных статей, а с 2016 г. как научный журнал «Мировоззрение населения южной Сибири и центральной Азии в исторической ретроспективе». С 2017 г. журнал называется «Народы и религии Евразии».

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии Министерства высшего образования и науки РФ.

Журнал утвержден Научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020.

Периодичность издания: 4 выпуска в год. Журнал издается в печатном и электронном виде.

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/wv>

К рассмотрению принимаются только новые, ранее нигде не опубликованные материалы. Все работы, поступившие в редколлегию, проходят обязательно рецензирование и проверку на плагиат.

Журнал «Народы и религии Евразии» индексируется в агрегаторах и базах библиографической информации:

- SCOPUS
- ERIN PLUS
- EBSCO
- E-Library.ru
- CyberLeninka
- OAIsters
- ROAR
- ROARMAP
- OpenAIRE
- BASE
- ResearchBIB
- Socionet
- Scholarsteer
- World Catalogue of Scientific Journals
- Scilit
- Journals for Free
- Journal TOC
- OAIster
- OCLC-WolrdCat
- Socolar
- JURN
- JournalGuid

ТЕМАТИЧЕСКИЕ РУБРИКИ:

- Археология и этнокультурная история
- Этнология и национальная политика
- Религиоведение и государственно-конфессиональные отношения
- Информация о конференциях
- Персоналии

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Статьи принимаются на русском и английском языках. Для публикации статьи в журнале необходимо ее прислать в электронном варианте, а также указать сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, телефон, e-mail, индивидуальный номер ORCID). Стандартный объем статьи — 30–60 тыс. знаков без пробелов (т.е. 0,75–1,5 печ. л.), (14 кегль, одинарный интервал, в формате Word: поля: верхнее — 2 см, нижнее — 2 см, левое — 2 см, правое — 2 см). Рисунки (фотографии) предоставлять отдельными файлами с подписями рисунков на русском и английском языках. К статье обязательно прикладывается полный список используемых работ.

Статья должна содержать **ключевые слова (до 15 слов) и аннотацию на русском и английском языках (не менее 1000 знаков без пробелов)**. Машинный (компьютерный перевод) не принимается. Аннотация к статье должна быть оригинальной, отражать основное содержание статьи и результаты исследований.

Статья должна делиться на тематические блоки. Примерная структура статьи: Введение, Тематические блоки (от 1 до 5 блоков), Заключение.

Благодарности указываются после текста статьи отдельным тематическим блоком с переводом на английский язык.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Фамилия, имя, отчество автора на русском языке

Название статьи на русском языке

Аннотация (на русском языке не менее 1000 знаков без пробелов)

Ключевые слова (на русском языке до 15 слов)

Фамилия, имя, отчество автора на английском языке

Название статьи на английском языке

Аннотация (на английском языке не менее 1000 знаков без пробелов)

Ключевые слова (на английском языке до 15 слов)

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 903.2

И. И. Иванов

Институт востоковедения РАН, Москва (Россия)

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ТРАДИЦИОННЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Целью статьи является изучение восприятие природы в традиционном мировоззрении тюркских и монгольских народов Южной Сибири. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX — середину XX веков. Выбор таких временных границ вызван, прежде всего, состоянием базы источников по теме исследования. Основными источниками выступают исторические и этнографические материалы. Работа основывается на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого.

Методика исследования опирается на историко-этнографические методы — научно-го описания, конкретно-исторического и реликта.

Коренные жители Южной Сибири в процессе длительного взаимодействия с окружающей средой и в результате адаптации к ней сформировали наиболее приспособленную к данным природным условиям культуру. Значительное место в ней отводится традициям, связанными с экологическими воззрениями и нормами. Основу экологического сознания народов этого региона составляла идея неразрывной связи человека со средой обитания — родиной, т. е., с тем местом, где он родился, жил и умирал. По сути, оно являлось тем пространством, в котором осуществлялась вся жизнедеятельность человека. В мышлении верующих природа воспринималась в качестве живого и чувствующего существа, что нашло отражение и в соответствующем практическом отношении к ней. В традиционном мировосприятии человек не выделен из природы. Отсутствует жесткая граница между ним и окружающим миром, который в мифологическом сознании как уже отмечалось, имел частичное или полное отождествление человеку.

Ключевые слова: тюркские и монгольские народы, Южная Сибирь, хакасы, культура, традиция, человек, природа, экологические воззрения.

Цитирование статьи:

Иванов И. И. Человек и природа в традиционных воззрениях тюрко-монгольских народов Южной Сибири // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С.

Иванов Иван Иванович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора религии Востока Института востоковедения РАН, Москва (Россия).
Адрес для контактов: i.i.ivanov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

I. I. Ivanov

*Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk (Russia)*

**MAN AND NATURE IN TRADITIONAL VIEWS OF TYURCO-MONGOLIAN
PEOPLES OF SOUTH SIBERIA**

The aim of the work is to study the perception of nature in the traditional worldview of the Turkic and Mongolian peoples of Southern Siberia.

The chronological scope of work covers the end of the XIX — mid XX centuries. Selection temporal boundaries caused primarily by the status of the database sources on the research topic. The main sources are archival and ethnographic materials. The work based on comprehensive, system-historical approach to the study of the past. The research methodology based on historical and ethnographic methods — scientific description, the specific historical and relic.

The indigenous inhabitants of Southern Siberia, in the process of prolonged interaction with the environment and result of adaptation to it, formed the culture most adapted to the given natural conditions. A significant place in it given to traditions associated with environmental views and norms. The basis of the ecological consciousness of the peoples of

---

this region was the idea of an inseparable connection between man and his environment, the homeland, that is, with the place where he was born, lived and died. In fact, it was the space in which the entire life activity of man. In the thinking of believers, nature perceived as a living and sentient being, which reflected in the corresponding practical relation to it. In the traditional worldview, man is not isolated from nature. There is no rigid boundary between it and the surrounding world, which, as already noted, in the mythological consciousness, had a partial or complete identification with man.

Keywords: Turkic and Mongolian peoples, Southern Siberia, Khakas, culture, tradition, man, nature, ecological views.

For citation:

Ivanov I.I. Man and nature in traditional views of tyurco-mongolian peoples of South Siberia. *Nations and religions of Eurasia*. 2022. Т. 27, № 1. P.

Ivanov Ivan Ivanovich, doctor of historical sciences, Professor, Leading Researcher of the Sector of Religion of the East of the Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow (Russia).
Contact address: i.i.ivanov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Введение

Текст статьи на русском языке: Текст

Тематические разделы (от 1 до 5)

Текст Текст

Заключение.

Текст Текст

Благодарности

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», проект № 07-01-00842а.

Acknowledgments

The work was carried out within the framework of the Fundamental Research Program of the Presidium of the Russian Academy of Sciences “Adaptation of peoples and cultures to changes in the natural environment, social and man-made transformations”, project No. 07-01-00842a.

Библиографический список

Библиографические ссылки приводятся в тексте в квадратных скобках: фамилия (фамилии), инициалы автора, год публикации, страница (страницы). Например: [Ива-

нов, 1962: 62] или [Иванов, Петров, 1997: 39–45]. Указываются все авторы независимо от их количества. При совпадении фамилий авторов и года издания в ссылке и списке литературы год издания дополняется буквенным обозначением. Например: [Иванов, 1997а: 49; Иванов, 1997б: 14]. В библиографическом списке сначала указываются публикации на русском языке в **алфавитном порядке**, после них — публикации на других европейских языках, далее следуют публикации на восточных языках. После библиографического списка размещается References. Последовательность источников в References такая же, как в списке литературы.

Примеры оформления различных источников:

1. Монография:

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. : Наука, 1983. 432 с.

2. Статья в сборнике:

Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. М. : Наука, 1977. С. 96–119.

3. Статья в журнале

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Положение христианских общин в Алтайском крае в середине 1960-х-середине 1970-х гг. // Религиоведение. 2016. № 1. С. 75–83.

4. Автореферат:

Соловьев А. И. Погребальные памятники населения Обь-Иртышья в Средневековье (обряд, миф, социум) : дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 250 с.

5. Архивные материалы:

Государственный архив Алтайского края. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 76.

6. Интернет-ресурс:

История буддизма в Монголии // Ньяме Шераб Гьялцен. URL: <http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/> (дата обращения:: 19.10.2016).

7. Издания на иностранном языке:

Dibble H. L., Pelcin A. The effect of hammer mass and velocity on flake mass // Journal of Archaeological Science. 1995. Vol. 22. P. 429–439 (in English).

8. Материалы конференций:

Нестерова Т. П. Религиозный аспект немецкой политики в 1930-е гг. // Религия и политика в XX веке : материалы второго Коллоквиума российских и итальянских историков. М., 2005. С. 17–29.

References

Список «References» (латинизированный список) содержит все публикации списка «Научная литература», но в латинизированной форме. Все сведения о публикациях на кириллице из списка литературы должны быть транслитерированы на латинице и переведены на английский язык.

Транслитерация осуществляется: а — a, б — b, в — v, г — g, д — d, е — e, ё — yo, ж — zh, з — z, и — i, й — i, к — k, л — l, м — m, н — n, о — o, п — p, р — r, с — s, т — t, у — u, ф — f, х — kh, ц — ts, ч — ch, ш — sh, щ — shch, ь — ’, ы — y, ь — ’, э — e, ю — yu, я — ya.

Данный список необходим для того, чтобы Ваши публикации правильно индексировались в зарубежных научных базах данных (Scopus и Web of Science).

Кроме того, **обратите внимание**, что **вместе с транслитерацией** дается **перевод названия источника на английском языке**. Если в работе была использована статья в научном журнале или материал в сборнике, то **перевод дается как статье, так и журналу/сборнику** откуда она была взята. Перевод слудует расположить в [квадратных скобках]. Курсивом в таком случае выделяется, не статья, а название *журнала* или *сборника статей*.

Инструкции для формирования *References* (латинизированный список)

1) *Воспользуйтесь автоматическим транслитератором на сайте “Convert Cyrillic”:* www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. В левом столбике (*CONVERT FROM*) выберите тот вариант, напротив которого Вы видите правильно отображенную фразу «Русский язык» — скорее всего, это будет: **Unicode [Русский язык]**. В правом столбике (*CONVERT TO*) выберите *второй* вариант: **ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics [Russkii iazyk]**. Скопируйте весь список «Научной литературы» из Вашей статьи в окно левого столбика. Нажмите кнопку **Convert** посередине. В правом окне Вы получите транслитерированный текст. Скопируйте его из окна в файл с Вашей статьей.

2) *Примеры оформления литературы и архивных материалов:*

1. Монография:

Okladnikov A. P. *Liki Drevnego Amura* [Faces of the Ancient Amur]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoye knizhnoye Publ., 1968, 240 p. (in Russian).

2. Статья в журнале:

Chirkov N. V. Etnos, natsiia, diaspora [Etnos, nation, diaspor]. *Religiovedenie* [Study of Religions]. 2013, no. 4, pp. 41–47 (in Russian).

3. Переводное издание:

Brooking A., Jones P., Cox F. *Expert Systems. Principles and Case Studies*. Chapman and Hall, 1984, 231 p. (Russ. ed.: Brooking A., Jones P., Cox F. *Ekspertnye sistemy. Printsipy raboty i primery*. Moscow: Radio i sviaz' Publ., 1987, 224 p.).

4. Интернет-ресурс:

Tsentr izucheniya tibetskoy traditsii Yundrung bon [Centre for Studying the Tibetan Tradition of Yundrung Bon]. Available at: <http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherabgyalcen.html/> (accessed August 4, 2013) (in Russian).

5. Диссертация или автореферат:

Ermolina Yu. V. *Magiya kak kul'turno-religiozny fenomen. Diss. kand. filos. nauk* [Magic as Cultural and Religious Phenomenon. Ph. D. Thesis in Philosophy]. Oryol: OSU Publ., 2009, 155 p. (in Russian).

6. Материалы конференций:

Nesterova T. P. *Religiya i politika v 20 veke. Materialy vtorogo Kollokviuma rossiyskikh I ital'yanskikh istorikov* [Religion and Politics in the 20th century. Proc. of the Second Symposium of Russian and Italian Historians]. Moscow, 2005, pp. 17–29 (in Russian.).

7. Архивные материалы:

Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraya [State archive of the Altai Krai]. Fund 1. Inventory 1. File 664, fol. 33 (in Russian).

8. Иностраный источник (не на английском языке):

Horyna B. Introduction to the Study of Religion [Úvod do religionistiky]. Praha: Oikomene, 1994, 131 p. (in Czech).

Li Fengmao. Wonderland and Travel: The Imagination of the Immortal World. Beijing: Zhonghua shuju, 2010, 468 p. (in Chinese).

Оформление иллюстраций

Иллюстрации (рисунки, фотографии, графики, диаграммы) в текст Word не внедряются и прилагаются в виде отдельных файлов в формате JPG или TIFF. Они должны быть отсканированными при разрешении не менее 300 dpi. Размер изображений не должен превышать 190 x 270 мм. Предметы в поле рисунка должны быть расположены компактно, без неоправданно больших по размеру незаполненных мест. Каждый отдельный предмет (изображение) на каждом рисунке должен иметь порядковый номер. Этот номер, как и нивелировочные отметки, надписи, линии сечений, рамки, границы раскопов и т. п. должны быть выполнены не вручную, а машинописным образом. Все цифры и надписи на рисунках выполняются шрифтом Arial, не жирным, в размере, соответствующем масштабу рисунка. Номера для предметов следует располагать по их порядку слева-направо и сверху-вниз. Каждая первая ссылка в тексте статьи на рисунок и на предмет обязательно должны начинаться с номера 1, последующие 2, 3 и далее. Вторая и последующие ссылки на рисунок или предмет выполняются свободно. Следует стремиться к тому, чтобы большая часть пояснений с площади самой иллюстрации была убрана в подрисуночные подписи. Подписи к рисункам предоставляются на русском и английском языках.

Статьи следует высылать по адресу:

656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, *Дашковскому Петру Константиновичу*.

Электронная почта: dashkovskiy@fpn.asu.ru (с пометкой журнал «Народы и религии Евразии»).

Контактный телефон: (3852) 296-629

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/wv>

Научное издание

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2024. Том 29, № 4

Редактор Л. И. Базина

Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

Дизайн обложки: П. К. Дашковский, Ю. В. Луценко

Журнал распространяется по подписке через каталог Урал Пресс
Подписной индекс ВН 017798. Цена свободная

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 24.12.2024.

Выход в свет 10.01.2025.

Формат 70x100/16. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 20,7. Тираж 300 экз. Заказ 709.

Издательство Алтайского государственного университета
Адрес издателя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61

Типография Алтайского государственного университета
656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66